Слова и словари

Сборник в честь В. Д. Черняк

Слова и словари

Свое издательство
2015

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

СЛОВА
И СЛОВАРИ

Сборник научных статей,
посвященный профессору
Валентине Даниловне Черняк

Санкт-Петербург
Свое издательство
2015

ББК81.2 Рус-5я43
С 48

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, проф. *В. А. Ефремов* (отв. редактор);
чл.-корр. РАО, д-р пед. наук, проф. *В. А. Козырев*

Слова и словари: Сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк / Отв. ред. В. А. Ефремов. – СПб.: Свое издательство, 2015. – 410 с.

ISBN 978-5-4386-0961-2

Сборник научных статей посвящен юбилею Валентины Даниловны Черняк – доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языка РГПУ им. А. И. Герцена. В сборник вошли научные статьи, охватывающие широкий круг тем современной русистики, связанных прежде всего с областью интересов самого юбиляра: от функционирования отдельных слов в разных типах дискурса до проблем отечественной лексикографии и культуры речи.

Издание адресовано широкому кругу филологов: русистам, вузовским преподавателям, учителям-словесникам, аспирантам и студентам филологических специальностей.

ББК81.2 Рус-5я43
С 48

ISBN 978-5-4386-0961-2

© Коллектив авторов
© Свое издательство

Слово об Учителе

Валентина Даниловна – это человек, на которого хочется равняться и походить во всем: от темпа и насыщенности жизни, от увлеченности всем новым и интересным до высокой духовной и филологической культуры, до глубины и широты охвата научных проблем, попадающих в поле зрения юбиляра.

Валентина Даниловна – в высшей степени современный человек, который в курсе всех последних научных и общественных событий и держит руку на пульсе времени и даже иногда задает его. Она успевает в своей жизни так много, что кому-нибудь другому не хватило бы на всё это и нескольких жизней: ученики и коллеги, замечательная семья, огромный круг друзей и знакомых; конференции, гранты, публикации; экспертная деятельность, оппонирование, отзывы и много-е-многое другое.

Восхищение Валентиной Даниловной сопровождает любого, кто с ней общается, независимо от возраста и статуса: от малышей (вся кафедра знает о нежной любви заведующей к детям и внукам коллег, которые отвечают ей взаимностью) до докторов и академиков. И как же всё-таки приятно при встрече с лично незнакомым, но известным по книгам, учебникам, монографиям ученым мужем, отвечая на вопрос, у кого писал кандидатскую/докторскую диссертацию, услышать: «Ах, Валентина Даниловна!.. Передавайте приветы!.. Кланяйтесь!.. Конечно, конечно, знаем, уважаем, любим…»

Валентина Даниловна – это почетный профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, с которым связана вся ее студенческая и профессиональная жизнь; профессор, читающий актуальные, новаторские и всегда интересные курсы; профессор, создающий программы новых дисциплин как для бакалавриата и магистратуры, так и для аспирантуры; профессор, у которого проходят стажировку магистранты и аспиранты со всего постсоветского пространства и Европы.

Валентина Даниловна – это и заведующая (уже более четверти века!) кафедрой русского языка – кафедрой, которая традиционно занимает первые места в разнообразных университетских рейтингах, и это во многом благодаря личным заслугам Валентины Даниловны, вклад которой в общую копилку кафедры невозможно переоценить. Стоит напомнить хотя бы о том, что кафедра русского языка регулярно выпускает ставшие хрестоматийными вузовские учебники и учебные пособия по культуре речи и современному русскому языку. В ближайшее время к этому списку добавятся учебники по лексикографии, риторике, деловой и педагогической коммуникации. В издательских кругах Москвы и Петербурга давно известно, что учебники с грифом «под ред. проф. В. Д. Черняк» – это качественные, популярные среди студентов и всегда востребованные книги, которые будут переиздаваться многократно.

Валентина Даниловна – это чуткий и отзывчивый научный руководитель и консультант, у которого защитились 18 кандидатов и 3 доктора филологических наук; ее ученики разбросаны по всей стране и миру: от Польши до Сибири, от Голландии до Америки. У Валентины Даниловны как руководителя есть чудесный дар обогащать своих учеников фантастическим объемом не только лингвистических, но и общегуманитарных знаний, а о том, как внимательно и дотошно правит и как вычитывает даже самые крохотные работы студентов проф. В. Д. Черняк, ходят легенды. На кафедре уже давно существует присказка: бакалаврские работы под руководством Валентины Даниловны – это почти магистерские диссертации, магистерские – почти кандидатские, а кандидатские – почти докторские. Таков высокий уровень работ ее учеников.

Валентина Даниловна – это широко известный во всей стране и за рубежом ученый – ученый, опубликовавший почти 500 работ, имеющих высокий индекс цитируемости; ссылки на публикации В. Д. Черняк вошли в учебники по современному русскому языку, лексикологии, лексикографии, культуре речи. Стоит ли удивляться тому, что последний фундаментальный труд Валентины Даниловны, написанный в соавторстве с ее давним другом, Владимиром Алексеевичем Козыревым, «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» (СПб., 2014; 2-е изд. – СПб., 2015) моментально стал бестсел-

лером и сразу же стал цитироваться в исследованиях разных уровней – от курсовых работ до докторских диссертаций.

Валентина Даниловна – это настоящий филолог, интересы которого не замыкаются только лингвистическими штудиями, но выходят гораздо дальше: и в культурологию, и в литературоведение, и в социологию чтения, и в педагогику, и в лингводидактику, и в онтолингвистику – ряд можно перечислять долго.

И обязательно надо вспомнить, что вот уже более полутора десятилетий каждый ноябрь на филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена проходит ежегодная всероссийская конференция «Слово. Словарь. Словесность» – любимое детище Валентины Даниловны, которое и дало название трем разделам этого сборника научных трудов. В конференции ежегодно принимают участие десятки ученых со всей страны и из-за рубежа. Стоит отметить: желающих с каждым годом становится всё больше и многие участники признаются, что у нашей конференции есть своя, особо теплая, душевная и плодотворная атмосфера, которая, безусловно, связана с нашим дорогим юбиляром.

Сердечно поздравляем Вас, Валентина Даниловна, и от всей души благодарим Вас за то, что Вы у нас есть!

В. Ефремов

С. Г. Ильенко (Санкт-Петербург)

Юбилей в зеркале категории эвиденциальности (ко дню рождения В. Д. Черняк)

Я знаю, что я ничего не знаю.
Но тот, кто знает, что он ничего не знает,
знает больше, чем тот, который не знает,
что он ничего не знает.
Сократ

Именно словари играют особую роль
в сохранении культурной памяти народа.
В. Д. Черняк[1]

Как известно, одним из сложнейших жанров современной научной прозы является жанр юбилейного сборника, посвященного крупному творческому деятелю. В данном случае речь идет о сборнике, посвященном Валентине Даниловне Черняк, *Валеньке* Черняк (как называла ее, распознав в ней будущего незаурядного лингвиста и порядочного человека, Вера Васильевна Степанова, с 1965 г. ставшая ее научным – и не только! – наставником; им она оставалась до 2003 г. – последнего года своей жизни).

Стаж моего знакомства с В. Д. Черняк – 50 лет. За эти полвека я видела ее студенткой, аспиранткой, преподавателем смежной кафедры (русский язык как иностранный), доцентом и профессором кафедры русского языка, а затем – заведующей этой кафедрой, на которой и я пребываю вот уже 64 года.

Смею думать, что я не самый плохой наблюдатель. «Не самый плохой» – это если использовать принятое в повседневном общении выражение; если же иметь в виду терминологический смысл – способный рассмотреть характер речевого поведения говорящего субъекта как в отсутствии «постороннего лица», так и в его присутствии – têt-à-têt или «на людях». При têt-à-têt имеется основание вступать в диалог без возможных дополнительных помех со стороны «третьего лица», внимательнее сосредоточиться на речевом поведении своего непосредственного собеседника, ожидая от него той же коммуникативной отзывчивости. Во втором случае, «на людях», си-

туация осложняется. Она осложняется прежде всего психологически (появляются сомнения в уместности предполагаемой информации при нарушении têt-à-têt), эмоционально (присутствие «дополнительного», иногда слишком неожиданного лица изменяет субъективно-эмоциональное поле общения) и, главное, социально (расширяется база проявления тех или иных фрагментов национальной памяти, обеспечивающих такие слои культуры, как фольклор, мифы и словесные проявления повседневной жизни: слухи, просторечные «мадригалы» и т. п.).

Формирование народной памяти сопровождается ее категориальной оснащенностью, в частности такой, как *эвиденциальность*, по-другому именуемой и такими лексемами, как *медитатив, конфирмативность, инференциальность, косвенная информация, засвидетельствованность*, обладающими семой ‘свидетельствование’.

В известном смысле проявлением эвиденциальности становятся словари-справочники, озабоченные не только собственно научными, но и практическими соображениями. Вот как представлена эвиденциальность в «Кратком словаре-справочнике современных лингвистических терминов в цитатах» (Шаймиев 1999: 202–203):

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

– «Под различными значениями эвиденциальности (представляющей в некоторых языках грамматическую категорию модального типа) понимают обычно ссылку на тот или иной источник информации, быть может, недостоверный (напр., на сообщение, полученное «из вторых рук», или на перцептивно доступные данные, возможно, обманчивых чувств и т. п.) (Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 135).

– «В русском языке с категорией эвиденциальности обычно сопоставляют только весьма ограниченное и специфическое употребление частиц *мол, дескать,* используемых для маркировки квазипрямой речи (ср., в частности, [*Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972]), а также так называемое значение «авторизации», когда делается указание на источник информации посредством

таких лексических средств, как выражения *по сообщению (авторитетных источников), как мне сказали (в дирекции)* и т. п. (*Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 303–304).

Зарождение собственно научного подхода к категории эвиденциальности связывают с изучением языков американских индейцев, в целом ряде которых она представлена грамматически. Первенствующая роль в постижении этих языков принадлежит Францу Боасу, создавшему знаменитое «Руководство по языкам американских индейцев». Погружение в чужой язык приехавшего в США из Германии в возрасте 26 лет Боаса связывалось им со всесторонним проникновением в специфику глубинных процессов чужих (других) культур и повседневного быта. Типичен для Ф. Боаса эпизод приглашения к себе в гости в Нью-Йорк на длительный срок индейца из племени квакиутль (остров Ванкувер). Манхэттен с его небоскребами не произвел на того никакого впечатления. Вот как он отреагировал: «Мы строим дома один рядом с другим, а вы громоздите их друг на друга» (цит. по: Якобсон 1985: 235). Одержимый научным поиском как таковым, Ф. Боас постоянно призывал к мировому содружеству ученых и прежде всего филологов. Эта идея Боаса воспринималась как ключевая, к ней обращается Р. Якобсон в работе «Двадцатый век в европейском и американском языкознании: тенденции и развитие»: «Чем прочнее и теснее сотрудничество лингвистов всего мира, тем шире горизонты нашей науки» (Якобсон 1985). Как еще один из призывов звучит название его работы «В поисках сущности языка».

Думаю, что в поиск сущности языка должным образом следует включить Библию, точнее – Евангелие от Иоанна, с его всем известным началом: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог*». При внимательном чтении дальнейшего легко обнаружить явление засвидетельствования (которое позже было названо красивым словом «эвиденциальность»), так ясно здесь представленное:

Был человек, посланный от Бога. Имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали. Он не был Свет, но был ***послан, чтобы свидетельствовать о Свете****.*

И далее:

Иоанн свидетельствует о нем и, восклицая, говорит: «Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа. Бога не видел никто никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил».

Представляется, что и для постижения смысла Библии, и для современных научных трудов необходимо уточнить содержательный аспект категории эвиденциальности, выделив две ее ипостаси: наряду с «**засвидельствованием**» следует иметь в виду и **«ответственность за сказанное»**, которая, по сути дела, становится важнейшим инвариантом гносеологического процесса, нацеленного на категорию «истина».

Одним из результатов поисков истины явилось формирование такой отрасли знания, как «философия языка». Наиболее удачно об этом писал Ю. С. Степанов, выделяя три соответствующих парадигмы: имени, предиката и эгоцентрических средств. Вслед за Л. Блумфилдом, Э. Сепиром и другими, Ю. С. Степанов считает важнейшей из этих парадигм эгоцентрическую, ядро которой составляют личные местоимения.

С лингвистической точки зрения, истинность высказывания поддерживается известной триадой «Я – СЕЙЧАС – ЗДЕСЬ», которую целесообразно, с моей точки зрения, дополнить четвертым элементом – «ТЫ» (присутствующим адресатом). Недаром философ-диалогист Мартин Бубер выделил местоименный симбиоз Я–ТЫ, где Я содержит потенциальную семему ТЫ, а ТЫ – потенциальную семему Я (Бубер 1995). Это исходное Я необходимо терминировать, назвав его **коммуникативно-позиционное Я**, или Я–ТЫ. Коммуникативно-позиционному Я (Я–ТЫ) противостоит Я, не обремененное облигаторным «Я – СЕЙЧАС – ЗДЕСЬ» (показательна его синонимичность с собственными именами[2]), – назовем его **коммуникативно-номинативное Я.**

При этом эвиденциальность мыслится как целостность, представленная «+» и «–» («+» обозначает ее наличие, «–» – ее отсутствие в том или ином конкретном случае). Подобное понимание эвиденциальности является ключевым для появления в языковой практике двух ее полярных проявлений, сравните: 1) «+»: *По признанию всех, N величайший талант. / По гнусным слухам, N именуется «величайшим талантом» по протекции власть предержащих*; 2) «–»: *N – величайший талант*. Семема «ответственность за высказывание, за слово» – величайшая потребность человека, получившая в языке способы ее представленности.

Однако истина, как показывает весь предыдущий человеческий опыт, должна быть обращена к вечности (в философском

понимании этого слова). При всей противоречивости гносеологизма Иммануила Канта «вещь в себе» (как бы ее не интерпретировали) чаще всего существует в сознании людей как идеальный образ, динамическая сущность которого делает его постоянно непостижимым. Вспомним знаменитое «А все-таки она вертится!»: величайшие открытия XX века, и прежде всего в области космоса, поколебали отнюдь не одну истину прошлых веков.

Здесь я не могу не пожалеть о том, что филологическое общество в 2004 г. не отреагировало, на мой взгляд, должным вниманием на выход замечательного труда «Современная русская речь: состояние и функционирование» (Современная русская речь 2004). Этот совместный труд Института лингвистических исследований РАН и Санкт-Петербургского государственного университета богат как общими, так и частными научно-методическими установками. Обращу внимание по крайней мере на три:

– создание Национального корпуса русского языка (национальных корпусов языков мира) как всеохватывающей и всепоглощающей гуманитарной идеи (см.: Вербицкая, Казанский, Касевич 2004);

– принципиально новое раскрытие роли гипотез в гносеологическом процессе с возможностью, а иногда необходимостью перемещения фактов ее реализации из одной области в другую: например, из одного типа словаря в другой (например, частотный словарь следут представить лишь как элемент толкового словаря, в котором слово должно маркироваться с точки зрения его употребительности) и т. п.;

– необходимость проведения объемной и достаточно тщательной работы по экспертизе состояний и тенденций филологических исследований в тематико-содержательном плане (Рогова 2004; Акимова и др. 2004).

Сегодня каждый из нас (имею в виду филологическое сообщество) – должник эпистемы этой книги.

Эстетика жанра статьи-посвящения юбиляру выигрывает при наличии кольцеобразной композиции.

Для копилки эвиденциальных проявлений в адрес В. Д. Черняк предлагаю следующие факты:

– Ваш курс останется в моей памяти. Он дорог еще и тем, что на нем училась Валя Черняк, радующая меня своими лингвистическими успехами.

(Проф. В. В. Степанова на «Последнем звонке»
филологов ЛГПИ им. А. И. Герцена, выпуск 1969 г.)

– Я сначала и не знала, что Валентина Даниловна Черняк с вашей кафедры. Это ведь наша звездочка!

(Проректор по работе с иностранцами Ю. П. Киселева)

– Ректор настойчиво приглашает меня на должность проректора и просил подумать о том, кто меня заменит в качестве зав. кафедрой. А что мне думать? Вы знаете, что для меня единственная кандидатура – Валя Черняк.

(Проф. В. А. Козырев, долгие годы работавший в качестве первого проректора РГПУ им. А. И. Герцена)

К этим фактам эвиденциальности отношу и предпосланный статье эпиграф – с тем, чтобы лишний раз продемонстрировать преданность Валентины Даниловны Черняк лексикографическим изысканиям.

[1] См. (Черняк 2004: 131).

[2] Вспоминаю об особом пристрастии к речевым проявлениям подобной взаимозамены у доцента нашей кафедры Антонины Васильевны Корольковой, которая как-то особенно игриво произносила, говоря о себе, например: «А *Антонине Корольковой* уже давно пора домой».

Акимова Г. А. и др. Экспертное заключение об учебной литературе, обеспечивающей вузовский курс «Современный русский язык» // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С. 293–335.

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М., 2003.

Бубер М. Я и ТЫ // М. Бубер. Два образа веры. М., 1995.

Вербицкая Л. А., Казанский Н. Н., Касевич В. Б. Национальный корпус русского языка // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С. 113–127.

Кобрина Н. А., Кобрина О. А. Модус как лингвистическая коммуникативная категория // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке. СПб., 2009. С. 17–19.

Кобрина О. А. Модусные категории в рамках ментальной деятельности человека // Герценовские чтения. Иностранный язык. СПб., 2007. С. 85–86.

Козинцева Т. А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. №3. С.92–104.

Манаенко Г. Н. Учение Ш. Балли о диктуме и модусе предложения с позиций когнитивной лингвистики: схождения и противоречия // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке. СПб., 2009. С. 33–36.

Рогова К. А. Стилистика сегодня // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С. 336–350.

Современная русская речь: состояние и функционирование / Под ред. С. И. Богданова и др. СПб., 2004.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Черняк В. Д. Современная лексикография как зеркало социальной жизни современной России // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С.131–154.

Шаймиев В. А. Краткий словарь-справочник современных лингвистических терминов в цитатах. СПб., 1999.

Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.

В. А. Козырев *(Санкт-Петербург)*

Лексикографические традиции кафедры русского языка Герценовского университета

(неюбилейные заметки в связи с юбилейными событиями)

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей».

Тематику и содержание этой статьи определили два значимых для Герценовского университета события: грядущее 100-летие кафедры русского языка и нынешний юбилей Валентины Даниловны Черняк, заведующей этой кафедрой более четверти века.

Ученый с широким лингвистическим кругозором, авторитетный специалист в области русской лексикологии и лексикографии, профессор В. Д. Черняк умело и бережно сохраняет богатейшие лингвистические традиции кафедры русского языка Герценовского университета, среди которых особое место занимают лексикографические традиции, восходящие к началу минувшего века и в истоках своих связанные с деятельностью выдающихся лексикографов, работавших на кафедре, начиная со времени создания в 1903 г. Женского педагогического института, предтечи Третьего педагогического института (в будущем – ЛГПИ/РГПУ им. А. И. Герцена), который был открыт в 1918 г. на базе Воспитательного дома и в который в 1922 г. влился Женский педагогический институт (переименованный в 1918 г. в Первый педагогический институт).

В 1912–1913 гг. на кафедре русского и церковнославянского языков Женского педагогического института работал Макс Юлиус Фридрих (или, на русский манер, Максимилиан Романович) Фасмер (он читал курс сравнительного языкознания), крупнейший этимолог-славист, впоследствии иностранный член-корреспондент АН СССР, действительный член ряда европейских академий, автор знаменитого «Этимологического словаря русского языка».

Профессором этой кафедры в 1905–1918 гг. был Николай Михайлович Каринский, крупный палеограф, диалектолог, впоследствии член-корреспондент АН СССР, автор известных «Очерков языка русских крестьян» (с двумя диалектными словарями).

У этих профессоров училась Надежда Павловна Гринкова, в ту пору (в 1913–1918 гг.) студентка словесно-исторического отделения Женского педагогического института, по окончании которого в 1918 г. она была зачислена на кафедру русского языка Третьего педагогического института (ЛГПИ), где прошла путь от ассистента до профессора, заведующей кафедрой, первой из женщин защитив докторскую диссертацию по русистике. За время работы Н. П. Гринковой в ЛГПИ им. А. И. Герцена с 1918 по 1961 гг. ее коллегами по кафедре русского языка были выдающиеся лексикографы.

Среди них – действительный член АН СССР и АПН СССР Лев Владимирович Щерба, один из самых крупных отечественных языковедов. В пединституте Л. В. Щерба работал в должности профессора в 1920-е и 1930-е гг. Теория лексикографии обязана академику Л. В. Щербе разработкой типологии словарей: он первым в отечественной науке обратился к этой проблеме. В период работы в пединституте Л. В. Щерба входил в состав академической комиссии по составлению «Словаря русского языка» шахматовской редакции.

С 1923 по 1941 гг. профессором кафедры русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена был действительный член АН СССР Сергей Петрович Обнорский, занимавшийся словарным делом всю свою жизнь, начиная с 1912 г., когда он по приглашению академика А. А. Шахматова включился в работу по составлению «Словаря русского языка». Академик С. П. Обнорский участвовал в редактировании этого словаря вплоть до 1930-х гг., когда издание было приостановлено. Затем (с 1950 г. до конца жизни) он был членом редколлегии с 1-го по 14-й том 17-томного академического «Словаря русского литературного языка» (далее сокращенно – БАС). Под редакцией С. П. Обнорского вышли первое и два последующих издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. Академик С. П. Обнорский также принимал участие в работе и над некоторыми другими словарями.

Примерно в те же годы (с 1929 по 1936 гг.) в ЛГПИ им. А. И. Герцена работал Степан Григорьевич Бархударов,

член-корреспондент АН СССР, сначала доцентом, а затем профессором кафедры русского языка. С. Г. Бархударов был редактором и членом редколлегии большого количества различных словарей. Наиболее значительные лексикографические труды, в создании которых он принимал участие: БАС, в котором С. Г. Бархударов был главным редактором (председателем редколлегии) 3-го и 4-го томов, членом редколлегии 1, 2, 5-го томов; «Словарь русского языка» (далее сокращенно – МАС), в котором он возглавлял редколлегию 1-го тома; «Словарь русского языка XI–XVII веков», в котором он был главным редактором нескольких выпусков (с 1-го по 6-й).

Научно-педагогическая деятельность Евгении Самсоновны Истриной, члена-корресподента АН СССР, в течение почти тридцати лет (с 1919 по 1948 гг.) была неразрывно связана с педагогическим институтом, в котором она, как и ее коллеги, не прекращала работу и в самое трудное блокадное время – зимой 1941–1942 гг. В 1922 г., когда было принято решение возобновить работу над «Словарем русского языка» шахматовской редакции, Е. С. Истрина вошла в состав академической комиссии по составлению этого словаря, а в дальнейшем приняла активное участие в работе над БАС: была членом редколлегии шести первых томов.

Почти два десятилетия (с 1920 по 1930, с 1937 по 1941 и с 1944 по 1947 гг.) на кафедре работал (а несколько лет заведовал ею) Борис Александрович Ларин, действительный член Литовской и член-корреспондент Украинской академий наук. Он был крупнейшим специалистом по исторической, диалектной, писательской лексикографии. Профессор Б. А. Ларин – один из составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, один из редакторов «Словаря автобиографической трилогии А. М. Горького», «Псковского областного словаря с историческими данными», «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”». Работая в ЛГПИ им. А. И. Герцена, Б. А. Ларин начал разрабатывать и совершенно новое направление в отечественном языкознании – изучение живой повседневной речи жителей города. Вот что пишет об этом сам Б. А. Ларин в автобиографии, хранящейся в архиве РГПУ им. А. И. Герцена: «С 1924 по 1931 группа моих учеников вместе со мной вела работы по изучению “языка города”, т. е. социальных диалек-

тов большого города. Обследовали язык различных профессий (летчиков, водников, актеров, студентов, школьников, торговцев), язык рабочих и различные арго. Собрана большая картотека по русским арго, много материалов по разговорной речи, записи “городского фольклора”». Лишь в начале XXI века (то есть спустя по крайней мере 7–8 десятилетий) городское просторечие и разговорная речь горожан стали объектом особого внимания лексикографов.

В тридцатые годы (с 1931 по 1936 гг.) доцентом кафедры русского языка был Сергей Иванович Ожегов, автор одного из самых популярных русских словарей – однотомного «Словаря русского языка», один из составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, член редколлегии 14-и томов БАС, автор или редактор некоторых других авторитетных словарей, в том числе орфографических.

На протяжении почти двух десятилетий (с 1936 по 1958 гг. с небольшими перерывами) на кафедре работал член-корреспондент АН СССР Федот Петрович Филин, главный редактор (председатель редколлегии) двенадцати томов (с 6-го по 17-й), член редколлегии трех томов (1, 2, 5-го) БАС, главный редактор 4-х выпусков (с 7-го по 10-й) «Словаря русского языка XI–XVII веков». Но самый яркий след Ф. П. Филин оставил в диалектной лексикографии как автор концепции дифференциального сводного диалектного словаря, нашедшей воплощение в многотомном «Словаре русских народных говоров», главным редактором которого был Ф. П. Филин.

Почти 20 лет (с 1936 по 1958 гг. с перерывом на время эвакуации в период Великой Отечественной войны) с педагогическим институтом была неразрывно связана научно-педагогическая деятельность профессора Анастасии Петровны Евгеньевой, выпускницы отделения языка и литературы 1926 г., а позднее – аспирантуры кафедры русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена. Завершающий период работы А. П. Евгеньевой в пединституте совпал по времени с начальным этапом ее активной лексикографической деятельности, связанной с подготовкой и изданием МАС (она была в нем редактором 1-го тома и, начиная со 2-го тома, – председателем редколлегии), 2-томного академического «Словаря синонимов русского языка», изданного под ее редакцией. В 1960–1980-е гг., уже не работая

в пединституте, А. П. Евгеньева не порывала связи с alma mater, в частности, неизменно интересовалась ходом коллективной работы кафедры – составлением «Словаря брянских говоров», а в 1976 г., на обсуждении 1-го выпуска словаря, горячо поддержала его.

В течение 30 лет в ЛГПИ им. А. И. Герцена работал видный специалист по исторической лексикологии Борис Леонидович Богородский: в 1938–1942, 1945–1965 гг. доцентом, в 1965–1973 гг. профессором кафедры русского языка. Его заметный вклад в историческую лексикографию состоит в редактировании (совместно с Б. А. Лариным, Д. С. Лихачевым, О. В. Твороговым) «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”», составленного В. Л. Виноградовой. Примечательно, что не только Б. А. Ларин и Б. Л. Богородский, но и два других редактора этого известного словаря связаны с ЛГПИ им. А. И. Герцена работой или учебой: Д. С. Лихачев был профессором кафедры русской литературы по совместительству (в 1948–1968 гг.), О. В. Творогов окончил факультет русского языка и литературы (в 1958 г.).

Профессор Надежда Павловна Гринкова, выдающийся диалектолог и этнограф, на протяжении десятилетий ее работы в институте (с 1918 по 1961 гг.) и заведования кафедрой русского языка (с 1942 по 1961 гг.) не только сохранила, но и преумножила традиции (включая лексикографические), заложенные ее учителями и коллегами. Когда в 1950-е годы Институт языкознания АН СССР объявил составление областных словарей в качестве одной из самых существенных задач русской диалектологии, профессор Н. П. Гринкова предложила комплексное обследование территории Брянской области и составление словаря этого уникального в диалектном и этнографическом отношении региона, где своеобразно переплелись исторические судьбы трех восточнославянских языков и народов – русского, белорусского и украинского.

Идею своего учителя реализовала выдающийся диалектолог профессор Вера Ивановна Чагишева. Под ее руководством и при личном участии создана миллионная лексическая картотека брянских говоров (все материалы которой позднее были оцифрованы) и начато составление полного диалектного словаря этого региона. Многолетняя работа над «Словарем брянских говоров», в которую В. И. Чагишева включила своих

учеников и коллег по кафедре, совпала с тем периодом, когда в русистике с 1960-х гг. стала формироваться особая лексикографическая область – диалектная лексикография. Профессор В. И. Чагишева, ее ученики и коллеги были в числе активных созидателей этого нового направления, в той или иной мере участвуя в создании «Словаря брянских говоров»: в сборе материалов для словаря во время ежегодных диалектологических экспедиций, в написании словарных статей, в разработке теоретических основ и принципов составления регионального словаря полного типа (Л. А. Балясникова, Н. И. Батожок, В. А. Козырев, А. В. Королькова, И. С. Куликова, В. В. Резцов, И. Н. Смирнов, В. Д. Черняк, Н. Л. Шубина и др.).

Расцвет диалектной лексикографии на кафедре русского языка пришелся на то время, когда кафедрой заведовала член-корреспондент РАО, профессор Сакмара Георгиевна Ильенко, ученица Н. П. Гринковой. Выдающийся синтаксист, ученый с поразительно широким кругом научных интересов и уникальной лингвистической эрудицией, профессор С. Г. Ильенко впервые в отечественной лингвистике представила словарь как лексикографическое издание грамматического назначения. Принцип лексико-синтаксической координации, выдвинутый и обоснованный С. Г. Ильенко в докторской диссертации на материале БАС (в результате прочтения всех его томов от начала до конца), стал одним из основных в изучении синтаксического строя и существенно расширил информативный потенциал лексикографических изданий. «Лексико-синтаксический словарь», который воплощает концепцию лексико-синтаксической координации и впервые представляет в лексикографической форме коммуникативно-структурную природу сложного предложения, – закономерный этап научного творчества профессора С. Г. Ильенко и новое слово в русской лексикографии.

В научной деятельности известного лексиколога, профессора Веры Васильевны Степановой, ученицы Н. П. Гринковой, словарь неизменно являлся не только уникальным лингвистическим пособием, но и важнейшим инструментом научных исследований. Эта продуктивная идея самодостаточности словаря как исследовательского объекта нашла последовательное отражение в лексикологических трудах самой В. В. Степановой,

ее учеников и определила один их главных лингвистических векторов развития кафедры русского языка, возглавляемой с 1989 г. ученицей В. В. Степановой – профессором Валентиной Даниловной Черняк.

Выдвинув в качестве ключевых, определяющих основное направление научной работы кафедры три доминанты (слово, словарь, словесность), В. Д. Черняк сумела обеспечить научное единство кафедрального коллектива, сохранив при этом всю широту и многообразие научных интересов членов кафедры. В немалой степени это единство поддерживается ежегодными всероссийскими конференциями «Слово. Словарь. Словесность», проводимыми по инициативе и под руководством профессора В. Д. Черняк на протяжении уже 15 лет.

Лексикографические традиции кафедры русского языка, главным хранителем и созидателем которых более четверти века является ее заведующая профессор В. Д. Черняк, находят воплощение в практической словарной работе. В последние годы преподавателями кафедры составлено почти два десятка словарей, различающихся по типу, адресату, объему и т. д.: словари крылатых выражений Грибоедова, Пушкина, Крылова (К. П. Сидоренко, О. П. Семенец в соавторстве с В. М. Мокиенко), «Лексико-синтаксический словарь» (С. Г. Ильенко, И. Н. Левина), словари лингвистических терминов (И. С. Куликова, Д. В. Салмина), словари трудностей русского языка (В. А. Козырев, В. Д. Черняк), словари-справочники по русской речевой культуре, риторике и теории речевой коммуникации под редакцией В. Д. Черняк (А. И. Дунев, В. А. Ефремов, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк), лингвокультурологические словари (В. Д. Черняк в соавторстве с М. А. Черняк), словари культурной грамотности (В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк) и др. (Содержательную характеристику и библиографическое описание этих, а также всех других упомянутых в статье словарей см. в кн.: Козырев, Черняк 2015.)

Лексикографическая среда, сложившаяся на кафедре русского языка, благоприятствует не только практической деятельности по составлению словарей, но и теоретическим исследованиям проблем русской лексикографии, которые ведутся на кафедре на протяжении многих лет (Козырев, Черняк 1989, 2000, 2004, 2014, 2015). В этих книгах охарактеризова-

ны истоки и традиции русской лексикографии, показаны основные направления развития лексикографической теории и практики в XX и XXI веках, описаны пути разноаспектной характеристики словарного состава русского языка в словарях различных типов, представлено во всей полноте многообразие отечественных словарей.

В заключение нельзя не сказать о благотворном влиянии лексикографической среды кафедры русского языка на формирование лингвистического мышления молодежи. Об этом, например, выразительно свидетельствуют выполненные под научным руководством В. Д. Черняк кандидатские диссертации, в которых их авторы в значительной степени опираются на скрупулезное исследование словарей различных типов.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2015 [1-е изд. в 2014 г.].

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. М., 2004.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русские словари от А до Я. СПб., 2014.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Слово в системе словарей русского языка. Л., 1989.

И. А. Стернин, А. В. Рудакова *(Воронеж)*

Дифференциация значений синонимов экспериментальными методами

Известнейшему специалисту в области синонимии
Валентине Даниловне Черняк –
наше скромное слово в этой области –
с любовью!

Любопытно, что в имеющихся синонимических словарях дифференциальная семантизация синонимов проводится весьма непоследовательно или отсутствует вообще. Почти все словари приводят только синонимический ряд (например, *врач, доктор, эскулап, лекарь, врачеватель* и др.), однако обычно указания на различия данных лексем отсутствуют или они малосодержательны.

Различия в значениях синонимичных единиц можно иногда почерпнуть только в толковых словарях. Так, в БТС С. А. Кузнецова находим:

Вьюга. Сильная метель, снежная буря.

Метель. Сильный ветер со снегом; вьюга.

Буря. 1. Сильный ветер большой разрушительной силы, сопровождаемый обычно дождем, снегом, градом.

Чаще, однако, в толковых словарях синонимические единицы толкуются друг через друга. Например, в БТС лексемы *врач* и *доктор* указаны как семантически идентичные, различие проводится только по стилистической семе: лексема *врач* межстилевая, лексема *доктор* – разговорная:

Врач. Специалист с высшим медицинским образованием, занимающийся лечебно-профилактической деятельностью. *Детский в. Участковый в.*

Доктор. 1. Разг. = Врач. *Чехов был уездным доктором. Д. успокоил и обнадежил больного.* / (в обращении). *Д., выпишите мне снотворное!*

В других словарях (С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой и др.) оба слова относятся к межстилевым единицам.

Дифференциация значительного числа синонимов оказывается невозможной традиционными методами семного компонентного анализа из-за их высокой семантической близости. При этом синонимическая лексикография имеет смысл, если значения синонимов разграничиваются (Черняк 2010).

Именно в таких случаях, по нашему мнению, достаточно эффективными оказываются психолингвистические методы анализа значения.

Рассмотрим методику поэтапного психолингвистического исследования семантики подобных синонимов на примере слов *врач* и *доктор*.

Были проанализированы ассоциативные поля исследуемых слов, полученные методом свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) и представленные в «Ассоциативном словаре употребительной русской разговорной лексики» (Воронеж, 2011).

Методом семантической интерпретации (Попова, Стернин 2007: 168–173; Стернин, Рудакова 2011: 139–164) полученные ассоциации были интерпретированы как объективация отдельных значений и семантических компонентов слов-стимулов.

В следующей, сопоставительной таблице представлены семные описания значений исследуемых слов (СИЯ – совокупный индекс яркости значения – вычисляется как сумма ассоциатов, интерпретированных как семы одного из значений слова-стимула, в абсолютных цифрах).

Врач (109 ии)	**Доктор** (100 ии)
1. Медицинский работник	**1. Медицинский работник**
то же что доктор 30	то же, что врач 25
то же, что лекарь 3	то же, что лекарь 1
медик 1, профессиональный работник 5 здравоохранения 2	медицинский работник 2
по специальности хирург 9	по специальности хирург 3
по специальности терапевт 6	по специальности терапевт 1
по специальности стоматолог 3 по специальности гинеколог 1	по специальности стоматолог 3 –
по специальности дерматолог 1	–
по специальности педиатр 1	–

–	по специальности лор 1
женского пола 1	–
работает в больнице 6	работает в больнице 5
–	работает в поликлинике 1
лечит 9	лечит 4 больных 1, пациентов 1
избавляет от боли 3	–
избавляет от болезней 2	избавляет от болезней 5
возвращает здоровье 1 и жизнь 1	помогает 2 сохранить здоровье 2 и жизнь 1
ходит в белом 1 халате 1	в белом 4 халате 3
дает таблетки 1	дает таблетки 1, лекарства 1
использует градусник 1, стетоскоп 1, скальпель 1, мензурку 1	–
–	назначает уколы 1
работает в паре с лаборантом 1, медбратом 1	–
должен иметь призвание от Бога 2	–
–	добрый 1
–	бедный 1
–	не хочется к нему ходить 2
берет взятки 1	–
работает некачественно 1	–
пахнет лекарствами 1	–
вызывает неодобрение 3 (*плохой, зло, оборотень*)	вызывает неодобрение 1 (*изгнанник*)
–	вызывает одобрение 2 (*друг, хороший*)
устойчивые сочетания 1 – главный врач	
идентификация 4 – Эскулап 3, Айболит 1	*идентификация* 8 – доктор Хаус 4, доктор Айболит 3, Дуллитл 1
устойчивые выражения 2 – лечащий врач 2	–
неоценочное 95	*неоценочное* 74
одобрительное 7	*одобрительное* 5
неодобрительное 5	*неодобрительное* 3
неэмоциональное 98	*неэмоциональное* 78
положительно-эмоциональное 7	*положительно-эмоциональное* 3

отрицательно-эмоциональное 2	*отрицательно-эмоциональное* 1
межстилевое	*межстилевое*
СИЯ 107	СИЯ 83
–	**2. Человек с ученой степенью доктора наук**
	человек с ученой степенью доктора наук 6
	читает лекции 1
	неоценочное
	неэмоциональное
	разговорное
	СИЯ 7
Неактуально 2	Неактуально 9
Не интерпретировано 0	Не интерпретировано 1 (*доктор*)

На основе данных описаний психолингвистического значения исследуемых слов была составлена анкета для верификации выделенных семантических компонентов этих слов методом лингвистического интервьюирования (верификационный тест). В анкету для верификации включались все семы, выделенные в результате САЭ в обоих словах. Анкета имела следующий вид:

Возраст – _____ лет
Пол – _____
Профессия /место учебы – _____

Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы изучаем, чем различаются в нашем сознании близкие по значению слова, которые трудно разграничить.

Пожалуйста, впишите свои ответы или поставьте галочки около того или иного ответа.

Отмечайте только самые яркие с вашей точки зрения признаки. Можете дописать свои признаки.

Помните, что наша задача – различить эти слова.

ВРАЧ	**ДОКТОР**
Это то же, что… ……	**Это то же, что…** ……
Работает где? в больнице в поликлинике ……	**Работает где?** в больнице в поликлинике ……

Кто по узкой специальности? терапевт педиатр хирург, стоматолог, лор гинеколог дерматолог	**Кто по узкой специальности?** терапевт педиатр хирург, стоматолог, лор гинеколог дерматолог .....
В чем одет?	**В чем одет?** .....
Пахнет лекарствами? да нет	**Пахнет лекарствами?** да нет
Какого пола? мужского женского не имеет значения	**Какого пола?** мужского женского не имеет значения
Что делает? избавляет от боли избавляет от болезней возвращает здоровье и жизнь ставит градусник использует стетоскоп использует скальпель использует мензурку использует шприц лечит больных помогает сохранить здоровье спасает жизнь дает таблетки дает лекарства назначает уколы берет взятки	**Что делает?** избавляет от боли избавляет от болезней возвращает здоровье и жизнь ставит градусник использует стетоскоп использует скальпель использует мензурку использует шприц лечит больных помогает сохранить здоровье спасает жизнь дает таблетки дает лекарства назначает уколы берет взятки .....
Работает как? качественно некачественно	**Работает как?** качественно некачественно
Должен иметь призвание? да нет	**Должен иметь призвание?** да нет

Какой? добрый бедный плохой хороший	**Какой?** добрый бедный плохой хороший .....
Не хочется к нему ходить	**Не хочется к нему ходить** .....
Какой вспоминается? Эскулап Айболит Доктор Хаус Дулиттл	**Какой вспоминается?** Эскулап Айболит Доктор Хаус Дулиттл .....

Результаты обработки верификационного теста представлены в следующей таблице. В верификационном тесте приняли участие 59 респондентов (37 лиц мужского пола и 22 лица женского пола, средний возраст 18 лет). В таблице курсивом выделены признаки, добавленные опрошенными. Индекс яркости семы (ИЯ) вычисляется как количество респондентов, верифицировавших данную сему в ходе опроса, от общего числа респондентов и приводится в виде десятичной дроби.

ВРАЧ 59	ИЯ	ДОКТОР 59	ИЯ
Это то же, что…		Это то же, что…	
лекарь 21	0,36	*врач 18*	0,31
доктор 16	0,27	*лекарь 7*	0,12
медик 2	0,03	*медик 5*	0,09
хирург 2	0,03	*Айболит 3*	0,05
специалист 2	0,03	*знахарь 1*	0,02
терапевт 1	0,02	*лечащий врач 1*	0,02
скорая помощь 1	0,02	*хирург 1*	0,02
стоматолог 1	0,02	*терапевт 1*	0,02
лечащий врач 1	0,02	*спаситель 1*	0,02
автослесарь 1	0,02	*помощник 1*	0,02
медбрат 1	0,02	*лор 1*	0,02
		ученый 1	0,02
		специалист 1	0,02
		мама 1	0,02
		док 1	0,02
		Малахов 1	0,02
		шаман 1	0,02
		хорошо 1	0,02

Работает где?		**Работает где?**	
в больнице 45	0,76	в поликлинике 38	0,64
в поликлинике 15	0,25	в больнице 19	0,32
в госпитале 2	0,03	*в скорой 1*	0,02
в медицинском учреждении 1	0,02	*в госпитале 1*	0,02
в клинике 1	0,02	*в институте 1*	0,02
в морге 1	0,02	*в медицине 1*	0,02
в лазарете 1	0,02		
в институте 1	0,02		
Кто по узкой специальности?	0,41	**Кто по узкой специальности?**	0,36
терапевт 24	0,34	хирург 21	0,29
стоматолог 20	0,29	лор 17	0,27
педиатр 17	0,29	терапевт 16	0,25
хирург 17	0,20	педиатр 15	0,25
гинеколог 12	0,15	стоматолог 15	0,15
лор 9	0,15	гинеколог 9	0,15
дерматолог 9	0,02	дерматолог 9	0,02
любой узкий специалист 1	0,02	*доктор технических наук 1*	0,02
(х)лор 1		*каких-то наук 1*	
В чем одет?		**В чем одет?**	
в (белом) халате 46	0,78	*в белом халате 39*	0,66
в колпаке 3	0,05	*в одежде 2*	0,03
в хирургических перчатках 1	0,02	*в маске 2*	0,03
в хирургичку 1	0,02	*в костюме 2*	0,03
в форме медработника 1	0,02	*в белом 2*	0,03
в халате, бахилах, перчатках 1	0,02	*в форме медработника 1*	0,02
в очках 1	0,02	*синий халат 1*	0,02
в форме 1	0,02	*строгий костюм 1*	0,02
в маске 1	0,02	*туфли 1*	0,02
в сине-зеленом мед.костюме 1	0,02	*штаны белые 1*	0,02
в униформе 1	0,02	*в халате, перчатках 1*	0,02
в спецформе 1	0,02	*в кофте 1*	0,02
в белом 1	0,02		
в тапках 1			
Пахнет лекарствами?		**Пахнет лекарствами?**	
да 32	0,54	да 29	0,49
нет 13	0,22	нет 14	0,24
ну да 1	0,02	*наверное 1*	0,02

Какого пола?		**Какого пола?**	
мужского 35	0,59	мужского 37	0,63
женского 28	0,48	женского 22	0,37
среднего 1	0,02	*среднего 1*	0,02
Что делает?		**Что делает?**	
лечит больных 28	0,48	помогает сохранить здоровье 23	0,39
избавляет от боли и болезней 26	0,44	назначает уколы 22	0,37
назначает уколы 21	0,36	лечит больных 20	0,34
дает лекарства 20	0,34	избавляет от боли и болезней 18	0,31
ставит градусник 19	0,32	возвращает здоровье и жизнь 18	0,31
дает таблетки 17	0,29	дает таблетки 17	0,29
возвращает здоровье и жизнь 15	0,25	ставит градусник 15	0,25
помогает сохранить здоровье 15	0,25	дает лекарства 14	0,24
спасает 13	0,22	спасает 13	0,22
использует скальпель 12	0,20	использует мензурку 12	0,20
использует стетоскоп 8	0,14	использует стетоскоп 10	0,17
использует мензурку 4	0,07	использует скальпель 10	0,17
следит за здоровьем пациентов 2	0,03	*аккуратно 1*	0,02
больно 1	0,02	*не больно 1*	0,02
небрежно 1	0,02	*дает рекомендации по здоровью 1*	0,02
делает больно, потом приятно 1	0,02	*читает лекции 1*	0,02
рентген 1	0,02	*занимается наукой 1*	0,02
гипс 1	0,02		
Должен иметь призвание?		**Должен иметь призвание?**	
да 26	0,44	да 22	0,37
нет 5	0,09	нет 5	0,09
худший работник месяца 1	0,05	*да, оберегать 2*	0,03
он и есть врач 1	0,02	*лучший работник месяца 1*	0,02
да, спасать 3	0,02	*научная степень*	0,02
профессор 1	0,02	*лучшего специалиста 1*	0,02
лечить 1	0,02	*простой 1*	0,02
		ставить на ноги больных 1	0,02
		оживлять 1	0,02

Какой?		**Какой?**	
добрый 33	0,56	добрый 34	0,58
хороший 24	0,41	хороший 32	0,54
бедный 7	0,12	бедный 4	0,07
плохой 2	0,03	плохой 3	0,05
опытный 1	0,02	*внимательный 2*	0,03
невоспитанный 1	0,02	*опытный 1*	0,02
богатый 1	0,02	*умный 1*	0,02
безэмоциональный 1	0,02	*самый лучший 1*	0,02
нейтральный 1	0,02	*усатый 1*	0,02
лучший 1	0,02	*терпеливый 1*	0,02
квалифицированный 1	0,02		
внимательный 1	0,02		
бывает разным 1	0,02		
опрятный 1	0,02		
серьезный 1	0,02		
сосредоточенный 1	0,02		
Не хочется к нему ходить	0,31	**Не хочется к нему ходить**	0,25
не хочется 18	0,22	*нет, почему не хочется 15*	0,17
нет, почему не хочется 13	0,05	*да, не хочется 10*	0,05
надо, как ни крути 3	0,03	*нужно бывает 3*	0,02
хочется 2	0,02	*не всегда не хочется 1*	0,02
не всегда не хочется 1	0,02	*надо для получения знаний 1*	
а иногда надо 1	0,02		
делает больно 1			
Какой вспоминается?		**Какой вспоминается?**	
Айболит 24	0,41	Айболит 40	0,68
Эскулап 15	0,25	Доктор Хаус 13	0,22
Доктор Хаус 9	0,15	Эскулап 9	0,15
главный герой из фильма «Я лечу» 1	0,02	*хирург 1*	0,02
больничный хирург 1	0,02	*наш декан 1*	0,02
Гиппократ 1	0,02	*Гиппократ 1*	0,02
зубной 1	0,02	*доктор Ватсон 1*	0,02
Дулиттл 0	0	*доктор Пилюлькин 1*	0,02
		Дулиттл 0	0

По полученным данным может быть вычислен *индекс семантической близости* синонимов (ИСБ) – на основании данных о синонимии исследуемых единиц, полученных при верификации, например, через отношение меньшего к большему.

По результатам анализа верификационного теста получается, что *врач* – это то же самое, что *доктор* 0,27, а *доктор* – то же самое, что *врач* 0,31. ИСБ исследуемых единиц вычисляется как отношение меньшего к большему: 0,27 разделить на 0,31 = 0,87;

близость полученного результата к единице свидетельствует о достаточно высоком показателе семантической близости.

Далее предлагается дифференциальная семантизация исследуемых синонимов по результатам верификационного теста. В дифференциальные дефиниции синонимов в психолингвистическом синонимическом словаре предлагается включать семы с индексом яркости не менее 0,05. При этом приведенные опрошенными семы также проходят процедуру семантической интерпретации: иногда испытуемые называют один и тот же признак разными способами – например, признаки «*нет, почему не хочется*» 15 (ИЯ 0,25) и «*не всегда не хочется*» 1 (ИЯ 0,02) могут быть объединены в сему «нежелания ходить к врачу/доктору нет» 16 (общий ИЯ 0,27); признаки «*в (белом) халате*» 46 (ИЯ 0,78), «*в халате, бахилах, перчатках*» 1 (ИЯ 0,02), «*в белом*» 1 (ИЯ 0,02) – в сему «в белом халате» 48 (общий ИЯ 0,82) и др. В таком случае частотность признаков суммируется.

Сначала приводятся *интегральные* семы значений синонимов – общие для обоих синонимов, совпадающие по яркости или несущественно различающиеся по яркости (не более чем на 10 пунктов). Архисема приводится первой, приводится ИЯ каждой семы; семы приводятся по убыванию яркости.

Затем приводятся *дифференциальные* семы исследуемых слов – это семы, которые выявляются (присутствуют) в обоих значениях, но существенно или заметно различаются по яркости. Принимаемый порог существенности, заметности различий по яркости – более 10 пунктов. Приводится ИЯ каждой семы, семы приводятся по убыванию яркости.

Отдельно приводятся сведения об оценочности исследуемых слов – приводится совокупный индекс яркости оценок как сумма индексов яркости оценочных сем (учитываются семы с любым индексом яркости, даже с минимальным).

Идентификация значения («типичный представитель») приводится после дифференциальных сем.

В конце словарной статьи приводятся эндемичные (т. е. представленные только у одного из сравниваемых слов) семы – если они выявляются в исследуемых синонимах, с указанием индекса яркости семы.

Некоторые семы могут требовать комментария составителя в виде словесного разъяснения содержания семы.

Количественные показатели: в интегральных семах приводится ИЯ семы сначала в первом описываемом слове, потом во втором. В дифференциальных семах первым приводится максимальный индекс яркости, характерный для семы в данном слове, затем – уступающий ему по величине индекс яркости данной семы в другом синониме.

Дифференциальная семантизация синонимов

ВРАЧ (59 ии)	**ДОКТОР** (59 ии)
Различия не более чем на 10 пунктов Мужчина 0,59-0,63, в белом халате 0,82-0,74, добрый 0,56-0,58, пахнет лекарствами 0,56-0,51, должен иметь призвание 0,46-0,40, назначает уколы 0,36-0,37, дает лекарства 0,34-0,254, стоматолог 0,34-0,25, ставит градусник 0,32-0,25, дает таблетки 0,29-0,29, педиатр 0,29-0,25, хирург 0,29-0,36, нежелания ходить к нему нет 0,27-0,27, возвращает здоровье и жизнь 0,25-0,31, не пахнет лекарствами 0,22-0,24, спасает 0,22-0,22, гинеколог 0,20-0,15, использует скальпель 0,20-0,17, дерматолог 0,15-0,15, использует стетоскоп 0,14-0,17, бедный 0,12-0,07, не обязательно должен иметь призвание 0,09-0,09, иногда нужно ходить 0,07-0,07.	
Различия более чем на 10 пунктов женщина 0,48-0,37, в больнице 0,76-0,32, лечит больных 0,48-0,34, избавляет от боли и болезней 0,44-0,31, терапевт 0,41-0,27, лекарь 0,36-0,12, не хочется к нему ходить 0,31-0,17	*Различия более чем на 10 пунктов* в поликлинике 0,64-0,25, хороший 0,56-0,43, помогает сохранить здоровье 0,39-0,25, лор 0,29-0,15, использует мензурку 0,20-0,07
Одобрительное 2,02 Неодобрительное 0,40 Сочувственное 0,12	Одобрительное 2,52 Неодобрительное 0,22 Сочувственное 0,12
Идентификация Айболит 0,41, Эскулап 0,25, доктор Хаус 0,15	*Идентификация* Айболит 0,68, доктор Хаус 0,22, Эскулап 0,15
Эндемичная сема в колпаке 0,05	

Подобная модель словарной статьи может лечь в основу создания психолингвистического синонимического словаря.

В связи с этим очевидно, что свободный (как и направленный) ассоциативный эксперимент целесообразно использовать как первый этап психолингвистического исследования семантики синонимов, который позволяет выделить круг се-

мантических компонентов, наиболее актуальных для языкового сознания испытуемых в момент эксперимента. Затем на основе обработки его результатов необходимо создать верификационный тест с опорой на наиболее актуальные семантические компоненты, выделенные в процессе анализа его результатов. Это, в свою очередь, дает возможность проверить на верификационном этапе реальную яркость семантических компонентов в языковом сознании носителей языка.

В таком случае САЭ (и НАЭ) можно проводить как пилотажный эксперимент – например, с группой из 30–50 человек, используя полученные данные для составления верификационного теста.

Описание и дифференциальную семантизацию синонимов целесообразно осуществлять на базе окончательных результатов верификационного эксперимента с описываемыми словами.

Ассоциативный словарь употребительной русской разговорной лексики. Воронеж, 2011.

Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP, 2011.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. М., 2010.

Л. А. Пиотровская *(Санкт-Петербург)*

Эмоции vs чувства: научная и наивная категоризация

Проблемы синонимии занимают значительное место в сфере научных интересов Валентины Даниловны Черняк (см., например: Черняк 2010). Поэтому в настоящей статье обсуждается вопрос, связанный с квалификацией, с одной стороны, лексем *эмоция* и *чувство*, с другой – номинаций разных эмоциональных явлений, которые трактуются как синонимы (по крайней мере в отдельных лексико-семантических вариантах), например, *восторг* и *восхищение*, *злоба* и *злость*, *страх* и *ужас*. Другое пересечение научных интересов юбиляра и автора данной статьи связано с интересом к когнитивной деятельности через призму терминов: в одной из работ Валентины Дани-

ловны детально обсуждается роль лингвистических терминов (Черняк 2013), а в данной статье – значимость психологических терминов.

Акт категоризации тесно связан с процессом концептуализации действительности (Кубрякова 2004: 319) и является «одним из самых фундаментальных понятий в характеристике когнитивной деятельности» (Кубрякова 2004: 463).

Эмоциональные явления не только являются формой отражения действительности (отражения отношения к миру), но и сами предстают как объект отражения и, вероятно, должны быть определенным образом структурированы в сознании. Вопросы категоризации эмоциональной сферы стали предметом когнитивных исследований лишь в последние годы.

В психологической классификации, представляющей собой научную картину мира, эмоциональная сфера структурирована и описывается в системе двух базовых категорий – «чувство» и «эмоция», хотя не ограничивается ими. При описании эмоциональной сферы разграничивается не менее трех понятий: 1) эмоции, 2) чувства и 3) аффекты. В фундаментальных исследованиях С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева эта система сложнее: 1) аффекты, 2) собственно эмоции, 3) предметные чувства, 4) настроения (Леонтьев 1962: 200; Рубинштейн 1999: 574–573).

По мнению А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, эмоции являются ситуационными состояниями. Предметными чувствами называют «“кристаллизованные” в предмете эмоциональные переживания» (Леонтьев 1962: 200), характеризующиеся устойчивостью и осознанностью, при этом в группе предметных чувств различаются интеллектуальные, эстетические и моральные (Рубинштейн 1999: 575).

Обобщая кратко характеристику эмоций и чувств в психологических исследованиях, выделим главное.

1. Эмоции и чувства представляют собой переживание соответствия или несоответствия явлений действительности потребностям человека или требованиям общества, регулируют деятельность человека, обеспечивают пластичность его поведения.

2. Эмоции выполняют адаптивную функцию, способствуют саморегуляции системы, представляют собой реакцию на

ситуацию или мгновенное реагирование, различаются по длительности протекания, по доли интеллектуальной составляющей.

3. Чувства, по сравнению с эмоциями, характеризуются большей стабильностью и большей долей рефлексии, а также коррелируют с личностными качествами человека.

В то же время во многих психологических исследованиях и учебниках по психологии раздел, посвященный эмоциональным явлениям в целом, обычно называется однословно – «Эмоции». Из этого следует, что в психологии термин «эмоции» используется для обозначения, с одной стороны, лишь одного вида эмоциональных явлений, с другой – всего множества эмоциональных явлений.

В настоящей статье представлены результаты экспериментального исследования, направленного на интуитивное разграничение понятий «эмоция» и «чувство» и ставившего цель выяснить, каким образом происходит категоризация эмоциональной сферы человека (эксперимент был проведен студенткой факультета иностранных языков Д. А. Пономаревой). Можно ли говорить о некой структурной организации внутреннего мира или же информация об эмоциональных явлениях представлена в сознании человека в виде недифференцированного континуума? Каким образом соотносятся научная и наивная категоризация эмоциональной сферы?

Инвентарь слов, называющих эмоциональные явления, варьирует у разных авторов. Поэтому при составлении картотеки использовались лексикографические источники, а также работы по психологии, психолингвистике и лингвистике. В результате был составлен словник из 56 лексем: *боязнь*, *веселье*, *вина*, *волнение*, *возмущение*, *возбуждение*, *восторг*, *восхищение*, *гнев*, *горе*, *грусть*, *досада*, *жалость*, *замешательство*, *злоба*, *злость*, *испуг*, *интерес*, *изумление*, *ликование*, *любопытство*, *любовь*, *мучение*, *мука*, *наслаждение*, *негодование*, *ненависть*, *неприязнь*, *недоумение*, *омерзение*, *опасение*, *отвращение*, *печаль*, *презрение*, *раздражение*, *радость*, *раскаяние*, *скука*, *смущение*, *смятение*, *сожаление*, *сострадание*, *страх*, *стыд*, *счастье*, *тоска*, *торжество*, *тревога*, *трепет*, *удивление*, *удовлетворение*, *удовольствие*, *ужас*, *умиление*, *уныние*, *ярость*. Для получения более достоверных результатов и облегчения задачи испыту-

емым эксперимент был проведен в два этапа, на каждом из которых предъявлялась половина слов. Слова были разделены на две группы таким образом, чтобы синонимичные лексемы оказались в разных сериях: например, на первом этапе предъявлялись слова *боязнь*, *восторг*, *мука*, *отвращение*, а на втором – соответственно *страх*, *восхищение*, *мучение*, *омерзение*.

Испытуемым, общим количеством 30 человек (студенты технического вуза, 20–22 года, 70% – мужчины, 30% – женщины), было предложено отнести каждое название эмоционального явления к группе слов, обозначающих эмоции или чувства, или выбрать вариант «затрудняюсь ответить».

Анализ полученных результатов проводился с использованием формул математической статистики, предложенных Е. В. Сидоренко (Сидоренко 2000). Для проверки их статистической достоверности необходимо было установить, являются ли отклонения выборочных частот от их среднего показателя случайными или несущественными. Для этого полученное распределение частот (эмпирическое значение) сопоставлялось с равномерным с помощью критерия К. Пирсона χ^2, позволяющего производить статистическую оценку различий при условии, если объем выборки, т. е. количество испытуемых, не менее 30 (Сидоренко 2000: 117).

Были выдвинуты две статистические гипотезы (Сидоренко 2000: 24):

1) H_o (нулевая гипотеза) – гипотеза об отсутствии различий, согласно которой распределение реакций «эмоция – «чувство» – «затрудняюсь ответить» не отличается от равномерного распределения и является статистически незначимым;

2) H_1 (альтернативная гипотеза) – гипотеза о значимости различий, согласно которой распределение трех типов ответов испытуемых отличается от равномерного и, таким образом, является статистически значимым.

Нулевая гипотеза отклоняется, если $\chi^2_{эмп.} \geqslant \chi^2_{крит.}$ (Сидоренко 2000: 26). Для каждого стимульного слова было определено значение $\chi^2_{эмп.}$ (по формуле $\chi^2=\Sigma(f_э-f_т)^2 / f_т$, где $f_т$ – средняя величина признака; $f_э-f_т$ – отклонение выборочной частоты от средней; Σ – знак суммирования). После этого были рассчитаны теоретические частоты для равномерного распределения по формуле: $f_т = n/k$, где n – количество наблюдений, k – количество разря-

дов. В нашем случае количество наблюдений – это общее число испытуемых (30); количество разрядов – это количество вариантов ответов, предложенных испытуемым (3). Таким образом, $f_т = 10$. Одно и то же количество наблюдений может оказаться значимым или незначимым в зависимости от так называемого количества степеней свободы (Сидоренко 2000: 26), которое определяется по формуле: v=k-1, где k-1 – число вариационного ряда минус число условий, при которых он был сформирован. В нашем случае количество степеней свободы равно 2 (3-1). С учетом числа степеней свободы и количества испытуемых были определены критические значения χ^2 для уровней статистической значимости при $p \leq 0{,}05$ и $p \leq 0{,}01$ и количестве степеней свободы, равном 2. «Когда мы указываем, что различия достоверны на 5%-ом уровне значимости, или при $p \leq 0{,}05$, то мы имеем в виду, что вероятность того, что они все-таки недостоверны, составляет 0,05» (Сидоренко 2000: 29). В психологии низшим уровнем статистической значимости принято считать 5%-ый уровень ($p \leq 0{,}05$), достаточным – 1%-ый уровень ($p \leq 0{,}01$) и высшим 0,1%-ый уровень ($p \leq 0{,}001$) (Сидоренко 2000: 30).

С учетом этих показателей нулевая гипотеза была отклонена для всех слов, кроме восьми (в скобках после каждого стимульного слова сначала приводится значение $\chi^2_{эмп.}$ (от меньшего к большему), затем – количество трех типов ответов: первое число – количество ответов «чувство», второе – «эмоция», третье – «затрудняюсь ответить»): *уныние* ($\chi^2_{эмп.}$=1,80; 10–13–7), *торжество* ($\chi^2_{эмп.}$=2,40; 12–12–6), *трепет* ($\chi^2_{эмп.}$=2,40; 12–12–6), *интерес* ($\chi^2_{эмп.}$=3,80; 8–7–15;), *сожаление* ($\chi^2_{эмп.}$=3,80; 12–13–5), *умиление* ($\chi^2_{эмп.}$=3,80; 12–13–5), *омерзение* ($\chi^2_{эмп.}$=4,20; 9–15–6), *смятение* ($\chi^2_{эмп.}$=5,40; 13–13–4).

Семь наименований эмоциональных явлений оказались в зоне неопределенности, так как гипотеза о недостоверности различий может быть отклонена, но гипотеза об их достоверности еще не может быть принята (эмпирическое значение критерия равняется критическому значению, соответствующему $p \leq 0{,}01$, или превышает его (Сидоренко 2000: 30): *наслаждение* ($\chi^2_{эмп.}$=6,20; 16–9–5), *удовольствие* ($\chi^2_{эмп.}$=6,20; 15–11–4), *восхищение* ($\chi^2_{эмп.}$=7,10; 14–3–13), *смущение* ($\chi^2_{эмп.}$=7,20; 10–16–4;), *злость* ($\chi^2_{эмп.}$=7,80; 12–15–3), *печаль* ($\chi^2_{эмп.}$=7,80; 15–12–3), *скука* ($\chi^2_{эмп.}$=7,80; 15–3–12). Следовательно, эмоциональные явления,

обозначенные данными лексемами, по результатам проведенного эксперимента, не могут быть достоверно отнесены ни к категории «эмоция», ни к категории «чувство».

Альтернативная гипотеза (о значимости различий) безоговорочно принимается для остальных слов (41), что составляет 73,2% от общего числа (56). Значения критерия $\chi^2_{эмп.}$ для этих слов варьирует в диапазоне от 9,8 до 48,6. При этом чем больше показатель статистической значимости различий, тем более согласованным и достоверным является распределение ответов на стимульное слово, а значит, тем более определенным является статус эмоционального явления как эмоции или чувства для носителя языка.

Названий эмоций, которые со статистически достоверной значимостью испытуемые отнесли к недифференцированной категории («затрудняюсь ответить»), в нашем эксперименте не было.

Рассмотрим только те названия эмоциональных явлений, которые были квалифицированы как «чувство» или «эмоция» большинством информантов. Будем отталкиваться от значения χ^2>20, поскольку этот показатель отражает согласованность ответов большей части испытуемых (более 60% от максимально возможного).

Наиболее типичными членами категории «чувство» являются 13 эмоциональных явлений (приведены в порядке уменьшения значения $\chi^2_{эмп.}$): *вина* ($\chi^2_{эмп.}$=48,60; **28**–1–1), *страх* ($\chi^2_{эмп.}$=38,80; **28**–0–2), *любовь* ($\chi^2_{эмп.}$=38,80; **28**-2–0), *презрение* ($\chi^2_{эмп.}$=38,40; **26**–2–2), *стыд* ($\chi^2_{эмп.}$=33,80; **27**–3–0), *горе* ($\chi^2_{эмп.}$=33,80; **27**–3–0), *тоска* ($\chi^2_{эмп.}$=29,60; **24**–4–2), *раскаяние* ($\chi^2_{эмп.}$=29,40; **24**-3-3), *радость* ($\chi^2_{эмп.}$=25,00; **25**–5–0;), *грусть* ($\chi^2_{эмп.}$=21,80; **22**–5–3), *сострадание* ($\chi^2_{эмп.}$=21,60; **22**–4–4), *жалость* ($\chi^2_{эмп.}$=21,20; **24**–6–0), *злоба* ($\chi^2_{эмп.}$=20,60; **21**–8–1). Значения $\chi^2_{эмп.}$ свидетельствует о том, что самым типичным представителем категории «чувство» является *вина*, а наименее типичным – *злоба*.

Подобным образом организована и категория «эмоция». Бесспорных членов данной категории девять: *удивление* ($\chi^2_{эмп.}$=38,40; 2–**26**–2), *гнев* ($\chi^2_{эмп.}$=34,20; 4–**25**–1), *ликование* ($\chi^2_{эмп.}$=34,20; 1–**25**–4), *ярость* ($\chi^2_{эмп.}$=30,20; 5-**24**–1), *возбуждение* ($\chi^2_{эмп.}$=29,60; 4–**24**–2), *испуг* ($\chi^2_{эмп.}$=29,40; 3–**24**–3), *раздражение* ($\chi^2_{эмп.}$=25,80; 5–**23**–2), *отвращение* ($\chi^2_{эмп.}$=25,80; 5–**23**–2), *изум-*

ление ($\chi^2_{эмп.}$=22,40; 2–**22**–6). Самым типичным представителем категории «эмоция», по нашим данным, является *удивление*, а наименее типичным – *изумление*.

Важным представляется тот факт, что на слова-стимулы, называющие 9 фундаментальных эмоций из 10 (Изард 1970), были получены согласованные ответы, при этом часть эмоциональных явлений были отнесены испытуемыми к категории «чувство»: *вина*, *горе*, *презрение*, *радость*, *страх*, *стыд*, а часть – к категории «эмоция»: *гнев*, *отвращение*, *удивление* (значение $\chi^2_{эмп.}$ и количество разных ответов приведено выше). Особняком стоит лишь одна фундаментальная эмоция – *интерес*, которая оказалась в зоне незначимости: одна половина испытуемых квалифицировала это эмоциональное явление как недифференцированное по категориям «чувство» – «эмоция», при этом количество реакций «затрудняюсь ответить» на это слово было самым высоким в эксперименте; ответы другой половины респондентов распределились поровну между вариантами «чувство» и «эмоция» (см. выше).

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые слова, которые в словарях трактуются как синонимы (см., например: Александрова 1993; Словарь синонимов русского языка 2001), в сознании носителей языка, по результатам проведенного эксперимента, имеют разный статус. Наиболее существенные статистические различия демонстрируют следующие синонимы:

– если *отвращение*, бесспорно, имеет статус эмоции ($\chi^2_{эмп.}$=25,80; 5–**23**–2), то *омерзение* оказалось в зоне неопределенности ($\chi^2_{эмп.}$=4,20; 9–15–6), поскольку количество ответов «эмоция» равно сумме двух других ответов;

– *злобу* с достаточно высокой степенью статистической достоверности испытуемые квалифицировали как чувство ($\chi^2_{эмп.}$=20,60; **21**–8–1), тогда как неопределенный статус *злости* обусловлен тем, что разница между количеством ответов «чувство» и «эмоция» невелика ($\chi^2_{эмп.}$=7,80; **12**–**15**–3);

– *восторг* больше половины испытуемых квалифицировали как эмоцию ($\chi^2_{эмп.}$=19,40; 7–**21**–2) – значение $\chi^2_{эмп.}$ максимально близко к заданному порогу, в то время как относительно статуса *восхищения* ответы испытуемых распределились почти поровну между вариантами «чувство» и «затрудняюсь ответить» ($\chi^2_{эмп.}$=7,10; **14**–3–**13**);

– *страх* имеет бесспорный статус ($\chi^2_{эмп.}$=38,80; **28**–0–2) чувства, в отличие от *ужаса*, который большинство испытуемых отнесли к категории «эмоция», хотя и с меньшей степенью статистической достоверности ($\chi^2_{эмп.}$=15,20; 6–**20**-4).

Таким образом, в приведенных парах синонимов выявлены два типа разной их категоризации носителями языка: 1) один член синонимического ряда имеет определенный статус, а другой – неопределенный; 2) разные синонимы получили «противоположные» оценки.

Методика проведения эксперимента не требовала от испытуемых объяснений своего ответа, поэтому можно лишь высказывать предположения о том, что именно в сознании носителей языка является определяющим при оперировании категориями «чувство» или «эмоция».

Одно из таких объяснений связано с гипотезой о том, что отнесение ряда номинаций эмоций к категории «чувство» может быть обусловлено устойчивыми синтагматическими связями, т. е. употреблением номинаций эмоций в качестве зависимого компонента при слове *чувство*. Для проверки этой гипотезы мы обратились к основному подкорпусу Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в котором были заданы следующие условия поиска словосочетания: 1) зависимый компонент должен быть в форме род. пад.; 2) расстояние между словами равно 1 или 2, поскольку мы сочли необходимым принять во внимание двух- и трехкомпонентные словосочетания типа *чувство страха* и *чувство животного страха*.

Самое большое число вхождений (несколько сотен) зафиксировано на следующие словосочетания (в скобках приводится количество только двухкомпонентых словосочетаний): *чувство* ***любви*** – 754 (583), *чувство* ***вины*** – 527 (459), *чувство* ***страха*** – 436 (375), *чувство* ***стыда*** – 325 (283), *чувство* ***жалости*** – 316 (261), *чувство* ***радости*** – 263 (194), *чувство* ***сострадания*** – 165 (130), а самое маленькое – на словосочетания *чувство* ***изумления*** – 28 (17), *чувство* ***горя*** – 15, *чувство* ***возбуждения*** – 12 (5), *чувство* ***ярости*** – 9 (5), *чувство* ***испуга*** – 7 (4), *чувство* ***злости*** – 7 (6), *чувство* ***ликования*** – 6 (5).

Сравнение количественных данных о сочетаемости приведенных названий эмоциональных явлений с лексемой *чувство* и результатов проведенного эксперимента свидетельствует о

том, что в большинстве случаев они коррелируют друг с другом: все слова, имеющие высокие количественные показатели по сочетаемости с лексемой *чувство* в НКРЯ, по результатам нашего эксперимента имеют статус «чувство» на уровне безусловно значимых статистических различий. Пять названий эмоциональных явлений из семи с самыми низкими количественными показателями для словосочетаний со словом *чувство* испытуемые с высокой степенью статистической достоверности отнесли к категории «эмоция»: *изумление*, *возбуждение*, *ярость*, *испуг*, *ликование*; одно, *злость*, оказалось в зоне неопределенности. И только по одной лексеме данные, извлеченные из НКРЯ и полученные в эксперименте, противоречат друг другу: в эксперименте *горе* с высокой степенью статистической достоверности было отнесено к категории «чувство», однако словосочетание *чувство горя* в НКРЯ имеет очень небольшое число фиксаций.

Не вызывает сомнений, что синтагматические связи слов – это лишь один из возможных факторов, влияющих на содержание слов в сознании носителя языка.

Однако полученные нами результаты позволяют сделать ряд выводов.

1. Для носителей русского языка сфера эмоциональных явлений является дискретной, поскольку в ней различаются категории «эмоция» и чувство», а следовательно, отдельные эмоциональные явления получают в большинстве случаев определенный статус.

2. Категории «чувство» и «эмоция» отображены в сознании носителей русского языка как совокупности, имеющие внутреннюю структуру, которая может быть описана в терминах «ядро» – «периферия».

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1993.

Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1970.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1962.

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: http://search.ruscorpora.ru (НКРЯ).

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.; М.; Харьков; Минск, 1999.

Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2000.

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2001.

Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. М., 2010.

Черняк В. Д. Лингвистический термин как инструмент когнитивной обработки действительности // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. 13: Ментальные основы языка как функциональной системы. С. 843–852.

С. Н. Цейтлин *(Санкт-Петербург)*

К проблеме лексических оговорок в спонтанной речи

Практически трудно представить себе спонтанную устную речь без оговорок того или иного рода. Ведь порождение речи само по себе – сложнейший процесс, включающий множество операций: выбор синтаксического каркаса, его лексического наполнения, морфологического оформления каждой лексемы, получающей в составе высказывания статус синтаксемы или ее компонента, артикуляторной реализации и многого, многого другого. При этом существенно, что большая часть этих операций осуществляется параллельно и фактически на чрезвычайно низком уровне осознанности, практически бессознательно. Недаром наш мозг часто сравнивают с компьютером, имеющим сложнейшую мультипроцессорную программу. В своей небольшой статье мы коснемся лишь одной проблемы, связанной с порождением речи – а именно выбора лексем, заполняющих синтаксические позиции в высказывании, точнее – разного рода сбоями, происходящих в данной области. Это случаи непреднамеренного нарушения языковой нормы, которые имеют место при порождении речи людьми, которые языковой нормой владеют, в противном случае речь шла бы об ошибках, а не об оговорках (обмолвках).

Материал, который используется в данной статье, – это речевые сбои, имеющие место в повседневном домашнем общении. Использовались, кроме того, оговорки ведущих нескольких крупных радиостанций. Некоторые из этих оговорок были замечены самими говорящими и ими же и исправлялись, другие замечались собеседниками, третьи не замечались вовсе. Учтены также «перехваченные» обмолвки, т. е. случаи типа «чуть не сказал», а также ситуации, когда говорящий останавливается в процессе порождения речи, не договорив слова до конца. Широко используется метод интроспекции, при этом учтена не только интроспекция автора статьи, но и интроспективные отчеты информантов, получаемые по горячим следам, т. е. сразу после отмеченной оговорки. Информанты – взрослые интеллигентные люди, являющиеся носителями русского языка.

В статье представлен опыт предварительной классификации лексических оговорок (вербальных замен), основанный на учете прежде всего лингвистических критериев. Мы полагаем, что анализ этих речевых сбоев дает некоторое представление об организации ментального лексикона человека и его функционировании в речевой деятельности. Можно полагать, что системные связи между лексемами, выявленные в лингвистических исследованиях, имеют психологическую реальность и находят отражение в реальных речевых операциях, в данном случае – в выборе лексемы при порождении речи. Кроме связей, основанных на общности или близости содержания лексемы, существуют, по-видимому, и связи, основанные на близости или совпадении ее некоторых грамматических характеристик, а также на близости или тождественности фонетических характеристик (ритмической структуры слова, совпадении начального слога и т. д.), однако в данной статье подобные случаи не рассматриваются.

Представляется очевидной связь речевых сбоев с одним из видов языковой памяти: долговременной, свидетельствующей о закрепленности в языковом сознании тех или иных языковых явлений, и кратковременной (оперативной), означающей, что процессы эти имеют причиной воздействие тех или иных факторов ситуативного или контекстуального порядка. Если первые базируются на определенных системных связях между языковыми единицами (лексемами) и носят типичный, повторяющийся характер, то вторые абсолютно индивидуальны и сиюминутны и поэтому имеют скорее психологическую, чем языковую природу. При подборе лексемы говорящий, обращаясь к собственному ментальному лексикону, осуществляет поиск сразу по ряду оснований: семантическому, формально-грамматическому, фонетическому, часто – одновременно по нескольким. Существенную роль при этом играет контекст, как уже реализовавшийся, так и планируемый. Роль контекста при порождении речи может быть как положительной, подсказывающей (в подавляющем большинстве случаев это как раз и имеет место) и отрицательной, провокационной. Вторая из названных ситуаций и приводит к речевым сбоям. Речевые сбои первого типа базируются на явных или неявных семантических связях между лексемами и потому могут считаться

свидетельством их реального существования, что касается сбоев второго типа, то в этом случае прежде всего срабатывают механизмы либо формально-грамматического, либо сугубо фонетического типа. В данной статье рассматривается первый тип оговорок, которые условно можно назвать семантическими. Они могут быть подразделены на ряд подтипов.

1. Смешение антонимов

Из домашних разговоров: «Нужно *зажечь* (вм. погасить) свет»; «Я *похудела* (вм. поправилась) больше чем на килограмм (оговорка удивила собеседника, но не замечена говорящей); «Там и лыжи есть, можно *зимой*..ой, чуть не сказала – летом.. туда приезжать» (подобные «перехваченные» оговорки являются результатом интроспекции, прямой или опосредованной). Радиожурналист: «Нельзя *преувели*...преуменьшать степени этой угрозы». Хорошо известно, что антонимические ассоциации являются очень прочными и формируются на ранних стадиях речевого онтогенеза. К тому же эти системные связи часто обнаруживаются в тексте именно в ситуации противопоставления и, следовательно, поддерживаются синтагматическими ассоциациями. Оба антонима существуют в одном и том же контекстуальном окружении, что создает ситуацию вероятностного прогнозирования, провоцирующую речевой сбой. Оговорки такого рода могут вызывать серьезные коммуникативные помехи, меняя смысл высказывания на противоположный.

2. Замена лексемы как результат редукции дифференциальных сем

Иерархическая организация семантической структуры лексического значения отчетливо выявляется как при выяснении закономерностей формирования детского лексикона, так и при исследовании лексических оговорок. Компонентный (семный) анализ лексических значений обнаруживает ее со всей очевидностью. При исследовании речевого онтогенеза отчетливо выявляется механизм освоения семного состава лексического значения: базовые компоненты обычно осваиваются раньше периферийных, дифференциальные семы – позднее интегративных. Сходный процесс можно наблюдать в сфере спонтанной речи взрослых. Недостаточный учет дифференциальных сем в ситуации ослабления речевого контроля часто приводит к расширению сферы референции лексемы, т. е. сверхгенерали-

зации одного из значений. Говорящий игнорирует одну или несколько дифференциальных сем, справедливо предполагая, что будет понятым собеседником. Так, частота совместной встречаемости слов *кошка* и *собака* настолько велика, что в светлом поле сознания говорящего может доминировать общая сема «животное, живущее дома», а дифференциальные семы отходят на второй план. Человек, имеющий собаку и использующий это слово много раз в день, произносит тем не менее: « А *кошка* будет это есть?», хотя никакой кошки в доме нет. Примеры взаимной замены этих двух слов очень распространены. Тот же человек, имея в виду пустой пакет с кормом для собаки, назвал его *ящиком*, ориентируясь на общую сему «вместилище», хотя совершенно очевидно, что он хорошо представляет себе значение данного слова. Это проявление своего рода речевой неряшливости, характерной для домашнего общения.

Любой из нас хорошо знаком с названиями фруктов и овощей, но тем не менее в спонтанной речи способен сказать: «У вас есть *помидоры* (вм. *мандарины*)?» В качестве дополнительного фактора, провоцирующего сбой, здесь, как это часто бывает, выступает тождество ритмической структуры слов: обе словоформы включают три слога, последний из которых является ударным. В нашем материале отмечены также замены слова *клубника* словом *клюква* (возможно, в качестве дополнительного фактора, вызвавшего сбой, выступает некоторое звуковое подобие первого слога), а также употребление слова *клоун* вм. *фокусник*. Горящий хотел сказать, что он в течение какого-то времени невольно обманывал своего шефа, притворяясь более хорошим работником, чем на самом деле: «Я все время чувствовал себя ловким *клоуном* и боялся разоблачения». В данном случае смешаны две цирковые профессии.

Две женщины собирают ягоды в саду, одна говорит другой: «На этом *дереве* еще много смородины». Невозможно предположить, что говорящая не знает различий между этими видами растений. Это также проявление своего рода речевой неряшливости в комфортной ситуации повседневного общения.

В нашем материале зафиксировано несколько случаев, когда пожилые люди употребляли лексемы *взвеситься*, сочетания *измерить давление*, *измерить температуру*, заменяя одно другим. Все эти слова и словосочетания содержат общую ин-

тегральную сему – ‘измерить состояние организма с помощью какого-то прибора, инструмента’; в данном случае игнорируются дифференциальные семы.

Неоднократно приходилось слышать глаголы *погасить* вм. *выключить* о телевизоре или радио. Оба глагола имеют общую сему «прекратить функционирование прибора», в данном случае также игнорируются периферийные семы.

В группе так наз. параметрических прилагательных часто встречаются случаи игнорирования параметра как такового: узкая ленточка может быть названа *тонкой*, глубокая яма – *длинной* и т. п., каждое из прилагательных используется в значении «обладающий значительной или, напротив, незначительной степенью проявления того или иного качества», а сам параметр остается в тени. Кроме того, главенствующие по смыслу в этом ряду прилагательные *большой* и *маленький* могут служить универсальными заменителями всех параметрических прилагательных, поскольку в них отношение к параметру оценки вообще снимается: *большим* может быть назван толстый человек, многоэтажный дом, толстая книга, широкая река и т. п. Коммуникативные потери при этом незначительны и, как правило, не замечаются.

Некоторые из замен носят почти анекдотический характер. Так, автору этой статьи случилось однажды, реагируя на рекламу стоматологической фирмы, назвать людей, полностью лишенных зубов, *лысыми*. Сыграла роль как будто не лежащая на поверхности общая для слов *беззубый* и *лысый* сема ‘полностью лишенный чего-то’.

Огромное число обмолвок связано с номинациями домашних бытовых приборов и гаджетов разного рода*: телевизор, компьютер, мобильник, планшет, магнитола, принтер* и т. п. Замечено, что они особенно характерны преимущественно для пожилых людей, которым реже приходится иметь дело с упомянутыми выше предметами. Многие признаются, что им приходится останавливаться на мгновение, чтоб сделать выбор между словами *микроволновка* и *мультиварка*. Случается, что иногда одно слово заменяется другим, когда речь идет о разных механизмах, выполняющих аналогичные функции. Так, один из информантов признался, что ему приходится задумываться, когда требуется осуществить выбор между словами *лифт* и *эскалатор*.

Замечено, что деятели культуры, представляющие разные профессии, часто сбиваются на доминирующее в их сознании слово, обозначающее привычную для них аудиторию: *слушатели, читатели, зрители, посетители.* Очевидно, в качестве дополнительного фактора, провоцирующего подобное смешение, выступает общность словообразовательной модели отглагольного характера.

3. Необоснованная замена синонимов

Казалось бы, синонимы для того и существуют, чтобы обеспечивать говорящему выбор при порождении речи. Однако выбор этот каждый раз чем-то обоснован, и учет неких тонких деталей семантики лексемы часто бывает необходим в процессе речевой деятельности. В ситуации ослабления языкового контроля эти детали как бы редуцируются. «Ну ты и *мошенник*!» – упрекает хозяйка собаку, стащившую со стола кусок сыра, – слово явно неподходящее, хотя и относящееся к тому же синонимическому ряду, что и более подходящие слова *жулик* или *воришка.*

Автору этих строк случилось в ситуации спешки употребить глагол *утешать* вместо более подходящего *успокоить:* «Не надо меня *утешать*!», когда речь шла о волнениях по поводу возможного опоздания на занятия. Утешают по поводу какого-то уже свершившегося события, кроме того, этот глагол предполагает более серьезный объект для эмоций, чем опоздание на урок. Можно заметить, что замена глагольных синонимов особенно ярко проявляется в речевых сбоях. Причина, очевидно, в том, что, как отмечает В. Д. Черняк, они «в силу их большей системной структурированности образуют наиболее разветвленные синонимические связи» (Черняк 2000: 179).

4. Замена дейктического типа

Особенности сферы референции лексем шифтерного типа – таких, как местоимения и некоторые локативные и темпоральные единицы или словосочетания, оказываются существенными при порождении речи. Ряд оговорок имеет своей причиной то, что говорящий не учитывает роли дейктического центра, т. е. отношения лексемы к параметрам «я – здесь – сейчас». Интересно при этом, что замены касаются локативного и темпорального дейксиса, но не персонального, который осваивается достаточно прочно (т. е. не зафиксированы даже в быстрой речи замены *я* на *ты*, *мой* на *твой* и т. д.).

Что касается локативного и темпорального дейксиса, то в данном случае речь идет главным образом об изменении вектора или об игнорировании его. Нам неоднократно случалось наблюдать смешение *сегодня* и *завтра*, *вчера* и *сегодня*. Игнорирование вектора, в данном случае – отнесенности к будущему, приводит к ошибочному использованию прилагательного *ближайший*: «Мы сделали это в *ближайшее* время» (т. е. сравнительно недавно). Иногда говорящий замечает отклонение от нормы, но не может подобрать соответствующей лексемы по той причине, что она просто отсутствует в русском языке. Что касается слова *ближайший*, то его внутренняя форма (близкий к моменту речи, но без указания на темпоральный вектор) выполняет провокативную роль, как бы разрешая данное отклонение от нормы, поскольку вектор может быть направлен не только в будущее, но и в прошлое. (Действительно, в русском языке отсутствует лексема, обозначающая время, тесно примыкающее к настоящему моменту.) Ученый – генетик, приглашенный на радио, заметив ошибку, произносит: «Ученые узнали об этом в *ближайшее*..ой..в прошедшее время». Из отчета военного эксперта о событиях: «В *ближайшее* время мы потеряли около 100 человек».

5. Замена метонимического характера

Весьма распространены лексические оговорки метонимического типа. Механизм их достаточно сложен, т. к. имеет отношение не только к парадигматическим, но и к синтагматическим факторам, т. е. встречаемости заменяющего и заменяемого слова в одних тех же ситуациях, что вызывает соответствующие ассоциации. Так, я была свидетельницей того, как посетительница в аптеке, которой нужны были лекарство и шприцы, чтобы делать уколы, произнесла: «Диклофенак и *ампулы*, пожалуйста!» Аптекарский работник, не переспрашивая, понял и принес нужное. Сама я, фактически всю жизнь имея дело с собаками, всегда какую-то долю секунды думаю, осуществляя выбор между словами *поводок* и *ошейник*. Некоторые владельцы собак признавались в том же.

6. Замена конверсивов

Под конверсивами обычно понимают пару слов, предполагающих одно другое. Их смешение при порождении речи встречается достаточно часто. Нам приходилось наблюдать смешение

лексем *продавец* и *покупатель*. Необычайно часто смешиваются лексемы *вопрос* и *ответ*, причем сам говорящий не всегда замечает речевой сбой: «*Вопроса*, что с этим делать, до сих пор нет»; его поправляют: *ответа*… «Да, ответа… ответа на вопрос». «На все ли *ответы* у нас есть *вопросы*… То есть, на все ли *вопросы* есть *ответы?*» – на этот раз говорящий замечает оговорку сам.

7. Замена на основе общности ощущений

В данном случае играет роль скорее коннотативная общность двух ситуаций. Несколько раз нам встречалась замена *холодно* на *темно*, и наоборот: «Ой, как у вас *темно*!» (на самом деле – холодно); «Пошли скорей гулять, пока не очень *холодно*» (имелось в виду – темно). Жительница Донецка рассказывает о военных действиях в Донбассе и об испуганных детях: «Они все еще плачут при *запахе*… при *звуках,* похожих на снаряды».

8. Замена стандартных этикетных формул

Это хорошо знакомое явление встречается очень часто и объясняется, видимо, тем, что разного рода этикетные слова и словосочетания порождаются «на автопилоте» и при снижения контроля могут смешиваться. Поскольку обмен приветствиями в русском языке различается применительно к разным временным периодам, часто приходится слышать «Доброе утро» вместо «Добрый день» и т. п. Бывают, что смешиваются и не совпадающие по функции обороты. Я выходила на улицу с собакой, в это время незнакомая пожилая женщина входила в подъезд. Она вежливо меня пропустила, придерживая дверь. Я прошла и сказала ей вместо *спасибо* (соблюдая соответствующую «интонацию благодарности») совершенно неуместное: «*Счастливо*!» Очевидно, сыграло роль и фонетическое сходство лексем. Иногда ловлю себя на том, что, заканчивая разговор по телефону, автоматически говорю: «*Целую*!» тем людям, с которыми обычно таким образом не прощаюсь. Но в данном случае, в конце статьи, обращенной к Валентине Даниловне Черняк, оно является вполне уместным.

[1] Термины оговорка и обмолвка являются, в сущности, синонимичными. Термин *оговорка* распространен более широко. Термин *обмолвка* встречается в работе Б. Ю. Нормана (Норман 1994) и в русских переводах статей З. Фрейда. Мы рассматриваем оба термина в качестве равнозначных.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

Черняк В. Д. Семантика частей речи и ресурсы русской синонимики // Язык. Функции. Жизнь: Сб. ст. в честь проф. А. В. Бондарко. СПб., 2000.

В. Г. Дидковская *(Великий Новгород)*

«Если у вас есть кошка…»

В известной квадриаде «язык – словесность – культура – самосознание» первые три компонента связаны между собой отношениями взаимного влияния (Толстой 1998: 10). Рассматривая состав культурной парадигмы, Н. И. Толстой относит к ней не только все виды искусства, обычаи, обряды и традиции, но и соответствующие им формы словесности и виды их устного и письменного воплощения (там же: 13-14). Подчеркивая единство этих компонентов, В. А. Маслова отмечает, что истинным хранителем культуры является текст, «ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» (Маслова 2001: 112).

Особое место в многообразном текстовом пространстве принадлежит словарям. В монографии «Вселенная в алфавитном порядке», написанной В. Д. Черняк в соавторстве с В. А. Козыревым, словарь определяется как книга, отличающаяся четкостью структуры, строгостью преставления разнообразных аспектов языковых единиц, отмечается роль словарей в духовной жизни общества, в осмыслении культурного наследия народа (Козырев, Черняк 2000: 6-7). Именно «словари дают возможность ориентироваться в безбрежном пространстве культуры» (Козырев, Черняк 2013: 63-65). Слово в словаре предстает не только в своей основной функции, как называющая и обозначающая единица языка, но и как знак «языка» культуры, закрепляющий «окультуренные представления о мире» (В. Н. Телия). Это относится не только к словам, называющим объекты и явления из сферы культуры, но и к любому, самому обыденному и «домашнему» слову, в котором тоже закреплены разные грани «культурной памяти» (см.: Козырев, Черняк 2007: 104 и след).

Вот что рассказывают словари о слове ***кошка***. Обращение к разнотипным словарям позволяет установить, что история этого слова не менее противоречива и загадочна, чем сама кошка. В русском языке присутствуют два слова для обозначения животных этого вида – *кот и кошка*. Слово *кот* – самец кошки –

имеет общеславянское происхождение. Древний корень *kotъ сохраняется в белорусском слове *кот*, в украинском – *кіт*, в болгарском – *кот**а**к*, в чешском и польском – *kot*, однако в других славянских языках с тем же значением употребляются лексемы другого вида – в сербском – *м**а**чак*, в словенском – *tačeh*. Слова, созвучные со словом *кот*, известны во всех европейских (и в неиндоевропейских) языках. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» все они отнесены к ранним заимствованиям из латинского языка, а именно, из народной латыни, в которой было слово cattus (дикая кошка), вытеснившее более древнее felis. В свою очередь «латинское cattus…, как полагают, восходит к нубийск. kadĭs… Из Африки кошка и ее наименования получили распространение и в других странах» (Черных 1994: 435). Другие исследователи находят у слова *кот* только латинские корни, считая его «африканскую» этимологию бездоказательной (Фасмер 1986: 350).

Слово *кошка* – самка кота – имеет соответствия в восточнославянских (белорус. *кошка*, укр. *кішка*) и других славянских языках: *котка* – в болгарском, *kočka* – в чешском, *kotka* – в польском. В древнерусском языке с этим значением употреблялись слова *котъка* и *кошька* (СДРЯ 1991: 277, 278). Интересно, что в этом словаре, отразившем лексический состав русского языка по письменным памятникам XI–XIV вв., нет слова *кот*, тогда как в Словаре русского языка X–XVII вв. представлены все три лексемы – *котъ, котка (котъка), кошка*, причем слово *кот* сопровождается примерами только из памятников XVI–XVII в. (СРЯ 1980: 379).

Если появление лексемы *котъка* легко объясняется ее образованием от *котъ*, то этимология слова *кошка* остается невыясненной. Как правило, оно рассматривается как уменьшительная словоформа, однако сам процесс ее образования имеет разную интерпретацию. В словаре М. Фасмера *кошка* возводится к *коша*, которое предположительно образовалось от *кот* (Фасмер 1986: 360). Иное объяснение предлагает П. Я. Черных. Древнерусское *кошька* он производит от **кочька* (как *клюшка* из *ключка*), но, задаваясь вопросом, откуда *кочька*, не находит определенного ответа. «В древнерусском форма *кочка* возникла, может быть, под влиянием ласкательных образований на *-ьк-а* от сущ. с основой на *к*…типа рус. *собачка, овечка*…» (Черных 1994: 438).

Как бы ни появилось в русском языке слово *кошка*, оно обладает обширным и многослойным культурным фоном, в котором отразилось многовековое сосуществование человека и кошки. Кошки постоянно присутствуют в фольклоре разных народов: так, в германском эпосе в образе кошки появлялась Фрейя – богиня плодородия, материнства и любви. В славянской мифологии кошка – любимый персонаж народных сказок, пословиц и суеверий: персонажем многих русских сказок был, например, кот Баюн. Суеверия, связанные с кошками, отражают двойственность представлений об их роли в жизни человека. С одной стороны, кошки считаются хранительницами домашнего очага и уюта, символом благополучия в доме, защитой от нечистой силы; с другой, согласно самой распространенной примете, черные кошки являются предвестниками неудачи. Кошки наделяются множеством необычных, мистических способностей: считается, что у них девять жизней, что они обладают особым «шестым чувством» и потому способны общаться с потусторонним миром. Именно эта двойственность культурных коннотаций определяет фразеологический и паремиологический потенциал слова *кошка* в русском языке.

В русской фразеологии компонент *кошка* объединяет группу единиц, воспроизводимую в различных лексикографических изданиях: и в аспектных фразеологических, и в толковых словарях. Так, фразеологизмы *черная кошка пробежала* между кем, *кошки скребут на сердце* у кого, *драная кошка,* жить *как кошка с собакой,* метаться *как угорелая кошка*, приведенные в словарной статье **кошка** в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова, в том же составе появляются в других, более поздних словарях этого типа. Заметим, что в образное основание приведенных фразеологических единиц *кошка* включается как символ с отрицательной «культурной семантикой»: она предвестник несчастья, способна причинить боль, она агрессивна и непредсказуема, неприглядна внешне. Вероятно, этот образ явился основой для формирования отрицательной экспрессивности у всех названных фразеологизмов: *как кошка с собакой – в крайне неприязненных* отношениях; *кошки скребут на сердце – о тоскливом* состоянии, беспокойстве и др.

Гораздо разнообразнее состав паремий, принадлежащих, по словам В. Н. Телии, жизненной философии народа. Анализ

жанрового состава паремий в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля демонстрирует высокую активность слова *кошка* в пословицах, поговорках, приметах, загадках. Так, арифметические (счетные) загадки, включенные в этот словарь, используют имя *кошка* как внешний повод для тренировки сообразительности. Одна из этих загадок хорошо известна и в наши дни: *Сидят три кошки, против каждой кошки две кошки, много ль всех*? Метафорические и аллегорические загадки отражают образ кошки, сложившийся в обиходно-бытовом опыте русского народа и закрепленный в его фольклоре: *Четыре четырки, две растопырки, один вертун да два яхонта (кошка). Сидит баба на току и грозится на сноху: «Я тя, …догоню, на клочки тя разорву» (кошка и мышь). Вышла царица из-под каменной горицы, тихо речет: «Где наш косарин?» – «В печных пещерах почивает, хочет идти воевати» – «Куда ж нам детей девати?» (Мышь, петух, кошка)*.

В. И. Даль в статье «Напутное», открывающей словарь «Пословицы русского народа», писал о пословицах и поговорках: «А чего нет в приговорах этих, то в насущности до народа не доходило, не заботило, не радовало, не печалило его». Можно предположить, что кошке в повседневной жизни русских крестьян отводилось большое место, поскольку она участвует в пословичных текстах как символ и эталон, организующие их образный смысл, в котором отражены моральные и этические идеалы народной культуры, взгляд на семейные и общественные отношения, на качества человека. В рубриках, по которым распределены пословицы с компонентом *кошка*, типизируются элементы народного мировоззрения, представления о духовных и нравственных ценностях, явления народной жизни, житейский быт: Гроза – кара: *Грозит мышь кошке, да издалече*; Угода – услуга: *Захотели от кошки лепешки, а от собаки блинов*; Воля – неволя: *Кошка любит молоко, да рыло коротко*; Много – мало: *На мышку и кошка зверь*; Друг – недруг: *Две кошки в мешке дружбы не заведут*; Двор – дом – хозяйство: *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*; Надзор – хозяин: *И то бывает, что собака кошку съедает*.

Но особенно часто кошка становилась главным действующим лицом ***примет*** – по ее поведению чаще всего предсказывалась погода: *Кошка клубком, на мороз. Кошка крепко спит,*

к теплу. Кошка стену дерет – к непогоде. Кошка лежит брюхом вверх, к теплу (Даль 1979: 182). Прогностическое восприятие поведения кошки отражено в самой известной примете – *Кошка моется – гостей замывает (зазывает)* (там же). Отметим, что в той же словарной статье В. И. Даль приводит приметы о самих кошках, например, *если кошка съест вареного гороха, то оглохнет*; *кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся*.

Словарная фиксация примет имеет богатую традицию – первые словари примет появились в XVIII в., – не прерывавшуюся в течение двух столетий: в замечательной книге «Русские словари от А до Я» (Козырев, Черняк 2014), представляющей полное библиографическое описание отечественных словарей русского языка, отмечен вышедший недавно «Большой словарь примет», включающий 15.000 единиц (Никитина и др. 2009). В предисловии к нему живучесть примет объясняется «психологической потребностью человека установить связь времен и событий, известного и неизвестного, получить информацию о будущем и скорректировать свои действия в соответствии с этим прогнозом» (там же: 3). Панхронизм примет обусловил включение в словарь не только народных традиционных единиц, но и совсем новых, записанных авторами и извлеченных из современных текстов: примет-регионализмов, локализмов и приколов. Рубрикация материала позволяет оценить прагматическую значимость имени *кошка* – ее прогностическая «сила» отражена в 4 из 5 разделов словаря, причем многие приметы, связанные с кошкой (не котом), отражают сферу удачи, радости, в них реализуется «светлая» сторона ее символического значения: *Кошка бросается из угла в угол – к радости. Трехцветная, а особенно семицветная кошка приносит в дом счастье. Три черных кошки (в качестве заставки на мониторе) неизменно приносят удачу. Кошка в самолете в игривом настроении – полет пройдет удачно*.

Особая паремиообразующая роль кошки отражена в названии II части словаря примет – «Если черная кошка перебежит дорожку…». Она оказывается тем объектом в мире животных, поведение которого чаще всего использовалось и используется для того, чтобы связать известное и неизвестное и получить информацию о будущем. В статью **Кошка** входит более 90 примет, закрепивших двойственное представления о вещей при-

роде кошки: *Гуляя с любимым, встретить черную кошку… – к счастью. Видеть кошку во сне – к измене любимого человека. Черная кошка спасает от воров… Кошки снятся – к мелким ворам*.

Прогностическое значение кошки сохраняется и в сфере личных примет, основанных на индивидуальных наблюдениях и опыте: *А у меня личная примета – черная кошка перешла дорожку – к деньгам. Если кошка запрыгивает на мой стол – вечером буду плакать* (раздел IV). Современное лингвокреативное сознание активно работает с образом кошки в сфере примет-приколов. Как правило, это шуточные псевдоприметы, создавая которые их авторы используют эффект обманутого ожидания: вместо глубинной, необъяснимой связи между предметами и событиями, в них устанавливается очевидная причинно-следственная связь между ними: *Кошка, дернутая за хвост, пророчит исцарапанные уши. Если черная кошка перебежала вам дорогу, значит, ей чего-то надо на другой стороне дороги*. Юмористический характер примет-приколов создается нагнетанием «вещего» смысла примет: для этого используется контаминация нескольких примет с одинаковым прогнозом, например: *Самая дурная примета: черная кошка разбивает зеркало пустым ведром*.

Заметим, что кошки и коты входят не только в символярий народной культуры, но и выполняют функцию культурных знаков в элитарной книжной культуре; так, они становились и становятся главными героями разножанровых литературных произведений, например, «Житейские воззрения кота Мрра» Э. Гофмана, «Кошка, которая гуляла сама по себе» Р. Киплинга «Черный кот» Э. По. Самый известный кот отечественной литературы – это Кот Бегемот, правда, «вошедшим» в современную лексикографию оказался другой кот – Леопольд, реплика которого стала действительно крылатым выражением нового времени: «*Ребята, давайте жить дружно!*» (Шулежкова 2003: 144, 278).

Таким образом, нельзя не согласиться с высказыванием Н. Ю. Шведовой, приведенным в авторском предисловии в книге «Вселенная в алфавитном порядке»: «Словарь развертывает перед своим читателем картину мира – так, как она существует в сознании носителей данного языка… Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представле-

ний об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций» (Козырев, Черняк 2000: 7).

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Т. 2. М., 1979.
Козырев В. А., Черняк В. Д. Словари как объект и инструмент языковой рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 63–65.
Козырев В. А., Черняк В. Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. СПб., 2007.
Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.
Козырев В. А., Черняк В. Д. Русские словари от А до Я. СПб., 2014.
Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
Никитина Т. Г. и др. Большой словарь примет. М., 2009.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980 (СРЯ).
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 4. М., 1988 (СДРЯ).
Толстой Н. И. Язык – словесность – культура – самосознание // Н. И. Толстой. Избранные труды. Т. II. М., 1998. С. 10–21.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. II. М., 1986.
Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994.
Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. М., 2003.

Е. В. Генералова *(Санкт-Петербург)*

Функционирование прилагательного *петербургский* в русском языке: к вопросу о вербальном выражении стереотипа

Все петербургское имеет свой характер
очень резкий и ясный.
М. А. Антонович

Концепт «Петербург», принадлежащий «к числу ключевых в русской концептосфере», «неразрывно связан с картиной мира, культурной памятью носителей русского языка» (Черняк 2008: 19). В лингвистическом отношении концепты «Петербург» и «петербургское» могут быть исследованы в разных аспектах: как образ в художественной литературе разных эпох и в творчестве конкретных авторов (см. ключевое понятие «петербургского текста», выдвинутое В. Н. Топоровым (Топоров 2003), трактовка Петербурга как мифа и текста русской

культуры), как фрагмент языковой картины мира, находящий определенное лингвистическое выражение (исследование лексических маркеров и носителей концепта, его словарного представления), как комплекс ассоциаций, обусловливающий определенное речевое поведение и влияющий на выбор языковых средств, как лингвистическое изучение речевого портрета и языковой личности петербуржца, как определенная направленность и принципы организации рефлексии и исследований (см. в этом отношении характерное название и проблематику конференции «Слово. Словарь. Словесность. Петербургский контекст русистики» (Слово 2003) и т. п.

В настоящей статье на материале корпусных данных (НКРЯ, Библиотека лексикографа) рассматривается функционирование в русском языке прилагательного *петербургский* (а также прилагательных *питерский, петроградский, ленинградский,* однако без описания семантической дифференциации этих лексем с учетом ограниченного объема работы) в свете формирования стереотипа города и горожанина.

Лингвистикой стереотипов достаточно хорошо изучено вербальное воплощение этностереотипов – «представлений о национальном характере того или иного народа, входящих в языковую картину мира» (Кобозева 1995: 102); аналогично можно говорить и об этнохороностереотипах – обобщенных образах жителей городов. Исследователями описан ряд языковых способов выражения этностереотипов; наиболее полное описание предпринято Л. П. Крысиным (Крысин 2003). Представляется, что функционирование оттопонимических прилагательных выступает как один из таких способов, активно развивающихся в языке (рассмотрение функционирования прилагательного *петербургский* иллюстрирует выдвигаемый тезис).

Контексты, в которых можно говорить о развитии семантики стереотипизации у прилагательного *петербургский,* можно разделить на две группы: контексты, имплицитно подразумевающие наличие такого стереотипа, и контексты, такой стереотип описывающие.

А. Контексты, имплицитно подразумевающие наличие стереотипа.

Стереотипизация возникает при использовании прилагательного с показателями превосходной, реже сравнительной

степени. Это формальный признак развития прилагательным качественной семантики: полный переход оттопонимических и отэтнонимических прилагательных в качественные происходит в редчайших случаях (напр., *африканские (чувства, страсти)* ‘бурные необузданные’), но такая тенденция в языке, несомненно, наблюдается. Контексты с использованием оттопонимических прилагательных с показателями превосходной степени известны в русском языке с конца XVIII в. (см. *самое английское лицо* (Н. М. Карамзин, 1793) и их количество неуклонно растет (*самый европейский город, самый английский пейзаж, самое московское питье*).

Употребляясь в превосходной степени, прилагательное *петербургский* чаще всего характеризует художника слова:

Достоевский, «самый петербургский» из всех наших поэтов (К. И. Чуковский, 1905);

Впрочем, «Пушкин – наше все», Пушкин, не только самый великий, но и самый петербургский из всех русских поэтов, дал нам пример обращения с этим неудобным глаголом (Г. В. Иванов, 1928).

В данном случае сталкиваемся с индивидуальным восприятием и пониманием стереотипа, что не отрицает его наличия: для понимания контекстов такого рода необходимо представление о некоем эталоне, стереотипе писателя, соответствующего определению *петербургский*.

Использование прилагательного *петербургский* в сравнительной степени – достаточно новая тенденция; неслучайно, такие употребления воспринимаются как окказиональные и могут оформляться на письме кавычками:

Она и определяет лицо экспозиции – в первых семи залах более «петербургское», а затем скорее «московское» (что, впрочем, уже само по себе исторично) (Российская музыкальная газета, 2003.01.15).

Близки к таким употреблениям фиксирующиеся в языке XX в. сочетания прилагательного *петербургский* с наречием *типично*:

*Типичное петербургское здание с колоннами на набережной Невы (*Е. И. Замятин, 1933);

Поэтому в патерне появятся скульптуры из бронзы и гранита, типично петербургских материалов (Известия, 2001.12.13).

В истории языка известен и другой способ указания на сгущенный признак. Так, в период со второй трети XIX в. до 1910-х гг. в языке использовались приставочные образования

от оттопонимических прилагательных с элементом *архи-*: *архинемецкий* (1835), *архималороссийский* (В. Г. Белинский, 1841), *архианглийский* (А. И. Герцен, 1864), *архимосковский* и др., в том числе и прилагательное *архипетербургский*:

Сегодня, по случаю парадных похорон, этот ресторан имел «архипетербургскую» физиономию (П. Д. Боборыкин, 1895).

Таким образом, можно говорить не только об изменении стереотипов, но и об эволюции лингвистических способов их выражения.

В связи с развитием семантики качественности в языке возникают и сочетания оттопонимических прилагательных и производных от них наречий с наречиями степени *очень, совершенно, вполне, совсем* и т.п.: *совсем английский мальчик* (А. Белый, 1929), *запила вполне по-славянски* (Н. Подольский, 2001), *аперитив — это очень по-британски* (Е. Козырева, 2001). Сочетания такого рода известны в русском языке, начиная с XIX в., в том числе и с прилагательным *петербургский*: *совсем петербургское небо* (Н. А. Добролюбов, 1856–1861), *совершенно петербургский тип* (Ф. М. Достоевский «Подросток», 1875). Рост числа таких контекстов указывает на тенденцию к превращению этой сочетаемости в типовую. Контексты с прилагательным *петербургский* чаще характеризуют внешние проявления стереотипа города (*совсем петербургское болото, совсем петербургское место*), но могут также описывать и содержание стереотипно представляемого характера (*очень петербургское общество, чисто ленинградские комплексы*).

Конкретные черты стереотипа города и горожанина при использовании прилагательного *петербургский* в таких контекстах не выделяются: задаются только определенные ориентиры, эталоны. Однако очевидно, что для адекватного коммуникативно успешного понимания высказываний такого рода необходимо наличие представления о том, что соответствует образу «петербургского».

Б. Контексты, описывающие стереотип.

Л. П. Крысиным как один из способов выражения этностереотипов были указаны сочетания оттопонимических прилагательных с абстрактными существительными-обозначениями качеств (*английская чопорность, немецкая пунктуальность*). Впервые сочетания такого рода фиксируются в языке XVIII в.: см. *гишпанская*

твердость. В данном случае анализ лексического наполнения таких контекстов с рассматриваемыми прилагательными позволяет выяснить как раз конкретное содержание стереотипов.

Ряд таких сочетаний с прилагательным *петербургский* описывает стереотип города: *петербургская сырость, петербургское зловоние петербургская прозрачность, петербургская размеренность и расчисленность, петербургская красота петербургская дороговизна*. Лидирующим и неизменно присутствующим в текстах разных лет является сочетание *петербургская сырость* (встречается у М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Крестовского, Д. С. Мережковского, А. Белого, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, современных авторов); ср. «семантика воды, водной стихии, сырости, тумана становится определяющей в петербургском тексте» (Черняк 2008: 23). Фиксируется несколько контекстов с лексемами *красота* (*петербургская красота, ленинградская красота*) и *античность (петербургская античность, питерская античность*).

На материале сочетаний с прилагательным *петербургский,* описывающих стереотип горожанина (*петербургская внушительность и проницательность, петербургское мелкодушие* (в противоположность *великодушию Москвы*), *петербургская прямолинейность* и др.) можно проследить определенное изменение представлений. В языке XIX в. стереотип описывает такие черты, как *петербургскую деловитость* (Д. Н. Мамин-Сибиряк), *петербургскую практичность* (И. А. Гончаров), а в языке XXI в. возникают сочетания *петербургская образованность, петербургская сдержанность, петербургская утонченность, петербургская интеллигентность* (также и с другими производными от названий города прилагательными: *питерская интеллигентность, ленинградская интеллигентность*). Периодически фиксируются контексты, указывающие на своего рода заносчивость петербуржцев: *петербургское высокомерие, петербургский снобизм* (см. также *питерский снобизм*). Стереотип не столько «петербургского», сколько «питерского» (что в данном случае принципиально) может связываться с небольшим достатком: *Одетая по-питерски, то есть нищенски бедно* (А. Вяльцев, 2001); *Приезжему москвичу питерская бедность неизбежно бросается в глаза* (А. Кремнев, 2003) (ср. *прозябали в приличной петербургской полубедности* (В. Аксенов, 1969). Прилагатель-

ное *ленинградский* чаще описывает психологические свойства жителя города: *ленинградская благовоспитанность, ленинградская нервность, ленинградское хладнокровие*.

Характерной тенденцией языка XX–XXI вв. является появление сложных прилагательных, включающих основы названий двух русских столиц: зафиксированы *московско-ленинградский, московско-питерский* (зарегистрировано в (Новые слова 2014: 848), *питерско-московский* (ср. единственное подобное образование в языке XIX в. – окказионализм *московско-невский* в публицистике К. Леонтьева (1880). В редких сочетаниях таких прилагательных с абстрактными существительными фиксируются отдельные представления об объединенном столичном стереотипе: *Отчасти по московско-ленинградской нечувствительности к страданиям деревни и провинции (эти два города полвека были усыплены и подкуплены за счет ограбления остальной страны), наша образованщина слепа и глуха к национальному бытию* (А. И. Солженицын, 1982).

Для производных от оттопонимических прилагательных наречий характерной в отношении выражения стереотипа сочетаемостью выступает их использование как характеристик образа действия: *по-скандинавски* (*скромно, неторопливо, спокойно), по-японски (благостно, стерильно, нежно и мелодично), по-московски (смачно, много*) и т.д.

Сочетаемость с наречиями *по-петербургски, по-ленинградски, по-питерски* оказывается близкой сочетаемости с производящим прилагательным *петербургский*, описываются во многом те же черты стереотипа. Ряд контекстов указывает на сдержанность, вежливость, иногда некоторую отстраненность как характерную черту петербуржцев:

Я давно считал его настоящим и хорошим поэтом, хоть он по-ленинградски немного холоден и литературен (С. Я. Маршак, 1950–1964);

Он меланхоличен, по-петербургски сдержан, накрахмален, и я его немного боюсь (В. А. Каверин, 1965–1970);

Штабс-капитан, несмотря на свою, смею сказать, всемирную известность, продолжал оставаться весьма сдержанным и по-питерски вежливым, деликатным человеком (В. П. Катаев, 1975–1977);

Он грамотно и очень «по-петербургски» строит свой пиар: не ругает впрямую нынешнего губернатора, но внедряет в сознание горожан мысль, что Питеру нужен современный менеджер, а не советский хозяйственник. (Известия, 2002.10.20).

Интересны отсылки стереотипа к конкретным культурным феноменам: *по-петербургски декадентский и извращенный (роман), по-петербургски влажное мурлыканье Вертинского*.

Как показатель развития семантики, стремящейся к качественной, важно появление оттопонимических прилагательных и производных наречий в контекстах, где к ним подбираются синонимы, реже антонимы (естественно, окказиональные). Семантика слов, вступающих в парадигматические отношения с анализируемым материалом, помогает понять содержание стереотипа: актуализируют те семы оттопонимических образований, которые и становятся основой формирования качественного значения:

Ну и тогда уж в лице у него заметно было что-то значительное, этакое, знаете, что-то петербургское (А. Ф. Писемский, 1858);

Куда попер-то голопузый шут? На даровщину, видно, по-питерски захотел… (А.И. Левитов, 1869);

в воздухе стало тепло, ласково, не по-петербургски (А. В. Никитенко, 1826–1855);

По-деревенски только все делайте, а не по-петербургски (А. Н. Энгельгардт, 1872–1887);

По-ленинградски, по-блокадному, непосредственно (А. Болдырев, 1941–1948 гг.);

Что-то есть в нем подлинно интеллигентское, петербургское, ленинградское (Известия, 2002.02.03).

Таким образом, изучение функционирования прилагательного *петербургский* в свете развития семантики оттопонимических прилагательных как одного из языковых способов выражения этностереотипов позволяет увидеть динамику и самого содержания стереотипа, и формы его вербального выражения. Семантика таких контекстов проясняет эталоны и конкретное содержание стереотипа «петербургского».

Библиотека лексикографа – А. А. Бурыкин. Библиотека лексикографа – Электронная текстовая база данных «Словаря русского языка XIX века».

Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.

Крысин Л. П. Этностереотипы в современном культурном сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 450–455.

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: http://search.ruscorpora.ru (НКРЯ).

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Т. 2. СПб., 2014.
Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI в. СПб., 2008.
Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
Черняк В. Д. Лексические доминанты Санкт-Петербурга: к истокам петербургского текста // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI в. СПб., 2008. С.19–25.

Л. Н. Чурилина *(Магнитогорск)*

Миф об *имперском сознании* россиян, или Еще раз о пользе словарей

Политическая жизнь России последних лет изобилует событиями, дающими стимулы к «пересмотру» сложившейся системы социальных ценностей с последующим диагностированием состояния общества в целом и общественного сознания в частности. Особую актуальность на общем фоне приобрел (и стабильно удерживает, если верить Рунет-пространству, с 2004 г. до сегодняшнего дня) вопрос о так называемом *имперском сознании*, с которым якобы не могут расстаться россияне: «Ностальгия по империи сохранилась как у элиты, так и у большей части представителей тех поколений, которые жили при СССР» (Соколов 2015); «Жизнь в империи не прошла для нас даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру» (Никольский 2014: 42). Если сам факт сохранения имперского начала в сознании современных жителей России не вызывает сомнения (во всяком случае – у пишущих об этом), то вопрос об оценке явления не решается столь однозначно.

Будучи феноменом сугубо умозрительным, *имперское сознание* имеет политические корни, чем определяется желание дать ему политическую же оценку. Причем зависит эта оценка, что вполне предсказуемо, от мировоззренческой позиции оценивающего субъекта или, что в данном случае одно и то же, от занимаемой политической платформы, а потому она, как правило, не знает «срединных» значений и оказывается либо резко отрицательной, либо безусловно положительной. Образцы подобного оценочного дискурса мы обнаруживаем, например, на Открытом христианском форуме, где активно

обсуждалась позиция Ю. Сипко, утверждающего, что в современной России налицо «повальное заражение бациллой превосходства нашей российской истории, нашей ментальности, духовности над общемировыми общечеловеческими ценностями» (Сипко 2007). Прямо противоположное мнение отражено в статье М. Смолина «Имперское сознание и Имперский национализм»: «Демократические идеологи старались убедить великую нацию, что ей не нужно, неудобно, наконец, невыгодно быть имперской нацией, что ей будет легче и спокойнее жить мелочными проблемами, занимающими швейцарца или люксембуржца, проблемами биологического потребления, а не духа и творчества» (Смолин 2012). Даже в случае попыток научного подхода к осмыслению феномена, он остается в аксиологическом поле: в нем усматривается угроза существованию российского народа, а потому «речь должна идти о смене россиянами своей имперской идентичности на патриотическую идею возрождения народа и страны без имперских целей» (Никольский 2014: 51).

Возможность получить хоть сколько-нибудь объективное (как минимум – не связанное с конкретной личностью, ее системой оценок и предпочтений) представление об абстрактном феномене в нашем случае связывается с лингвистическим анализом, т.е. с апелляцией к языку как источнику информации.

Разрабатываемое в рамках когнитивной лингвистики понятие *языковая картина мира* в содержании своем соотнесено с национальным сознанием – спецификой мировосприятия, не в последнюю очередь, согласно современным представлениям, определяемой языком.

Унаследовав от нашего юбиляра любовь к словарю, мы разделяем и уверенность в том, что словарь «представляет наиболее существенные изменения в лексиконе (а значит – и в сознании носителя / носителей языка. – *Л. Ч.*) современной языковой личности» (Козырев, Черняк 2014: 12). Попытаемся выявить объективные показатели наличия / отсутствия имперских амбиций в коллективном сознании наших современников и соотечественников, опираясь на словарные материалы.

В качестве источника используем последний по времени издания ассоциативный словарь – «Славянский ассоциатив-

ный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский» (САС). Преимущество ассоциативных словарей заключается, прежде всего, в объективности предлагаемого языкового материала: массовый свободный ассоциативный эксперимент позволяет зафиксировать «фрагменты сознания» разных носителей языка. Что касается избранного лексикографического источника, то предпочтение наше определяется не только фактором его относительной новизны, но и возможностью сравнения заведомо (?) *имперского* и *не имперского* вариантов национального мировосприятия: речь идет о сопоставлении русского и иных ассоциативных полей со стимулом *народ* (во всяком случае, нам не приходилось сталкиваться с обвинениями в «имперскости» белорусов, украинцев и болгар).

Чем определяется выбор слова-стимула? Мы намеренно отказались от вовлечения в анализ таких полей, как *власть* и *государство* (вариант анализа ассоциативного поля «власть» см. в (Морель 2015). Причина кроется в признании факта существования оппозиции *народ / власть* как характерной черты российской государственности на всех этапах ее формирования. При этом частотно проявляющая себя в ассоциативном эксперименте пара «народ ↔ мы» может рассматриваться как свидетельство самоидентификации участников эксперимента, представляющей для нас интерес, коль скоро речь идет о самосознании нации.

Совокупность критериев (маркеров) «имперскости» при анализе языкового материала определяется с опорой на предложенный С. А. Никольским перечень характерных признаков имперского сознания, в число которых входят: стремление к территориальному расширению, уверенность во враждебности «внешнего» мира («концепция единственной на свете «святой Руси») и, как следствие, наличие в национальном самосознании мессианской идеи, а также небрежение правом и презрение к человеку (Никольский 2014).

Ядро ассоциативного поля слова-стимула «народ», включающее наиболее частотные реакции, позволяет выделить несколько доминантных семантических зон:

– ‘множество’: *толпа*, *люди*, *много*, *масса / массы*, *стадо*, *много людей*, *многочисленный*, *электорат*;
– ‘организация’: *толпа*, *страна / страны*, *власть*, *стадо*, *общество*, *демонстрация*, *митинг*,

– ‘этнос’: *русский*, *нация*, *родной*, *национальность*, *племя*, *русские*, *чужой*.

В особую группу можно выделить реакции, эксплицирующие оценку, связываемую с представлением о народе (а поскольку народ = мы, то и самооценку). Оценка эта оказывается амбивалентной: с одной стороны – *сила / сильный*, *великий*, *веселый*, *дружный*, *умный*, *гордый*, *добрый*, *могучий*, *прекрасный*, *честный*; но с другой – *глупый*, *бедный*, *урод*, *быдло*, *дурак*, *дурной*, *несчастный*. Выход в область единичных реакций, если и способен изменить представление о характере самооценки россиян, то только в сторону увеличения доли негативной (*безвластен*, *бесправие*, *возмущен*, *все переживет*, *глуп*, *глумной*, *голод*, *голодает*, *голоден*, *дикий*, *крах*, *куча мусора*, *обманули*, *обманутый*, *пошел пить пиво*, *пьянь*, *страдальцы*, *терпеливый*, *терпит*, *униженный* и проч.; всего 24 реакции, или 30% от общего числа). Даже самый пристрастный взгляд не позволяет обнаружить следы «мессианства» у народа со столь низкой самооценкой.

В каком-то смысле отвечающим взятым за основу критериям можно было бы считать отмечаемое в ядерной зоне ассоциативного поля слово-реакцию *великий* (частота встречаемости – 6). Однако в других ассоциативных полях оно тоже встречается в частотной зоне ассоциаций: *вялікі* (белорусский; индекс частотности – 7), *велик* (болгарский; индекс частотности – 5); *великий* (украинский; индекс частотности – 17).

Допускаем, что низкая самооценка и есть языковое проявление отмечаемого С. А. Никольским небрежения к личности. Но в этом случае это единственный признак имперского сознания, который удается обнаружить: нет следов враждебности к «внешнему» миру, как и стремления к захвату территорий. Можно ли один, и не самый показательный, поскольку замыкает предлагаемый перечень, признак рассматривать как достаточное основание для диагноза – *имперское сознание*?

Вопрос, который неизбежно возникает в данном случае: возможно, *имперское сознание* не фиксируется на уровне ассоциативного эксперимента?

Ассоциативное поле со словом-стимулом *народ* представлено и в других имеющихся в нашем распоряжении ассоциативных словарях русского языка: «Словаре ассоциативных

норм русского языка» (САН) и в «Русском ассоциативном словаре» (РАС). Поскольку время проведения серии ассоциативных экспериментов, материалы которых легли в основу каждого из словарей, различно, ожидаемы и значимые различия на уровне результатов. Так, первый по времени создания «Словарь ассоциативных норм русского языка» отражает сознание человека советской эпохи; а «Русский ассоциативный словарь» представляет сознание россиян на стыке эпох – 90-е годы XX века – переломный («перестроечный») этап формирования мировоззрения нового времени.

Лексический состав ассоциативно-семантического поля (АСП) «народ» в САН позволяет говорить и о достаточно высокой национальной самооценке, и о претензиях на доминирование: существенно более высоким является индекс частотности слова-реакции *великий* (17), в структуру поля входят реакции *планета*, *всех стран*, *земной шар*, *воинственный*, *движущая сила* и др. Реакциями, отражающими самооценку испытуемых как представителей этнокультурной общности, в рассматриваемом АСП являются слова, в структуру значения которых входит сема ‘положительная оценка’: *великий, могучий, несгибаемый, дружный, большой, гордый, гостеприимный, добрый, мирный, трудолюбивый, хороший* и др.; народ – это *сила, творец, мощь, создатель, труженик*. В качестве единиц, объективирующих негативную самооценку, могут рассматриваться только единичные реакции *толпа и скот*.

В АСП «народ» в РАС еще сохраняет свои позиции идеология советского периода (*и партия, советский, и армия едины, и партия едины, СССР*), но при этом отражен начальный этап формирования нового – демократического – сознания: *Ельцин, свободу, выборы*. Лексический набор репрезентантов самооценки в этом АСП кардинально меняется: отмечается резкий рост числа единиц, соотносимых с представлением о негативной и даже крайне негативной оценке: *толпа, быдло, массы, стадо, сборище; глупый, темный, беден, дурной, загнанный, злой, озлобленный, лихой, многострадальный, страдает, тупой, угнетенный*. Доминирующим оказывается образ народа как безмолвной, пассивной, хаотично движущейся массы.

Последовательное сопоставление зафиксированных словарями материалов ассоциативных экспериментов, представ-

ляющих разные этапы формирования массового сознания жителей современной России, позволяет с высокой степенью вероятности заключить: имперское сознание было реальностью еще недавно, но сегодня оно не более чем миф. Этот факт нуждается в осмыслении и оценке, но это задача другого порядка.

Дайджест новостей Открытого христианского форума [электронный ресурс]. Режим доступа: http://jesuschrist.ru/news/2007/01/11/12143.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1. С. 5–15.

Морель Д. А. Динамика культурных концептов сквозь призму ассоциативного эксперимента [электронный ресурс]. Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/ 123456789/9152/1/Morel_Dinamika.pdf.

Никольский С. А. Русские как имперский народ // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. №1. С. 42–54.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов и др. М., 2002.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1973.

Смолин М. Имперское сознание и Имперский национализм [электронный ресурс]. Режим доступа: http://svyatorus.com/kultura/514-imperskoe-soznanie-i-imperskiy-nacionalizm.html.

Соколов Б. Сознание строит империю. Оно же ее – разрушает [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tochno.media/rus/publication/soznanie-stroit-imperiyu-razrushaet-1435340922.

Р. Л. Смулаковская *(Череповец)*

Ассоциативное поле как экспликатор содержания понятия «*война*»

Мы все – войны шальные дети…
Б. Ш. Окуджава

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Ю. В. Друнина

Собирание ассоциативных норм и создание ассоциативных словарей является одним из наиболее приоритетных и перспективных направлений не только в психолингвистике, но и в современной лингвистике в целом. Это, в частности,

объясняется тем, что «исследование даже небольшого фрагмента лексикона, осуществленное на основе ассоциативных экспериментов, представляет выразительные черты языкового портрета современника, уровень его культурной грамотности, систему ценностей» (Черняк 2013: 114). Мысль В. Д. Черняк о том, что ассоциативный эксперимент и его результаты являются «своеобразной хроникой языковой жизни» (там же), явилась серьезным стимулом для выбора объекта исследования.

Выбор слова-стимула обусловлен не только экстралингвистической актуальностью, но и его собственно лингвистическими свойствами, определяемыми его отнесенностью к семантическому классу событийных имен, которые «обладают способностью называть происходящее целостно, в сжатом виде» (Трещева 2012: 9). Обращение к методу свободного ассоциативного эксперимента и различным приемам интерпретации его результатов дает возможность увидеть в ассоциативном поле «лингвистически осмысленный фрагмент реальности» (там же).

Предметом анализа является структурно-семантическая организация ассоциативного поля (АП), представленного вербализованными реакциями на стимул ***война***. В качестве материала исследования использованы результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента среди школьников г. Череповца (САЭШ); словарные статьи «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова (РАС), «Сибирского ассоциативного словаря» под ред. В. И. Шапошниковой (СИБАС), «Эдинбургского ассоциатвного тезауруса» (ЕАТ).

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен в средней школе № 21(с углубленным изучением английского языка) г. Череповца в два этапа: в 8-х классах осенью 2014 г., в 10-х – осенью 2015 г.

Эксперимент проводился в письменно-письменной форме. Респондентам была предложена анонимная анкета с инструкцией: «Вы получили лист со словами. Читайте слова в том порядке, в каком они напечатаны в списке, и отвечайте на них, не раздумывая, тем словом или словосочетанием, которое первое придет вам в голову. Записывайте только одно слово, самое первое. Если вам не приходит сразу в голову слово-ответ, поставьте прочерк». Стимульный ряд состоял из 25 слов, распо-

ложенных в случайном порядке. Анкета заполнялась в течение 7 минут.

Количественно-статистические результаты.

В САЭШ принимали участие 100 человек: на стимул ***война*** получено 92 реакции (разных – 35, единичных – 22) и 8 отказов.

ВОЙНА: *мир (23), смерть (16), боль (6), глупость, и мир, кровь, страх, ужас (3), оружие, плохо, потери, прогресс, разруха (2), армия, время, вынужденность, гнев, голод, делай, добро, жертвы, катастрофа, копье, мрак, победа, поле, преобразование, пушка, раздор, рота, солдат, США, танк, танки, 1945 г.*

8-е кл. – 44 реакции (23 разных): мальчики (м.) – 20 ответов (разных –16), девочки (д.) – 24 (разных – 13).

10-е кл. – 48 реакций (32 разных): м. – 25 ответов (разных – 14), д. – 23 (разных – 21).

Количество разных реакций дает возможность определить относительный уровень стереотипности ответов: чем больше разных реакций, тем меньше стереотипность. По этому показателю данные САЭШ свидетельствуют об уменьшении уровня стереотипности с возрастом, что согласуется с наблюдениями других исследователей (Уфимцева 2011: 128). Обратимся к формуле, по которой рассчитывается стереотипность (R), и рассмотрим этот показатель в сопоставительном и гендерном аспектах. $R = N/ S$, $0 \leqslant R \leqslant 1$, где N – число разных реакций, S – число всех реакций на данное слово-стимул, причем, чем меньше значение R, тем выше уровень стереотипности реакций на данное слово.

Стереотипность реакций ассоциативного поля на стимул ***война*** в целом равна: 35: 92 = 0,38 (САЭШ); 211: 638= 0,33 (РАС); 82 : 205 = 0,4 (САНРЯ); 159 : 500 = 0,32 (СИБАС); 34 : 99 = 0,34 (ЕАТ). Отметим, что стереотипность реакций на предложенный стимул отличается во всех АП незначительно и она достаточно высока. Представляется, что это связано с большим количеством совпадающих ядерных реакций в приведенных АП (*мир, смерть, страх, ужас, боль* и др.). Полученные результаты свидетельствуют о стремлении словесных реакций старшеклассников к стандарту, т. е. к ассоциативным нормам, эксплицированным в ассоциативных словарях. Важно, что при использовании формулы на объективность результата не влияет разница в количестве респондентов.

Рассмотрим стереотипность реакций в САЭШ с гендерно-возрастной точки зрения.

8-е кл. – 0,52, 10-е кл. – 0,66, т. е. с возрастом у подростков стереотипность уменьшается, потому что за счет возрастания единичных ассоциатов увеличивается количество разных реакций. Однако гендерный аспект позволяет отметить нелинейный характер изменений в плане стереотипности. Так, уровень стереотипности реакций у мальчиков 8-х классов – 0,8, 10-х – 0,56, у девочек 8-х классов – 0,54, 10-х – 0,91, что свидетельствует об увеличении стереотипности к старшему подростковому возрасту у мальчиков и уменьшении у девочек. Такие колебания замечены и описаны в работах об ассоциациях школьников:

1. Структурно-содержательный анализ.

Ядро АП школьников формируется *мир, смерть, боль* и дополняется ближней периферией – *глупость, и мир, кровь, страх, ужас*. Ядро АП во всех ассоциативных словарях, которые мы использовали, организуется одинаковыми реакциями *(мир, смерть, peace, death)*. Отметим, что в ядро РАС и СИБАС, а также в ближнюю периферию АП школьников входит реакция *и мир* (она появляется в 10-м классе), образуя со стимулом прецедентный феномен. В СИБАС эта реакция дополняется двумя единичными прецедентными именами – *Аустерлиц, Толстой*.

Полученное АП характеризуется частеречной однотипностью реакций – это лемматизированные имена существительные, повторяющие форму стимула. Исключением являются такие реакции, как: числительное *1945 г.*, наречие *плохо,* глагол *делай*, множественное число существительных *потери* и *танки*. Обращает на себя внимание отсутствие синтагматических реакций-прилагательных, которые достаточно широко представлены в околоядерной зоне ассоциативных словарей: РАС – *Отечественная, страшная, мировая, жестокая, народная, атомная, гражданская, разрушительная и др.*; СИБАС – *жестокая, мировая, Отечественная, гражданская, великая, страшная, холодная;* EAT – *BAD, BLOODY, KILLING, NECESSARY, UNNECESSARY.* В РАС и СИБАС в качестве реакций выступают существительные в косвенных падежах с предлогами, организуя синтагматические типы связи (*в Афганистане, в Чечне, в Персидском заливе, с Германией, в Иране, с Китаем*). В РАС,

СИБАС и ЕАТ представлены парадигматические связи по типу синонимических (*битва*, *борьба*, *battl*). Наиболее частотной реакцией ядра АП ***война*** является антоним *мир*, *peace*, а у школьников встречается единичная реакция *добро,* которую можно квалифицировать как опосредованный антоним.

Синтагматические связи внутри бинома S – R в АП проведенного нами САЭШ отсутствуют. Лемматизированные реакции свидетельствуют о преобладании ситуативно-тематических реакций, которые, по мнению Ю. Н. Караулова, являются парадигматическими в широком смысле, служат показателем большей языковой и интеллектуальной развитости личности, считаются «глубинно-когнитивными, тезаурусными» и противостоят в этом отношении синтагматическим как «поверхностно-языковым» (Караулов 1993: 9). В этой же работе (там же: 191–192) показано, что ассоциативный бином, соответствующий «модели двух слов» S_{N1} – R_{N1}, может быть трансформирован с помощью связки (*это, значит*) или союзов (*потому что, так что*) в синтаксические примитивы: а) дефиниционные по форме, где слова-реакции выполняют оценочно-предицирующую функцию (***война*** – {это} *глупость*), б) структуры, реализующие связи логического характера, например, причинно-следственные (***война*** – {так что, поэтому} *разруха*). Не последнюю роль в преобладании тематических реакцией играет принадлежность стимула ***война*** к семантическому классу событийных имен, для которых наличие тематических реакций является «дифференциальным признаком конфигурации АП» (Трещева 2012: 17).

«Овнешнение» представлений о войне происходит не только в предложениях и текстах, но и в ассоциативных полях, которые выступают в качестве фреймов, структурированных совокупностью слотов. Для имен с событийной семантикой в числе обязательных выделяют следующие: «Участники», «Атрибуты», «Время, длительность, фазы события», «Локализация», «Связи логического характера», «Оценка и эмоции» (там же: 12–13). Выделенные нами слоты ориентированы на эти рекомендации.

Участники войны: САЭШ – *солдат, солдаты, рота, армия, США;* РАС – *боец, сержант, солдаты, роботов, между людьми, немцы, поколений, с врагами, с фашистами, с Германией* и др.; СИБАС – *армия, Гитлер, Германия, Америка, магов, немцы, солдаты, спецназ, человек;* ЕАТ – нет.

Вооружение, атрибуты: САЭШ – *оружие (родовое понятие), танк, танки, пушка, копье;* РАС – *взрыв, огонь, грохот, танк, автомат, бомбежка, пожары, стрельба;* СИБАС – *оружие, убийство, окопы, взрывы, бомба, каска, танки, орудие, пулемет, пушка*; ЕАТ – *BOMB, BANG, CANON, GUNPOWDER, GUNS.*

Название войны: САЭШ – нет; РАС – *Отечественная, мировая, народная, атомная, гражданская, ядерная, ВОВ, холодная, Великая Отечественная* и др.; СИБАС – *мировая, Отечественная, гражданская, 2-я мировая, Великая Отечественная, Чеченская;* ЕАТ – *SECOND,WORLD.*

Локализация: САЭШ – *поле;* РАС – *в Афганистане, в Чечне, в Персидском заливе, Чечня, локальная;* СИБАС – *Грузия, Аустерлиц, в Ираке, Восток, Осетия;* ЕАТ – *VIETNAM, KOREA.*

Время, длительность, фазы события: САЭШ – *время, 1945г., победа;* РАС – *кончилась, началась, прошла, без конца, долгая, окончилась, победа, 1941 – 1945, было, не кончилась, поражение, продолжалась;* СИБАС – *закончилась, кончилась, победа, 1612, 1941-го, будет, длинная, долгая, до победного конца, наступила, недолгая, пришла;* ЕАТ – *TIME.*

Связи логического характера: САЭШ – *смерть, боль, кровь, потери, прогресс, разруха, голод, жертвы, преобразование, раздор;* РАС – *смерть, кровь, гибель, разруха, разрушение, депрессия, страдания и др.;* СИБАС – *смерть, боль, кровь, разруха, жестокость, разрушение, жертвы, хаос, вражда, гибель людей, голод, кровопролитие, раздор, жертвы и др.;* ЕАТ – *DEATH, BLOOD, TERROR, VIOLENCE.*

Оценка: САЭШ – *глупость, плохо, катастрофа,*; РАС – *страшная, жестокая, разрушительная, священная, справедливая, ужасная, плохо, не нужна, беда, зло, ненужная, будь проклята, это страшно и др.;* СИБАС – *зло, плохо, беда, без смысла, бред, несправедливость, обман, глупость катастрофа;* ЕАТ – *BAD, BLOODY, CRIME, KILLING, NECESSARY, TROUBLE, UNNECESSARY, WEARY.*

Эмоции: САЭШ – *страх, ужас, гнев*; РАС – *ужас, горе, страх, слезы, страшно, кошмар, жестокость, гнев, жутко, ужас и страх и др.;* СИБАС – *страх, горе, ужас, жестокость, слезы, боюсь, гнев, злость, ненавижу, ненависть и др.*; ЕАТ – *HATE.*

Следует заметить, что заполнение слотов часто сталкивается с возможностью разной интерпретации семантических отношений между стимулом и реакцией. Так, реакции *Чечня,*

Грузия, Германия могут относиться не только к слоту «Локализация», но и к группе «Участники войны» на основе метонимии. Реакцию *зло* возможно рассматривать как оценочную (***война*** – это *зло*) и как реализующую логические связи (***война*** – поэтому *зло*). Множественности интерпретаций, несомненно, способствует лемматизированная форма реакций.

Подведем некоторые итоги анализа. Несмотря на различия в наполнении АП на стимул ***война*** в разных ассоциативных словарях и в проведенном нами САЭ, ядро поля остается стабильным. Это значит, что есть общая основа в представлениях о войне независимо от возраста, времени проведения эксперимента, страны, социального статуса. Объединяющим является и то, что война как событие в сознании людей имеет устойчивую отрицательную оценку и связывается с самыми негативными последствиями. Однако есть и отличия, которые касаются результатов школьного эксперимента. Обращает на себя внимание отсутствие реакций, обозначающих название войны, ее временную и территориальную локализацию, конкретных участников. Это свидетельствует, как представляется, что подростки не привязывают слово-стимул ***война*** к конкретным событиям, формирующим актуальную «повестку дня». Для участников нашего эксперимента (школьников 14–16 лет) война – это абстрактное событие, ассоциативное поле которого отражает эмоционально-оценивающий взгляд извне. В заключение, возвращаясь к приведенным в начале статьи словам В. Д. Черняк, мы можем сказать, что результат свободного ассоциативного эксперимента, проведенного во время значимых для общества событий, является хроникой не только языковой, но и ментальной жизни подростка.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.

Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю. Н. Караулова [электронный ресурс]. Режим доступа: http://tesaurus.ru/dict/dict.php.

Сибирский ассоциативный словарь русского языка: Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2015) / Авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко [электронный ресурс]. Режим доступа: http://adictru.nsu.ru. (СИБАС)

Трещева Е. Г. Имена ситуаций-событий и типология ассоциативных полей: автореф. дис. … канд. фил. наук. Саратов, 2012.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., 2011.

Черняк В. Д. Современная музыка в спектре языковой личности // Уральский филологический вестник. 2013. № 4. С. 110–115.

The Edinburgh Associative Thesaurus [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eat.rl.ac.uk. (EAT).

В. В. Химик *(Санкт-Петербург)*

Майдан: лексикографическое зеркало и новая языковая реальность

I. Лексическое значение слова *майдан* в толковых словарях современного русского языка воспроизводит в том или ином объеме информацию, которую собрал В. И. Даль: «МАЙДА́НЪ *м.* площадь, мѣсто || возвышенная прогалина и || стоящій на ней лѣсной заводъ, смолокурня, дегтярня, поташня, смолевой, селитряный *майда́нъ*... завод, работающий на водѣ... || сборное мѣсто || станичная, сборная изба; || охотничья хижина въ лѣсу, на прогалинѣ || *ниж.* су́водь, водоворотъ на широкомъ плесу; || торгъ, базаръ или мѣсто на немъ, гдѣ собираются мошенники, для игры в кости, карты...» (Даль, т. II 1881: 200).

Ср.: «Толковый словарь...» под ред. Д. Н. Ушакова (т. II): «... 1. На юго-востоке и юге СССР – рынок, рыночная площадь. 2. Игорный притон на базаре (обл.). 3. Место тайной игры в карты или тайной продажи водки в тюрьме (воровское арго). 4. Яма для выгонки дегтя (обл.). || Возвышенное место, где устраиваются эти ямы (обл.). 5. Особый вид курганов (археол.)».

Аналогичное содержание находим и в «Толковом словаре...» Т. Ф. Ефремовой (Ефремова 2005). Другие источники ограничиваются в основном значением, актуальным для конца XX столетия, например: «МАЙДАН ...1. В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни – базары <...>. 2. Древняя могила, курган, обычно раскопанный сверху» (Словарь русского языка Т. II, 1982); (Большой толковый словарь... 1998). Статья словаря С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой еще более лаконична: «...базар, базарная площадь» (1992).

Обобщение языкового материала, представленного, с одной стороны, данными лексикографии, а с другой – источниками живой речи, позволяет выявить три основные проекции функционирования слова *майдан*: традиционно-историческую, арготическую и социально-политическую.

II. Некоторые словари (Толковый словарь... Д. Н. Ушакова; Большой толковый словарь...1998) отмечают факт исторического заимствования слова *майдан*, его тюркские (*mäidan*),

арабские (*maydān*) и персидские (*meydan*) корни. М. Фасмер происхождение слова *майдан* объясняет следующим образом: «…Из тат., кыпч., казах., туркм. maidan «ровное, свободное место», тур., крым.-тат. mäidan (Радлов 4, 1990, 2069)…» (Фасмер, т. II: 559).

Арабско-персидское прошлое тюркского и затем восточно-славянского слова *maidan/майдан* находит подтверждение в существовании множества топонимов-урбанонимов за пределами тюркоязычного и славянского мира: *Maydan al-Shajara* (город в провинции Бенгази, Ливия), *Ram Lila maidan* (площадь в Нью-Дели, Индия), *Maidan* (городской парк в Калькутте, Индия), *Maidaan-e naqsh-e jehaan* (площадь в городе Исфахан, Иран), *Maydan Ikbis* (город в Сирии), *Maidan* (поселок в провинции Razavi Khorasan, Иран), *Maidan* (муниципалитет в Непале), *Maidan Shar* (город в Афганистане) и др.

Довольно большое количество номинативных и семантических вариаций слова *maidan/mäidan/meydan* в турецком языке: MEYDAN… 1) площадь, плац, поле, площадка… 2) площадь в городе… 3) кругозор, поле зрения, обозримое пространство; *hava meydani* – аэродром, *meydanda durmak* – виднеться, быть в поле зрения, *meydana cikarmak* – показывать, обнародовать; *meydanlik* – открытое, ровное место (Турецко-русский словарь 1977: 624-625).

Как можно видеть, основные значения слова *maidan/mäidan/meydan* в языках-источниках строятся в пределах фрейма «свободное место, открытое пространство»: ‘площадь’, ‘город’, ‘селение’, ‘парк’, ‘аэродром’ и т. п. С этой же фреймовой базой слово *майдан* стало употребляться и в языках восточных славян, в частности, в собственно локальном значении в русском языке: ‘площадь, свободное место – естественное или искусственно созданное’, например:

Майдан *так утоптан, что на нем нет ни былинки…* Дионео. Магистериум // «Грядущая Россия», 1920; *Лошади были поданы к конторе за полчаса до объявленного срока. Касьян на Ласточке с Вегой, дедушко Селиван на Ясене с Мальчиком на рысях подкатили к правленческому* ***майдану****. На пустыре уже набрался усвятский люд…* Е. Носов. Усвятские шлемоносцы (1977).

От прямого локального значения образовывались переносные, метонимические переосмысления слова *майдан* по его

функции: 1) ‘торг, базар’, 2) ‘сходка, коллективное обсуждение’, 3) ‘люди, участники сходки’:

Все до нитки отберут и в ***майдан****, а он – молчит!* О. С. Минор. Это было давно… (1933); *Гусек на Смирном выехал на измаильский* ***майдан****.* ***Майдан*** *кишел народом…В одном месте в ряд стояли возы с яблоками. Раскинулись палатки с восточными сластями.* С. Т. Григорьев. Александр Суворов (1939); *Мишка оглянулся назад: к площади на* ***майдан*** *спешили казаки.* М. А. Шолохов. Тихий Дон (1928–1940); *– Станичники! – взывал он на казачьих* ***майданах****. – Вам грозит регулярство, из вас хотят сделать солдат, осенью будет набор рекрутов.* В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1934–1939).

Как и в языках-источниках, русское слово *майдан* активно используется в качестве топонима – расширение локального содержания: перенос с части на целое, от значений ‘сборное место’, ‘площадь’, ‘базар’ к обозначению всего поселения, в котором эти ‘место’, ‘площадь’ или ‘базар’ находятся:

И раскулачивали их, и расстреливали, и в тюрьму за матрешку сажали – ничего не помогало. В ту пору все окрестные села, которые в старину под барами лежали, этот промысел бросили: испугались. Один ***Майдан*** *уперся и спас матрешку, вытащил на своих плечах. При Брежневе даже говорили:* ***Майдан*** *– маленькая Америка. Где частная собственность? В СССР ее нету. А в* ***Майдане*** *есть.* Русский репортер, № 1–2, 22–29 января 2009.

Ойконимы с метонимическим именем *Майдан* широко распространились по всему восточнославянскому языковому пространству: деревня *Майдан* в Витебской обл. Белоруссии, десятки сел с именем *Майдан* в России (в Архангельской, Нижегородской, Оренбургской областях, в Пермском крае, в Мордовии), в Украине (в Винницкой, Волынской, Житомирской, Закарпатской, Львовской, Ровненской и других областях). При этом на территории Украины возникли и закрепились также и составные ойконимы с базовой частью *Майдан-*: *Майдан-Александровский*, *Майдан-Чернелевецкий, Майдан-Бобрик, Майдан-Лабунь* и др. Встречаются они, впрочем, и за пределами восточного славянства: в Польше: *Majdan Królewski* (сельская гмина в Кольбушовском повяте Подкарпатского воеводства), в Сербии (село *Майдан* в общине Нови-Кнежевац историко-географической области Банат), в Хорватии (село *Majdan* в общине Двор).

Однако пространственная метонимия приводит не только к расширению представления о месте, но и к сужению, к вариативной предметной локализации в виде «куста» производных значений от общего производящего: *майдан* – это ‘дом’, ‘изба’, ‘хижина’, ‘завод’, ‘печь’ и т. п., т. е. объекты, находящиеся на определенном месте, открытом ровном пространстве – чаще производственные, промысловые (см. (Даль, Т. II 1881: 200); (Фасмер, т. II: 559), например:

‘дом, изба’: *Двери в* ***майдан*** *затем закрыли, и слышно было лишь, как толкались там дробные, переплетающиеся голоса* <…>. *Но когда подошло время обеда, Терпуг, проходя мимо* ***майдана****, не утерпел – подошел к двери и, осторожно приотворив ее, стал слушать*. Ф. Д. Крюков. Зыбь (1909);

‘печь’: …*И действительно, вы скоро выступаете на вырубленную среди леса площадь, на которой устроен* ***майдан*** *(особого рода печь для гонки дегтя)*. Г. И. Успенский. В деревне (Летние сцены) (1865);

‘древнее земляное сооружение в виде кольцевого вала, входа и боковых насыпей’: *В предместьях г. Павлограда у села Межиричи на Днепропетровщине расположен Мавринский* ***майдан*** *– памятник археологии, сооружение второго тысячелетия до новой эры*… http://www.djerelo.org.ua….

III. Еще более многообразны и изобретательны метонимические преобразования слова *майдан* в социальных диалектах. Словари жаргонизмов и сниженной речи приводят довольно большое количество функциональных вариантов: ‘нелегальный тюремный магазин’, ‘нелегальная тюремная торговля’, ‘воровской притон’, ‘воровская группировка’, ‘тюрьма’, ‘вагон’, ‘поезд’, ‘вокзал’, ‘чемодан’, ‘место для игры в карты’ и др. (Мокиенко, Никитина 2000: 330).

Д. С. Лихачев в работе, посвященной русской воровской речи, обратил внимание на употребление слова *майдан* в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и расценил его состояние как «семантический распад», см.: «1) место тюремной торговли, 2) суконка, на которой играют в карты, 3) место игры в карты, 4) вокзал, 5) железнодорожный вокзал, 6) чемодан, 7) пристанционная площадь, 8) базар, 9) наган, 10) колода карт» (Лихачев 1933: 73).

Исследователь жаргона М. А. Грачев попытался систематизировать этот «распад» и представить его как соотношение

омонимии и полисемии: «МАЙДАН[1]… 1. Вокзал. 2. Пристанционная площадь… 3. Базар… 4. Вагон. 5. Товарный поезд; поезд… МАЙДАН[2]… Колода карт. МАЙДАН[3] …1. Место тюремной торговли… 2. Помещение для игры в кости… 3. Коврик, свечка и карты, предназначенные для азартной игры… 4. Место для игры в карты… 5. Суконка, на которой играют в карты… 6. Притон шулеров. 7. Деньги в банке при игре в «очко»… МАЙДАН[4] … 1. Чемодан… 2. Саквояж… МАЙДАН[5] … Шайка преступников (Грачев 2003: 508–509).

Арготические употребления слова *майдан*, как и традиционные, подчиняются внутренней системности, которая также выражается в ориентации на фрейм «место/пространство», хотя особенности метонимического переноса в арготическом дискурсе делают эту ориентацию не всегда очевидной, часто парадоксальной. И все же арготический *майдан* – это тоже прежде всего «место»: «место скопления, пребывания людей, преимущественно незаконной деятельности» (Химик 2004: 304):

1) «место кражи»: ‘вокзал’, ‘вокзальная площадь’, ‘перрон’, ‘поезд’, ’вагон’; выбор объектов арготического переименования, очевиден: вокзал, привокзальная площадь, поезд, вагон – это наиболее подходящие для воровских акций пространства в силу их многолюдности и оживленности: *На одесском* ***майдане*** *переполох. Держать* ***майдан****. Майдан* ***тронулся****. Менты в* ***майдан*** *влезли*;

2) «место сосредоточения и релаксации представителей преступного мира»: ‘кабак’, ‘ресторан’, ‘воровской притон’, ‘воровская шайка’: *– Чего ты мне все деньги даешь! Ты сам пойди в* ***майдан*** *выпей, – кака-така там есть водка!* В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903);

3) «место/помещение для скрытой, незаконной торговли (в тюрьме, лагере)» – имитация «базара, лавки», например: *Цены на остальные товары в* ***майдане*** *следующие: бутылку молока, которая самим им дается за 3–4 копейки, майданщики продают по пятачку <…> уплачивал, по обычаю, по полтора рубля двум камерщикам, мывшим полы и выносившим парашу, и в часы обеда открывал свой* ***майдан***. В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903).

4) «место для азартных игр (в карты, кости и т.п.)» – имитация «игорного заведения»: ***Майдан*** *– это игорный дом, ма-*

ленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штоссу и другим азартным играм. А. П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895); *На его койке устраивался по ночам «**майдан**», т. е. картежная игра на деньги…* С. П. Подъячев. Мытарства (1903).

В каждом случае очевидны метонимические связи с «местом» и сохранение фреймовой ориентации производных слов/значений: *майдан* – воровская группировка, шайка преступников, которая группируется вокруг *майдана* – «места». Либо наименования разного рода аксессуаров карточной игры и воровской добычи, связанных с «местами» воровской удачи:

‘колода карт’, ‘кусок сукна, расстилаемый для игры в карты’, «набор» ‘коврик, свечка, карты’: *Почти в каждой казарме был такой арестант, который держал у себя аршинный худенький коврик, свечку и до невероятности засаленные, жирные карты. Все это вместе называлось: **майдан**…* Ф. М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862);

‘деньги’, ‘денежный банк’, ‘чемодан, сумка, саквояж’ и прочая воровская добыча в людных местах, например: *– Ну, на пару. На бану **майданы** резать. Айда? – Айда, – сказал Ленька, хотя и тут не понял, на каком бану и какие **майданы** ему предлагают резать.* А. И. Пантелеев. Ленька Пантелеев (1938–1952).

Большинство арготических вариантов слова *майдан* отличает некоторая расплывчатость содержания, диффузность, неустойчивость семантики, ср.: *майдан* – ‘вокзал–перрон–вагон–поезд (товарный, пассажирский…)’ или *майдан* – ‘чемодан–саквояж–сумка–рюкзак–ящик’ и т.п. Д. С. Лихачев расценивал эти и подобные вариативные воровские арготизмы как «недоношенные продукты постоянно бьющей струи языковой импровизации» (Лихачев 1933: 76).

IV. Традиционные и арготические значения слова *майдан* являются в основном периферийными, в то время как само слово, как показывают живая речь и материалы СМИ, становится актуальным, но в совершенно ином значении, в современных словарях пока не зафиксированном.

Главная причина известна: в постсоветское время в центре столицы Украины, городе Киеве, появилось новое название *Майдан Незалежності*. Вместо нейтрального синонима *пло́ща* (Новый русско-украинский словарь 2004: 334), широко

распространенного в украинской городской топонимике, использовано слово *майдан*. Выбор продиктован, несомненно, традиционным колоритом номинации *майдан*, ее исторической многозначностью (‘место’, ‘сход’, ‘люди’), а также аллюзиями, восходящими к военно-демократическим традициям запорожского казачества (Яковенко 2015: 146): *майдан* как место казачьих сходок и корпоративного принятия решений – своеобразное «украинское вече»:

…Козаки стали высыпать из разных углов, и когда ударили в котлы для призыва на раду, то сечевой ***майдан*** *(площадь) оказался мал, вышли из крепости на просторное место, где и объявили войску, что начинается война против поляков и что хан будет за козаков, благодаря стараню Хмельницкого…; тогда все войско закричало, чтоб Хмельницкий был гетманом, и Богдан принял опасную роль…С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 10 (1860).*

Новый статус неологизма-урбанонима *Майдан Незалежності* вполне мог ограничиться культурным пространством Украины и украинским языком, однако дальнейшие события существенно повлияли на общественную роль нового названия и на языковую судьбу номинации. *Майдан Незалежності* довольно скоро оправдал свое название – стал популярным местом «сходок»: митингов, забастовок, массовых протестов, многодневных «стояний» множества людей:

Самую центральную улицу – Крещатик, а с ним и ***Майдан Незалежности****, полностью перекрыла милиция, не пропуская как сторонников Тягнибока, так и членов Компартии. Новый регион 2, 2010.10.14.*

Составная номинация быстро приобрела популярность и в расхожем употреблении сократилась до одного слова – речевого варианта нового урбанонима – *Майдан*:

Авторы статьи прямо призывали читателей не появляться на Крещатике, ***Майдане****, Михайловской площади 7 ноября. РИА Новости, 2006.11.07; На самом деле то, что происходило на* ***Майдане****, имеет большую проблему для Украины в плане социальной психологии. Новый регион 2, 2004.12.22.*

Но на этом процесс семантического преобразования слова не завершился и в некотором отношении повторил путь развития традиционных переносных значений: *Майдан* – ‘место (площадь в Киеве)’ → Майдан – ‘сходка (массовая протестная акция)’, → Майдан – ‘люди (участники протестных акций)’.

Первоначально вторичные функциональные значения слова (‘сходка – массовая протестная акция’ и ‘участники про-

тестной акции') использовались как локально ориентированные – события и люди в г. Киеве, в конкретном его месте, на центральной площади:

Многие аналитики считают, что ***Майдан*** *случился потому, что в Киеве за годы независимости было сильно влияние Галиции. Новый регион 2, 2006.09.15; Но главное преимущество – на его стороне была революция, был удивительный полумиллионный* ***Майдан*** *с оранжевыми шарфиками. РБК Daily, 2004.12.24; …****Майдан*** *скандировал не только имя нового президента страны, но и имя его очаровательной соратницы. Труд-7, 2005.09.13.*

Однако довольно скоро новое понятие и новая номинация вышли за пределы конкретной киевской локализации, содержание слова расширилось и приобрело обобщенное значение: 'массовая протестная акция', т. е. без прямой связи с киевскими событиями, но, несомненно, с внутренним их сравнением, уподоблением – «как в Киеве», ср.:

Черниговский ***майдан*** *по доброй традиции предыдущих дней 5 декабря собрался вечером в сквере Попудренко. https://ru.wiktionary.org/wiki/майдан; Украинские беженцы устроили «****майдан****» в мордовской деревне… www.rg.ru/2014/12/19/reg-pfo/atyma.htm; Вместе с тем, представители оппозиции заявляют, что* ***Майдана*** *в Белоруссии не будет. Новый регион 2, 2006.03.17; В Екатеринбурге откроется «зеленый* ***майдан****» … опять пройдут акции… Новый регион 2, 2005.08.04; Стал ли «киргизский* ***Майдан****» решающим фактором в принятии новой конституции? РИА Новости, 2006.11.13.*

Преобразование имени собственного в нарицательное потребовало когнитивной определенности, и журналисты вместе с политиками предприняли попытки уточнить новое понятие «майдан» – 'массовая протестная акция' – разными дополнительными характеристиками, элементами дефиниции, например:

Майдан *– это сообщество свободных людей, не признающих над собой никакой власти, кроме той, которую они готовы признать над собой сами. А. Бабченко / Территория воли // Сноб. 15.12.2013; Очень важно подчеркнуть, что…* ***Майдан*** *был случаем самоорганизации… Радио «Эхо Москвы», 1 августа 2015, 19:07.*

Следует, таким образом, признать бесспорный факт: слово *майдан* с его новым содержанием стало актуальным русским заимствованием, новой номинационной реалией в «алфавитной вселенной» (см. (Козырев, Черняк 2000: 3–5) русского языкового и лексикографического пространства. Как и большинство других новаций, семантический неологизм *майдан* отличается

разговорной маркированностью и поэтому легко окрашивается оценочными коннотациями. При этом характер коннотаций, позитивных или негативных, зависит исключительно от интенций субъекта речи, от политической конъюнктуры, а значит, не влияет на общую семантическую структуру слова.

V. В чем же особенность рассматриваемого семантического неологизма в русской и, очевидно, восточнославянской языковой действительности? Чем отличается это новообразование от уже имеющихся значений?

Существительное *майдан* отчетливо сохраняет в своей содержательной структуре фреймовую ориентацию: «место/пространство», и внутренняя событийность номинации («протестная акция») обусловлена связью с определенным местом/пространством, на котором происходит событие. Семантический компонент «место/пространство» допускает представление о пребывании в данном месте множества людей, длительном «стоянии» как способе выражения протеста, предъявления каких-л. требований к властям. Конкретный набор составляющих компонентов – ‘место’, ’люди’, ‘стояние’, ‘длительность’, ‘требование’ – и формирует новое значение традиционного слова. Когнитивное его содержание (дефиниция) формулируется следующим образом: *майдан* – форма массового ненасильственного протеста в виде длительного пребывания его участников в определенном месте, обычно на городской площади, с выдвижением ультимативных требований к власти.

Новообразование *майдан* – несомненный феномен языка и культуры, семантический неологизм нового времени, сложная семема, в структуре которой причудливым образом переплетаются результаты метафорических и метонимических преобразований слова-источника, соединяются восточно-славянская история и реалии современной социокультурной, политической и языковой действительности.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго. М., 2003.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1–4. М., 1978–1980.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке. СПб., 2000.

Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. 1933.
Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
Новый русско-украинский словарь. Киев, 2004.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984.
Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
Турецко-русский словарь. АН СССР, Ин–т востоковедения. М, 1977.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. О. Н. Трубачева. В 4 т.. М., 1964–1973.
Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
Яковенко И. Насилие и ненасилие в истории украинского народа // Нева. 2015. № 4. С. 146–157.

Е. В. Маринова *(Нижний Новгород)*

Тенденция к множественности наименований в русском языке новейшего периода: основные формы проявления

За последние десятилетия активные процессы, происходившие в русском языке, заметно изменили его облик. Язык советской эпохи и язык эпохи постсоветской – два разных культурных феномена в пределах одной знаковой системы, и каждый из этих феноменов, безусловно, отражение времени. Русский язык новейшего периода, с его «динамическими» – в духе времени – изменениями, по-прежнему находится в состоянии нестабильности, однако три десятилетия его нестабильного существования выявили ряд более или менее устойчивых путей развития, тенденций. Важнейшими из них являются тенденция к демократизации языка, тенденция к интеллектуализации лексики и тенденция к глобализации (см., например, об этом: Лейчик 2003).

На наш взгляд, в этот ряд следует включить и тенденцию к множественности наименований, о чем мы уже писали в (Маринова 2008). Она проявляется в стремлении говорящего, во-первых, к порождению вторичных номинаций одной и той же реалии, особенно **новой**, и, во-вторых, к использованию этих номинаций в речевой деятельности, в различных коммуникативных ситуациях (Черняк 2000; Черняк 2003). Так, в речи одного и того же носителя языка можно услышать: *отправить*

по электронной почте или *отправить имейл* (в официальной речи), *отправить по электронке* (в менее официальной обстановке) и *отправить мыло* (в неофициальной речи). И подобных примеров множество, см. также: *Интернет* и *Сеть, инет*; *архивация* и *архивирование*; *ксерокопия* и *ксерокс*; *евро* и *евровалюта, европейская валюта, еврик*; *массмедиа* и *СМИ*; *избиратели* и *электорат*; *от кутюр* и *высокая мода*; *сервис-центр* и *сервисный центр*; *смс-сообщение* и *смс* или *эсэмэска* и т. д. Не просто пары, но ряды, цепочки номинаций выстраиваются и накапливаются в языке, что свидетельствует о том, что для современного человека, являющего участником общения в самых разнообразных сферах деятельности (профессия, туризм, сфера развлечений, спорт, быт, мода, интернет-пространство и др.), необходимым условием незатрудненной, успешной коммуникации является большой запас разнообразных средств и способов языкового выражения.

Одним из наиболее значимых процессов, реализующих названную тенденцию, является лексическое заимствование. Это подтверждает проведенное нами на протяжении более одного десятилетия исследование массива новых слов, появившихся в русской речи с конца XX в. Основу собранного материала составили иноязычные слова (ИС) – более 2500 единиц. Однако для выявления специфики их освоения в русском языке рубежа XX–XXI вв. к анализу привлекались также формальные варианты ИС (типа *блоггер – блогер, ленч – ланч, биеннале* ср. р. – *биеннале* ж. р. и т.п.); эквивалентные (синонимичные) единицы (слова и словосочетания); неологизмы, образованные на базе ИС. Анализируя различные парадигматические отношения новых ИС – отношения синонимии, вариантности, отношения внутри словообразовательной пары и др., мы всегда обнаруживали одну и ту же картину: создание (накопление) в языке разных, с точки зрения способа образования, номинаций одного и того же фрагмента действительности.

Рассмотрим основные участки и подсистемы языка, участвующие в этом процессе. К ним относятся синонимия, формальное варьирование слова, словообразовательная дублетность.

Синонимия. Лексическое заимствование в большинстве случаев становится катализатором развития синонимических

отношений в языке. Так, если из чужого языка приходит безэквивалентное слово, оно нередко инициирует появление какого-либо синонима (однословного наименования или словосочетания). См.: ***Интернет*** – *Всемирная Паутина, глобальная сеть, Сеть, киберпространство, киберспейс, виртуальная реальность*; ***джип*** – *внедорожник*; ***имплантация*** – *вживление*; ***твитпинг*** ‘общение в сервисе Twitter’ – *микроблогинг*; ***селфи*** ‘самофотографирование’ – *себяшка* (разг., мол.); *буккроссинг* ‘обмен книгами как общественное движение’ – *книговорот* и др.

Безэквивалентное ИС «провоцирует» языковую систему, побуждая ее к творчеству, к деятельности, поскольку создание синонима к тому или иному ИС в каждом конкретном случае происходит индивидуально. Иногда в качестве синонима выступает **калька**, прототипом которой является слово (или словосочетание) чужого языка, послужившее источником материального заимствования. Например: ***бритоголовые*** – ср. *скинхэды* < англ. skinhead; отсюда пара синонимов *скинхэды – бритоголовые*; ***высокая мода*** – ср. *от кутюр* < франц. haute couture (букв. ‘высокое шитье’); ***перепост*** (полукалька) – то же, что *репост* < англ. repost ‘копирование статьи с одного ресурса и размещение ее на другом ресурсе с указанием ссылки на автора статьи’ (НС-XXI 2015) и др.

В качестве синонима к ИС могут выступать существующие в языке слова, получившие новое значение, т. е. **семантические неологизмы**. Например, слово *диалоговый* ‘относящийся к диалогу, проходящий, протекающий в форме диалога’ стало употребляться как синоним заимствованного слова *интерактивный,* вследствие чего получило новое значение ‘предполагающий непосредственное взаимодействие с пользователем в процессе работы’ (АЛ).

Особо следует отметить так называемую **межуровневую синонимику** (она включает синонимические пары «слово – словосочетание»), которая также заметно пополнилась благодаря тому, что некоторым ИС на русской почве соответствуют словосочетания. См.: ***дайвинг*** – *подводное плавание*; ***ник*** – *сетевое имя*; ***топ*** – *список призеров*; ***хай-тек*** – *высокие технологии*; ***пиар*** – *связи с общественностью* и др.

Часто встречаются в современной русской речи параллельные обозначения в виде атрибутивных словосочетаний

с изменяемым и аналитическим прилагательным: *акциз-налог – акцизный налог, лазер-диск – лазерный диск, офис-мебель – офисная мебель, сервис-центр – сервисный центр, файл-сервер – файловый сервер, фрейм-структура – фреймовая структура, холдинг-центр – холдинговый центр, штрих-код – штриховой код, эксклюзив-тур – эксклюзивный тур* и др.

Всего, судя по нашим материалам, свыше 200 новых ИС «оказались» вовлеченными в синонимические отношения с лексическими единицами принявшей их системы, которая, в свою очередь, пополнилась **новыми** синонимическими парами. Отметим, что новые синонимические пары могут быть следствием **параллельного заимствования** из чужого языка слов с близким или тождественным значением. См., к примеру: *бизнесвумен – бизнес-леди*; *топ-модель – супермодель*; *флешмоб – смартмоб*; *эмотикон – смайлик* и др. Однако чаще всего новые синонимические пары формируются на русской почве, с использованием исконного материала.

Для того чтобы представить в полном объеме новую синонимику, возникающую под влиянием заимствуемых слов, следует учесть и такие пары и ряды, в состав которых входят **производные** от новых ИС, например: ***интернетовский*** – *сетевой*; ***коттоновый*** – *хлопковый*; ***кутюрный*** – *модный*; ***тинейджерский*** – *подростковый*; ***электоральный*** – *избирательский*; *поддельный* – ***фейковый*** (от *фейк* ‘поддельный сайт, аккаунт и т.п.’) и др.

Еще один возможный путь формирования новой синонимической пары связан с заимствованием так называемого эквивалентного слова – ИС, имеющего на русской почве синоним (см., например, *массмедиа – СМИ*). В этом случае синонимическую пару образуют имеющееся в языке слово и эквивалентный ему иноязычный неологизм. Например: *мультипликация* – ***анимация***; *обмен* – ***бартер***; *культуризм* – ***бодибилдинг***; *вознаграждение* – ***бонус***; *рисковый* – ***венчурный***; *модельер* – ***кутюрье***; *макияж* – ***мейкап***; *избиратели* – ***электорат***; *цвет* – ***колор***; *неудачник* – ***лузер*** (жарг.) и др. Подобные примеры см. также в (Черняк 2010: 113).

За счет новых заимствований заметно расширяются уже существующие синонимические ряды. Обычно обогащение ряда сопровождается «перестройкой» отдельных его звеньев,

поскольку ИС может вытеснить доминанту ряда, ослабить или изменить позиции других синонимов, повлиять на их стилистическую окраску и т.п. По нашим данным, свыше 50 существующих в русском языке синонимических рядов пополнились за последние десятилетия новыми лексическими единицами; вот некоторые:

дар, талант, дарование, одаренность, ***харизма***;

известность, популярность, знаменитость, слава, ***паблисити, рейтинг*** (перен.);

нажим, давление, напор, натиск, ***прессинг***;

новшество, нововведение, новинка, новаторство, новация, ***инновация***;

перерыв, интервал, пауза, передышка (разг.), ***тайм-аут*** (перен.);

представление, зрелище, ***шоу, гала*** (перен.), ***перформанс*** (перен.);

репутация, слава, реноме, ***имидж*** (перен.);

смесь, смешение, мешанина (разг.), *каша* (разг.), *винегрет* (разг.), *окрошка* (разг.), *коктейль* (перен.), ***микс*** (перен.), ***фьюжн*** (перен.);

союз, альянс, единение, объединение, содружество, ***тандем*** (перен.);

судьба, рок, фатум, предопределение, ***карма***;

творческий, созидательный, ***креативный***;

модернизация, *обновление*, ***апгрейд***.

С точки зрения семантики отношения между параллельными обозначениями могут быть разными: это могут быть как отношения дублетности (*массмедиа* и *СМИ*), так и отношения неточной синонимии: *модельер* и *кутюрье* ‘модельер, имеющий собственное дело и создающий высокохудожественные коллекции одежды’ (ТСИС); *подросток* и *тинейджер* ‘подросток, ориентированный по своему внешнему виду, пристрастиям, увлечениям и т.п. на современную молодежную субкультуру’ (НС-XXI 2008) и др. Подчеркнем, что в большинстве случаев заметно стремление ИС разойтись по значению (оттенками) или/и по стилистической окраске и сфере употребления со словами синонимического ряда (см., например, *креативный* в профессиональной сфере: *креативный менеджер, креативный директор* и под.).

Особенно ярко проявляется «оттеночная» синонимия в том случае, когда слова, могущие обозначать один и тот же денотат, выступают в переносном значении. Выше мы уже привели отдельные примеры синонимических рядов, в которых новые звенья представляют собой ИС, развившие на русской почве переносное значение. Вот еще несколько примеров: *наставник, учитель,* ***гуру*** (перен.); *робот* (перен.), *марионетка* (перен.), *манекен* (перен.), ***зомби*** (перен.); *смешивать, сочетать,* ***микшировать*** (перен.).

По мнению большинства лингвистов, процесс включения новых заимствований в синонимику русского языка имеет большое лингвистическое значение. «Наличие развитой синонимии является очень важным качеством литературного языка, дающим возможность… выразить многообразные оттенки смысла, необходимые в конкретной коммуникативной ситуации» (Черняк 2010: 114).

Варьирование слова. Тенденция к множественности наименований проявляется не только в обогащении синонимики, но и в увеличении количества формальных вариантов слова. К ним относятся, в частности, усеченные варианты, выступающие по отношению к полным в роли параллельного обозначения. В последние десятилетия заметен рост такого способа варьирования слова. Например: *компьютер – комп*, *ноутбук – ноут, кавер-версия – кавер*, *Интернет – инет, логотип – лого, информация – инфо, программа – прога, документы – доки, мерседес – мерс, шоу-бизнес – шоу-биз, мейкап – мейк* и др. Ранее усечение представляло собой периферийное явление и количество усечений было невелико, тогда как сейчас исчисляется уже не десятками, а сотнями – правда, преимущественно в неофициальной речи (подробнее об этом см.: Маринова 2007).

Словообразовательная дублетность. Близки к формальным вариантам сло́ва словообразовательные дублеты – деривaты, тождественные по лексическому значению, но различающиеся словообразовательным формантом. Такие дублеты образуются путем суффиксации или универбации (в случае если заимствование представляет собой структурную кальку) и являются однокоренными по отношению к ИС, см.: *архивация* ‘создание архивов файлов’ – *архивирование*; *аудит – аудирование – аудиторство*; *денонсация – денонсирование* ‘уведомление одним государством

другого о прекращении действия или отказе от заключенного между ними договора' (НСИС); *дотация – дотирование*; *инвестиция – инвестирование*; *индексация – индексирование*; *инсталляция – инсталлирование*; *конвертация – конвертирование* (НСИС); *ламинация – ламинирование*; *паркинг – парковка*; *пролонгация – пролонгирование*; *реинвестиция – реинвестирование*; *сертификация – сертифицирование*; *стартапер* 'тот, кто организует стартап – новый прибыльный бизнес-проект' – *стартапщик*; *тестинг – тестирование*; *тренаж – тренинг – тренировка*; *электронная почта – электронка* и др. Подобные пары однокоренных слов с различными словообразовательными средствами отмечаются и среди дериватов ИС: *харизматический – харизматичный, интернетовский – интернетский, экшенский – экшеновский, промоушенский – промоушеновский, премиумный – премиальный, скелетонистский – скелетонный* и др.

Очевидно, запас средств, создаваемых языком на одном и том же лексическом материале (синонимические единицы имеют общий корень), предоставляет говорящим выбор, в результате которого впоследствии за той или иной конкретной единицей может закрепиться смысловой или/и стилистический оттенок. Так, например, слова *тренинг, тренаж, тренировка* в русском языке имеют, кроме процессуального, еще и предметное значение, ср.: *тренинг* – 'занятие, служащее для совершенствования навыков, умений', *тренаж* – 'система тренировочных упражнений', *тренировка* – 'спортивное занятие' (ТСИС). По-видимому, множественность обозначений одного и того же обеспечивает говорящему такой запас средств словесного выражения мысли, при котором он получает возможность дифференцированно использовать эти средства в разных условиях общения, в разных стилях, жанрах и т.п.

Некоторая избыточность в данном случае есть необходимое условие развития языка, который либо отбирает нужные ему единицы, оставляя их в системе, либо актуализирует, делает значимыми различия между ними.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003 (НСИС).

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2006 (ТСИС).

Лейчик В. М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского литературного языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 420–423.

Маринова Е. В. Усеченные субстантивы в современной русской речи: «свое» и «чужое» // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 385–399.

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

Новые слова XXI в.: словарные материалы к спецкурсу по неологии. / Под ред. Е. В. Мариновой. Н. Новгород, 2008 (НС-XXI 2008).

Новые слова XXI в.: словарные материалы / Научный ред. Е. В. Маринова. Н. Новгород, 2015 (НС-XXI 2015).

Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2006 (АЛ).

Черняк В. Д. Синонимическое варьирование в современной речи // Русский язык сегодня. Вып. I. Сб. статей. М., 2000. С. 463–471.

Черняк В. Д. Лексическая синонимия в современных текстах // Современные языковые процессы: Межвузовский сб. СПб., 2003. С. 121–130.

Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. М., 2010.

А. С. Кулева *(Москва)*

Путь от иноязычных вкраплений к заимствованной лексике в зеркале поэтического языка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-04-00354 «Лексикологическое исследование и словарное описание иноязычных слов в поэзии Серебряного века».

Основой проведенного исследования стала работа по составлению словарных статей многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП).

СЯРП – сводный (по десяти поэтам: И. Анненский, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Цветаева) хронологически выстроенный словарь поэтического языка конкретной эпохи, соединяющий в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников. Словарь в полном объеме отражает лексику выбранных источников. Обращение к материалу Словаря позволяет не только получить представление об идиостилях выбранных авторов, но и взглянуть на язык поэзии Серебряного века в динамике, сопоставляя поэтическое словоупотребление с общенациональным языком. В настоящее время опубликовано пять томов СЯРП, подготовлен к печати шестой.

Как показывают материалы вышедших и готовящихся томов Словаря, поэтические произведения Серебряного века

содержат заметное число вкраплений на языке оригинала. Зачастую они представлены в русской передаче (транслитерированные иноязычные слова и фразы соседствуют в словаре с укоренившимися в общенациональном языке заимствованиями); характерны и некириллические включения (такие единицы планируется представить в последнем томе Словаря отдельным блоком).

Роль авторской лексикографии в изучении путей развития русского литературного языка трудно переоценить; см., например: (Шестакова 2011; Черняк 2014; Козырев, Черняк 2015).

Вхождение в язык иноязычных слов, их соотношение с исконной лексикой и особенности их функционирования – серьезные проблемы, глубоко изученные в современной науке и привлекающие внимание самых широких кругов общества (Крысин 2004; Козырев, Черняк 2007). Взгляд на эти проблемы через призму поэтического языка позволяет отметить интересные нюансы, тем более что поэзия Серебряного века в этом отношении предоставляет замечательные возможности. Во-первых, характерная для этой эпохи установка на диалог культур предполагает и взаимопроникновение языков; во-вторых, значительный временной отрезок позволяет наблюдать язык в динамике: Серебряным веком принято называть первую четверть XX в., но материал СЯРП включает произведения от последних лет XIX в. (Анненский и Блок) до 1950-х (Ахматова и Пастернак) и 1960-х гг. (Ахматова).

Иноязычные включения, встречающиеся в рассмотренных поэтических текстах, разнообразны по своей структуре, источнику заимствования, отношению к общенациональному языку (Шестакова, Кулева 2015).

В блок иноязычной лексики вошли единицы в латинской графике (из французского и немецкого, английского, итальянского и других языков) и немногочисленные греческие примеры – всего более 300 контекстов. Фактически этот пласт лексики значительно шире: примыкающие к иноязычным вкраплениям транслитерированные единицы (около 450 контекстов) почерпнуты из западноевропейских и славянских, а также ряда восточных языков (представление которых в оригинальной графике – арабской или иероглифической – едва ли было возможно).

По своей структуре иноязычные вкрапления настолько разнообразны, что их лексикографическое представление сопряжено со значительными трудностями: поэты используют единицы от одной буквы (передающей иноязычное произношение и/или маркирующей инокультурность: *біс*, *гöрл*, *сöр*) и одного слова до цельного выражения или фразы. Фразы и обрывки фраз обычно служат для передачи речи персонажа или лирического героя поэтического произведения. Например: *«**Je suis un chameau**», / в плакате стоят / литеры, / каждая – фут. / Совершенно верно: / «**Je suis**», – / это / «я», / а «**chameau**» – это / «я верблюд»* (Маяковский); ***Fräulein*** [фрейлейн, т. е. гувернантка] *плачет: волнует игра! Водит мальчик пером по бювару. – «Не грусти, **lieber Junge*** [милый мальчик]*, – пора Нам гулять по Тверскому бульвару»* (Цветаева).

Привлекают внимание иноязычные выражения: можно предположить, что употребление в оригинальном написании подчеркивает их цельнооформленность. Такие выражения в свою очередь также очень разнообразны: имена собственные и названия (*Paul Chabas* – Поль Шабас, *Divina Comedia* – Божественная комедия, *rue Campagne-Première* – улица Кампань-Премьер в Париже), терминологические сочетания (*alla breve*, *alter ego*, *Homo Sapiens*), а также цитаты. Неудивительно, что слова и фразы, выделенные в поэтическом тексте графически, нередко занимают в поэтических текстах сильную позицию заглавия, подзаголовка, эпиграфа.

С точки зрения динамики русского литературного языка, особый интерес представляют иноязычные единицы, встречающиеся в поэтическом языке эпохи (и возможные в общенациональном языке) как в оригинальном, так и в русифицированном написании.

В материале СЯРП можно отметить показательные примеры; для сопоставления использовались два источника: словарь под редакцией Д. Н. Ушакова (СУ), который отражает словоупотребление, нормативное для первой половины XX в., и Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Для указания автора и года создания произведения используются шифры контекстов из условных обозначений СЯРП; фамилии поэтов сокращены следующим образом: *Анн* – Анненский, *Ахм* – Ахматова, *АБ* – Блок, *Ес* – Есенин, *Куз* – Кузмин, *ОМ* – Мандельштам, *М* – Ма-

яковский, *П* – Пастернак, *Хл* – Хлебников, *Цв* – Цветаева, *РП* – речь персонажа, в скобках – указание на источник (страница в определенном издании, томе).

Нередко иноязычный вариант появляется для лексемы, давно освоенной языком (и зафиксированной в толковых словарях, в частности СУ); в таких случаях можно предположить, что возвращение к оригинальной версии призвано усилить инокультурный компонент:

CANZONE *Загл. Анн900-е (156)*;

Результаты поиска в поэтическом корпусе НКРЯ (объем всего корпуса: 77 052 документа, 1 086 806 предложений, 10 904 313 слов): найдено 2 документа, 2 вхождения;

КАНЦОНА Быть может, венецийской девы Канцоной нежной слух пленя, Отец грядущий сквозь напевы Уже предчувствует меня? АБ909 (III,103); И тешатся синьоры Канцоной площадной. АБ909 (III,109); Флоренция, изменница, В венке спаленных роз! // Сведи с ума канцоной О преданной любви, И сделай ночь бессонной, И струны оборви, АБ909 (III,109); И как зарнице не зардеться Над вечным вечером канцон, [рфм.: небосклон] П914 (I,505); КАНЦОНА Загл. ОМ931 (176), (394.2)

В НКРЯ: найдено 40 документов, 46 вхождений (самый ранний пример – у А. Григорьева, 1857 г.).

NOTTURNO [ит. – ночное] NOTTURNO *Загл. Анн890 (163.1)*

В НКРЯ: найдено 10 документов, 10 вхождений.

НОКТЮРН На чешуе жестяной рыбы / прочел я зовы новых губ. / А вы / н. сыграть / могли бы / на флейте водосточных труб? М913 (27.1)

В НКРЯ: найден 21 документ, 21 вхождение.

POLACY [польск. – поляки] POLACY! Поляки! Я не вижу смысла В безумном подвиге стрелков: Иль ворон заклюет орлов? Иль потечет обратно Висла? Загл. ОМ914 (298.1); ср. контексты в статьях ПОЛЯКИ, ПОЛЬКА, ПОЛЯЧКА, ПОЛЬСКИЙ.

В ряде случаев иноязычное слово и соответствующее ему заимствованное явно различаются по значению (т. е. лексема употребляется в том смысле, который при ее заимствовании не перешел в русский язык), ср.:

ВОНѢМЕ *Загл. Цв917 (I,362)*

В НКРЯ: найден 1 документ, 1 вхождение;

БОГЕМА (4 контекста у Есенина, Маяковского (дважды) и Пастернака)

В НКРЯ: найден 21 документ, 22 вхождения.

RELIGIO [лат. – благочестие] RELIGIO *Загл.* [стих. цикла] *АБ902 (I,230.1)*

РЕЛИГИЯ (4 контекста у Блока (дважды), Маяковского и Пастернака)

В НКРЯ: найдено 74 документа, 84 вхождения (при отсутствии в НКРЯ других примеров, подобных блоковскому).

СÖР [англ. – сэр] Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало? Пред Гением Судьбы пора смириться, сöр». РП Аллюз. АБ912 (III,42)

СЭР (4 контекста у Цветаевой, Маяковского (дважды) и Пастернака).

В других случаях поэт употребляет лексему, не вошедшую в русский язык или возможную в качестве экзотизма, однако в СЯРП находится и соответствующий транслитерированный вариант:

BOY [англ. – здесь: мальчик-посыльный] А вы и не рождались О, мистер Дориан, – Зачем же так свободно Садитесь на диван? // Ну, память – экономка, Воображенье – boy, Не пропущу вам даром Проделки я такой! Куз927 (283.2)

В НКРЯ: найдено 2 документа, 2 вхождения.

БОЙ [англ. – мальчик, слуга] Как получу, мол, пенцию, В Артуре стану бой, Не то, так в резиденцию Закатимся с тобой… РП Анн900 е (190)

GOTT [нем. – Бог] – Не спасут, визжат [крысы], молебны! – Ты им: Gott они: глав! – Весь по буковкам судебный Растащили устав! РП Цв925 (III,66)

ГОТ [нем. Gott – Бог] Там полубоязливо стонут: Бог, Там шепчут тихо: Гот, Там стонут кратко: Дье! РП Хл909,11 (411)

DIE STILLE STRASSE [нем. – тихая улица] DIE STILLE STRASSE Загл. Цв909 (I,51); Die stille Strasse: юная листва Светло шумит, склоняясь над забором, Дома – во сне… Цв909 (I,51); Звучат шаги отчетливо и мерно, Die stille Strasse распрощалась с днем И мирно спит под шум деревьев. Цв909 (I,51)

ШТРАССЕ [нем. – улица] но я знаю, что в Шарлоттенбурге, / на какой то, какой то штрассе, / живет белокурая Тамара / с мамой, сестрой и братом. Куз921 (263).

Сказанное относится и к именам собственным:

WHITMAN'A [англ. – Уитмен] Звезде Корней Иваныча [Чуковского] От встречного невежи. // Задору речи, ритменной, Невыдуманно-свежей, За Колю и за Whitman'a Мой комплимент медвежий. П932 (II,537)

УИТМАН [вар. к Уитмен; Уолт У. (1819–92) – американский поэт] Пусть ритм безделицы октябрьской Послужит ритмом Полета из головотяпской В страну, где Уитман. П919 (II,533)

Иноязычной лексеме может соответствовать не только освоенный русским языком вариант, но и словообразовательное гнездо:

CINÉMA [фр. – кинематограф] И грезить, будто жизнь сама Встает во всем шампанском блеске В мурлыкающем нежном треске Мигающего cinéma! АБ909 (III,115)

В НКРЯ: 4 документа, 4 вхождения (Блок, 1909; Инбер, 1914; Позняков, 1943; Шенгели, 1943).

СИНЕМА Как на родине Миньоны С гетевским: «Dahin!», «Dahin!», Полыхали лампионы Субтропических долин. // И тогда с коробкой шляпной, Как модистка синема, Настигала нас внезапно Настоящая зима. П936 (II,8)

В НКРЯ: найдено 15 документов, 17 вхождений (самый ранний у Брюсова, 1912 г.).

СИНЕМАТОГРАФСКИЙ [вар. к синематографический (прил. к устар. синематограф)] Рассвет. / Подымаюсь венскою сенью, / синематографской серой тенью. М923 (442.1)

TABLE D'HÔTE [фр. – общий стол] Хрусталем дрожит дорожный table d'hôte. Куз920 (197.2)

ТАБЛЬДОТ, ТАБЛЬДОТЧИК Шаганья знакомая разноголосица. / Сейчас на табльдотчиков, / сейчас на табльдоты / накинутся, / вережутся, / ринутся, / бросятся. М923 (113).

Интересны случаи, когда слово, сегодня употребительное как заимствование, в поэтическом языке представлено еще в оригинальном написании:

TAXI [фр. – такси] Улица муку молча перла. / Крик торчком стоял из глотки. / Топорщились, застрявшие поперек горла, / пухлые taxi и костлявые пролетки. / Грудь испешеходили. М914-15 (393)

Лексема *такси* отсутствует в СЯРП. В НКРЯ: найдено 50 документов, 57 вхождений (самые ранние употреблены в 1920-е гг.). Зато есть устаревшее:

ТАКСОМОТОР [устар.] Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью Прохожих, и дома, и прочий вздор… А мертвеца – к другому безобразью Скрежещущий несет таксомотор. АБ912 (III,36).

Встречаются в СЯРП лексемы, которые могут употребляться как в иноязычном, так и в обрусевшем варианте, что фиксируются словарями (СУ):

RENDEZ-VOUS [фр. – рандеву] Не вперялись бы от ожиданья Темноты, в пустоте rendez-vous Оловянные птицы и зданья, П916 (I,512)

РАНДЕВУ Здесь будет облик гор в покое, Обман безмолвья; гул во рву; Их тишь: стесненное, крутое Волненье первых рандеву. П931 (I,376)

VIS-À-VIS [фр. – визави] «О принц! – улыбаясь, присела, – В кадрили вы наш vis-à-vis», – И томно под маской бледнела От жгучих предчувствий любви. Ахм[909] (40.2)

В НКРЯ: найдено 10 документов, 12 вхождений.

ВИЗАВИ [напротив кого-н.] Темнеет жесткий и прямой Литейный, Еще не опозоренный модерном, И визави меня живут – Некрасов И Салтыков… Обоим по доске Мемориальной. Ахм945 (253.1)

В НКРЯ: найдено 18 документов, 18 вхождений.

Как представляется, подобные примеры могут иллюстрировать процесс вхождения слова в русский язык; в приведенных контекстах примечательно то, что разные варианты одной лексемы употребляются одним автором, но в разное время, причем в более позднем творчестве находим уже освоенный языком вариант. Характерно, что при вхождении иноязычной единицы в русский язык устойчивое выражение превращается в цельнооформленное слово, ср. также: *beau monde* > *бомонд*, *bon ton* > *бонтон*. Постепенное освоение лексемы выражается в появлении «гибридных» написаний, в которых иноязычное слово употребляется в русской грамматической форме: *Geheimrath'ом*, *о Notre-Dame'е*, *из «petit navir'а»*, *Piccicata'ми* и др.

Материал позволяет наблюдать, как слово входит в язык (*allo* > *алло*, *taxi* > *такси*); попав в язык, не задерживается в нем надолго (*синема*, *табльдот*); трансформируется (ср. *пиччикато* у Анненского, *piccicata'ми* у Цветаевой и современное *пиццикато*).

Привлечение данных НКРЯ во многом подтверждает картину, представленную в СЯРП.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. № 3. С. 54–59.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2015.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному языку и социолингвистике. М., 2004.

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: http://search.ruscorpora.ru (НКРЯ).

Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–V– / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001–2013– (СЯРП).

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940 (СУ).

Черняк В. Д. Отражение динамики языковых и культурных процессов в современной лексикографии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб., 2014. С. 206–209.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 68–76.

И. С. Куликова, Д. В. Салмина *(Санкт-Петербург)*

Лингвистический термин за пределами лингвистического дискурса: *синтагма* и *синтаксис*

Последние два десятилетия, «ознаменованные кардинальными переменами в жизни общества, оказались периодом глубоких изменений и в лексике русского языка, отразившей существенные перемены в языковом сознании» (Козырев, Черняк 2004: 80). К числу таких изменений – по данным Национального корпуса русского языка – можно отнести и активные процессы транстерминологизации и детерминологизации. Имея истоком преимущественно журналистику, детерминологизация может находить продолжение и в обиходной речи (например в блогах и форумах интернета), и в художественных текстах. Естественно, что словари не поспевают за такими изменениями. В предлагаемой статье рассматриваются две лексемы, затронутые этими процессами, но фиксируемые словарями только как лингвистические термины.

СИНТАГМА. Все современные толковые словари дают лишь одно значение слова **синтагма** как *лингвистического* термина с соответствующей пометой или – при ее отсутствии – с отчетливой контекстуальной ориентацией на метаязык: **синтагма** – [нем. Syntagma, фр. syntagme< греч. Syntagma *букв.* нечто соединенное] *лингв.* Синтаксическая конструкция, в которой слова – главное и зависимое – сочетаются по определенным правилам (Толковый словарь иноязычных слов); *Лингв.* Словосочетание, представляющее собой цельную синтаксическую интонационно-смысловую единицу (МАС и БТС); Словосочетание, представляющее собою цельную синтаксическую интонационно-смысловую конструкцию, в которой слова́ – главное и зависимое – сочетаются по определенным правилам (Толковый словарь Ефремовой). Нетрудно заметить, что последнее определение удачно совмещает два первых.

Сугубо специальный характер термина, не употребляющегося в школьном курсе русского языка, а потому не входящего, в отличие от терминов ***подлежащее***, ***сказуемое*** и ряда других, в лексикон и тезаурус среднего носителя языка, не оставлял на-

дежд на его присутствие в НКРЯ. Но реальность оказалась неожиданно иной. Действительно, из 29 включений слова в НКРЯ бóльшая часть извлечена из работ языковедов. Например: *Совершенно особую группу составляют частицы, выражающие отношение «определяющего» к «определяемому» между двумя* ***синтагмами*** *и объединяющие их в одно синтаксическое целое высшего порядка* (*в разделе XI дело происходило внутри одной* ***синтагмы***) [Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке (1924)].

Однако при этом термин может оказаться и вне лингвистического дискурса. Ср.:

Азадовский же ответил бурной тирадой, в центре которой фигурировали подкинутые злодеями-комитетчиками «два несчастных грамма анаши» – И что мне делать? – жаловался Фальковский. – Я напишу про анашу, а они скажут, что я издеваюсь и точно уволят. Но они ведь сами меня послали, я отказывался<…>Вопросы на засыпку. Как поступил журналист Фальковский? Вставил ли он в интервью с филологом Азадовским ***синтагму*** *«два грамма анаши»? Появилась ли эта* ***синтагма*** *в газете? Уволили ли после этого Фальковского из редакции «НГ»?* [Вячеслав Курицын. Калейдоскоп // «Неприкосновенный запас», 1998] – в этом контексте слово ***синтагма***, оставаясь лингвистическим термином, актуализирует смысл ‘воспроизводимое словосочетание’.

В следующем фрагменте литературоведческой статьи показательно непосредственное контекстуальное соседство слов ***синтагма*** и ***парадигма*** как базовых дихотомических терминов не синтаксиса, а общей теории языка, без которых трудно обойтись и филологии в целом:

Слово уходит своими корнями в другое слово, которое означает нечто третье, третье – четвертое, и так далее до бесконечности. Бесконечная ***парадигма*** *вариантов сочетается здесь с* ***синтагмой*** *бесконечной длины, реальность же оказывается не только несущественной, но и несуществующей [Константин Баршт. Три литературоведения // «Звезда», 2000].*

Однако в значительном количестве контекстов в НКРЯ встречаем совсем другие значения, ни одним современным лингвистическим словарем не зафиксированные. В Словаре Брокгауза и Ефрона, в статье «Синтагма, сочинение» этимология выводит нас на первичное для древнегреческого языка значение слова: συν — ‘со’ и ταγμα ‘приказание, полк в стройном порядке’ (от τασσω — привожу в порядок) (ЭСБиЕ, ст. Синтагма в военном деле). Интересно, что в «Настольном словаре по всем отраслям знания» Ф. Толля зафиксирован как единствен-

ный именно этот термин: **синтагма** – «отделение в строю греческой фаланги, соответствует нашим ротам». Неудивительно, что такой глубоко архаичный термин не нашел отражения в НКРЯ, равно как и отмеченный Философской энциклопедией термин философии Эпикура и эпикурейцев **синтагма** – «система этических ценностей и принципов».

Однако 8 фрагментов включают еще один архаичный термин: **синтагма** – «название или заглавие сочинения, дающего систематическое обозрение предметов одной научной или практической области» (ЭСБиЕ, ст. Синтагма, сочинение). В таком сочинении – в отличие от *синопсиса* – «материал располагался в порядке не только хронологическом, но и более или менее систематическом, хотя систематичность эта основывалась далеко не всегда на правильном органическом делении предмета, а обусловливалась нередко чисто внешнею схемою, например порядком алфавита» (ЭСБиЕ, ст. Синопсис). Приведем примеры:

В VI веке был составлен «Синопсис» Иоанна Схоластика, затем более пространная **«*Каноническая синтагма*»** *из 14 титулов (глав), легшая в основу канонического свода, признанного на Соборе 691 года.* ●*Главный труд Властаря –* **«*Алфавитная синтагма*»,** *написанная в 1335году, еще до «Шестикнижия», получила широчайшее распространение <…>а переводы* **«*Синтагмы*»** *на славянские языки <…> свидетельствуют о том, что* **«*Синтагма*»** *оказала большое влияние на правовую жизнь славянских народов.* ●*Вторым Правилом этот Собор утвердил* **«*Синтагму*»** *в качестве канонов для всей Церкви [Алексей Муравьев. Церковное право // «Отечественные записки», 2003]; Но, кажется, ближе всех к сердцу его были* **«*Синтагмы*»** *его, где подробно говорит он об обрядах благоговения, указном почтении, уставах церемоний двора царьградского [Н. А. Полевой. Иоанн Цимисхий (1841)].*

Нелишне отметить, что этот термин остается вполне современным и актуальным для греков: действующая ныне Конституция Греческой республики по-гречески называется «Σύνταγμα της Ελλάδας», т.е. «***Синтагма*** *Эллады*».

Таким образом, обращение к НКРЯ позволило увидеть множество как ушедших, так и сохраняющихся культурных смыслов, скрытых за узко лингвистическим термином ***синтагма***. Кажется, есть все основания считать лексему ***синтагма*** в этих употреблениях омонимом, а точнее, омонимами, одноименного лингвистического термина, восходящими к общему этимологическому значению: греч. σύνταγμα (syntagma) *букв.*

‘нечто соединенное’. Более того: современное лингвистическое бытие лексемы ***синтагма*** – это тоже позднейшая транстерминологизация, затемненная архаичностью исходных смыслов.

Но может ли сегодня этот термин вырваться за рамки лингвистического или филологического дискурса? Способен ли он к детерминологизации на метафорической основе подобно многим другим терминам лингвистики?

Утвердительный ответ на этот вопрос дает единственный контекст в НКРЯ, далее несколько расширенный за счет прямого обращения к статье Андрея Хренова, где лексема ***синтагма*** используется для характеристики художественного метода монтажа американского кинорежиссера Брэкиджа:

Нервные монтажные ***синтагмы*** *Брэкиджа словно сжимают время, совмещая короткие вспышки памяти с переживаемыми мгновениями даже там, где материал не располагает к напряжению (пасторальные семейные будни, игры детей и их общение с родителями, любовные сцены) [Андрей Хренов. In Memoriam: Стэн Брэкидж // «Искусство кино», 2003.06.30].*

Лексема ***синтагма*** используется иногда искусствоведами как термин истории театра, древнегреческой политической комедии (ЭСБиЕ, ст. Синтагма, часть комедии). Однако не приходится сомневаться, что у автора цитируемой статьи основанием для переосмысления является именно современный лингвистический термин: в основу метафорического смысла слова ***синтагма*** (‘особым образом организованный и предельно экспрессивный монтажный фрагмент’) ложатся такие компоненты значения термина, как ‘интонационно-смысловая цельность, спаянность’, ‘подчиненность правилам’, в данном случае нестандартным, открытым самим режиссером.

Подтверждением этому служит и включение метафоры «*нервные монтажные* ***синтагмы»*** в ряд других лингвистических терминов, традиционно переосмысляемых в искусствоведческом дискурсе и образующих текстовую микропарадигму:

Более трехсот его фильмов, от двухминутных «Ангелов» до четырехчасового «Искусства видения», не просто вырабатывают ***грамматику*** *и* ***синтаксис*** *нового* ***киноязыка****, но и определяют границы возможностей самого кино как выразительного средства <…> Все эти приемы используются не для подрыва «иллюзионизма», как будет позднее, у авангардистов 70-х, но для выработки новой* ***кинограмматики****, где ошибки становятся правилом <…> его спонтанные открытия словно повторяют поиски* ***языка*** *кино… [там же].*

Ср. также: *Он* [оптический код фильмов Тарковского] *всегда опережает опыт зрителя, даже профессионального. Потом, когда* ***«грамматика»*** *его всасывается в поры текущего кинопроцесса и растворяется в нем, фильм начинает свое повседневное бытование на экране* [М. Туровская. 7 с 1/2 и Фильмы Андрея Тарковского (1991)].

У лексем ***язык*** и ***грамматика*** такое расширение значения конвенционально и фиксируется словарями: **язык** – ‘5. *чего.* Средство бессловесного общения. *Язык формул. Язык музыки.* (СУ), **грамматика** – ‘1. / чего. Об основных правилах, исходных положениях чего-л.’ *Г. искусства* (БТС). В НКРЯ можно встретить и ***грамматику пантомимы***, и ***грамматику бала***, и ***грамматику микромира***, и ***грамматику языка наследственности***, и, конечно, ***грамматику любви*** – словосочетание, ставшее прецедентным текстом благодаря названию рассказа И. А. Бунина.

СИНТАКСИС. Слово ***синтаксис***, как и ***синтагма,*** в словарях представлено исключительно как грамматический термин: ‘1. Раздел грамматики, изучающий законы соединения слов и строения предложений. 2. *Лингв.* Строение предложения и способы сочетания слов в предложении, свойственные какому-л. языку’ (БТС). Этимологический смысл сближает его со словом ***синтагма***: греч. sýntaxis – построение, порядок, греч. Syntagma *букв.* – нечто соединенное. В приведенном ранее примере из статьи А. Хренова ***синтаксис*** в соседстве со словами ***грамматика*** и ***киноязык*** понимается как ‘законы организации отснятого материала, законы монтажа’, составляющими которого и являются «нервные монтажные ***синтагмы***». Аналогичный, но более расширенный смысл ‘законы, правила организации чего-л.’ лексема ***синтаксис*** приобретает в следующих контекстах: *И последнее, что вошло в машину, это* ***синтаксис*** *создания мелодии* [Василий Захарченко. Пробуждение окаменевшей музыки // «Техника – молодежи», 1976], <…> *узко антибуржуазный революционный позыв (Маринетти: долой мораль, музеи, прошлое,* ***синтаксис****…)* [Владимир Лапенков. До и после // «Звезда», 2002].

Слово ***синтаксис*** вошло в историю отечественной культуры как название нелегального (самиздатовского) московского поэтического альманаха, три номера которого были выпущены в 1959–1960 гг. А. И. Гинзбургом. **«Синтаксис»** объединял

авторов неопубликованных стихотворений, включая Б. Окуджаву, Б. Ахмадуллину, И. Бродского, предлагая их читателю как высокую норму поэзии. Название журнала неоднократно встречается в НКРЯ. Например: *Правда, уже была разогнана поэтическая вольница «у Маяка» – свободные чтения стихов у памятника Маяковскому, и сурово покаран самиздатский* ***«Синтаксис»*** [Николай Климонтович. Далее – везде (2001)].

Во всех этих случаях слово ***синтаксис*** – основа метафоры. Но оно может стать и объектом метафоризации лингвистически строгого понятия, как это произошло в романе Александра Гениса «Довлатов и окрестности». Позволим себе привести достаточно пространный фрагмент текста:

<…> В мемуарном очерке о Сереже (так он его называл) Бродский обронил замечание слишком глубокомысленное, чтобы им пренебречь: Довлатова «оказалось сравнительно легко переводить, ибо ***синтаксис*** *его не ставит палок в колеса переводчику».*

Синтаксис *Сергей и правда упразднил. У него и запятых – раз, два и обчелся.<…> Естественным результатом довлатовского «психоза» были чрезвычайно короткие предложения, что идеально соответствовало всей его философии*

<…> Ведь что такое ***синтаксис****? Это – связь при помощи логических цепей, соединяющих мысли наручниками союзов.* ***Синтаксис*** *– это навязанная нам грамматическая необходимость, которая строит свою картину миру. Стоит пойти на поводу у безобидного «потому что», как в тексте самозарождается независимый от автора сюжет. Стройная система, лишающая нас свободы передвижения,* ***синтаксис*** *– смирительная рубашка фантазии. Намертво соединяя предложения, союзы создают грамматическую гармонию, которая легко сходит за настоящую.* ***Синтаксис*** *– великий организатор, который вносит порядок в хаос, даже тогда, когда его же и описывает.*

Читателю сначала предложены стилистический анализ и поиск психологической мотивировки «упраздненного синтаксиса» Довлатова, Заметим попутно, что традиция психологизации синтаксиса восходит к XIX в.: *…как будто для него существовал особый* ***синтаксис****, который и хорошие, по-видимому, слова посыпал маком и претворял в снотворные.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Яшенька (1857-1865)], продолжаясь в XX в. Однако А. Генис в своем «филологическом романе» (таков его подзаголовок) далее развивает своего рода филологическую философию синтаксиса как языковой реальности, оформлен-

ную цепочкой метафор, привносящих в строгий термин индивидуально-авторские оценочные коннотации.

Рассмотренный материал убедительно свидетельствует о различном и по направлению, и по результатам движении терминов ***синтаксис*** и ***синтагма*** за рамки лингвистического дискурса, но пока это лишь намечающаяся тенденция, не дающая достаточного основания для внесения корректив в словари.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. (БТС).

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. М., 2004.

*Крысин Л. П.*Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.

Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3 т. / Под ред. Ф. Толля. СПб., 1863–1864.

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Под ред. Т. Ф. Ефремовой, 2000 [электронный ресурс]. Режим доступа: dic.academic.ru. (Словарь Ефремовой).

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: http://search.ruscorpora.ru (НКРЯ).

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984 (МАС).

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940 (СУ).

Философская энциклопедия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://onlineslovari.com.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vehi.net/brokgauz. (ЭСБиЕ).

А. В. Кузьмина *(Санкт-Петербург)*

«Филологическая составляющая» и «наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности

В широкий спектр научных интересов В. Д. Черняк входит новая для современной лингвистики и очень важная проблема **«филологической составляющей»** в лексиконе и тезаурусе языковой личности.

«Филологическая составляющая» (представленная взаимосвязанными частями – лингвистической и литературоведческой) понимается как «тот круг лексических единиц в совокупности их семантических связей, которые соотносятся с базовыми лингвистическими и литературоведческими пред-

ставлениями, являющимися (в идеале) неотъемлемой частью языкового сознания образованного человека» (Козырев, Черняк 2007:117–118).

Актуальность изучения именно «филологической составляющей» в наши дни неоспорима, поскольку одной из характерных черт современной языковой ситуации является своеобразная терминологическая экспансия: специальные единицы часто выходят за границы своего терминологического употребления и функционируют в текстах разных стилей и жанров. Например, исследование материалов журнала «Огонек» (2003–2015) говорит о том, что активно используются и часто выступают в качестве операторов метаязыковой рефлексии такие единицы, как *сказка, миф, идиллия, ирония, сарказм, поэма, метафора, гротеск, драма, комедия, трагедия, эпос, эпопея:*

«Мы живем во времена стеба, ребята. ***Ирония*** *обостряет мысль. Стеб ее заменяет.* ***Ирония*** *– это как. Стеб – это как бы. Сегодня вся жизнь – стеб. Слово дня – «как бы». Как бы чувства. Как бы мысли. Он как бы заявил – мы как бы возмущены. Безграничный стеб – это о России… Стеб – вещь тупая. Поэтому* ***ирония*** *– вещь антинародная» (№ 41, 2003);*

«Неизвестно, как много времени она проводит с Колей, когда мальчик возвращается в Минск после поездки с Александром Лукашенко.

Видимо, президент не хочет, чтобы она мешала воспитанию уникального преемника. Вот такая получается захватывающая белорусская ***сага****…» (№ 11, 2009);*

«Да и умеренные арабские режимы, давно уже не испытывающие энтузиазм в связи с сирийской ***эпопеей*** *и опасающиеся перетекания дестабилизации к ним, считают позицию России если не правильной, то логичной» (№ 27, 2013);*

«Заложенные в проект закона о свободном порте Владивосток преференции бизнесу беспрецедентны. Закрадывается сомнение: сможет ли такая красивая ***сказка*** *стать былью?» (№ 14, 2015).*

Как отмечает В. Д. Черняк, «проблема адекватного восприятия текстов разных стилей и жанров требует осмысления того, каков объем специальной лексики, представленной в лексиконе усредненной языковой личности» (Козырев, Черняк 2007: 118).

Сложность исследования «филологической составляющей» заключается в том, что она как фрагмент лексикона языковой личности не поддается непосредственному наблюдению. В связи с этим особенную ценность для нас приобретают материалы «Русского ассоциативного словаря» (РАС). Мно-

гогранность этого лексикографического издания очевидна: словарь не сконструирован, а «выведан» у народа, и ассоциативно-вербальная сеть, хранящаяся в РАС, отражает языковую способность русского человека, ее организацию и функционирование.

Рассмотрим, как представлены в РАС единицы литературоведческой системы, базовые термины которой репрезентируют в ассоциативно-вербальной сети «наивное литературоведение» – литературоведческую часть «филологической составляющей».

«Наивное литературоведение» представляет собой комплексное образование в лексиконе языковой личности, включающее в себя два взаимодополняющих вида знания: 1) общесистемные значения терминов литературоведения, усвоенные в той или иной степени в ходе школьного образования, и 2) неязыковые знания о литературоведческих терминах, полученные в результате всего речевого опыта, накопленные языковой личностью в процессе общения и речемыслительной деятельности. При этом «наивное литературоведение» не является «примитивным литературоведением»: аккумулируя практические (жизненные) и теоретические (школьные) знания о литературе как искусстве слова, оно отражает пересечение и сосуществование научного и бытового знания в лексиконе языковой личности (Швец 2005; Кузьмина 2015).

Первый том РАС содержит только 4 слова-стимула, отражающих литературоведческие понятия: *книжка, литература, писать, слово*. Однако в список стимулов третьего тома РАС вошли уже 34 единицы: *акт, анекдот, басни, героиня, герой, действие, книга, метр, миф, мотив, образ, очерк, писатель, повесть, поэма, поэт, прибаутка, пьеса, рассказ, роль, роман, рукопись, сказка, слог, сочинение, стиль, стихи, сцена, творить, творчество, текст, художественная, художник, юмор*. Пятый том РАС содержит 27 слов-стимулов: *автор, быль, детектив, дневник, интриги, легенда, лирик, лирический, надпись, повести, портрет, поэт, проза, произведение, рассказ, реализм, рифма, романс, сатира, символ, стих, стихотворение, сюжет, утопия, фольклор, штиль, эпизод, юмор*.

Полученный материал позволяет на базе РАС воссоздать хранящееся в лексиконе усредненной языковой личности поле

«литературоведение», состоящее из 132 единиц. Частотность каждого термина-ассоциата была определена по количеству ассоциативных полей, где он выступал в качестве реакции. Таким образом, «наивное литературоведение» следующим образом отражается в зеркале РАС:

книга 28; *роман* 22*; писатель* 20; *рассказ* 18; *произведение, стих* 13; *поэт, стихи* 12; *писать, повесть, поэзия* 10; *литература, поэма* 9; *проза, пьеса* 8; *театр* 7; *быль, текст* 6; *автор, анекдот, лирика, спектакль, стихотворение* 5; *герой, детектив, лирический, литературный, рифма, сказание, стиль, строка, художественный, ямб* 4; *глава, действие, комедия, легенда, лирик, новелла, небылица, прозаик, пролог, сатира, строфа, хорей* 3; *баллада, басня, белый, драматический, жанр, классика, классический, мемуары, миф, муза, повествование, роль, рукопись, сатирик, слог, строчка, фантастика* 2; *акмеист, акт, амфибрахий, анапест, антиутопия, беллетристика, былина, вирши, гекзаметр, житие, заглавие, классицизм, комедийный, композиция, летопись, летописец, мелодрама, метр, модернизм, мотив, народное творчество, образ, ода, пародист, персонаж, пословица, поэтесса, предание, присказка, притча, публицистика, развязка, рассказчик, романс, романтизм, романтик, сатирический, сентиментальный, сказ, сонет, сочинитель, стихосложение, стихотворец, стихотворный, сюжет, творение, творец, творить, творчество, тема, устное народное творчество, утопия, фабула, фантаст, фантастический, филология, художник, частушка, часть, штиль, экспромт, эпический, эпитафия, эпос, эссе, юмор, юморист, явление, язык* 1.

Дальнейший анализ показывает, что в языковом сознании среднего носителя языка единицы «наивного литературоведения» также обладают определенной системностью отношений: в ассоциативных полях всегда выделяются линии реакций различной частотности, имеющих литературоведческий характер. Однако эта системность, отраженная в зеркале ассоциативно-вербальной сети, заметно отличается от строгой системности иерархического множества литературоведческих терминов. Вот лишь несколько примеров слов-реакций III тома:

ГЕРОЙ: *романа 4; рассказа 2; книги, произведения 1.*

МИФ: *сказка 11; легенда 8; и быль, и легенда о чем-либо, миф, сказание 1..*

ПОВЕСТЬ: *рассказ 6; роман 5; произведение 2; писатель, текст 1.*

РАССКАЗ: *повесть 6; книга 4; писать 2; быль, новелла, писатель, повествование, сказка, стиль, текст 1.*

Строгие гипо-гиперонимические отношения литературоведения весьма специфически отражаются в «наивном лите-

ратуроведении» как фрагменте лексикона языковой личности. В большинстве случаев парадигмы воспроизводятся неполно (например, слово-стимул ***герой*** актуализирует только несколько элементов парадигмы «художественное произведение»: *романа 4, рассказа 2*, *книги, произведения*). Иногда в пределах одного ассоциативного поля сосуществуют сразу несколько парадигм: например, неоднородное с точки зрения терминосистемы ассоциативное поле слова-стимула ***рассказ,*** которое демонстрирует пересечение различных понятийных сфер (*повесть 6; книга 4; писать 2; быль, новелла, писатель, повествование, сказка, стиль, текст 1*).

Важно отметить устойчивый характер подобных реакций: ассоциативные поля тех слов-стимулов, которые совпали в 3 и 5 томах РАС (*повесть, поэт, рассказ, юмор*), имеют практически одинаковую ядерную часть поля:

ПОЭТ: ***стихи 6; лирик, писатель 4; лирика****, лирический,* ***прозаик****, стих, ямб 1.*

ПОЭТ: ***стихи 6; писатель5; лирик, прозаик****, стихотворец 2; акмеист,* ***лирика****, лирики, муза, поэзия, романтик, сочинитель, стихоплет, творец 1.*

Определив структуру поля «литературоведение», отраженного в РАС, обратимся к анализу ассоциативных полей, представленных в языковом сознании среднего носителя языка. Этот исследовательский шаг позволит выяснить, каковы представления неспециалиста об этих единицах, какими дополнительными ассоциативными связями, отсутствующими в строгой терминологической системе литературоведения, окружены единицы «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона языковой личности.

Рассмотрим, каким ассоциативным потенциалом обладает слово-стимул:

ПРОЗА*: жизни 15; стихи 10; поэзия 6;* **рассказ, стих 4***; книга, лирика, Пушкина 3; интересная, Лермонтова, литература, мимоза, писатель, Пушкин 2; буква, буквы, бывает, Вишневый сад, Высоцкого,* **газета, гроза,** *длинная, доза, дрянь, любви, муза, неизменная, пера,* **перо,** *писать, плохая,* **поэт***, поэта, предложение, прозаик, пустая, роман, русская, С. Кинг,* **слова***, современная, сочная,* **стихотворение***, сухая, Толстого, Тургенев, фраза, фу! 1; 100+48+6+34 (Книга 5).*

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что в лексиконе средней языковой личности проявляются оба значения

лексемы **проза,** присущие ей в современном русском языке. В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой лексема **проза** имеет два значения: (1) *нестихотворная речь* и (2) *то, что является необходимым и обычным в жизни; повседневность, обыденность*. Однако переносное значение («*повседневность, обыденность»),* хоть и проявляется в самой частотной реакции *жизни* (15), в общей совокупности имеет меньшее количество реакций, нежели прямое значение анализируемой лексемы.

Анализируемый пример показывает, что в ассоциативно-вербальной сети в пределах одного поля оказываются связанными литературоведческие термины, которые в общей терминологической системе имеют как близкие (*проза – рассказ 4, писатель 2, роман*), так и отдаленные связи (*поэзия 6, лирика 3, поэт*). Большая часть реакций синтагматического характера представлена оценочными прилагательными: *интересная 2, длинная, плохая, пустая, русская, современная, сочная, сухая 1*.

В отличие от терминологических и толковых словарей, где лексикографическое представление анализируемого поля стремится к строгой системности, в лексиконе языковой личности гипо-гиперонимические связи слов сложны и противоречивы, как это уже было отмечено выше. Благодаря этой «нестрогой системности» ассоциативное поле отражает взаимосвязь литературоведения и лингвистики и демонстрирует собственно «филологическую составляющую»: рядом с выделенными выше реакциями литературоведческого характера в ассоциативном пространстве обнаруживаются «лингвистические» реакции *буква, буквы, слова, предложение 1*.

Еще одной особенностью изучаемого фрагмента лексикона является то, что практически всегда в пределах ассоциативно-вербальной сети появляется особая группа реакций: это имена и фамилии авторов, чьи произведения являются образцами данного жанра (*Пушкина 3, Пушкин 2, Лермонтова 2, Высоцкого, Толстого, Тургенев, С. Кинг*), а также сами прецедентные феномены (*Вишневый сад*). Наличие этих реакций свидетельствует об их тесной связи в сознании языковой личности со словом-стимулом, об их включенности в фонд обязательных знаний и общеизвестности любому носителю данного языка. И то, что в ассоциативно-вербальной сети элементы

персоносферы практически всегда связаны с «наивным литературоведением», позволяет говорить о своеобразной «культурной» специфике изучаемого фрагмента лексикона.

Таким образом, даже краткая характеристика «наивного литературоведения» как части «филологической составляющей» подтверждает актуальность изучения этих фрагментов лексикона и тезауруса современной языковой личности и позволяет создать адекватный портрет современного носителя языка.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. СПб., 2007.

Кузьмина А. В. Характерные особенности «наивного литературоведения» как фрагмента лексикона языковой личности // Актуальные проблемы современных наук. Инновационные тенденции развития (30-31 июля 2015 г.). СПб., 2015. С.103–107.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Ч. 1 / Ю. Н. Караулов и др. М., 1994.

Русский ассоциативный словарь. Кн.3. Ч.II / Ю. Н. Караулов и др. М., 1996.

Русский ассоциативный словарь. Кн.5. Ч.III / Ю. Н. Караулов и др. М., 1998.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1996–1999.

Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. №1. С.33–45.

Швец А. В. «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005.

Р. И. Воронцов *(Санкт-Петербург)*

Русская ономастическая метафора в словарях разного типа

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей».

Среди важнейших тенденций в развитии отечественной лексикографии, которая на протяжении нескольких десятилетий является предметом пристального внимания Валентины Даниловны Черняк, можно отметить стирание границ между словарем и энциклопедией, соединение их содержательного потенциала во многих современных словарях (Козырев, Черняк 2014: 11). Разрушение одной из базовых оппозиций классической словарной типологии в полной мере отвечает запросам пользователя, ищущего в лексикографическом издании не столько системного описания лексического состава языка,

сколько его интерпретации в связи с историей и культурой нации.

Возможность сочетать лингвистическую и энциклопедическую информацию о семантике слова под одной обложкой создает благоприятную почву для словарного описания имен собственных (ИС), и в особенности тех из них, которые имплицируют в своем значении обширный культурно обусловленный ассоциативно-образный комплекс, мотивирующий их метафорическое употребление. Речь идет о таких именах, как, например, *Аполлон, Буцефал, Гулливер, Левиафан, Обломов, Плюшкин, Фальстаф* и т. д. Подобные ИС легко поддаются метафоризации, при которой происходит перенос тех или иных свойств их изначальных носителей на новые объекты действительности. Ср.: *И во внезапной тишине мы прослушали официальное сообщение о прекращении дела врачей – «убийц в белых халатах». Текст явно смущал диктора. Его наторевший в победных реляциях и патетических восторгах голос звучал непривычно. Его устами говорил великий* ***Левиафан****, непогрешимая держава. И впервые на памяти слушателей она говорила сейчас о своих ошибках* (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975–1977).

Ономастическая метафора (ОМ) рождается в речи, она представляет собой нереферентное употребление ИС и служит прагматическим средством создания образности, выражения оценки и сообщения экспрессивного эффекта. В результате длительного употребления в метафорически переосмысленном значении ИС разрывает (или ослабляет) связь со своим первоначальным носителем, переходит в разряд узуальных употреблений и приближается к системным лексическим единицам языка. Граница между речевой и языковой ОМ расплывчата, а в диахроническом плане вообще вряд ли может быть проведена. Развитие ОМ в сторону узуализации, а затем и перехода в лексическую систему, – континуальный процесс: в его рамках невозможно определить последовательность дискретных состояний, через которые проходит метафора. Так, например, нельзя указать на момент, в который метафорически переосмысленное имя *Ловелас* в русском языке приобрело языковой, системный статус, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что во второй половине XIX в. оно одновременно писалось и со строчной, и с прописной буквы (см. (Отин 2010).

Ответ на вопрос о разграничении речевых и языковых ОМ можно дать только с позиций синхронии. С опорой на концепцию Г. Н. Скляревской (1993: 36), которая описывает художественную, языковую и генетическую метафоры как типологически различные явления, представляется целесообразным выделять три разновидности ОМ.

1) *Генетическая ОМ* утрачивает ассоциативную связь с исходным носителем ИС, она лишена образности и (чаще всего) эмоциональности: *меценат* – ‘богатый покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-нибудь делу, начинанию’ (СОШ). Однако в ряде случаев, когда «экспрессивность заполняет денотативную часть семантики» слова (Скляревская 1993: 42), появляются и экспрессивные генетические ОМ: *держиморда* – ‘*неодобр.* о грубом и деспотичном администраторе, использующем полицейские методы’ (БТС).

2) *Языковая ОМ* сохраняет «живой» ассоциативно-образный мотивирующий комплекс и неизменно сообщает экспрессивный эффект. Она стремится к конвенциональности, но не всегда обладает четким общепринятым словарным значением. Так, если семантика экспрессивно-оценочной языковой ОМ обычно исчерпывается одной, редко – двумя характеристиками объекта (*Айболит* – ‘о добром докторе (враче или ветеринаре)’ (БТС), *Гулливер* – ‘о человеке очень высокого роста’ (БАС-3), то экспрессивно-образная языковая ОМ, напротив, семантически многогранна и зависима от социокультурной обстановки (*Наполеон* – ‘о реакционном диктаторе // о человеке с чрезвычайно властолюбивыми замыслами’ (БАС), ‘о человеке, считающем себя исключительной личностью и отличающимся крайним индивидуализмом’ (БТС), ‘о том, кто стремится к неограниченной власти, добивается возможности повелевать кем-либо, чем-либо’ (БАС-3).

3) *Речевая ОМ* представляет собой прототипическую разновидность метафорического употребления ИС: она семантически двупланова (связана как с исходным, так и с метафорическим экстенсионалом), оценочна и экспрессивна. Можно говорить об узуальных и окказиональных речевых ОМ, различающихся частотностью и регулярностью употребления в речи. Ср.: *Вергилий* – ‘об опытном, мудром, знающем советчике, проводнике’, *Тмутаракань* – ‘дальнее, глухое место, медвежий угол’ (Берков

и др. 2005), с одной стороны, и *Венеция* – ‘сильное наводнение’, *Остров Святой Елены* – ‘крах, поражение, печальный конец’, *Санчо Панса* – ‘представитель среднего сословия, мещанин’ (Отин 2010) (значения подтверждаются контекстами), с другой.

Будучи подвижной, всецело обусловленной речевым и культурным контекстом, ОМ с трудом описывается в традиционной словарной статье. Нередко попытка такого описания приводит к не вполне оправданной редукции метафорической семантики (ср.: *Гамлет* – ‘о человеке, пребывающем в постоянных сомнениях’ (БТС). Тем не менее, при известной степени энциклопедизма, характерной для современных словарей, описание ОМ часто оказывается близким к исчерпывающему.

Известно, что толковые словари, являющиеся основным типом лексикографических изданий, призваны отражать лексическое богатство языка в определенный период его развития. Этой функцией объясняется и максимальное количество лексикографических параметров, а следовательно, многоаспектность толкового словаря (Козырев, Черняк 2000: 64).

Одним из параметров описания слова в толковом словаре является этимология. Если применительно к большинству лексических единиц данный параметр факультативен, то при описании ОМ он становится обязательным, а его отсутствие предстает как весьма значимое. Именно этимологическая справка, которая сопровождает описание системных метафорически переосмысленных ИС, содержит информацию энциклопедического характера, мотивирующую метафору. Как правило, такая энциклопедическая этимологическая справка помещается в конце словарной статьи и отделяется от основного текста особыми знаками. Ср.: *помпадур* – ‘администратор-самодур [по имени фаворитки французского короля Людовика XV маркизы Помпадур, впервые употребленному нарицательно в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши»]’ (МАС); *Фальстаф* – ‘*неодобр.* о хвастливом, пустом человеке. • По имени комического персонажа шекспировских пьес рыцаря Фальстафа’ (БТС).

Отсутствие этимологической справки может свидетельствовать о том, что, по мнению составителей словаря, данное ИС настолько укоренилось в узусе в своем метафорическом значении, что перешло в разряд имен нарицательных, иными словами, представляет собой генетическую ОМ. Так, напри-

мер, этимологической справки лишены толкования слов *ловелас, ментор, меценат* в СОШ, *иуда, помпадур* в БТС, *хулиган* во всех толковых словарях.

В том случае если ИС в своем исходном значении мыслится составителями словаря как обладающее значительной символической нагрузкой (экспрессивно-образная языковая ОМ), сведения о его первоначальном носителе переносятся из этимологической справки непосредственно в текст словарной статьи и предстают в качестве первого, исходного значения имени. Ср.: *Аполлон* ‘1. (С прописной буквы). В древнегреческой мифологии: сын Зевса, бог солнца, покровитель искусств (изображается прекрасным златоволосым юношей с венком на голове и луком или кифарой). 2. *Разг.* О хорошо сложенном, красивом юноше, молодом мужчине’ (БТС). При подобном толковании словарная статья оказывается отражением живого метафорического процесса. Более того, ономастическое и метафорическое значения ИС предстают как значения многозначного слова, что становится словарной интерпретацией семантической двуплановости ОМ.

Толковые словари, прежде всего, отражают состояние лексической системы языка и поэтому содержат только генетические и языковые ОМ, мало соотносящиеся при речевом употреблении с первоначальными носителями ИС. Выборка из пяти основных толковых словарей (БАС, МАС, СОШ, БТС, БАС-3) позволила выявить корпус системной ОМ в русском языке, состоящий из 103 лексических единиц (подробно см. (Воронцов 2012: 67–74). Среди них выделяется группа из 30 ОМ, которые можно отнести к генетической разновидности: *альфонс, бедлам, бурбон, геркулес, держиморда, донжуан, золушка, ирод, иуда, каин, левиафан, ловелас, мегера, ментор, меценат, митрофанушка, молох, одиссея, олимп, панама, парнас, селадон, содом (и гоморра), утопия, филиппика, хам, хулиган, цербер, эдем, эскулап*. Данные ОМ описываются в толковых словарях всех типов: малых, средних и больших, – что свидетельствует об их прочной закрепленности в лексической системе языка, и более того – об их вхождении в активный или в ближайший пассивный лексический запас.

Прочие ОМ, представленные в описываемом корпусе, толкуются преимущественно в толковых словарях большого типа,

и прежде всего в БАС, благодаря которому «многие из них узаконили свое положение в составе русского литературного языка» (История 2001: 400). Ср.: *Адонис, Асмодей, Гамлет, Гарпагон, Кабаниха, Колумб, Манилов, Мессалина, Обломов, Пенелопа, Росинант, Скалозуб, Хлестаков, Шариков* и др.

Представление о языковой ОМ, которое создается в толковых словарях большого типа, можно квалифицировать как целостное и достаточно близкое к исчерпывающему. Материалы толковых словарей среднего и малого типа очерчивают круг наиболее употребительных и актуальных (преимущественно генетических) ОМ.

Несмотря на занимаемое в лексикографии центральное место и практически не ограниченные объяснительные возможности, толковый словарь все же не является идеальным инструментом для описания ОМ. Даже в современных толковых словарях, тяготеющих к энциклопедизации, ограничения на ввод экстралингвистической информации остаются в силе, а метафорически переосмысленные ИС не могут быть должным образом описаны без привлечения сведений о первоначальных референтах. Кроме того, ОМ как динамичное, прагматическое явление с трудом раскрывается в рамках стандартной статьи толкового словаря, стремящейся к статическому описанию слова.

Решить данные проблемы отчасти помогает отнесение ОМ к «крылатым словам» и, следовательно, включение ее в словари крылатых слов и выражений. Выборка из таких словарей демонстрирует резкое увеличение корпуса ОМ по сравнению с толковыми словарями: 142 ОМ в (Ашукин, Ашукина 1986) и 199 ОМ в (Берков и др. 2005).

Очевидно, что далеко не все ОМ, описываемые в словарях крылатых слов, обладают языковым статусом. В то же время все эти метафоры узуальны, так как одними из ведущих свойств крылатых слов и выражений являются их распространенность и воспроизводимость. Таким образом, словари крылатых слов фиксируют речевые узуальные ОМ, которые обеспечивают переход от окказиональных метафорических употреблений ИС к собственно языковой ОМ. Сюда следует отнести такие имена, как *Барон Мюнхгаузен, Вергилий, дед Мазай, Джеймс Бонд, Король Лир, Монтекки и Капулетти, Остап Бендер, Подпоручик Киже, Робин Гуд, Смердяков, Швондер, Эллочка-людоедка* и др. К

речевым узуальным метафорам примыкают собственно языковые (*амфитрион, геркулес, донкихот* и т. д.), а также некоторые генетические (*ирод, ментор, меценат*).

Инструментом лексикографической фиксации ОМ могут служить и специальные словари деонимизации, описывающие переход «от собственных имен к нарицательным». Среди них наиболее полным, строгим и последовательным является «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина (2010), построенный на богатейшем словарном и текстовом материале. Предметом описания в словаре являются коннотативные онимы – ИС, в которых денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями, образующимися в том числе в результате метафорического употребления имени.

Анализ материалов словаря демонстрирует значительный рост корпуса ОМ по сравнению не только с толковыми словарями, но и со словарями крылатых слов и выражений: в словаре Е. С. Отина насчитывается 284 ОМ. Такой количественный рост объясняется обращением к следующим пластам материала. Во-первых, в словарь включаются многочисленные окказиональные ОМ (см. примеры выше). Во-вторых, значительная глубина погружения в исторический материал позволяет описать ОМ, вышедшие из узуального употребления: *Арбат* – ‘место, где собираются политические вольнолюбцы’, *Видок* – ‘доносчик, осведомитель; полицейский агент по сыску, слежке; тот, кто выслеживает, шпионит’. В-третьих, предметом внимания лексикографа становится метафорическое употребление ИС, характерное для различных жаргонов: *Аракчеев* – ‘1. Классный руководитель (в арго школьников). 2. Директор школы (школьное арго). 3. Следователь (арго уголовников). 4. Прокурор (арго уголовников)’.

Таким образом, материалы словарной фиксации корпуса русской ОМ позволяют увидеть в нем признаки ядерно-периферийной организации. Ядро составляют генетические ОМ, а основными инструментами их описания выступают толковые словари малого и среднего типа. Ближайшая периферия представлена языковыми ОМ, описываемыми с помощью толковых словарей большого типа. Далее располагаются речевые узуальные ОМ, которые описываются в словарях крылатых слов и выражений. И, наконец, далекая периферия, представленная

окказиональными ОМ, может быть описана только с помощью специализированного словаря.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1986.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2005.

Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2004–2014. Т. 1–23 (БАС–3).

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2006 (БТС).

Воронцов Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке: Дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2012.

История русской лексикографии. СПб., 2001.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1. С. 5–15.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006 (СОШ).

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2010.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984 (МАС).

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965 (БАС).

Н. А. Румянцева *(Санкт-Петербург)*

«Античная лексика» в словарях и проблемы агнонимии (на примере мифологемы *фурия*)

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей».

Эпоха античности привлекает внимание людей на протяжении многих веков. Особое место в античной культуре отведено мифологии, продолжившей свое существование в произведениях античной литературы. Образы, сюжеты и факты, которые можно из нее извлечь, свидетельствуют об устойчивости мифологической традиции, закрепленной в памяти поколений (Тахо-Годи, Лосев 1999: 14). Мифология греков и римлян, переработанная поэтами, писателями, художниками, сформировала фонд мировой культуры.

Сегодня мифологическая лексика, связанная с Древней Грецией и Древним Римом, является объектом описания в сло-

варях различных типов (иностранных слов, этимологических, словарях языка писателей, фразеологических). Анализ представленного в них описания мифологем («важный для мифа персонаж или ситуация, «главный герой» мифа» (Маслова 2001: 208) позволяет сделать выводы об особенностях функционирования таких лексических единиц в современном мире.

Так, обращение к «Сводному словарю современной русской лексики» под ред. Р. П. Рогожниковой дает пользователю уникальную возможность получить сведения о представленности интересующего слова в наиболее авторитетных лексикографических изданиях (по состоянию лексикографии на конец 1980-х гг.). Например, анализ словарной статьи *фурия* свидетельствует о ее включении в 11 из 14 словарей и справочников различных типов: «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 тт., «Словарь русского языка» в 4 тт. (два издания), «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова, «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, «Словарь иностранных слов» (изд. 6 и 7), «Большую Советскую Энциклопедию» и «Советский энциклопедический словарь». Это позволяет говорить о том, что данная лексическая единица относится к числу наиболее употребительных из античных мифологем (ср.: *кентавр* – 8 словарей; *Аврора* – 7; *Афродита* – 4).

Рассмотрим, как представлена лексема *фурия* в различных лексикографических источниках, и определим, какое место она занимает в лексиконе современника.

Полные и точные данные о состоянии лексикона современного человека можно получить при его сопоставлении с толковым словарем, который «наиболее развернуто представляет лексическую систему языка с точки зрения словообразовательных связей, стилистического варьирования, культурно-исторической перспективы и многих других характеристик» (Савчук 1996: 2).

«Толковый словарь русского языка» под ред. Н. Ю. Шведовой может быть использован для решения поставленной задачи. Являясь продолжением и развитием «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, он представляет собой новый лексикографический жанр: толково-этимо-

логический. Помимо последовательно отраженного состояния лексики современного русского языка в ее общем употреблении, изменения словарного состава, богатой фразеологии и идиоматики, этот словарь содержит этимологические справки: во всех необходимых случаях словарная статья снабжается специальной зоной, в которой содержатся сведения о происхождении слова и о его соответствиях в других языках.

Следует отметить, что словарное толкование лексемы *фурия* отражает современное употребление слова. Связь с мифологией прослеживается в словарном описании, которое включает дополнительные сведения энциклопедического характера, отражающие связь с эпохой античности, и этимологической справке:

фурия, -и, ж. (разг.). Злая, сварливая женщина [по названию богини-мстительницы в древнеримской мифологии]. • *Через посредство нем. Furie 'неистовство' из лат. furia 'ярость', 'богиня мщения' < furere 'неистовствовать'.*

Одним из важнейших аспектов описания слова в словарях является его нормативно-стилистическая характеристика. Она проявляется и в специальных нормативно-стилистических пометах, являющихся наиболее динамичными лексикографическими параметрами, и в образцовых текстах, служащих источником иллюстративного материала. Словарная статья *фурия* включает в себя помету *разг.*, ограничивающую сферу употребления слова.

«Русский семантический словарь» (РСС), созданный под редакцией того же автора, являясь по своей сути идеографическим словарем, описывает «логические связи между словами, представляя совокупности слов, объединенных той или иной идеей» (Козырев, Черняк 2000: 143).

Словарная статья этого лексикографического источника представляет собой описание одного отдельного слова (для однозначных слов) или отдельного значения, относящегося к данной лексической ветви, поэтому разные значения многозначного слова располагаются в РСС в разных его разделах. Например, два значения относятся одновременно к одному и тому же макроклассу, но к разным лексическим классам и подмножествам:

фу'рия, -и, ж. 1. Злая, сварливая женщина [по названию богини мести в римской мифологии] (разг.). Злобная ф. (входит в макрокласс «На-

звания лиц, реальные лица, люди, совокупности лиц»; лексический класс «названия лица по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, функции»; лексическое подмножество «бесчувственность, жестокость, злобность, злодейство»).

фу'рия, -и, ж. 2. (входит в макрокласс «Названия лиц, реальные лица, люди, совокупности лиц»; лексический класс «названия собственно оценки, обращения»; лексическое подмножество «брань, хула»).

Следует отметить, что связь с античной мифологией отражена лишь в словарном толковании, названия лексических классов и подмножеств этой связи не отражают и указывают на то, что сегодня это слово употребляется чаще в переносном значении для характеристики злой женщины.

Вероятно, подобное употребление обусловлено тем, что лексические единицы, связанные с античностью, у многих носителей языка были актуальны в период знакомства с мифологией и историей Древнего мира (чаще всего в младшем школьном и подростковом возрасте), а затем уходили на периферию словарного запаса или вообще забывались.

Отсутствие в индивидуальном лексиконе человека какого-либо слова чаще всего свидетельствует об отсутствии в тезаурусе человека соответствующей информации, поскольку, используя или воспринимая слово, человек сознательно или подсознательно учитывает актуализируемую этим словом систему знаний (Залевская 2005: 427–428).

Передать индивидуально-личностный характер незаполненных ячеек в лексиконе и тезаурусе языковой личности позволяет термин «агноним». Представленные в книге В. В. Морковкина и А. В. Морковкиной «Русские агнонимы» материалы к словарю агнонимов включают и мифологему *фурия*.

Связь слова с античностью прослеживается в "семантизирующем отрезке" (кратком семантическом пояснении) и выражена словами *в др. римской мифологии: каждая из 3-х богинь мщения.*

Находясь на периферии словарного запаса, агнонимы представляют собой в процессе коммуникации зону особого риска. Именно несовпадение фрагментов тезауруса у отправителя и получателя может создать коммуникативные помехи и привести к коммуникативной неудаче. Исследование лексикона среднего носителя языка (определение его очертаний и качественная характеристика) становится особенно важным, поскольку «позволяет прогнозировать степень полноты восприятия раз-

личных типов текстов, успех или неуспех предстоящей коммуникации» (Козырев, Черняк 2007: 90–91). Проблема агнонимии чрезвычайно актуальна при обращении к реальному функционированию слов, связанных с античностью.

Для выявления места, которое занимает в лексиконе и тезаурусе современной молодежи слово *фурия*, был проведен опрос, в котором принимали участие 299 студентов в возрасте 15–26 лет, обучавшихся с 2010 по 2013 гг. в Некрасовском педагогическом колледже №1 (Санкт-Петербург) на 1–4 курсах различных отделений.

Студентам предлагалось объяснить значение слова, а в случае затруднения привести ассоциации, связанные с ним.

Многие ответы свидетельствуют об ошибочном осмыслении семантики слова и его лексических связей.

Приведенные ниже реакции указывают на частичную агнонимичность, показателем которой является нечеткое, поверхностное представление о семантике слова или фиксация области, к которой это слово относится:

фурия – *быстрое животное у древних греков, оно связано с потусторонним миром; мифологическая героиня, у которой было много голов и на которую нельзя было смотреть; крылатая женщина из мифов, у нее что-то ядовитое; мифическое злое уродливое чудовище; мифологические девушки, заманивающие корабли своим чудным голосом. Из-за их голосов корабли разбивались о скалы; нимфа; богиня, изображалась женщиной со змеями вместо волос; название злобной, гадкой героини, от которой пошло шутливое название характера людей; привлекательная дама, заманивающая и убивающая своим голосом; мифологическое существо в виде девушки с четырьмя руками; древнегреческое животное в виде девушки; злая, надоедливая бестия; мифическое существо с телом и головой женщины, но с ногами и крыльями птицы.*

Анализ полученных реакций позволяет выявить ложные направления ассоциирования, примеры которых проявляются в следующих фрагментах ответов: *быстрое животное, оно* ***связано с потусторонним миром****; героиня, у которой* ***было много голов*** *и на которую* ***нельзя было смотреть****; у нее что-то* ***ядовитое****; девушки,* ***заманивающие корабли своим чудным голосом****; изображалась женщиной* ***со змеями вместо волос****; дама,* ***заманивающая и убивающая своим голосом****; существо в виде девушки* ***с четырьмя руками****.*

Полную агнонимичность лексических единиц иллюстрируют следующие ответы:

фурия – *город, рыба; староязычное слово; болезнь; скорее цветок, река; вид медузы; женщина с искусственным телом; что-то типа вампира; либо машина, либо резкий запах*.

Анализ студенческих работ показывает, что частой причиной недоразумений при попытках определить значение слова становится смешение незнакомого слова со знакомым на основании сходства по внешней форме с другим словом, например:

фурия – *сейчас так называют определенные грузовые машины, перевозящие баллоны с чем-то; фура; буря*.

Исследование тезауруса современных студентов свидетельствует об агнонимичности исследуемого слова и позволяет прогнозировать коммуникативные неудачи как в процессе чтения текстов классической и современной литературы, так и в обыденных коммуникативных ситуациях.

Залевская А. А. Текст и его понимание // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: монография. СПб., 2007.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.

Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

Русский семантический словарь. Т. 1. / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002.

Савчук Л. О. Системные отношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного / пассивного запаса): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1996.

Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. М.,1991.

Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 1999.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

Е. С. Головина (Дудко) *(Санкт-Петербург)*

Агнонимичная лексика в лексиконе современного школьника

Уход в пассивную часть словаря слов, обозначающих исторические реалии, – характерная черта непрерывно происходящих динамических процессов в лексической системе. Поскольку историзмы относятся к периферийной части лексикона,

они практически не используются в речи и чаще всего являются *агнонимами*, то есть полностью или частично непонятными языковой личности единицами (Морковкин, Морковкина 1997; Караулов 1999).

С понятием *агнонимы* связано понятие *лакун* (незаполненных ячеек в лексиконе личности) – факторов, затрудняющих понимание инокультурного текста (Сорокин, Марковина 1987). В широком смысле к лакунам относят все явления, требующие дополнительного пояснения при контакте с иной культурой, «все, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст» (Сорокин, Марковина 1983: 37).

В текстах детской литературы XX в., активно сегодня переиздающихся, встречаются слова, являющиеся (1) лингвокультурными лакунами для современного носителя языка младшего поколения: *керогаз, примус, комсомолец, пионер* – и (2) сегментными лакунами (семные, компонентные микролакуны): *конкуренция, собственник, частник, предприниматель* (Быкова 2003), то есть слова, активно используемые в современной речи, но изменившие частично семный состав, прежде всего – коннотативные признаки.

С целью выявления качественной динамики лексикона был проведен опрос, в котором предлагалось определить значение потенциально агнонимичного слова из предложенного контекста произведения. В опросе принимали участие 15 школьников, которые должны были, прочитав фрагменты текстов, объяснить значение встретившихся в них хронологически отмеченных единиц, обозначающих, с одной стороны, реалии быта, с другой, общественно-политические понятия (советизмы). Результаты этого опроса говорят о качественных изменениях лексикона, его внутренней динамике. Для иллюстрации приведем фрагмент текста с такими агнонимичными лексемами, а также результаты опроса:

Она (Женя) тут же перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдернула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щетку, поволокла к порогу груду мусора.

Вскоре запыхтела ***керосинка*** *и загудел* ***примус****.*

Пол был залит водой.

В бельевом ***цинковом корыт****е шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивленно поглядывали на босоногую девчонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стекла распахнутых окон (А. Гайдар. Тимур и его команда).*

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1997) даются следующие толкования выделенным лексемам:

Керосинка. Керосиновый прибор с фитилями, служащий для приготовления пищи.

Примус. Прибор для нагревания и приготовления пищи, с насосом, подающим горючее (керосин) в горелку.

Корыто. Продолговатый сосуд из выдолбленного широкого бревна, из оцинкованного железа для стирки белья или для других домашних надобностей.

Сравним с определениями, полученными в ходе проведенного опроса (в скобках указано количество повторяющихся ответов):

Примус – *нет ответа* (11); *мотор; это, может, как дудочка.*

Цинковое корыто – *нет ответа* (9); *корыто, сделанное из цинка* (3); *это большое корыто из прочного материала; место, где стирают*.

Керосинка – *нет ответа* (5); *вещество, освещение; керосиновая лампа; бутылка, в которой вещество – керосин; лампа, которая работает на керосине; воспламеняющееся вещество; для освещения помещения; лампа*.

Керосинка и примус – *части крана; да* (то есть известны, без комментария).

Керосин – *жидкость, с помощью которой едет машина*.

На основании ответов учащихся можно сделать вывод о том, что слова *примус* и *керосинка* оказались абсолютными агнонимами для всех информантов; причем предположений относительно значения слова *керосинка* много больше, но практически все они неправильные (исключение составляет ответ, близкий к толкованию из словаря под редакцией Д. Н. Ушакова – «сосуд для хранения керосина»: здесь есть попытка использовать для объяснения внутреннюю форму слова). В некоторых случаях имеет место паронимическая интерпретация значения слова (его замена на лексемы *керосин* и *керосиновая*). *Цинковое корыто* является частичным агнонимом для школьников.

Устаревшая лексика, относящаяся к советской эпохе, представляет одну из наиболее показательных зон агнонимичности (Козырев, Черняк 2007), так как большинство «советских слов исчезло, многие потеряли специфическое советское значение, вернувшись в обычный речевой обиход» (Чудакова 2007: 358). Приведем данные опроса:

Марина Ивановна грустно улыбнулась:

– Вот выполню задание и приду. Учиться они хотят, а я учительница. Как же мне не думать о детях! И если нас окружают враги, то я должна быть с детьми, чтобы воспитывать в них наше, ***советское****, не давать врагу ломать их души (В. Осеева. Васек Трубачев и его товарищи).*

Сопоставим словарное толкование с ответами школьников:

«Советский 1. Относящийся к советам, власти советов. 2. Относящийся к Стране Советов – СССР. 3. Соответствующий мировоззрению и задачам рабочего класса, преданный советской власти» (ТСЯС).

Ответы: *нет ответа* (8)*; отечественное; русское; СССРское* (2); *народное; русский, Родина, отечество, отчизна; русское, отечественное*.

Наличие такого большого количества отказов от ответа, а также данные определения, свидетельствуют, вероятно, о том, что лексема является для школьников частичным агнонимом. В их ответах иногда просто повторялось слова *советское* или *наше* (которое также присутствует в тексте), что рассматривалось нами как отсутствие ответа. Показателен ответ *СССРское*: этот окказионализм с точки зрения семантики можно рассматривать как один из наиболее близких к правильному.

Выходящие из активного употребления в конце XX в. советизмы находятся на первой, самой ранней ступени архаизации, поскольку остаются известными большинству носителей языка. К таким относится, например, слово *комсомол,* которое в своем историческом значении (впрочем, как и другие реалии советского времени) связано с воспоминаниями о юности многих людей старшего поколения и сохраняется в языковом сознании значительной части современного социума. Об этом говорят данные «Русского ассоциативного словаря» (1994): многие реакции на стимулы являются советизмами, например: борьба – *за мир*; строитель – *коммунизма, будущее, светлое*

будущее, социализма; активный – *комсомолец*.

Мы предложили школьникам 8–9 лет прочитать фрагмент из «Денискиных рассказов» В. Драгунского и определить значение слова *комсомолец*:

Он достал с третьей полки гармошку и заиграл, и спел грустную песню про ***комсомольца*** (В. Драгунский. Денискины рассказы).

Были получены следующие ответы:

Комсомолец – *человек; старый гражданин России; помогает природе; такой человек; национальность; про девушку; носил газеты; гаишник; такой человек; космонавт и молодец*.

Ответы показывают, что дети выделенное слово идентифицируют неверно, данное понятие отсутствует в их языковом сознании. Сопоставляя результаты опроса с данными словарей («**Комсомолец**. Член комсомола (коммунистического союза молодежи (в СССР: Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи – ВЛКСМ) – общественная организация молодежи (1918–1991)» (СШ), можно классифицировать советизм *комсомолец* как полный агноним.

Если обратиться к данным лингвокультурологического словаря, то становится очевидно, что весь фоновый потенциал содержания слова, его коннотации, столь значимые для советских школьников, в настоящее время в языковом сознании детей утрачены:

«**Комсомольцы**. *Организаторы и руководители студенческих строительных отрядов, которые работают на стройках страны <…> Многие комсомольцы ведут педагогическую работу (становятся пионервожатыми, руководят школьными кружками, спортивными секциями). Комсомольская организация педагогических институтов обычно берет шефство над той или иной школой. Студенты вузов выступают с лекциями перед трудящейся молодежью, перед рабочей и сельской молодежью. Комсомольцы возглавляют студенческий совет общежития, который помогает администрации полностью обеспечить бытовое и культурное обслуживание студентов, следит за поддержанием чистоты и порядка <…> Комсомольцы – организаторы отдыха учащихся и студентов» (Денисова 1983: 112-113).*

В системном аспекте понятие *агноним* соотносится с пассивным словарным составом, непосредственно связано с периферийными пластами лексики (Черняк 2003), элементы которых имеют тенденцию со временем вообще утрачивать-

ся языковой личностью. Агнонимичными для современного школьника являются не только историзмы, слова, характеризующие недавно ушедшую эпоху, но и имена собственные, являющиеся элементами советской персоносферы, которые также встречаются на страницах детской литературы XX в. Очевидно, что значительные проблемы могут возникнуть при восприятии таких элементов персоносферы советского времени, как *Козловский*, *Ботвинник*, *папанинцы*. Рассмотрим следующий фрагмент текста и объяснения выделенного слова школьниками 10–12 лет:

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в ***папанинцев****: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.*

– Мальчики, примите меня поиграть!

– Чего захотела! Не видишь – это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

– Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

– Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие (В. Катаев. Цветик-семицветик).

Папанинцы – нет ответа (1); это такая игра, это люди, которые живут на Северном полюсе; это игра, заключается в том, что дети выдумывают, что они летают на разные полюса, в разные страны, папанинцы – это дети фантазеры; экспедиторы на северном полюсе; люди, которые живут на севере; это эскимосы, которые живут на Севере; это типа, что дети на Северном полюсе, а сами папанинцы их жители; игра; это люди на северном полюсе (делают какую-то работу); игра заключается в том, что мальчики на северном полюсе, папанинцы – это люди, которые живут на северном полюсе (они не знают, как их называют, поэтому придумали такое название); это люди, обитающие на Северном полюсе; они не пускали девочек на Северный полюс (выдуманный); это игра, в которой сидят на старых досках, и в песок воткнута палка, папанинцы – это люди, которые играют в папанинцы; игра заключается в том, что дети выдумывают, что летают по свету, папанинцы – это люди, покорившие северный полюс; это кто поехал на Северный полюс, наверное.

Прецедентное имя *папанинцы* неизвестно современным школьникам (сема *Северный полюс*, несомненно, подсказана контекстом). Тот культурный и эмоциональный фон, который имел в виду создатель сказки «Цветик-семицветик», непонятен не только современным детям, но и их родителям и, вероятно, значительной части учителей. Ср. с данными словаря:

«**Папанинцы**. Полярники, работавшие под руководством И. Д. Папанина на первой советской дрейфующей станции «Северный полюс-1» (ТСЯС).

Подчеркнем, что агнонимичность многих историзмов и архаизмов является закономерной, поскольку утрата определенных фрагментов словаря связана с естественным обновлением реалий окружающего мира. В то же время наличие «культурных историем» в языковом сознании личности трудно переоценить. Именно их правильное понимание обеспечивает сохранение и дальнейшее развитие духовной культуры нации, преемственность поколений.

Агнонимы в лексиконе и непосредственно соотносимые с ними лакуны в тезаурусе современного носителя языка являются существенным препятствием при освоении классических художественных текстов детской литературы. Функционирование агнонимичной лексики связано с «активизацией «зон риска» в лексиконе языковой личности, с увеличением семантической неопределенности в воспринимаемых и продуцируемых текстах» (Козырев, Черняк 2007: 102). Необходимо учитывать тот факт, что агнонимы, характеризуя лексикон конкретной языковой личности в определенный момент ее развития, имеют тенденцию уменьшаться в количественном отношении при условии увеличения образовательного потенциала личности. Этому способствует, прежде всего, расширение круга чтения современного ученика, обязательное обращение к классическим произведениям русской литературы, в том числе детской литературе советской эпохи, наличие комментария к хронологически отмеченной лексике.

Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. 2003 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bgpu.ru/site/content/laboratories/ling/lakuna/

Денисова М. А. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь. М., 1983.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. СПб., 2007.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. (ТСЯС)

Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем. М., 1997.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1997.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Ч. 1 / Ю. Н. Караулов и др. М., 1994.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты // Лек-

сические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 35–52.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Проблемы понимания «чужой» культуры и способы устранения лакун в тексте // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Воронеж, 1987. С. 160–169.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008 (СШ).

Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003. С. 295–304.

Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М., 2007.

А. Ю. Пентина, О. Ю. Гончарова *(Санкт-Петербург)*

Еще раз о синонимах

Синонимия как универсальное языковое явление открывает широкие возможности разноаспектных исследований.

Авторам статьи это впервые открыла Валентина Даниловна Черняк, выступив в качестве руководителя дипломной работы «Историческая изменчивость синонимов» О. Ю. Гончаровой и диссертационного исследования «Коммуникативно-прагматический потенциал синонимов: словарное представление и текстовые реализации» А. Ю. Пентиной.

Изучение синонимии в органической взаимосвязи с производящей и воспринимающей текст языковой личностью стало особенно актуальным в последние годы, когда внимание многих лингвистов было переключено с вопросов устройства языка на вопросы его функционирования. Утверждение В. Д. Черняк о том, что «выбор синонимов воплощает стратегию речевого поведения говорящего, отражает важнейшие особенности индивидуального лексикона» (Черняк 1996: 68), стало отправным и для наших рассуждений.

Широкие возможности для осуществления эффективной коммуникации дают лексические синонимические средства. Они используются для контроля за содержательно-прагматической стороной коммуникации, позволяя выбрать в конкретных обстоятельствах наиболее адекватную единицу из ряда близких по смыслу. Синонимия изначально запрограммирована на наиболее точное воспроизведение коммуникативных намерений говорящего. По замечанию В. Д. Черняк, «говорящий, имея в своем распоряжении широкий круг средств для

выражения сходного содержания, нередко оказывается перед необходимостью альтернативного лексического выбора (синонимическая ситуация)» (Черняк 1996: 68). В умении выбрать из множества возможных средств выражения определенной мысли то, которое в наибольшей степени соответствует особенностям ситуации, проявляется так называемая селективная способность человека, владеющего языком.

Коммуникативные неудачи часто возникают как раз из-за неумения выбрать «адекватное замыслу лексическое средство в узком круге семантически сходных лексических единиц» (Козырев, Черняк 2009: 70).

Это положение подтверждается результатами традиционных упражнений, которые выполняют школьники и студенты во время изучения темы «Лексические синонимы». Рассмотрим одно из таких упражнений и проанализируем его выполнение студентами первого, второго и третьего курсов педагогического колледжа им. Н. А. Некрасова (50 работ).

Укажите, чем отличаются синонимы в синонимическом ряду (оттенками ЛЗ, стилистической окраской):

- милый, симпатичной, славный, приятный, хороший;

- смелый, храбрый, мужественный, безбоязненный, стойкий, отважный;

- скорый, стремительный, проворный, быстрый;

- вежливый, любезный, корректный, обходительный;

- посылать, отправлять, командировать.

Составьте небольшой рассказ на основе какого-либо синонимического ряда.

Из пяти предложенных синонимических рядов наибольшую трудность в определении оттенков лексического значения вызвали два ряда: *вежливый, любезный, корректный, обходительный* и *милый, симпатичный, славный, приятный, хороший*. Следует отметить, что для многих слова *любезный, корректный, обходительный и славный* оказались полными или частичными агнонимами (в половине работ значения этих слов вообще не указаны), поэтому в текстах наблюдается большое количество речевых ошибок, связанных с нарушением лексической сочетаемости. Попытки определить оттенки лексического значения единичны и часто ошибочны. Например,

Любезный – *готовый помочь; вежливый с долей лицемерия; хороший только к одному человеку; человек, который внушает*

любовь; соблюдающий правила приличия; обходительный с кем-то для выгоды; пренебрежительное отношение к человеку;

Корректный – *эстетичен; использует в речи необидные выражения; исправляющий ошибки; сам себя приветливо держит; человек, который без дружелюбия говорит с людьми уважительным тоном*;

Обходительный – *ничего не имеющий в виду конкретно; делающий комплименты, услужливый*;

Милый – *миловидный, а может и не быть приятным или симпатичным; человек, у которого красивая внешность, смазливое личико*;

Хороший – *соответствует представлениям о хорошести; человек с миролюбивыми принципами; с высокими моральными качествами*;

Славный – *связан со славой; пользующийся славой; только описание поступков; может быть и неплохим человеком; достойный славы; вежливый; уменьшительное значение хорошего*;

Приятный – *ухаживает за собой, следит за внешностью; человек может быть в чем-то одном, но не предполагает близкого эмоционального воздействия*;

Славный и хороший – *человек, который делает правильное дело и делает его качественно.*

Как видим, самые, казалось бы, привычные и необходимые русские слова исчезают из активного употребления.

В такой ситуации низкого уровня языковой компетенции трудно говорить о целенаправленном выборе синонимов (в частности, актуализации различий между ними). Это доказывают и созданные студентами тексты. Приведем фрагменты:

– Утро. Только прилег, а уже раздался громкий звонок будильника. В моей голове он прозвучал, как громкий гудок скорого поезда. Осознав, что уже опаздываю, я начал собираться, как проворный воробушек. Я успел. Начался быстрый день;

– В один солнечный летний день по путям двигался скорый поезд. В поезде ехал на олимпийские соревнования юный чемпион. Он был проворлив и быстр;

– Моя подруга Вера – очень проворная девушка. На протяжении недели она замечала, что у меня часто болит голова. Она меня довезла до больницы. В течение нахождения меня в больнице я стремительно похудела;

– Я собираюсь ехать в скором поезде, который стремительно быстро и проворно несется по железным путям мимо городов;

– Однажды славная девочка пошла в лес за грибами. Ей было страшно одной. Вокруг было много зверей: симпатичные белочки, милые зайцы и славные медведи. Она заблудилась. Из-за кустов вылез милый, хороший мальчик и показал ей дорогу домой.

Низкий уровень общей и речевой культуры авторов данных текстов не позволяет им реализовать одну из главных функций синонимов – наиболее точное воплощение коммуникативных намерений говорящего.

Справедливости ради надо отметить, что есть и удачные тексты, в которых использование синонимических средств языка не только отражает движение авторской мысли, но и позволяет ее скорректировать в процессе общения, поскольку авторы чувствуют оттенки лексического значения синонимов и особенности их стилистической окраски (хотя мы отдаем себе отчет в том, что общекультурный и языковой уровень этих текстов тоже достаточно низок). Приведем примеры:

– Рассказывая о новом знакомом, Катя сказала, что он симпатичен и, на первый взгляд, кажется милым. А еще у него приятный голос и славный характер. Теперь и мне захотелось с ним познакомиться;

– В нашем городе каждый человек старается быть вежливым. Люди прекрасно понимают, что любезность, учтивость – показатель воспитанности. Но, к сожалению, быть корректным, галантным удается не каждому. Помните о том, что, проявляя обходительность, вы тем самым создаете комфортную ситуацию общения и проявляете себя с лучшей стороны;

– Любезный парень, со всеми вежлив, всегда обходителен, спокоен. Создается впечатление, что у него все прекрасно, и поэтому он такой хороший. На самом деле он испытал много в жизни, сталкивался со злостью и жестокостью. Именно поэтому он корректен, терпелив, приветлив даже с теми, кто с ним груб, ведь ему не хочется быть тем, кто заставляет людей страдать.

Авторы явно подыскивают наиболее точное, удачное, с их точки зрения, слово (неслучайно рядом оказываются слова: *симпатичен – мил; любезность – учтивость, вежливый – любезный; корректность – галантность)*.

Обратимся к толкованию этих слов в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: симпатичный – *вызывающий симпатию, расположение к себе, привлекательный;* милый – *славный, привлекательный, приятный;* любезный – *обходительный, предупредительный, учтивый*; вежливый – *соблюдающий правила приличия, воспитанный, приличный*;

корректный – *вежливый и тактичный, учтивый*; галантный – *изысканно-вежливый, любезный* (данное слово в упражнении предложено не было).

Дифференциальные семантические компоненты, эксплицированные в толкованиях, подтверждают коммуникативную оправданность соположенного использования синонимов. Конденсация синонимов позволяет поддержать и усилить информационную значимость слова в тексте. Особой прагматической значимостью обладают как раз те случаи соположенного использования синонимов, в которых наблюдается актуализация (наведение) определенных дифференциальных сем.

Достаточно распространенным семантическим приемом, характерным для многих текстов, оказывается и повтор синонимов, не отягощенный какой-либо семантической добавкой, то есть, по существу, дублирование семантики. В данном случае можно говорить о воздействии устных форм коммуникации на письменные (это отмечают сегодня многие лингвисты). Этот прием воспринимается как средство усиления смысла, придания большей значимости словам говорящего.

Синонимический ряд часто становится и толчком для цепочки ассоциаций, которая организует текст, осуществляя его интеграцию (например, в приведенном ниже тексте: *скорый – минута – миг – понесся – летит – стремительно – быстро*).

– Ранним утром, когда солнце только–только вставало, вдалеке появился скорый поезд «Миг». Еще минута - и он остановился на полустанке. Постояв чуть-чуть, понесся дальше. Рядом с ним стремительно летит ласточка, проворно облетая деревья. Интересно, как быстро она устанет?

Данный текст подтверждает наблюдение Е. С. Кубряковой о том, что «слово, всплыв на поверхность сознания, начинает «вытягивать» именно системно релевантные для него общепринятые ассоциации и связи, то есть становится толчком к обогащению мысли, помогает ее формированию» (Кубрякова 1986: 145). Необходимо отметить, что синонимическая сеть часто предполагает использование межчастеречных синонимических связей.

Умелое владение лексическими синонимическими средствами создает условия для воплощения в тексте существенных черт языковой личности, условия для реализации ком-

муникативных стратегий говорящего. Синонимы – важное средство развертывания и организации текста.

С грустью приходится отметить, что таких работ, в которых осознается особая коммуникативная предназначенность синонимов и проявляется речевая компетенция автора, немного.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: лингвистические аспекты гуманитарных технологий. СПб., 2009.

Черняк В. Д. Синонимические ряды и синонимические сети: потенции и текстовые реализации // Komunikacya i tekst. Białystok, 1996. С. 71–78.

Е. Е. Котцова *(Архангельск)*

Метафоры и метонимии как формы концептуализации в профессиональном общении медицинских работников (на материале тематической группы «Пациенты»)

Современная медицина представляет собой комплекс активно развивающихся наук, в связи с чем количество специальной медицинской лексики, терминов и профессионализмов, постоянно растет, а значит, требует дальнейшего изучения. Особенно это касается мало исследованной группы специальной лексики – профжаргона медиков.

Объектом анализа в работе является профессиональная лексика медицинских работников учреждений здравоохранения г. Архангельска, собранная в течение 2012–2015 гг. Предмет анализа – семантические профессионализмы, метафоры и метонимии, в составе самой многочисленной тематической группы «Пациенты». Профессионализмы, возникшие в процессе развития нового, специального, значения у общеупотребительного слова, называются семантическими или лексико-семантическими. Как правило, это экспрессивные слова, относящиеся к зоне профжаргона и употребляющиеся, в отличие от терминов, только в устной речи медиков.

Метафоры и метонимии, играющие большую роль в мыслительной деятельности человека и в речи, являются одним из

ярких, экспрессивных способов отражения языковой картины мира народа или его отдельных социумов. Эти тропы можно рассматривать как важные когнитивные процессы, которые базируются на способности медработников, имеющих общий запас знаний, представлений и оценок, улавливать ассоциативное сходство между разными явлениями окружающего мира и сферы медицины и создавать, концептуализировать новые понятия.

Анализ источников формирования медицинского социолекта показал, что в устном профессиональном общением медработников основным способом концептуализации, связанной с номинацией пациентов по разным признакам их диагнозов или состояния, являются семантические профессионализмы (94 единицы из 344, или 28% от общего количества профессионализмов). Основным видом семантических профессионализмов являются метафоры, сохраняющие высокую степень экспрессивности в профжаргоне медиков (более 50 единиц из 94 номинаций пациентов). Целью метафорической концептуализации является нахождение такого имени, которое наиболее точно будет соответствовать исходному значению, соответственно, на первый план выдвигается характеризующая, экспрессивная функция метафор.

С позиций более широкого, когнитивного, подхода, «к анализу привлекаются не только собственно метафоры, но и другие тропы: метафорический эпитет, сравнение, ирония, гипербола, литота и т. п.» (Чудинов 2001: 76). При таком анализе метафорических и метонимических семантических моделей профессионализмов следует учитывать исходную и новую семантические сферы, или понятийные области (сфера-донор и сфера-реципиент), а также основание для метафорического или метонимического переноса наименований со сферы-донора (источника) на сферу-реципиент (пациенты).

Процесс метафоризации чаще осуществляется на основе принципов зооморфизма (переноса с мира животных на названия пациентов), фитоморфизма (переноса названий с мира растений на мир человека) (Опарникова 2012: 202). Анализ семантических профессионализмов показал, что наиболее продуктивными сферами-донорами метафорических номинаций пациентов являются: 1) названия растений (*валежник* – паци-

ент, долго пребывающий в стационаре; *одуванчик* – пациентка с признаками старческого слабоумия (закреплению такой номинации способствует ассоциация с фразеологизмом *божий одуванчик*); *подснежник* – пациент с гипотермией или обморожением; *горошинка* недоношенный ребенок); 2) животных и птиц (*перепел* (*перепелка*) – умерший от отравления алкоголем; *слоник* – больной на искусственной вентиляции легких; *мясо* – лежачие пациенты в тяжелом состоянии, преимущественно неврологического профиля); 3) артефактов (*скворечник* – пациент после трепанации черепа; *лежак* – лежачий больной; *консервы* – больные, находящиеся в отделении (как правило, хирургического профиля) на консервативном, то есть нехирургическом, лечении; *варежка* – недоношенный ребенок; *терминал* – пациент с крайне неблагоприятным прогнозом для жизни).

Сферами-донорами для антропоморфных метафор (человек – человек) являются: 1) названия представителей профессиональных социумов (*вертолетчик* – больной с гипсом на руке; *летчик, парашютист* – пациент, получивший травмы в результате падения с высоты; *лыжник* – пациент обычно преклонного возраста или после операции, передвигающийся с трудом, шаркая ногами); 2) герои сказок и мультфильмов, мифических персонажей (*дюймовочка* – пациентка с избыточной массой тела; *водяной* – пациент, находящийся на гемодиализе, и др.). Последнюю группу можно назвать *прецедентными профессионализмами,* появляющимися на основе культурных ассоциаций с именами героев литературных произведений, фильмов, исторических персонажей: *снегурочка* – пациентка, поступившая в алкогольном опьянении; *Гиппократ* – тяжелобольной пациент с заострившимися чертами лица и др.

Анализ оснований переноса позволил выявить следующие семантические модели метафоризации в профжаргоне медицинских работников: 1) метафоры по цвету: *желтенький* – пациент с признаками гепатита; *головешка, уголек* – пациент с ожогами; *синий одутловатик* – пациент с хроническим обструктивным бронхитом (для таких больных характерен разлитой диффузный цианоз, или посинение, и отечность лица и шеи); 2) метафоры по размеру: *дюймовочка* – пациентка с избыточной массой тела; *горошинка, варежка* – недоношенный ребенок; *модельный* – ребенок с дефицитом массы тела; 3)

метафоры по форме: ср., например, общую сему ‘большой живот’, ассоциативно связывающую узуальное и профжаргонное значения слова *телепузик* (мультипликационный персонаж с большим животом); в речи медиков: 1) женщина на большом сроке беременности), 2) больной с асцитом (большой живот вследствие накопления жидкости в брюшной полости и желтухой).

Наиболее продуктивные модели немногочисленных метонимических переносов в рамках группы «Пациенты»: 1) вид заболевания, 2) симптом болезни, 3) внутренний орган, пораженный болезнью, – пациент: *почка* – пациент с заболеванием почек (*У нас почка в первой палате.* Зап. 2014); *острая боль* – пациент с острой болью (*Острую боль привезли.* Зап. 2013); *три креста* – пациент с диагностированным сифилисом (три креста – знак на результате анализа, подтверждающий этот диагноз); *черепушка, череп* – пациент с черепно-мозговой травмой. Единичный случай метонимии отмечен для модели «место проведения операции на щитовидной железе (шея) – пациент» (*Шейки, на перевязку!* Зап. 2013).

Экспрессивность некоторых семантических профжаргонизмов усиливается с помощью каламбура: *выкидыш* – пациент, получивший травмы в результате падения с высоты; *рецидивист* – больной с рецидивом (повторением) болезни; *крестоносец* (имеется знак «три креста» на результатах анализа)*, Люська* – пациент с диагностированным сифилисом; *корсиканец* – пациент с синдромом Корсакова (психозом); *веник* – пациент с венерическим заболеванием.

Анализ моделей создания метафор и метонимий в сфере медицинского дискурса позволяет выявить их «прагматический потенциал, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также «тяготение» модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т. п.» (Чудинов 2001: 78).

Высокая степень метафоризации в тематической группе объясняется не столько номинативной, характеризующей, сколько экспрессивной функцией метафорических номинаций пациентов. Преобладание лексики с негативно-ироничной коннотацией не имеет целью оскорбить пациентов, так как профжаргон функционирует в неофициальном общении меж-

ду профессионалами (врачами, медсестрами). «Омытые волнами профессиональной смеховой культуры» (Абрамова 2003: 203), профессиональные жаргонизмы способствуют созданию благоприятного психологического микроклимата в коллективе, обеспечивают успешность коммуникации, быстроту реакций медиков в экстремальных условиях. Самоирония и юмор медиков, часто на грани профессионального цинизма, позволяют им снять напряжение в стрессовых ситуациях, спасают их «от телесных и психических недугов, профессионального выгорания и деформаций» (Елькин 2011: 80).

Собранный материал (более 340 единиц) имеет лексикографические перспективы, в частности может быть использован при создании словарей городских социолектов, в частности словарей профессиональной речи (или профжаргона) медицинских работников.

Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2003.

Елькин И. О. Влияние профессионального юмора и профессионального сленга на деловое общение в медицине // Системная интеграция в здравоохранении. 2011. № 1. С. 71–80.

Опарникова И. В. Специфика процессов номинации в лексико-фразеологической системе профессионально-жаргонной составляющей языка медицины // Вестник ТГПУ. 2012. С. 200–204.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

И. Н. Смирнов *(Санкт-Петербург)*

О синонимии аспектуальных вариантов

Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента на поддержку ведущих научных школ НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

1. Вступительные замечания

Вопросы глагольной синонимии всегда были в центре исследовательского внимания Валентины Даниловны Черняк. С благодарностью принимая приглашение к участию в юбилейном сборнике, хотел бы обратиться именно к этой теме. Лексическую синонимию можно отнести к разряду «вечных» проблем языкознания. Как справедливо отмечала В. Д. Черняк, «про-

блема синонимии издавна привлекала внимание лингвистов, поскольку обращение к самым разнообразным языковым явлениям неизбежно сталкивалось с проявлениями вариативности форм выражения, а в семантическом плане – со сложным диалектическим соотношением тождества и различия» (Черняк 1989: 3). Ср. также: «являясь проявлением вариативности как существенного слагаемого системы, синонимические отношения отражают многие закономерности системной организации лексики» (Черняк 1989: 5). Добавлю от себя: синонимические отношения играют существенную роль в лексико-грамматической классификации слов. Чрезвычайно интересным в этом отношении представляется обращение к аспектуальной семантике, имеющей, по мнению многих исследователей, именно лексико-грамматический характер. Образование видовых форм русского глагола, такие процессы как префиксальная перфективация и суффиксальная имперфективация приводят к появлению системы аспектуальных вариантов русского глагола, связанных синонимическими отношениями.

Описание аспектуальных вариантов позволяет по-новому анализировать само межуровневое взаимодействие в русском языке, взаимодействие элементов лексической, словообразовательной и морфологической семантики.

2. Вариантность в глагольном видообразовании

Как известно, основным противопоставлением русской глагольной лексики является противопоставление по виду. По определению «Русской грамматики», видовая пара – «это пара лексически тождественных глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ), различающихся между собой только грамматической семантикой вида: *делать – сделать*, *переписать – переписывать*» (РГ 1980: 583). Глаголы СВ обозначают ограниченное пределом целостное действие, глаголы НСВ таким значением не обладают.

Один из членов видовой пары может быть представлен глаголом, имеющим в языке вариантное образование того же вида. В этом случае одному глаголу могут противопоставляться два глагола противоположного вида. Например, видовую пару глаголу НСВ *множить* могут составлять два глагола СВ: *умножить* и *помножить*; парными для глагола СВ *приготовить* являются глаголы НСВ *приготовлять* и *приготавливать*.

2.1. Вариантные префиксальные образования глаголов СВ.

Как отмечает «Русская грамматика», для глагола НСВ *вянуть* в значении «терять свежесть, сохнуть» парными глаголами СВ являются *завянуть* и *увянуть*, прямые лексические значения которых совпадают: «лишиться свежести, засохнуть» (см. РГ 1980: 588). У глагола НСВ *множить* есть два парных глагола СВ: *помножить* и *умножить*: *Ученик Сергеев от волнения не сумел помножить семнадцать на тринадцать* (А. Чехов); *Ученик напишет цифру, под ней другую, потом умножит их* (Н. Помяловский). Ср. также вариантность глаголов СВ *выкупать* и *искупать* при глаголе НСВ *купать*; *испугать* и *напугать* при глаголе НСВ *пугать*; *похоронить*, *схоронить* (разг.) и *захоронить* (офиц.) при глаголе НСВ *хоронить*; *запачкать* и *испачкать* при глаголе НСВ *пачкать*.

Приведенные примеры свидетельствуют о разном характере вариативности. Почти тождественны основные значения глаголов в первых парах (*завянуть* и *увянуть*; *помножить* и *умножить*). Ср. толкования значений, предложенные «Словарем русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой:

1. Завянуть – … «Стать вялым, поблекнуть, увянуть» (МАС I: 507);

Увянуть – … «Лишиться свежести, засохнуть, завянуть (о растениях) (МАС IV: 454);

2. Помножить – … «Произвести действие умножения над какими-л. числами; умножить» (МАС III: 283);

Умножить – … «Мат. Произвести умножение над какими-л. двумя числами» МАС IV: 493).

Однако это не дублеты, так как у глаголов *увянуть* и *умножить* в отличие от *завянуть* и *помножить* есть и другие (хотя и близкие) значения (см. МАС). Таким образом, здесь можно говорить о синонимической вариативности, так как глаголы СВ, выполняя функцию парного глагола по отношению к исходному глаголу НСВ отличаются друг от друга тонкими семантическими и стилистическими оттенками.

Примеры отмеченной в словаре стилистической дифференциации перфективных (СВ) вариантов приведены выше и в специальных комментариях не нуждаются (см. *похоронить*, *схоронить* и *захоронить*). Но, формируя парный вариантный глагол СВ, префикс часто сохраняет в своем основном значении и индивидуальный семантический оттенок, что позволяет интерпретировать такие парные образования как противопо-

ставление чисто видового коррелята глаголу определенного способа действия, что не всегда находит отражение в словарях русского языка. Например, перфективные варианты *запачкать* и *испачкать,* образованные от глагола НСВ *пачкать*. Ср. толкования значений этих глаголов (цитирую с некоторыми сокращениями).

«**ПАЧКАТЬ**, *… ; несов., перех. 1. (сов. запачкать и испачкать). Делать грязным; грязнить, мазать. Пачкать руки чернилами …*

2. (сов. запачкать) перен. Позорить, порочить. Пачкать репутацию. Пачкать имя.

3. Разг., презр. Делать что-л. неумело, небрежно, грязно (преимущественно рисовать, писать); марать …» (МАС III: 35).

«**ЗАПАЧКАТЬ**, *… ; сов., перех. (несов. пачкать). 1. Загрязнить, замарать. Его полотняное пальто и панталоны были запачканы в грязи…*

2. перен. Обесчестить, опорочить, опозорить. Запачкать доброе имя… (МАС I: 554).

«**ИСПАЧКАТЬ**, *… ; сов., перех. (несов. пачкать). Загрязнить, измазать. – Ты у меня всю бумагу испачкал… Его круглая задорная рожица вся испачкана грязью и сажей…» (МАС I: 681).*

На наш взгляд, глагол СВ *запачкать* является парным по виду глаголу НСВ *пачкать,* его значение может толковаться следующим образом: *Сов. к пачкать*, так как глаголы, составляющие видовую пару тождественны по лексическому значению и различаются лишь отсутствием (НСВ) / наличием (СВ) грамматического признака ограниченности целостного действия пределом (в последнем случае эксплицитно выражается результативность). *Испачкать* является глаголом специально-результативного способа действия, приставка *из- (ис-)* не только изменяет вид, но и вносит в значение производящего глагола НСВ семантические оттенки интенсивности и направленности на обширный круг объектов (ср.: также *избить, изрезать, изранить, исходить* и т. п.). Обратим внимание на словарные толкования синонимичных аспектуальных вариантов: загрязнить, **замарать** для *запачкать* и загрязнить, **измазать** для *испачкать*. В этом смысле показательна и иллюстративная часть словарной статьи: *испачкал* ***всю*** *бумагу,* ***вся*** *рожица испачкана* (семантико-словообразовательный потенциал приставки *из-/ис-* достаточно полно представлен в МАС, в одноименной словарной статье).

Обратим внимание еще на два производных от *пачкать* глагола: *напачкать* и *перепачкать.*

«**НАПАЧКАТЬ**, ...; *сов.* (*несов* пачкать). Нагрязнить. *Напачкать в комнате...*» (МАС II: 377). Здесь так же, как и в случае с глаголом *запачкать*, можно было бы ограничиться толкованием *Сов. к пачкать*, так как перед нами пример «чистой» видовой пары. В этом случае следует признать глаголы *запачкать* и *напачкать* дублетами.

«**ПЕРЕПАЧКАТЬ**, ...; *сов., перех.* Запачкать во многих местах или все, многое, всех, многих. *[Ромашов нарвал] с грядки, перепачкав руки в сырой земле, целую охапку этих белых, нежных, мокрых цветов...*» (МАС III 85). МАС не приводит видовой пары, так как представленный глагол выражает значения дистрибутивно-суммарного СД и поэтому нуждается в развернутом толковании.

Глагольное префиксальное словообразование всегда шире видового противопоставления. Как известно, русский глагольный префикс может быть 1) собственно перфективирующим (изменять видовую принадлежность глагола, не затрагивая его лексического тождества), 2) деривационно-перфективирующим (изменять видовое значение и вносить дополнительные оттенки в значение лексическое), 3) в некоторых случаях – собственно деривационным (существенно изменять лексическое значение, иногда даже без перфективации). Эти возможности проиллюстрируем примерами с приставкой (омонимичными приставками?) ***вы-***: *пить – выпить* (видовая пара), *красить – выкрасить* (СД), *идти – выйти* (новый глагол), *брать – выбрать* (отсутствие мотвации и лишь этимологическая связь между производящим и производным глаголами). О префиксальной перфективации и СД см. (Зализняк и Шмелев 2000; Смирнов 2000; 2008; 2010).

2.2. Синонимичность первичных и вторичных имперфективных форм

Имперфективация представляет собой процесс более регулярный, чем перфективация. Глаголы НСВ могут быть образованы от префиксальных и беспрефиксных глаголов СВ с помощью суффиксов *–ива- (-ыва-), -ва-, -а-: расщедриться – расщедриваться, переписать – переписывать, открыть – открывать, решить – решать.* Чаще всего имперфективируются производные глаголы со словообразовательными префиксами.

Однако вторичная имперфективация может осуществляться и тогда, когда видовая пара формируется с помощью

чистовидового префикса. Это объясняется продуктивностью вторичной имперфективации в видообразовании, с одной стороны, и стремлением подчеркнуть направленность действия на достижение предела, с другой стороны: *слабеть – ослабеть* и *ослабеть – ослабевать*; *винить – обвинить* и *обвинить – обвинять*; *крепить – укрепить* и *укрепить – укреплять*; *множить – умножить* и *умножить – умножать* (см. РГ 1980: 590).

Достаточно любопытно представлена картина перфективации глагола НСВ *множить* и вторичная имперфективация производных от него глаголов СВ. В качестве видовой пары для *множить* МАС называет два глагола: *умножить* и *помножить* (см. МАС II: 284). В словарной статье, посвященной глаголу *умножить* в качестве видовой пары предлагаются два глагола НСВ: *умножать* и *множить* (см. МАС IV: 493). Также два глагола НСВ называются видовой парой глагола *помножить*: *помножать* и *множить* (см. МАС III: 283). В данном случае мы имеем дело с так называемыми «видовыми тройками»: *множить – умножить – умножать, множить – помножить – помножать.*

Таким образом, при имперфективации глаголов СВ с чистовидовым префиксом возникают синонимические отношения между первичным глаголом НСВ и вторичным глаголом НСВ: *слабеть* и *ослабевать* при СВ *ослабеть*; *винить* и *обвинять* при *обвинить*; *крепить* и *укреплять* при *укрепить*; *множить* и *умножать* при *умножить*, *множить* и *помножать* при *помножить*. Вторичный глагол в отличие от первичного характеризуется тем, что структурой глагола (наличием префикса) подчеркнута направленность действия на достижение его предела. Первичный глагол зачастую стилистически окрашен; например, высок.: *крепить демократические завоевания*; *множить ряды борцов*; устар.: *блюсти*, *единить*, *длить*. Вторичный глагол обычно стилистически нейтрален: *укреплять*, *умножать*, *соблюдать*, *объединять*, *продлевать*.

В суффиксальной видовой паре при одной основе могут создаваться вариантные образования глаголов НСВ с суффиксами *-ива- (-ыва-)* или *-а-*. Так, например, при глаголе СВ *приготовить* есть глаголы НСВ *приготовлять* и *приготавливать;* при *уловить – уловлять* и *улавливать*; при *затопить – затоплять* и *затапливать*; при *одарить – одарять* (высок.) и *одаривать*; при *установить – устанавливать* и *установлять* (устар. и прост.);

при *разре'зать – разрезывать* (редко) и *разреза'ть*; при *накопить – накоплять* (прост.) и *накапливать*; при *заготовить – заготовлять* и *заготавливать*. Иногда эти вариативные образования различаются стилистически; например: *одарять* (высок.) и *одаривать*; *накоплять* (прост.) и *накапливать* (см. РГ 1980: 590).

Отметим разную употребительность указанных синонимических первичных и вторичных имперфективных форм (по ссылкам в поисковой системе Google). Статистически более предпочтительным представляется употребление вторичных имперфективов: Google предлагает 427 000 ссылок на глагол *заготавливать* (*заготовлять* – 82 100). 8 010 000 ссылок на *накапливать* (прост. *накоплять* – 41 6000), 129 000 ссылок на *приготавливать* (*приготовлять* – 50 100), 158 000 ссылок на *улавливать* (устар. *уловлять* – 39 800), 4 390 000 ссылок на *устанавливать* (устар., прост. *установлять* – 29 100). Однако есть и «неожиданные» цифры: приводится 701 000 ссылок на *затоплять* (*затапливать* – 78 200) и 369 000 ссылок на (высок.) *одарять* (*одаривать* – 237 000).

3. Заключение

Аспектуальность является функционально-семантическим полем. В рамках этого поля взаимодействуют элементы разных уровней языка: лексического, словообразовательного и грамматического (морфологического). Процессы глагольного формо- и словообразования чрезвычайно разнообразны.

Префиксация приводит к созданию либо видовой пары, либо того или иного способа действия, либо нового глагола. Многообразие результатов префиксации обусловлено разнообразием и многозначностью глагольных приставок. Естественно, многие префиксальные перфективы, мотивированные одним производящим глаголом вступают в синонимические (в широком смысле) отношения.

Суффиксальная вторичная имперфективация русских глаголов – процесс более регулярный, чем префиксальная перфективация. Достаточно часто создаются «видовые тройки», в которых в синонимические отношения вступают первичный и вторичный имперфективы.

Префиксальные варианты различаются в большей степени семантическими оттенками, суффиксальные – стилистическими.

Отметим, что в «Словаре синонимов русского языка» вхождение аспектуальных вариантов в синонимические ряды отмечается крайне непоследовательно.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Русская грамматика. Т. I. М., 1980 (РГ).

Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1981–1984. (МАС)

Словарь синонимов русского языка в 2-х т. Л., 1970–1971.

Смирнов И. Н. О структуре префикса в семантической структуре производного глагола // Slavische Sprachwissenschaft und Interdiszisplinarität. Band 129. Verlag Otto Sagner. München. 2000.

Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.

Смирнов И. Н. Избыточность в сфере глагольного слово- и формообразования // Избыточность в грамматическом строе языка. «Acta linguistica Petropolitana»: Труды ИЛИ РАН. Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 272–298.

Черняк В. Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов: учебное пособие к спецкурсу. Л., 1989.

А. Л. Шарандин *(Тамбов)*

Теория языковой формы лексемы в лексикографическом аспекте

Обращение автора к лексикографической проблематике вполне закономерно в связи с тем, что этот сборник посвящен известному ученому-лингвисту профессору Валентине Даниловне Черняк, чьи труды по лексикографии, в соавторстве с В. А. Козыревым, являются настольной книгой для всех, кому интересны и значимы вопросы сохранения русского слова в словарях русского языка. Материалы монографии «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» (Козырев, Черняк 2015) стали «своеобразным путеводителем» по словарям, позволяя получить объемный портрет русской лексикографии каждого из этих веков. При этом анализ почти 3200 словарей разных типов проведен в лучших традициях описания истории лексикографии.

Теория языковой формы в лексикографическом аспекте предполагает, прежде всего, ее рассмотрение с точки зрения участия грамматики в лексикографическом представлении слова-лексемы. По вопросу об участии грамматики, в частности, в толковом словаре можно выделить два противоположных мнения. Так, с одной стороны, известны предостережения Л. В. Щербы против чрезмерного расширения в словарях грамматического аппарата (Щерба 1974: 303), а с другой – мнение о недостаточной глубине проникновения грамматики в словарь (Ильенко 1986). Поэтому не случайно на конференции, посвященной актуальным проблемам разработки академического словаря русского языка (Л., 1990) отмечалось, что необходимо определить, какая грамматическая информация и в каком объеме должна быть зафиксирована в словаре. Выводом, закономерно вытекающим из обсуждения этих вопросов, явилась мысль о существовании *словарной грамматики*, которая учитывала бы достижения современной грамматической теории и одновременно специфику и технологию ее лексикографической обработки.

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на взаимосвязь лексикографии с теорией языковой формы слова-лексемы. Употребление термина «слово-лексема» свидетельствует в данном случае о понимании слова как лексемы, поскольку наряду с этим существует как различное толкование термина «лексема», так и неоднозначное понимание слова (в частности, как формы). В обыденном сознании носителей русского языка «слово» является не только языковой единицей, но и речевой, тогда как термин «лексема» в большей степени сориентирован на статус языковой единицы. В частности, П. С. Кузнецов определял слово как единицу речи, а единицу языка, соответствующую слову, он называл лексемой (Кузнецов 1964: 75).

Мы сочли возможным, не вдаваясь в дискуссию о содержании термина «лексема», представить наши рассуждения, исходя из наиболее распространенного определения лексемы, данного В. В. Виноградовым: это «слово, рассматриваемое в контексте языка, т.е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» (Виноградов 1972: 17). В наших работах, *в отличие от позиции В. В. Виноградова*, **лексема** (слово) понимается как языковой знак, выполняющий функцию номинативного лексического репрезентанта и реализующий *один* лексико-семантический вариант (*ЛСВ*) в разных условиях коммуникации в тех или иных парадигматических формах (грамматических, коннотативных, стилистических), которые имеют когнитивно-дискурсивную (морфолого-синтаксическую) основу.

В связи с этим возникает необходимость разграничить понятия «лексема», «слово», «форма слова».

Прежде всего отметим, что в обыденном сознании носителей языка понятия лексемы и формы слова нерелевантны, так как любая форма слова воспринимается как самостоятельное слово в составе высказывания. Поэтому понятия лексемы и формы слова, скорее всего, оказываются следствием наших специальных знаний по освоению языка как знаковой коммуникативной системы, как самостоятельного объекта действительности.

Пребывание слов как семиотических единиц только в состоянии номинации (называния) объектов действительности не является конечной целью коммуникативного действия человека. В этом случае слово, в принципе, оказывается ком-

муникативно не востребованным; оно, скорее всего, обслуживает ментальный лексикон индивида. Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разного типами высказываний), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, *изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус языкового*, а точнее –*речевого знака* как единицы общения. И это изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, т. е. слово становится единицей речи и предстает в виде определенного дискурсивного (морфолого-синтаксического) образования. Понятия материи и формы в этом случае не оказываются, как при семиотическом оформлении, полностью тождественными, поскольку понятие формы включает не только звуковое, но и собственно языковое оформление – грамматическое (Шарандин 2007).

Вследствие этого формы слова оказываются языковыми единицами, совмещающими выполнение языком двух его основных функций – коммуникативной и когнитивной. При этом коммуникативная функция определяет функционирование слова как языкового знака в его дискурсивной форме, а когнитивная функция проявляется в объективации и репрезентации как предметно-понятийного содержания посредством слова, так и дискурсивного содержания посредством языковой формы. Поэтому и важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» – отношения между различными сторонами этого мира (Шарандин 2010). Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объективируют, но их объективация вторична, как результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (лексическим) способом. В толковом словаре именно лексическая объективация определяет структуру словарной статьи и той информации, которая включается в нее на правах своего рода «обслуживания» концептуального содержания, представленного лексическим значением.

Однако если слово всегда в нашем сознании имело бы только речевую форму своего оформления, то *словарное пред-*

ставление слова оказалось бы неэкономным, и словарь предстал бы *в виде словоформ* с сопоставленным каждой словоформе значением. По мнению, Т. В. Булыгиной, в принципе это возможно и выполнимо, но такое решение было неудовлетворительным (Булыгина 1977: 55). Поэтому в словаре слово предстает как языковая единица. В этом случае слово оказывается *парадигматически оформленной* единицей. В состав парадигмы слова входят, прежде всего, грамматические формы тех категорий, которые оформляют, структурируют частеречное концептуальное содержание слова. В целом же, с учетом речевого аспекта, можно дать следующее лингвистическое (специальное) определение слову. ***Слово*** – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму.

Таким образом, термин «слово» в аспекте разных типов знаний отражает различную концептуализацию, будучи репрезентантом разных концептуальных единиц.

Языковое сознание, определяющее научное познание системы языка, позволяет систематизировать результаты функционирования слова в плане концептуализирующей и категоризующей функций языка. Это дает возможность моделирования речемыслительной деятельности человека с целью наиболее экономного представления процесса номинации и слово-формопорождения (деривации), а также тех языковых знаний, которые обусловливают осмысление этого процесса и его единиц в когнитивно-дискурсивном аспекте языка. Именно в этом плане и может быть использован термин «лексема». Его, на наш взгляд, целесообразно закрепить за *словом как языковым знаком*. В этом случае слово-лексема оказывается нереализованным знаком, а слово, представленное той или иной формой, – реализованным знаком (Руделев 1975: 63). Другими словами, ***лексема*** – это языковой знак, планом содержания которого является только *один* какой-то лексико-семантический вариант, а планом выражения – совокупность форм, реализующих его в речи. Но в ней лексема реализует лишь одну форму, лексически, грамматически

и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания. Выбор такой формы определяется речемыслительной деятельностью человека, коммуникативными и прагматическими целями говорящего.

В результате появляется возможность представить наиболее экономный способ описания лексической системы русского языка на уровне выделения частей речи, поскольку *формы лексемы исключаются из числа собственно языковых знаков*, из числа лексических единиц, отражающих мир и подлежащих классификации. Но при этом они включаются в состав парадигмы лексемы и тем самым фиксируют ее семантическое пространство с точки зрения уникальности плана содержания лексемы, что, в свою очередь, должно найти *отражение в лексикографической практике*.

На наш взгляд, можно выделить следующие *виды (типы) деривационных процессов*, направленные на образование различных форм реализации лексического значения в коммуникативном процессе. В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексемообразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленное, соответственно, словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются модификационное словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование.

Таким образом, понятие лексемы рассматривается нами как более абстрактная сущность сравнительно с тем, когда лексема и слово отождествлялись, ибо включает в себя не только словоформы, но и то, что в традиции трактуется как другие, самостоятельные слова-лексемы (например, *столик, столище; дочитать, почитать* и т. д.).

По справедливому замечанию В. А. Козырева и В. Д. Черняк, «словарная статья одноязычного толкового словаря представляет собой сложный лингвистический жанр. <…> Являясь центральным типом словарей, толковые словари в значитель-

ной степени выполняют функции других (аспектных) словарей» (Козырев, Черняк 2000: 64).

В основе предлагаемого нами проекта *толкового коммуникативно-дискурсивного словаря* лежит понимание того, что, в принципе, любой словарь структурирует определенные знания о языке и тем самым их концептуализирует и категоризирует. В этом случае данный словарь может рассматриваться как многофункциональная когнитивная система слов, предполагающая в качестве ведущей функции лексическую объективацию концепта, которая в лингвокреативной речевой деятельности человека актуализируется и реализуется в различных дискурсивных формах лексемы.

По существу, словарная статья строится по гнездовому принципу, но это гнездо очерчивает *лексическое пространство только одной лексемы*. Специфика этого описания, на наш взгляд, состоит в том, что лексическая семантика «пронизывает» все уровни языка, вовлекая их средства (элементы, единицы) для оформления данного лексического пространства, его границ и объемного представления в нашем сознании. Эта «объемность» создается взаимодействием лексического значения слова с грамматическими, коннотативными и стилистическими значениями, которые сами являются оформленными языковыми средствами. *Механизм* этого *взаимодействия* состоит в том, что слово, имеющее то или иное лексическое значение, будет иметь тот набор грамматических, коннотативных и стилистических форм, который соответствует данному лексическому значению, не противоречит ему.

Лексическая семантика предстает в коммуникативно-дискурсивном словаре в двух ипостасях: в абстрактном виде, который сориентирован на типовую (классовую, модельную) коммуникативную ситуацию, и конкретном виде, который отражает ЛСВ (предметно-понятийное содержание) лексемы в рамках типового содержания. Например, лексема «учить» в значении «передавать кому-либо знания, навыки» реализует абстрактную лексическую семантику в рамках коммуникативной модели «*Активное предельное и динамичное действие человека, непосредственно направленное на одушевленный объект, с определенной целью*». Эта цель представлена конкретной лексической семантикой: *усвоение, приобретение знаний и навыков объектом (человеком).*

Абстрактная лексическая семантика в большей степени сориентирована на реализацию грамматических форм тех категорий, которые структурируют содержание лексико-грамматического разряда слова-лексемы. Конкретная же лексическая семантика в большей степени сориентирована на текстовое функционирование слова-лексемы, в результате чего реализуются его особые формы (например, у глагола статив, причастие, деепричастие, девербатив), а также на актуализацию в тексте неграмматических форм слова-лексемы (коннотативные и стилистические формы).

Словарь в этом случае представляет собой, как отмечалось выше, наиболее экономный способ описания лексической системы языка, поскольку грамматические, коннотативные и стилистические образования, выполняя функцию различных форм слова, исключаются из числа единиц словаря, которые имеют самостоятельную словарную статью. Это не означает, что они не представлены в словарной статье. Поскольку данные формы служат средством выражения лексической семантики слова и при этом несут собственную дополнительную информацию, то они включаются в словарную статью в рамках ее левой части, чтобы показать уникальность лексического значения, представленного правой частью.

Это позволяет в лексикографической практике решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей при сохранении лексической информации в том объеме, в котором она была бы, если бы содержалась в этих самостоятельных статьях.

Как замечают В. А. Козырев и В. Д. Черняк, «наблюдаемый сегодня «лексикографический бум», отражающий как наметившееся осознание ценности культуры, так и чисто прагматические запросы, пока меняет ситуацию главным образом в количественном, но не в содержательном аспекте» (Козырев, Черняк 2000: 10).

На наш взгляд, качественное изменение в лексикографии произойдет тогда, когда не будет разрыва между лексикографией и другими разделами языкознания, теоретические изыскания в которых в той или иной степени связаны с их применением в лексикографии. Думается, результаты концептуального и категориального анализа слова в рамках когни-

тивно-дискурсивного осмысления его содержания могли бы стать той основой, которая позволила бы добиться качественных изменений в практике составления словарей активного типа.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Ильенко С. Г. Грамматика в словаре: Грамматические ориентации в современных толковых словарях // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 69–86.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший, СПб., 2015.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Кузнецов П. С. Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 75–77.

Руделев В. Г. Фонология слова. Тамбов, 1975.

Шарандин А. Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания. СПб., 2007. С. 9–19.

Шарандин А. Л. Оппозиция «разные слова – формы слова» как базисное основание лексикографической параметризации // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. СПб., 2010. С. 129–135.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

И. Г. Милославский *(Москва)*

О пометах *сов.* и *несов.* в толковых словарях русского языка

Толковый словарь принципиально отличается от других лексикографических источников (Козырев, Черняк 2014: 74–75) по двум параметрам. Во-первых, это не просто итог наблюдений над некоторым языковым фрагментом, представленный в форме словаря, но полное представление языковых фактов, ориентированное на решение конкретных задач в процессе речевой деятельности. Во-вторых, толковый словарь – это источник, обеспечивающий именно рецептивную речевую деятельность, и в этом качестве сравнимый с иноязычно-родным словарем. Разница лишь в том, что благодаря последнему возможно понимание иноязычного текста, а толковый словарь обеспечивает (вместе с соответствующей грамматикой (Щерба 1977) полное и точное понимание текста на родном языке, интуитивно более или менее понятного. Толковый словарь как

источник именно для рецептивной речевой деятельности противостоит другим источникам, направленным на обеспечение продуктивной речевой деятельности, а именно словарям идеографическим и синонимов, а также словарям, обеспечивающим нормативную правильность создаваемых речевых произведений, а именно словарям орфографическим и орфоэпическим. Два последних различаются лишь тем, что ориентированы на разные виды продуктивной речевой деятельности: на письмо или на говорение.

Высказанное представление о толковом словаре как об источнике, обеспечивающем рецептивные речевые действия, вступает в противоречие с традицией, согласно которой толковый словарь – это собрание разнообразных сведений о каждом слове, причем сведений более или менее очевидных для носителя языка. Очевидно, что критиковать любой толковый словарь очень легко. Причем эта критика в конечном счете упирается в принципиально не решенные фундаментальные лингвистические вопросы. Объем словника. (А как определить точные границы литературного языка?) Язык толкований, количество значений многозначных слов. (Правда, в последних двух случаях есть не учтенные толковыми словарями достижения относительно способов представления значений слов, а также правил исключения из их значений различного рода прагматических наслоений; также показали свою эффективность мало востребованные в лексикографии приемы компонентного анализа значений.) Стилистические пометы. (И здесь неясно, идет ли речь о необходимости совершенствования традиционной схемы (Апресян 2004: 12–13), либо следует осознать, что сама стилистическая сфера находится сейчас в зоне турбулентности в связи с появлением новых, при снижении роли некоторых старых, средств коммуникаций, а также в связи с существенным изменением числа участников разных коммуникаций (Ревзина 2014).) Цель настоящих заметок в другом – в осмыслении принципиальной адекватности традиционных толковых словарей их главной (и единственной на фоне существования других словарей?) задаче – обеспечить эффективную **рецептивную** речевую деятельность (Милославский 2014).

Очевидно, что для успешной рецептивной речевой деятельности совершенно необходимо знать, какой феномен

внешнего мира стоит за словом (каково содержание знака). Другие же свойства знака, его синтагматические ограничения и включенность в определенную парадигму, существенны исключительно для продуктивных речевых действий. (Это, разумеется, справедливо лишь в презумпции того, что реципиент работает с «правильными», не содержащими ошибок текстами.) С учетом принципиального противопоставления рецепции и продукции возникает целый ряд вопросов к толковым словарям как источнику для обеспечения именно рецептивных речевых действий. Что в нем лишнее по отношению к поставленной задаче, а чего недостает?

1. Обычно толковые словари приводят более или менее нестандартные парадигмы, образуемые от заглавной словоформы. Эта информация совершенно необходима для продуктивных речевых действий (Зализняк 2008), но едва ли необходима для рецепции. Для рецептивных речевых действий необходимы другие сведения, а именно позволяющие реципиенту переходить от «нестандартной» словоформы в тексте к словоформе словарной (*шлю – слать, дне – дно* или *день*, *жмет – жать* и т. п.).

2. Для рецептивных речевых действий едва ли важно знание родовой принадлежности существительного (исключение – художественные тексты). Сведения о родовой принадлежности, по-видимому, нужны лишь для слов общего рода (*староста, невежда, соня* и т. п.) и т. наз. кандидатов в общий род (*директор, секретарь, президент* и т. п.), которые, оставляя характеристику лица по полу невыраженной, получают ее благодаря обычно асемантичной форме связанных слов *наш староста* – мужской, *наша староста* – женский; *директор сказал* – пол неизвестен, *директор сказала* – женский.

3. Вызывает сомнение отсутствие семантической характеристики у т. наз. существительных pluralia tantum. Рецептивная деятельность требует внятного ответа не на вопрос, сколько и каких членов содержится в парадигме существительного, но на вопрос, сколько предметов называет данное существительное (*сани, ворота, щипцы* и т. п. – неизвестно), или на вопрос, осмысленна ли количественная характеристика (*сливки, духи, пряталки, Альпы* и т. п.). Также обычно излишним для рецепции является и указание на то, что существительное является

неизменяемым. Кроме лишь тех случаев, когда количество названных таким образом «предметов» обозначается с помощью связанных слов (см. пункт 2).

4. Пометы глаголов *сов.* и *несов.*, как известно, отражают 1) различие в составе парадигмы (у совершенного вида нет форм настоящего времени, а у несовершенного они есть) и 2) ограничения в сочетаемости (глаголы совершенного вида не сочетаются с фазовыми глаголами и с показателями регулярной повторяемости). Оба этих обстоятельства чрезвычайно важны для продуктивной речевой деятельности, а для рецептивной ценность имеет только одно обстоятельство, а именно то, что для личных форм непрошедшего времени *сов.* указывает на будущее, а *несов.* – на настоящее время. Что же касается других проявлений важнейшего для рецептивной деятельности семантического аспекта, то для *сов.* и *несов.* он остается и крайне невнятным («ограниченное пределом законченное действие» для *сов.*), и абсолютно неадекватным по своему масштабу другим модификационным характеристикам глагольного действия (начинательность, большая или меньшая интенсивность, повторность, дополнительность, сверху вниз и т. п.).

В связи с этим представляется целесообразным заменить *сов.* либо на «результативность» (*построить, перестроить, настроить* и т. п.), либо на «однократность» (*толкнуть, поцеловать, запеть* и т. п.), либо на «результативность» / «однократность» (*выбрать, подвинуть, разговориться* и т. п.). При этом любые другие характеристики глагольного действия могут выступать как в сплаве с «результативностью» и / или «однократностью» (для *сов.*), так и сами по себе (для *несов.*). В этом случае пользователь будет иметь дело уже не с грамматическими пометами (ценными только для продукции!), но с важной частью собственно семантического толкования. Только такой подход обеспечит, во-первых, адекватное понимание соответствующих компонентов русского текста и, во-вторых, разумное представление этих компонентов в русской части любого русско-иноязычного словаря (Милославский 2015).

Обсуждавшаяся выше возможность частных коррекций традиционных толковых словарей как источников, обеспечивающих рецептивную речевую деятельность, имеет не только самодовлеющее значение. Высказанные соображения претен-

дуют на значение принципиальное. Оно состоит в том, что лингвистические исследования и их результаты желательно рассматривать не как знание, имеющее самодовлеющую ценность, но как средство обеспечения эффективности тех или иных сторон различных видов речевой деятельности. Кроме того, стоит обратить особое внимание не столько на некоторые несовершенства, касающиеся обеспечения рецептивных речевых действий, сколько на острую необходимость источников, регламентирующих самый выбор средств в процессе продуктивных речевых действий.

Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2008.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: Век нынешний и век минувший. СПб., 2014.

Милославский И. Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивных и продуктивных речевых действий // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2015. № 1. С. 11–18.

Милославский И. Г. Толковый словарь как путеводитель от слова к называемой им действительности // РЯШ. 2014. № 5–6. С. 16–22.

Ревзина О. Г. Стилистическая система русского языка в динамическом аспекте // Язык, литература, культура. Вып.10. М., 2014. С. 23–36.

Щерба Л. В. Об особенностях преподавания русского языка в национальных республиках и областях // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 60–74.

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская *(Новосибирск)*

Словари активного типа: объем лексикографической информации и способы ее представления

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00122 «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Идея словаря активного типа в общем виде сформулирована А. Реем и С. Делесалем: они считают, что словарь «не работает» до тех пор, пока в нем не содержится основных правил употребления слова, его существенных коммуникативных характеристик, которые помогли бы пользователю следовать принятым нормам коммуникации: «словарь начинает жить с

того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию» (Рей, Делесаль 1983: 263).

Концепция активного словаря получила дальнейшее развитие в зарубежной и отечественной лингвистике. Подобные лексикографические проекты примерно в это же время обсуждались и в русистике: создание универсального словаря, включающего энциклопедическую, культурно-историческую и этнолингвистическую информацию о слове (Гак 1988), проблема соотношения антропоцентрического и лингвоцентрического подходов в лексикографировании (Морковкин 1988).

Если А. Рей и С. Делесаль делали упор на прагматической информации в словарной статье, то отечественные лексикографы обсуждали проблему соотношения лингвистической и энциклопедической информации в словаре, предлагая «уйти» от минимализации классических толковых словарей.

В современной русской теоретической лексикографии эти вопросы остаются по-прежнему актуальными: назначение словаря, адресат, объем лексикографической информации, способы подачи материала, источники и метаязык. В центре обсуждения этих проблем стоит «Новый объяснительный словарь синонимов», созданный под руководством Ю. Д. Апресяна (1997–2000). В последнее время в дискуссию включаются и материалы «Активного словаря русского языка», первый том которого вышел в 2014 г. (Апресян 2014).

Лексикографы относят словари, созданные под руководством Ю. Д. Апресяна, к словарям-исследованиям, дающим богатый материал и методику анализа лексических единиц: «В словаре реализована идея интегрального лингвистического описания, предусматривающего максимальную согласованность грамматических и лексических характеристик. <…> Словарь ориентирован на отражение языковой, или «наивной», картины мира» (Козырев, Черняк 2004: 99).

С точки зрения Ю. Д. Апресяна, можно выделить два основных отличия «пассивного» и «активного» словарей: активные словари «предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения или, более широко, нужды производства текстов. <…> Основная формула канонического активного словаря – существенно меньше слов <…>, но по возможности полная, в идеале исчерпывающая информация о каждом слове, необхо-

димая для его правильного употребления в собственной речи говорящих» (Апресян 2014: 6–7).

Признавая актуальным весь круг проблем, связанных с новым типом словаря, сосредоточимся на первостепенных вопросах объема семантической и прагматической информации о слове. Для лингвистического исследования лексикографический источник служит, как правило, отправной точкой, позволяющей выявить лакуны в лексикографическом описании и наметить перспективы изучения языкового явления. В активном словаре мы ожидаем максимально полную информацию о слове и сведения коммуникативно-прагматического характера, способствующие успешному включению языковой единицы в процесс реальной коммуникации.

Вопрос о том, что должен включать активный словарь по сравнению с традиционными толковыми словарями, до сих пор остается открытым: нужна ли в словаре нового типа энциклопедическая информация (и в каком объеме), коммуникативно значимая, охватывающая национально-культурную, идеологическую, гендерную, эмоционально-оценочную, а также коммуникативно-ситуативную.

Поскольку отличия активного и пассивного словарей сформулированы авторами «Активного словаря русского языка», попытаемся выявить, как новые параметры лексикографического описания представлены в словарных статьях. Возьмем для сравнения прагматически нагруженную лексему *болтать* и связанные с нею словообразовательные дериваты.

Болтать <…> **1.** *перех. и без доп. Вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать. [Милашкин:] Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать… Вот что нынче нравится. А. Островский, Бедная невеста. Они целыми днями болтали о чьих-то успехах, о каких-то интригах, о женитьбах и смертях, о наградах и ошибочных надеждах. Макаренко, Книга для родителей. До поздней ночи мы сидим за столом и болтаем, болтаем без конца. Каверин, Два капитана.|| Говорить то, о чем не следует говорить; проговариваться. <…>. – А понятно тебе, почему не надо болтать об этом? –Немного понятно. В. Беляев, Старая крепость. <…>.*

Болтливый <…> *Чрезмерно говорливый. Погода к осени дождливей, А люди к старости болтливей. И. Крылов, Плотичка. – Я слишком болтлива? – весело спросила Аночка. – Говорите, говорите больше, я хочу вас слушать! Федин, Необыкновенное лето.|| Не умеющий хранить тайну.*

Болтовня <…> *Бессодержательные разговоры; легкий, непринужденный разговор.*

– Я не должен растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова. Тургенев, Рудин. <…>.

Болтун <…> *Тот, кто много болтает; пустослов. В действительности Джон был болтуном, разносчиком всяческих историй и певцом на свадьбах. Паустовский, Поселок среди скал.*

Болтунья <…> *ж. разг. женск. к болтун1.*

Болтушка <…> *ж. разг. ласк. к болтун1 и болтунья. Я надоем и вам ужасно: Все говорю и говорю, Болтушка – скажете. И. Никитин, Кулак (МАС 1999: 105 – 106).*

Болтун <…> *(разг.). 1. Болтливый человек, пустослов. 2. Сплетник. Ему не говори, он – известный б. (ТСУ 1935: 170).*

«Словарь русского языка» (МАС 1999), специально не ориентированный на отражение коммуникативно-прагматической информации о слове, тем не менее в разных структурных частях словарной статьи отражает особенности речевого поведения (*легкий, непринужденный разговор; бессодержательные разговоры; не умеющий хранить тайну; много болтает, чрезмерно говорливый, пустослов; проговариваться*), информацию об эмоционально-оценочной картине мира, взаимоотношениях коммуникантов и представления социума о мужских и женских недостатках речевого поведения (см. иллюстративный материал: *Я надоем и вам ужасно: Все говорю и говорю, Болтушка – скажете. И. Никитин, Кулак*). Едва ли возможно употребление **Я такой болтун* от лица мужчины.

Теперь обратимся к соответствующей словарной статье активного толкового словаря: кроме особым образом структурированной информации в соответствии с концепцией зонового устройства словарной статьи, словарь отражает эксплицитную реакцию говорящего на ситуацию болтовни (в основном неодобрительную), системные связи лексемы, сочетаемостные возможности слов данного словообразовательного гнезда, образные употребления и устойчивые выражения. Однако гендерная и связанная с ней оценочная семантика дериватов *болтун, болтушка, болтунья* более адекватно представлена в классических толковых словарях.

В ряде случаев можно говорить о том, что в словаре активного типа имплицитная коммуникативно-прагматическая информация толкового словаря представлена эксплицитно. Количественное соотношение энциклопедической и комму-

никативно-прагматической информации зависит в значительной мере от семантических свойств лексемы (ср. *карта и болтать*).

Очевидно, что материалы толковых словарей в существенной мере являются основой для создания активных словарей нового поколения. Однако лексикографический «материал» разных толковых словарей в разной степени оказывается полезным для словаря, учитывающего «коммуникативное поведение слова».

Объем информации о слове, ее детализация и способы представления в толковых словарях разных лексикографических традиций существенно различается: от минимума в российских словарях (в соответствии с концепцией Л. В. Щербы о противопоставлении энциклопедических и лингвистических словарей) до возможного максимального объема в европейских словарях, приближающихся к энциклопедическим. Отечественные словари вполне соответствуют основной традиции распределения лингвистической информации о слове по разным словарям: системным, грамматическим, этимологическим, ассоциативным и пр. (Гак 1988, Караулов 1976). Европейская лексикографическая традиция предполагает иной подход: вся значимая словарная информация должна быть собрана в толковом словаре. Например, Le nouveau petit Robert (2002), Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano (2006), Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (1974), Diccionario de uso espanol de Maria Moliner максимально полно (и в специальных комментариях, и в иллюстративном материале) отражают системные, функциональные, этимологические, семантико-прагматические и лингвокультурологические сведения о слове. В русских словарях подобная информация является, скорее, исключением (см. ТСУ).

В словаре М. Молинер словарная статья лексемы ***calle*** включает лексемы, имеющие отношение к городскому пространству: *alameda, arteria, avenida, bulevar, paseo, rambla, ronda, rúa* – улица (в названиях улиц); *carrera, vía pública, corso* (главная улица)*; bajada, cuesta* (спуск), *subida* (подъем), *costana* (улица на склоне холма), *costanilla* (крутая улица); *bocacalle* (боковая улица, улочка, переулок); *callejón, calleja* (проулок, переулок, закоулок), *callejuela* (уменьш. от *calleja*),

callizo (см. callejón, callejuela); corredera (аргентинское – коридор); *pasadizo* (1) проход, переход, проезд, проходной двор; 2) коридор); *pasaje* (3) переход, проход, проезд (место), проулок <…> 6) пассаж, крытая галерея между двумя улицами)*; paso* (проход, переход); *travesía* (поперечная улица, проезд, переулок); *acera* (тротуар); *arroyo* (проезжая часть улицы, улица, мостовая); *calzada* (мощеная дорога, шоссе, мостовая; улица, проезжая часть, тротуар)*; desembocar* (2) (об улице; проходе) выходить, вести, выводить куда), *girar, torcer, volver; arcada* (аркада), *porche* (крытая колоннада, портик), *pórtico* (портик, колоннада; галерея с колоннами внутри двора); *esquina* (угол улицы, дома); *cruce* (пересечение, скрещение дорог, улиц; перекресток), *crucero, cruzada, encrucijada, crucijada, bivio, cuadrivio, trivio; plaza: plazuela, glorieta, rotonda; barrio* (квартал): *Judería* (Еврейский квартал)*, Platería* (квартал Ювелиров), *Trapería* (квартал Суконщиков/Старьевщиков), *Zapatería* (исторически – квартал сапожников), *Alta*, *Ancha*, *Baja, Mayor, Nueva*, *Laberinto*.

Этот лексический фрагмент можно структурировать, выделив в семантическом поле городских наименований подгруппы, включающие: а) все многообразие урбанонимов (*calleja* – проулок, переулок, закоулок; *callejón* – переулок; *callejuela* – уменьш. от *calleja*); б) атрибуты городского пространства (*farola* – уличный фонарь); в) имена собственные, обозначающие темпорированные локусы (*Zapatería* – исторически квартал сапожников); г) наименования пешеходов (*azotacalles* – праздношатающийся, фланер, бродяга; *viandante* – путешественник, путник); д) глаголы, обозначающие разные виды передвижения в городском пространстве (*desembocar* – (об улице, проходе) выходить, вести, выводить куда; *ruar* 1) прохаживаться, прогуливаться, фланировать; 2) проехаться, прокатиться (в экипаже, верхом); 3) прогуливаться с женщиной).

Толковые словари французского, итальянского, испанского и английского языков в большей степени тяготеют к словарям смешанного типа (включающим информацию собственно лингвистического и энциклопедического характера), что, безусловно, отвечает потребностям «портретирования» слова и созданию словарей антропоцентрического типа.

Минимализация информации в российской лексикографической традиции неразрывно связана с доминированием системного изучения языка, когда одной из задач являлось выявление дифференциальных признаков лексического значения, отличающих одно слово от другого и, соответственно, одну реалию от другой. Дифференциальная модель лексического значения, адекватная задачам изучения системного устройства словаря, естественным образом находит свое воплощение в практике лексикографирования лексических единиц. До последнего времени изыскания российских лексикографов были направлены на четкую дифференциацию лингвистической информации о слове, которая находила место в общих и специализированных словарях:« <…> возникает впечатление, что авторы словарей – толковых и переводных – создают для себя «внутреннюю цензуру», вынуждающую их намеренно отказываться от пояснений энциклопедического типа и ограничиваться семантическими указаниями («ближайший род и видовое отличие»)» (Гак 1988: 122).

В. Г. Гак, анализируя французско-русский словарь К. А. Ганшиной, пишет: « <…> frimaire и ventose толкуются соответственно так: фример – третий месяц республиканского календаря, вантоз – шестой месяц республиканского календаря. Но неподготовленному читателю остается неясным, на какое же время года приходятся данные месяцы <…>. Слово arpent в этом же словаре переводится арпан (старая французская земельная мера), однако конкретно размер этой единицы не указывается <…>. Переводные и толковые словари порой умышленно воздерживаются от реальных определений и пояснений, даже если такое пояснение было бы более экономно. А между тем было бы нелишне в переводном, например, словаре указывать содержание мер, назначение различных растений, моллюсков и т.п. Это, кстати, послужило бы оправданием включения того или иного специального термина в общий словарь» (Гак 1988: 122).

В цитируемой работе автором сформулированы основные положения активной двуязычной лексикографии, которые нашли отражение во «Французско-русском словаре активного типа» В. Г. Гака и Ж. Триомфа. Этот словарь имеет иное назна-

чение, чем одноязычные активные словари и «ставит своей целью эксплицитно показать соотношение между языком и речью. В словаре пассивного типа, где правая сторона известна читателю лучше, чем левая, этот переход осуществляет сам читатель. В словаре же активного типа необходимо показать пути перехода от системного значения слова и его перевода к типизированным контекстуальным значениям и их переводам, отмечая при этом те разнообразные средства, которым располагает язык перевода для передачи различных значений слова исходного языка» (Гак, Триомф 1998: 5).

Практическая необходимость и теоретическая значимость подобных словарей, фиксирующих разнородную информацию о слове, неоднократно обсуждалась и в русистике. Мы еще раз сошлемся на замечательную работу В. Г. Гака «Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты)», в которой автор пишет: «Тенденция лексикографии – создание словарей, описывающих отдельные стороны слова. Проблема в соединении этой разрозненной информации в словаре, который бы дал читателю целостное представление о слове. Опыт такого словаря – «Малый Робер»: толковый, орфоэпический, этимологический, идеографический, а также словарь синонимов и антонимов и т.п. Такой словарь можно назвать универсальным». Универсализация словаря может идти не только путем расширения и углубления лингвистической информации. Она может состоять в сочетании сведений филологического и энциклопедического характера.

В связи с этим возникает вопрос об объеме и способах представления энциклопедической информации в лингвистическом словаре.

В. Г. Гак, сопоставляя словари В. И. Даля, Малый академический словарь и «Малый Робер», предлагает введение энциклопедического и культурно-исторического компонентов во все структурные элементы словарной статьи: в толкование, в иллюстративный материал и в специальный историко-этнографический комментарий (например, информацию об использовании серебра, о типах вулканов и их природе и др.) (Гак 1988).

Теоретические положения, высказанные В. Г. Гаком, нашли практическое применение в двуязычном словаре смешанного

типа В. Г. Гака и Ж. Триомфа. В нем сделана интересная попытка соединить функции переводного и энциклопедического словарей, включающих разноплановую экстралингвистическую информацию и данные о языке – от лексической системы (тематические группы, фрагменты семантических полей) до грамматических сведений о каузальных, возвратных и прочих глаголах.

Выбор лексических парадигм для специального отражения в этом двуязычном словаре обусловлен, как нам кажется, во-первых, значимостью лексического фрагмента для говорящих, во-вторых, наличием национально-культурного компонента, который проявляется в единицах тематической группы, и в специфике семантики, и в способе номинации, и в возможном появлении лакун разного типа.

Авторы включают нетипичную для двуязычного словаря информацию о тематических группах (цветообозначения, «футбольная» и «шахматная» лексика, термины родства, карточные игры и др.), о составе и функционировании, например, каузальных глаголов, о способах выражения опасения, запрета, а также вопроса и отрицания и пр. – информацию, облегчающую освоение системных и функциональных параметров языка. В этом случае можно говорить об ином адресате словаре – о пользователе, который осваивает чужой язык. Пользователь одновременно получает знания языка и знания о языке. Конечно, выбор тех или иных фрагментов лексической и грамматической системы или некоторых речевых жанров для подобного развернутого представления в словаре обусловлен представлениями лексикографов о степени их значимости для овладения языковой и коммуникативной компетенциями чужого языка: это зоны несовпадения, зоны, содержащие в наиболее яркой форме национально-культурную специфику.

Так, например, наименования городского пространства в этом словаре не даются как тематическая группа, элементы которой сопровождались бы каким-либо комментарием энциклопедического типа, – это свидетельствует о том, что городские наименования не рассматриваются авторами как требующие специального лексикографического описания. Приведем типичные примеры из французско-русского словаря В. Г. Гака,

Ж. Триомфа, которые вряд ли позволяют адекватно представить себе пространство французского города со всеми его особенностями для русского пользователя словаря: ***boulevard*** – *бульвар*; ***avenue*** – 1. *проспект, авеню. L'avenue des Chams Elysée*; ***parvis*** – *паперть* и др.

Такое положение дел совершенно закономерно: чтобы тот или иной словарный фрагмент стал объектом специального внимания лексикографов, нацеленных на фиксацию прагматических сведений о слове, данный участок лексической системы языка должен быть осмыслен современной лингвистикой как прагматически маркированный.

Идеографические, семантические, тематические фрагменты или врезки в лексикографировании единиц какой-либо лексической парадигмы связаны не только с проблемой отбора языкового материала, но и также с проблемой отбора необходимой и достаточной информации энциклопедического, национально-культурного, идеологического и др. характера. Можно обсуждать объем, виды, способы семантизации такой информации, однако любой подобный словарь будет иметь свою ценность для специалистов-филологов и для изучающих иностранный язык.

Активный словарь русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Т. 1. М., 2014.

Гак В. Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в словаре. М., 1988. С. 119–125.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 2014.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1. С. 5–15.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2004.

Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 261–301.

Французско-русский словарь активного типа/ Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд. М., 1998.

Diccionario de uso espanol de Maria Moliner [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=moliner&page=showindex.

Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano. Rizzoli Larousse, 2006.

Le nouveau petit Robert. Nouvelle edition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert. Paris, 2002.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby with A. P. Cowie, A. C. Gimson. Oxford University Press, 1974.

М. Н. Приемышева *(Санкт-Петербург)*

Исторические словари русского языка в контексте современной лексикографической ситуации

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00388а.

Русская лексикография переживает то, что называется «лексикографическим бумом», или «лексикографическим ренессансом», который нашел всестороннее и объективное отражение в фундаментальной монографии В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Лексикография русского языка. Век нынешний и век минувший» (2014).

Современная лексикографическая ситуация развивается в отношении предшествующей эпохи (до 90-х гг. XX в.) в кардинально противоположном направлении:

— на смену системности и упорядоченности лексикографического процесса (регламентированность, научный заказ и научный контроль за лексикографическими изданиями) пришла стихийность лексикографии, с научной точки зрения не обусловленной (социокультурный фактор популярности становится определяющим для появления того или иного издания);

— обозримое количество лексикографических проектов, находящихся в научном обороте страны, сменилось не поддающимся никакому исчислению множеством (более того, маленькие тиражи большинства проектов и публикация их в малоизвестных, небольших издательствах зачастую не позволяют им войти в научный оборот);

— авторитетность изданий, профессионализм авторов, строгие критерии определения актуальности появления того или иного издания, а также научная мотивированность словарей продолжают как и ранее характеризовать современную лексикографическую ситуацию, но наряду с авторитетными изданиями на словарном рынке находят место научно немотивированные, не имеющие научной ценности издания, зачастую анонимные;

— типологическая системность словарей (независимо от концепции типологии каждый словарь находил в ней свое место) уступила место существенной динамике и модификации

типологической системы, появлению новых и смешанных типов словарей, требующих научного обновления современной словарной типологии;

— внутритипологическая симметрия (количество словарей того или иного типа было умеренным и оправданным научными запросами общества) сменилась внутритипологической асимметрией (недостаточность или избыточность одного типа словарей).

Более того, в последнее десятилетие появилась и новая парадигма существования словарей — словари в интернете, представленные в разных электронных форматах: это интернет-словари, или онлайн-словари, существующие в новом формате и с новыми видами поиска, и обычные словари, которые представлены в интернете как цифровые аналоги печатных, опубликованных словарей. В этой связи известная типология Л. В. Щербы может быть быть дополнена еще одной антиномией, обусловленной введением, кроме критериев содержания и адресата словаря, еще критерием формы его существования: *электронный* (цифровой, интернет-словарь, существующий в онлайн-формате) – *печатный* (бумажный, опубликованный в форме книги).

Все вновь создаваемые в России словари можно в методологическом отношении описать по критерию мотивации создания и обоснованности отражения описываемого объекта через два разнонаправленных вектора:

— изменение объекта описания (создание нового объекта, расширение, углубление, дополнение уже описанного);

— интерпретация описанного объекта (ценность таких словарей не только для формирования словника, но и для русской науки сомнительна; словник таких словарей находится в отношении инклюзивности к уже существующим, новации незначительны, принцип описания материала не опирается на лингвистические факты, дефиниции заимствованы и т. п.). Примером такого подхода могут послужить, например, орфографические словари, однотомные толковые словари, словари иностранных слов, словари, описывающие ненормативную и нелитературную лексику. И в этом отношении данная тенденция не упрощает, а усложняет создание современной языковой картины, усложняет ориентацию в этом полиграфическом лек-

сикографическом многообразии, и даже – хаосе. Усложняется не только выбор аутентичных авторитетных словарей обычными пользователями, усложняется и работа ученых, занимающихся изучением русского языка.

Среди различных типов словарей русского языка, переживающих в настоящий момент количественную и качественную, креативную и интерпретативную динамику, позитивные или негативные изменения, отдельно выделим *исторические словари* – тип, который в силу специфики объекта описания находится по-прежнему в научной системе координат, в связи с чем не вызывает (или почти не вызывает) конъюнктурного интереса издателей и развивается в своей основе в научных рамках.

Мотивация возникновения исторических словарей русского языка, в теоретическом плане сформулированная В. В. Виноградовым, оказывается в научном отношении глобальной и, как правило, осознается самими авторами различных исторических словарей русского языка: «Историческая семантика русского языка должна быть основой и опорой истории русского языка. Между тем еще нет устойчивых подготовительных работ для построения исторической семантики русского языка, еще не собран и не исследован необходимый материал для решения частных вопросов в этой области. Историческая грамматика и историческая лексикология русского языка находятся в жалком положении. С какой стороны не подходи к ним <…> отовсюду открывается вид на обломки старых, обветшалых сооружений или на рассеянные груды беспорядочного, не приспособленного к делу сырья. Но есть такие задачи, на которые старое языкознание, в сущности, и не покушалось. Одной из них является создание исторического словаря русского языка. <…> [Существующие словари] и не ставили себе цели – воспроизвести основные этапы семантической истории каждого слова в русском языке» (Виноградов 1977: 192). В работах В. В. Виноградова и Б. А. Ларина в 40–50-е гг. XX в. звучит общая идея: исторический словарь нужен не только как памятник истории русской словесности, не только как справочное пособие по переводу с древнерусского языка, но и как необходимая материальная база для возникновения, развития и существования исторической лексикологии и исторической семантики.

В силу целого ряда собственно научных и ненаучных причин русская историческая лексикология в данный момент имеет возможность опираться вместо одного словаря на ряд взаимодополняющих в хронологическом отношении словарей: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», генетически и исторически близкого по авторской концепции первому варианту древнерусского словаря. Начиная с докладной записки А. И. Соболевского 1925 г. о составлении словарей древнерусского и старорусского языка (Соболевский 1960: 110), проблема хронологических границ, количества исторических словарей постоянно менялась, и на данном этапе ее рассмотрение уже не столь актуально: уже сложилась та иерархия исторических словарей, описывающих древнерусский язык, которые были перечислены выше.

Вопрос об историческом словаре русского языка XVIII–XX вв. впервые после А. И. Соболевского был поставлен В. В. Виноградовым. Позднее в его работах и статьях Ю. С. Сорокина речь шла о создании словарей более дробного хронологического членения — отдельно по векам XVIII, XIX и XX веков или отдельно по периодам XIX века (Сорокин 1981). Традицию исторического описания русского языка нового времени начал «Словарь русского языка XVIII в.». Несмотря на давность разработанной концепции, в начале XXI в. в Институте лингвистических исследований РАН началась подготовительная работа по созданию «Словаря XIX в.». По-прежнему актуальна идея «Исторического словаря русского языка» в концепции Д. И. Шмелева, работа над которым планируется сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова (Бабаева и др. 1997).

Новая количественная тенденция развития исторической лексикографии русского языка – это появление региональных исторических словарей, словарей отдельных исторических памятников в еще большей степени способствует развитию *системности* и достижению важнейшей, *осознаваемой авторами*, в том числе и новых исторических словарей, *цели исторической лексикографии* — созданию эмпирической базы русской исторической семантики и исторической лексикологии.

Несмотря на ряд дискуссионных вопросов о концепциях словарей и их реализации в русской исторической лексикографии, на проблемы преемственности исторических словарей, проблемы историзма в структуре словарных статей и пр., общей является строгая научная методология их создания, что существенно отличает исторические словари от большинства других словарей русского языка. Кратко основные методологические принципы работы над историческими словарями, дополняющие традиционную лексикографическую работу, можно представить следующим образом:

— принцип абсолютизации фактического языкового материала (поиск материалов по редким и рукописным источникам; его фиксация в картотеках, обязательное иллюстрирование и обязательная документированность цитат);

— принцип дополнительной профессиональной компетенции авторов (владение древнерусским языком; знание текстов описываемой эпохи);

— принцип осложнения традиционной лексикографической работы ввиду исторической специфики материала (орфографическая вариантность, омонимия, семантическая структура, сочетаемость, толкование);

— осложненный метаязык исторических словарей (исторический принцип, языковая динамика и пр.).

Именно эти принципы, в особенности, на наш взгляд, принцип абсолютизации языкового материала и сам исторический материал, оказываются дополнительным критерием «научности» исторических словарей, который не способствует возникновению научных подделок и компиляций. Однако именно это достоинство исторической лексикографии оказывается и ее серьезной проблемой…

Работа по подготовке и созданию исторического словаря любого языка — дело очень кропотливое, трудоемкое и времяемкое. Еще Х. Касарес в монографии «Введение в современную лексикографию» приводил неутешительную статистику по созданию толковых исторических словарей английского (52 года), голландского (90 лет), шведского (77 лет) и датского языков (49 лет) (Касарес 1950: 272). Показательно, что исторический словарь шведского языка (SAOB), издаваемый Шведской академией с 1893 г., в настоящее время доведен только до буквы Т.

Ниже мы приводим современную статистику по словарям, представленным Х. Касаресом в 1950 г.:

	(Год начала работы) Годы начала и окончания	Запланированное время, лет	Время работы, лет
The Oxford English Dictionary (с XII в.)	(1857) 1884–1928 (3-е изд: 1993–2017 гг.)	13	46
Woordenboek der Nederlansche Taal (с 1620 г.)	(1851) 1882–1998	25	116
Ordbok över Svenska Spraket; SAOB – (с 1521 г.)	(1883) 1893 – по наст. вр.	12	более 130
Ordbok over det Danske Sprog (с 1700 г.)	(1901) 1919–1956	12	37

Подчеркнем, что ни один из исторических словарей русского языка также еще не закончен:

	Год начала работы	Этап работы (опубликованные выпуски)
Словарь русского языка XI–XVII в.	(1925) 1975 – по наст. вр.	Т
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.	(1958) 1988 – по наст. вр.	Р
Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.	(1935, 1961) 2004 – по наст. вр.	З
Словарь русского языка XVIII в.	(1960) 1984 – по наст. вр.	С
Словарь русского языка XIX в.	(1984), начата работа с 2002 г.	

Отдельно стоит отметить, что компьютерные технологии, призванные оптимизировать лексикографическую работу, для исторических словарей являются фактором либо нерелевантным (графика и орфография древних источников), либо усложняющим (напр., для исторических словарей нового времени опора не только на бумажные картотеки, но и на базы данных на несколько порядков увеличивает количество язы-

кового материала, требующего серьезного историко-лингвистического изучения и описания). Приведем пример. Так, фрагмент словника *артезианский – архетип* в «Словаре русского языка XVIII в.» включает 37 слов, тогда как в «Словаре русского языка XIX в.», основывающегося в том числе на электронной картотеке, электронных текстовых базах данных XIX в. – 115 слов (для сравнения, в семнадцатитомном БАС – 49 слов), являющихся лексическими и семантическими новациями века или первыми фиксациями (например, *артезианский (артезиянский), артелка, артельно, артельность, артельничество, артельщица, артельщицын, артельщицкий, артельщичий, артериальность, артериит, артериосклероз, артериотомия, артериэктазия, артикулировать, артикулироваться, артрит, артритик, арфисточка, архаично-тождественный, архаично-суровый* и мн. др.; ср., например, *артикулование, артикуловать, арикулованный* (у Я. К. Грота), *археологически-фантастически-аллегорически-поэтический* (у В. Г. Белинского). Ср. «Вельтман открывает Кощеем Бессмертным длинный ряд своих археологически-фантастически-аллегорически-поэтических романов. В. Г. Белинский. Прокопий Ляпунов, или Междуцарствие в России. 1845. Соч. IX, 281).

Итак, современная лексикографическая ситуация и то, что называется лексикографическим бумом, практически не коснулись процесса создания исторических словарей. Объем эмпирического материала, кропотливая работа по его собиранию, создание картотек, только квалифицированная обработка, обязательность принципов иллюстрирования и документирования, многотомность существующих проектов, незаконченность каждого из существующих словарей и пр. делают практически невозможными различные анонимные компиляции, пилотные обработки, ненаучные подделки или попытки создания аналогичных изданий, что сплошь и рядом встречается при переизданиях почти всех типов существующих толковых словарей русского языка. С одной стороны, русская историческая лексикография в силу этих и ряда других причин, являясь на данный момент наиболее традиционной по методам работы, оказывается вне современной лексикографической конъюнктуры. С другой стороны, возможно, именно благодаря этому историческая лексикография, сохраняя высокий уровень

лексикографической работы, научный и профессиональный подход, сохраняя в этот сложный для лексикографии период традиции отечественного словарного дела, может остаться через некоторое время редким образцом методологии собственно научной лексикографии.

Бабаева Е. Э., Журавлев А. Ф., Макеева И. И. Проект исторического словаря русского языка // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С.34–47.

Виноградов В. В. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX вв. // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 192–205.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Соболевский А. И. Докладная записка А.И. Соболевского о составлении словарей древнерусского и старорусского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 110.

Сорокин Ю. С. О принципах исторического описания лексики русского языка нового времени (XVIII–XX в.) // Русский. язык. Проблемы художественной речи. Лексикология. Лексикография. М., 1981. С.121–134.

Г. Н. Скляревская *(Санкт-Петербург)*

К вопросу о новых идеях и новых жанрах в отечественной лексикографии: «Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь»

В конце XX в. стало очевидным, что практически любая лингвистическая идея может быть оформлена и представлена лексикографически, и это обстоятельство породило феноменальное научное явление, названное «лексикографическим бумом». Казалось, что количество и разнообразие словарей не имеет пределов. Лингвисты получили прекрасный материал для их анализа, классификации и разработки типологий. Среди многочисленных работ такого рода, ср., например (Апажев 1992; Дубичинский 1992; Морковкин 1994; Лукьянова 2003) обращают на себя внимание и выделяются колоссальным эмпирическим материалом три книги (Козырев, Черняк 2000; Козырев, Черняк 2004; Козырев, Черняк 2014). Эти книги содержат хорошо продуманную, исчерпывающую систематизацию всех значимых словарей современного русского языка с краткой характеристикой каждого из них и примерами словарных разработок, а также освещают наиболее существенные лексикогра-

фические проблемы современности, в том числе и проблему типологий словарей. Отечественная лингвистика обогатилась новаторским, не имеющем аналогов по полноте библиографическим описанием словарей второй половины XX – начала XXI века: общий их список содержит 2714 наименований (Козырев, Черняк 2014а; Козырев, Черняк 2014б).

Набор разработанных в последние годы аспектных словарей представлен во всем многообразии. Помимо традиционных аспектных словарей (иностранных слов, синонимов, антонимов, омонимов, фразеологических, диалектных и т. д.) описаны словари новых, часто неожиданных, лексикографических жанров. Именно В. Д. Черняк и В. А. Козыревым были открыты такие рубрики, как «Динамические словари» и «Лингвокультурологические словари». Последняя включает как словари, в задачу которых входит «выявление семантического потенциала слова, аккумулирующего культурную память народа» (Козырев, Черняк 2004: 262), иными словами, словари общекультурных феноменов (Степанов 2001; Руднев 1997), так и специальные, объектом которых, в частности, является лексика духовной сферы.

Такой лексикографический объект, как словарь, описывающий лексику религии, несколько десятилетий назад невозможно было вообразить.

До этого времени религиозные концепты уничтожались всеми возможными способами, прежде всего антирелигиозной пропагандой и усилиями «научного атеизма», при этом задача «научной» идеологизации языка, включающей функцию дискредитации религиозной лексики, была поручена советской лексикографии (Купина 1994: 28–31; Скляревская 2002: 25–26; Скляревская 2013: 9–11). Лингвистический интерес к лексике духовной сферы, возможность ее собирания и исследования могли появиться только в начале 90-х годов прошлого века после падения безбожного советского строя. Лингвисты незамедлительно откликнулись на это событие большим количеством научных статей и диссертаций. Случился и лексикографический отклик – «Словарь православной церковной культуры» (СПб., 2000; М., 2008), написанный автором данной статьи.

Сейчас подготовлена к печати новая лексикографическая работа «Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь» (далее Словарь), которая

описывает массив православной лексики не как замкнутую и периферийную подсистему, а как органичную составляющую лексической системы современного русского языка.

В основу формирования словника была положена идея с возможной полнотой отразить лексику, «обслуживающую» мир современного русского православия, религиозно-церковной жизни и сферу православной церковной культуры. С этой целью в Словаре представлены такие группы и объединения слов, как основные понятия вероисповедания и богословские термины; названия таинств; элементы церковного календаря (церковные праздники, богослужебный круг, суточные богослужения и т. д.); наименования евангельских событий и соответствующих им праздников; основные элементы богослужения, соответствующие песнопения; архитектура православного храма; предметы богослужения, церковная утварь; священнические и монашеские облачения и их части; имена библейских (ветхозаветных и евангельских) персонажей; имена известных святых; основные иконографические типы и названия чудотворных икон; лексика христианской морали и т. д.

Словарная статья состоит из четырех основных (обязательных) зон: 1) заголовочная словарная единица; 2) толкование; 3) авторский комментарий (за графическим знаком #); 4) набор цитат (за графическим знаком &).

Заголовочная единица представляет собой либо отдельное слово (**апокриф, Гефсимания, параман, скуфия**), либо словосочетание (**Андрей Первозванный, Богослужебный круг, Новый Завет**).

Дефиниция, в зависимости от смыслового наполнения слова, содержит либо краткое определение, либо развернутое описание:

Благов'ерный. Чин святых: царь или князь, прославившиеся подвигами, направленными на распространение и укрепление христианского вероучения.

Грех. 1. Сознательное неподчинение воле Бога, отпадение от Бога и подчинение сатане.

«Умягч'ение злых серд'ец». Чудотворная икона Божией Матери: Ее поясное изображение без Богомладенца с семью стрелами или мечами, пронзающими грудь.

В авторском комментарии приводятся энциклопедические сведения: факты, даты, имена, история, описания жиз-

ненных ситуаций и т. п.: **Ап'остолы...** # Апостолами называют прежде всего двенадцать непосредственных учеников Иисуса Христа, призванных Им и сопровождавших Его во время общественного служения: «И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь» (Мк. 3: 14). Их имена: *Петр* (Симон) и брат его *Андрей* (Первозванный), Варфоломей, *Иоанн*, *Матфей,* Симон Зилот, Иуда Иаковлев, Филипп, Фома, *Иоанн* (Богослов) и брат его Иаков Зеведеевы, *Иуда Искариот*. В Евангелии от Матфея вместо Иуды Яковлева назван «Левий, прозванный Фаддеем» (Мф. 10: 3). После Вознесения Господа на место предателя *Иуды Искариота* божественным жребием был избран *Матфий* (Деян. 1: 23–26). К апостолам относят также 70 других учеников, призванных самим Иисусом Христом проповедовать христианство, среди которых были будущие евангелисты *Лука* и *Марк*. Иисус Христос дал силу и власть апостолам исцелять больных, изгонять бесов, воскрешать мертвых. Апостолом является также *Павел* (Савл), чудесным образом призванный Иисусом Христом уже после Его смерти на кресте и воскресения и ставший одним из самых ревностных проповедников христианской веры. Написавшие *Четвероевангелие* апостолы Матфей, *Марк*, *Лука* и *Иоанн* именуются *евангелистами*. *Петр* и *Павел* — первоверховными апостолами, то есть первыми из верховных. В праздник Пятидесятницы на апостолов сошел Святой Дух в виде огненных языков, после чего они получили дар говорить на разных языках. Все апостолы обошли с проповедью Благой вести многие страны, претерпели гонения, преследования, многие из них приняли мученическую смерть за христианскую веру. Все апостолы составляют определенный *чин святых*.

После авторского комментария следует набор цитат, которые, во-первых, дополняют, более глубоко раскрывают толкование, делают его наглядным и, во-вторых, что особенно важно, вводят читателя в круг православного чтения, представляя собой в некотором роде фрагментарную хрестоматию. Она охватывает контексты из Псалтири и Нового Завета, из святоотеческих книг, из работ русских религиозных философов, из книг, мемуаров, проповедей и бесед священнослужителей, из популярной церковной литературы и художественных произведений соответствующей тематики:

Рай. 1. В Ветхом Завете – прекрасный сад (Эдем), место, куда Бог поселил первых людей Адама и Еву и откуда они были изгнаны после грехопадения.

& *Рассказ о рае в каком-то отношении, конечно, иносказание, потому что это мир, который погиб, мир, к которому у нас нет доступа; мы не знаем, что такое быть безгрешной, невинной тварью.* Митр. Антоний Сурожский. Беседы о вере и Церкви. *Из Св. Писания мы знаем*

о грехопадении и об изгнании из Рая первых людей. Еп. Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера отцов. *Как следует из слов апостола Павла, изгнание Адама из рая— это прежде всего космический катаклизм, это изменение всей тварной вселенной, потому что грехопадение исказило весь мир, а не только жизнь двух людей. Страдание и смерть стали свойством всего. Поврежденность грехом коснулась многих сторон бытия. И Церковь именно так всегда понимала изгнание Адама и Евы из рая.* Прот. Максим Козлов. 400 вопросов и ответов. *Рай, по словам св. Иоанна Дамаскина, был неким царством, в котором человек проводил жизнь свободную и радостную; он был ризницей всякого богатства и веселья, ибо «Едем» означает «наслаждение». В нем все было исполнено благоухания, залито светом и превосходило всякое представление чувственной красоты и великолепия. Это был действительно Божественный край, обиталище, достойное сотворенного по образу Божию.* Букварь школьника. Язык славян.

Помимо обязательных (неустранимых) зон при разработке некоторых слов используются дополнительные зоны: этимологии и стилистической характеристики (в которую входят стилистическая помета или стилистический комментарий).

Этимологическая справка дает возможность пользователю получить информацию об исходном значении слова в языке, из которого оно заимствовано: **Ак'афист** [греч. akathistōs 'неседальный']; **Ектени'я** [от греч. ekteneia 'усердие']; **Лити'я** [греч. lite 'мольба, молитва']; **Пресв'итер** [от греч. presbyteros 'старейшина, глава общины']; **Просфор'а** [греч. prosphora 'приношение, дар'].

Функциональное единство и стилистическая однородность описываемого лексического материала обусловило малое количество стилистических характеристик, к которым относятся собственно стилистическая помета *Обиходн.* (в обиходном употреблении) и стилистический комментарий «На церковнославянском языке».

Функционирование конфессиональной лексики в сфере бытового общения естественным образом привело к ее подчинению законам разговорной речи (упрощению, усечениям, образованию слов по специфическим разговорным словообразовательным моделям, эллиптизации, семантическим стяжениям и т. п.). Все подобные случаи маркируются пометой «Обиходн.»: **Вс'енощная**. *Обиходн.* Всенощное бдение. **Двадц'атка**. *Обиходн.* Приходской совет из двадцати человек. **Девят'ины**. *Обиходн.* Поминовение усопших в девятый день после кончи-

ны. **Иль'ин день**. *Обиходн.* Православный праздник в честь памяти святого пророка Илии.

Помета «Обиходн.» маркирует также приводимый в зоне заголовочной единицы разговорный вариант слова: **Ди'акон** и (*обиходн.*) дьякон **Иг'умения** и (*обиходн.*) игуменья **Кути'я** и (*обиходн.*) кутья.

В противоположность помете «Обиходн.», стилистический комментарий «На церковнославянском языке» отсылает к церковной учености прошлого, выступает как знак архаичности слова и его неуместности за пределами богослужения и богослужебного текста: **Благол'епный.** На церковнославянском языке: красивый, богато украшенный. **Брань.** На церковнославянском языке: борьба. **Обетов'ание**. На церковном языке: обещание. **Ус'опший**. На церковнославянском языке: умерший.

Как всякий архаизм, церковнославянское слово тяготеет к употреблению в шутливой или иронической речи, что можно наблюдать в дружеской непринужденной речи образованных верующих и самих священнослужителей. Но это предмет будущих исследований.

В Словаре представлена не россыпь слов, а систематизированное единство. Показ системности лексики осуществляется прежде всего группировкой наиболее важных тематических объединений, которые представлены в тексте толкования или комментария, при этом толкования всех выделенных слов унифицированы и ориентированы на опорное слово:

Дванадес'ятые, двунадес'ятые пр'аздники. Двенадцать наиболее значительных православных праздников годового круга: *Рождество Богородицы, Воздвижение креста Господня, Введение во храм Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение, Вход Господень в Иерусалим, Благовещение, Вознесение Господне, Пятидесятница, Преображение, Успение Богородицы.*

Введ'ение во храм Богор'одицы. Двунадесятый православный праздник в память о евангельском событии, когда родители Девы Марии привели Ее в трехлетнем возрасте в Иерусалимский храм, посвятив тем самым Ее Богу.

Помимо этого, системность лексики демонстрируется отсылками. При наличии синонимов доминантное слово получает толкование, дополненное синонимом, а при синониме дается отсылка «То же, что…»:

Прест'ольный пр'аздник. То же, что храмовый праздник.

Хр'амовый пр'аздник. Торжественное празднование священного события или святого, в честь которого освящен главный или придельный престол храма; престольный праздник.

Для показа системности используется также ситуация вариативности: варианты (слова с разным написанием, инверсии, эллипсисы и т. п.) не разрабатываются, а получают прямую отсылку к разработанному слову в виде пометы «См.», которая ставится в зоне заголовочного слова при неразработанном варианте и непосредственно отсылает к полной словарной статье: **Деисус**. См. Деисис. **Дьякон**. См. Диакон. **Ермоген**. См. Гермоген. «**Путеводительница**». См. «Одигитрия». **Рясофорный монах**. См. Монах рясофорный.

При необходимости представить расширенную информацию о слове, отразить смежные понятия или частные детали и подробности, в зоне комментария дается помета «См. также»:

Соб'ор[2]. Собрание представителей духовенства для решения церковных вопросов (избрания патриарха, канонизации новых святых, выработки богослужебных положений и т.п.). # См. также Архиерейский Собор. Вселенский Собор. Поместный Собор.

Апажев М. Л. О жанрово-типологической классификации словарей и типологии читательских запросов к ним // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития. Симферополь, 1992. С. 4–8.

Дубичинский В. В. Принципы лексикографирования и типология словарей // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992. С. 135–140.

Морковкин В. В. Типология филологических словарей // Vocabulum et vocabularum. Харьков, 1994. Вып. 1. С. 13–23.

Лукьянова Н. А. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. Новосибирск, 2003.

Козырев В. А. , Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. СПб, 2000;

Козырев В. А. , Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб, 2014а.

Козырев В. А. , Черняк В. Д. Русская лексикография. М., 2004.

Козырев В. А. , Черняк В. Д. Русские словари от А до Я. СПб, 2014б.

Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург–Пермь, 1995.

Руднев В. П. Словарь культуры XX в. М., 1997.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М., 2008.

Скляревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического исследования и лексикографического описания // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9. С. 36–40.

Скляревская Г. Н. Лексика русского православия в процессе языкового возрождения начала XXI века: ее место в лексической системе и культуре страны // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб, 2002. С. 22–31.

Скляревская Г. Православная лексика. Концепты христианской культуры (лингвистические аспекты православия). Saarbrucken. 2013.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.

А. М. Мелерович *(Кострома),*
В. М. Мокиенко *(Санкт-Петербург)*

О словаре «Фразеологизмы в русской поэзии»

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)» (№ 14-04-00090/14; шифр ИАС 31.16.571.2014).

Валентина Даниловна Черняк известна своим неутомимым служением Лексикографии. Книги и статьи Юбиляра не только предлагают проникновенный анализ современных словарей, но и рисуют перспективы их составления в будущем. Основательная новейшая монография, написанная В. Д. Черняк в соавторстве с В. А. Козыревым (Козырев, Черняк 2014), – это истинная энциклопедия словарного дела.

Одной из перспектив современной лексикографии стала поэтическая лексикография, т. е. словарная разработка языка поэзии. Среди словарей этого типа особо выделились сводные словари, фиксирующие слова в множестве употреблений в творчестве ряда поэтов (СЯРП; Шестакова 2006: 321–327). При этом имеются лишь единичные словари, в которых объектами описания служат фразеологизмы, паремии, крылатые выражения. Это словари, описывающие фразеологию в творчестве отдельных поэтов (Кимягарова 2006; Мокиенко, Сидоренко 1999, 2005; Мокиенко, Семенец, Сидоренко 2009; Кольцова, Чуриков 2009 и др.).

Словарь «Фразеологизмы в русской поэзии» (СФРП) станет первым сводным фразеологическим конкордансом, представляющим не только контексты употреблений фразеологических единиц, но и их разностороннюю интерпретацию. СФРП может быть квалифицирован как сводный толковый фразеологический словарь русской поэзии XIX – начала XXI вв. Его основная цель – зафиксировать употребления ФЕ в составе контекстов

(фразеологических конфигураций) и объяснить их. Разработка в Словаре употреблений ФЕ в поэзии отражает специфику их функционирования в поэтическом тексте. Построение Словаря основывается на принципах, разработанных авторами для словаря «Фразеологизмы в русской речи». Фиксируемые в словарных статьях употребления ФЕ в поэзии нуждаются в специальной интерпретации, которая основывается на сформулированных авторами принципах лексикографической разработки употреблений ФЕ в поэтических жанрах (Мелерович, Мокиенко 2006: 67–79).

В число основных задач СФРП входит лексикографическая систематизация материалов типического для поэзии и индивидуально-авторского употребления ФЕ, служащая выявлению своеобразия поэтических идиостилей в их сложном взаимодействии. Словарная разработка ФЕ в поэзии поможет выделению ключевых образов в творчестве разных поэтов, обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира. Важно с помощью лексикографических приемов фиксировать и систематизировать характерные для поэзии способы преобразования значения и формы ФЕ.

Фразеографическая разработка ФЕ в СФРП включает формулировку дефиниций ФЕ, отражающих их концептуальное содержание в лексико-фразеологической системе языка, дефиниций окказиональных вариантов ФЕ и окказиональных ФЕ в поэтических текстах.

В задачи Словаря входит формулировка словарных дефиниций, наиболее адекватно отражающих структуру их значений в системе языка и структуру смыслового содержания в речевом употреблении, в контексте. Поэтому тип толкования зависит от принадлежности ФЕ к определенным лексико-грамматическим разрядам, от грамматических свойств опорного компонента. Семантика ФЕ определяется преимущественно не перечнем признаков, а посредством развертывания содержания в словосочетание или высказывание, наиболее адекватное определяемому по форме и содержанию. Семантические определения ФЕ строятся на основании синтезирования их дефиниций, представленных в различных словарях, и создаются авторами Словаря в соответствии с разработанными принципами анализа

значения и формы ФЕ. Семантические определения ФЕ в Словаре представляют собой модели фразеологических значений, отражающие особенности их смысловой структуры и функционирования в речи. Именно они способствуют выявлению закономерных связей между значением и формой ФЕ, установлению внутрифразовых значений слов-компонентов в их системных связях с различными лексическими единицами языка.

В качестве определений значения ФЕ по возможности используются сочетания слов, наиболее сходные с определяемыми ФЕ по грамматической структуре (т. е. в той или иной степени изоморфными определяемым). Такие определения наиболее адекватны определяемым ФЕ в структурно-смысловом отношении и потому более детализировано характеризуют те «обертоны смысла» (Б. А. Ларин), которыми фразеологическое значение отличается от лексического. Ср., например: **делать из мухи слона** – «придавать чему-л. незначительному, ничтожному большое значение; представлять, выставлять перед кем-л. *что-л. незначительное, ничтожное* как *значительное, особо важное*».

Чтобы правильно использовать определенные ФЕ, важно знать не только их языковое значение, но и те типовые ситуации, в которых они могут быть употреблены. С учетом этого в Словаре наряду с дефинициями значения для ряда ФЕ даются ситуативные подтолкования, т. е. указания на типовую ситуацию или ситуации, в которых ФЕ обычно употребляется. См., например, толкование в Словаре ФЕ **альфа и омега**: *Книжн.* Самое главное, самое существенное, основа чего-л. *Говорится, чтобы подчеркнуть значимость, важность чего-л.;* **ни аза (не знать, не понимать, не смыслить)**: *Устаревающее.* Совершенно ничего (не знать, не понимать). *Говорится неодобрительно, чтобы подчеркнуть полное незнание чего-л., даже самого простого.*

Толкованиями снабжаются в ряде случаев отдельные употребления ФЕ, прежде всего такие, для уяснения смыслового содержания которых недостаточно знания узуального значения ФЕ, но необходим широкий контекст, представляющий определенную композиционную часть произведения или произведение в целом. Важны такие тексты толкования, которые с возможной полнотой эксплицируют семантические и эмоциональные ассоциации ФЕ в индивидуальном употреблении. См., например, толкования отдельных употреблений ФЕ **открывать Америку**, данные в Словаре:

ОТКРЫВАТЬ В АМЕРИКЕ АМЕРИКУ, В СЕБЕ – СЕБЯ. *Открывать в уже известном новое; обнаруживать в себе новые, ранее не осознававшиеся свойства личности, черты характера.*

Откройся, Америка!
Эврика!
Короную Емельку,
Открываю, сопя,
В Америке – Америку,
В себе – себя.

А. Вознесенский, «Вступление к поэме «Треугольная груша».

АМЕРИКУ ОТКРЫТЬ. *Совершить действительное открытие.*

- в сопоставлении истины, «добытой» личным опытом, и банальности повторения общеизвестного.

… Подумаешь, **Америку открыл!**
Еще в пеленках это мы знавали!..
А я один, как клад, ее отрыл
И позабыть уже смогу едва ли.
……
Она во мне. Я жил, ее тая.
Я, стиснув зубы, в муках, на пределе,
Ее добыл. Вот истина моя!
Вы ж до сих пор банальностью владели.

Е. Винокуров, «Подумаешь, **Америку открыл**!..»

Отличительной особенностью словарной статьи в СФРП является последовательное включение в иллюстративную часть зафиксированных в картотеке Словаря фразеологических конфигураций, образуемых отдельными строфами, рядами строф, текстами стихотворений, в которых реализуется то или иное употребление ФЕ. Фиксируемые таким образом формы употребления ФЕ сопровождаются указаниями особенностей связей с системой языковых образов в ПТ, видов и способов индивидуально-авторских преобразований значения и формы ФЕ.

Многие употребления ФЕ, зафиксированные в материалах Словаря, сопровождаются семантизирующими комментариями, раскрывающими не только смысловое содержание ФЕ в тексте, но и своеобразие ее стилистического употребления, связи с системой языковых образов в данном тексте, концептуальное содержание единиц текста, структурируемых языковыми образами, среди которых рассматриваемая ФЕ играет доминирующую роль.

Покажем названные параметры нашего словаря на примере словарной статьи с «судьбоносным» фразеологизмом *на авось* – ‘в расчете на удачу, счастливый случай, благополучный исход; наугад, не обдумывая заранее’.

Этимологическим «исходом» этого выражения, как известно, было слово *авось,* образованное от сочетания *а во се* – „а вот“. Указательное значение слова *авосе* постепенно заменяется на ‘вдруг’, ‘если’, конечный гласный утрачивается в потоке разговорной речи, и с XVII в. оно уже развивает значение ‘может быть’. Шутливая ассоциация частицы *авось* с мужским именем и шутливо-мифологическое осмысление *Авося* как языческого божества, символизирующего удачу, счастливую случайность, закрепили это значение. В народных пословицах и поговорках русский *Авось* олицетворяется, что способствует популярности выражения. Кроме русского языка ФЕ встречается лишь в бел. *на авось,* где, вероятно, является русизмом.

В других славянских и неславянских языках легко найти эквиваленты этого выражения: ср., напр. чеш. *dělat na blind co,* словацк. *spoliehať sa na nahodu,* словен. *na slepo srečo,* нем. *aufs Geratewohl, auf gut Glück* и др. Это показывает, что приписываемая этому русскому обороту национальная «уникальность», «неповторимость», «судьбоносность», свидетельствующие якобы о фаталистичности русского менталитета, сильно преувеличены. Предлагаемая историко-этимологическая расшифровка дается в нашем словаре в конце словарной статьи (как и в других), выделяясь звездочкой (*). Тем самым диахроническая семантика становится обязательным фоном синхронных функционально-стилистических характеристик вокабульной ФЕ.

В поэтическом употреблении оборота *на авось* немало контекстов, где он функционирует в нормированном литературным языком варианте, – напр., в сочетании с глаголом *надеяться*:

НАДЕЯТЬСЯ НА АВОСЬ. *Рассчитывать на счастливый случай, на случайную удачу.*

[1] Я вам, ребяты, на мозги не капаю,
Но вот он – перегиб и парадокс:
Ковой-то выбирают римским папою –
Ковой-то запирают в тесный бокс.
Там все места – блатные расхватали и
Пришипились, **надеясь на авось, –**

Тем временем во всей честной Италии
На папу кандидата не нашлось.
Жаль, на меня не вовремя накинули аркан, –
Я б засосал стакан – и в Ватикан!
Церковники *хлебальники разинули,*
Замешкался маленько Ватикан, –
Мы тут им папу римского подкинули –
Из наших, из поляков, из славян.

В. Высоцкий, Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам.

Глагольный компонент этого выражения в поэтической речи может трансформироваться в номинативный, что требует в словаре соответствующей дефиниции:

ВСЯ НАДЕЖДА НА РУССКИЙ АВОСЬ. *Шутл. Надежда на случайную удачу, на везение, воспринимаемая как проявление черты национального характера.*

[2] А скажите, Раиса Петровна,
Где вы брали такой крепдешин?
– Это было у синего моря,
Где струятся потоки машин.
– И почем же платили за метр?
– Это дорого мне обошлось!
– А у нас креп-жоржет
Расхватали чем свет.
– Вся надежда на русский авось.

Ю. Ким. Это танго – оно как цыганка…

Набор субстантивных «заменителей» глагольного компонента может быть достаточно широким и семантически почти открытым, что тоже требует дефиниционных модификаций. Ср.:

СЕРДЕЧНЫЙ ВЫБОР НА АВОСЬ. *О необдуманном заранее поступке, о выборе наугад, обусловленном лишь «движением души».*

- *Оксюморон.*

[3] Забвенье прежних инкарнаций –
вот жизни грешной элексир,
открыт развоплощенный мир
соблазнам новых пертурбаций.
Неутешительная ось
сердечный выбор на авось!

А. И. Аргутинский-Долгорукий. Гетеанум. Диалогическая поэма.

Тем не менее, «привязанность» сочетания *на авось* к глагольным компонентам является доминирующей и частотной, что иллюстрируется в нашем словаре поэтическими текстами:

БРАТЬ/ ВЗЯТЬ НА АВОСЬ *кого. Воздействовать на кого-л., добиться желаемого, внушая безосновательные надежды, действуя наугад, в расчете на случайную удачу.*

[4] «Ну что он ходит как тень,
Твердит одну дребедень…»
«Возьми себе мое трепещущее сердце!»
«Нас **не возьмешь на авось**!
На кой мне сердце сдалось?»
«…Тогда экзотику и страсти де ла Перца».
В. Высоцкий. Дуэт Шуры и Ливерского.

Символичность компонента *авось* в составе ФЕ, порожденная ее фольклорным ореолом, становится причиной различных окказиональных, индивидуально-авторских трансформаций. Так, отмеченная в историко-этимологической части мифологическая коннотативность придает слову *авось* в поэтическом контексте антроморфизм и лексемную самодостаточность. Ключевой компонент шутливо-иронически олицетворяется вычленяется из ФЕ и приобретает специализированную семантику и стилистику, которые требуют особого толкования:

БРАТ АВОСЬ. *Напрасная, беспочвенная, но поддерживающая бодрость духа надежда, помогающая отвлечься от забот, забыть о безнадежности своего положения, «наплевать» на непреодолимые трудности, препятствия («Есть дорога, нет – наплевать!»), воспринять «безнадегу» как благодать.*

[5] Есть дорога,
Нет – наплевать!
Безнадега –
Как благодать!
Прочь, заботы!
Жми, **брат Авось**!
Для работы
И жизнь – навоз.
В.Н. Корнилов. Надежда.

Любопытно, что диктат семантики при таких окказиональных преобразованиях может быть настолько интенсивным, что ключевой компонент фразеологизма способен грамматически перевоплотиться, несмотря на закрепленный в языковой си-

стеме статус. Так, если в стихотворении В. Н. Корнилова *брат Авось* имеет подчеркнуто однозначную мужскую родовую маркировку, то в окказионализме поэтессы Л. Миллер компонент возвращает себе заданный местоименным этимоном средний род:

[6] Осенний дух листвой шуршит,
Увещевает: «Брось,
Пускай судьбу твою решит
Счастливое авось.
Авось – *отмычка, верный ключ,*
Решенье всех задач…
По рукаву сползает луч…
Не мучь себя, не плачь.
Точнее слов в запасе нет
Про время и про путь,
Чем невесомые ***чуть свет,***
Авось, *когда-нибудь…»*

Л. Миллер. Осенний дух листвой шуршит…

В словаре к этому контексту предлагается относительно простая дефиниция:

СЧАСТЛИВОЕ АВОСЬ. *Счастливый случай, внезапная удача (на что и возлагались все надежды).*

Поскольку она не исчерпывает всей функционально-семантической и контекстуальной амплитуды поэтического контекста, к этому сложному случаю прилагается и развернутый комментарий:

В сочетании с семантизирующими перифразами (строфа 2);– в ряду слов и ФЕ, объединенных общим хронотопом (слова «про время и про путь»); с концептуальным содержанием надежды на удачу и временной неопределенности ожидаемого везенья (ср.: чуть свет – «в ближайшее время» и когда-нибудь – «в отдаленном будущем», строфа 3). – в контексте оксюморона (строфа 3), создаваемого перечнем синонимизируемых слов, передающих понятие неопределенности и характеризуемых как самые точные «измерители» тех или иных величин – «Точнее слов в запасе нет…» В данном контексте понятие точности переносится с исчисляемых величин (время и расстояние – «путь») на определяющие их «слова», как дающие максимально адекватное представление о «мере неопределенности» обозначаемых ими времени («когда-нибудь») и пространства («путь»).

С точки зрения же родовой характеристики компонента *авось* поэтессой любопытно семантическое сопряжение его со

словами *отмычка* и *верный ключ,* что, собственно, делает эту фразеологическую мифологему «трехродовым» существительным.

СФРП принадлежит, как уже подчеркивалось, к словарям тезаурусного плана. Это манифестируется построением словарных статей, в которых фиксируются системы языковых образов поэзии как особого вида словесного творчества, конструируемые рядами слов, сочетаний слов, фразеологизмов в разнообразии их вариантов, языковых и индивидуально-авторских, объединяющихся в свои особые микросистемы, концептуальные парадигмы, представляющие фрагменты единой поэтической картины мира этноса. Семантизация входных единиц и разнообразных трансформов ФЕ, образованных на базе заголовочных ФЕ, окказиональных отфразеологических лексем и фразеологизмов производится посредством синонимических рядов и развернутых описательных дефиниций, репрезентирующих системные связи определяемых единиц в языке и в тексте, формулирующих концептуальное содержание ФЕ в системе поэтического текста, в контексте поэтического цикла. Так, в стихотворении Ю. Левитанского «Кровать и стол, и ничего не надо больше» основную текстообразующую функцию выполняет ряд образных перифраз, образующих анафорический градационный ряд символов, атрибутов поэтического творчества, что в словаре отражено в статье *земля обетованная*:

Мой старый стол,
мой отчий край,
мой дальний берег
Моя земля обетованная,
мой остров, мой утлый плот,
моя спасительная шлюпка
Над штормовою глубиной девятибалльной,
Меня несущая меж Сциллой и Харибдой
На свет маячный, одинокий свет зеленый
Горящей за полночь моей настольной лампы.

Подобные ряды оборотов, характерные для поэтического творчества, Б. А. Ларин назвал «синонимами поэтической речи». Они означают не тождественные, но сводимые к одному смысловому фокусу представления. Таким образом, на

семантических ассоциациях, своеобразных в поэтической речи, основывается разработка определенной темы. Б. А. Ларин подчеркивает, что «в поэтической речи очень важно *это введение семантических параллелей*, дающее сложный, дробящийся, но четкий в этой множественности образ (одно многоименное, потому что многогранное «видение поэта») (Ларин 1974: 86).

Многогранное «видение поэта» анализируется в Словаре посредством определения синонимических рядов, ассоциативно-семантических связей слов-компонентов ФЕ, рядов образных перифраз, дающих возможность воспринять различные грани концепта-символа. Среди ряда синонимов, перифраз необходимо выделить ключевой образ лексему или ФЕ и ее перифразы, дающие разностороннее представление об образной доминанте, о ее концептуальном содержании и текстообразующей роли рассматриваемого семантического ряда, образуемого определенным звеном вербализованных образов-символов.

Слово в поэзии многомерно. В системе ПТ содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов компонентов. Наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, цикла, творчества поэта в целом.

Основные компоненты словарной статьи в СРФП те же, что и СФРР. Последовательно даются дефиниции ФЕ и их индивидуальных употреблений; иллюстративная часть, включающая характеристику системных связей фразеологической единицы в тексте, образуемых на ее основе тропов и стилистических фигур. Историко-этимологические данные, завершающие словарную статью, служат комплексному исследованию языкового строя поэтических произведений в структурно-семантическом, системно-функциональном, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

Такое разностороннее фразеографическое исследование ПТ ведет к выявлению своеобразия преломления картины мира различных социальных и этнических групп, индивидов в семантическом пространстве поэзии, к обнаружению языковых

образов, наиболее рельефно отражающих как индивидуально-авторскую, так и национальную поэтические картины мира.

В СФРП обобщается анализ употреблений ФЕ в русской поэзии. При этом каждое употребление ФЕ рассматривается как элемент системы ПТ, поэтического творчества автора, его идиостиля. Такой анализ ориентирован на перспективу сопоставления фразеологии поэтических идиолектов, конструируемых ею тропов и фигур, выявление характерных для разных поэтических идиостилей особенностей употребления ФЕ.

Словарная разработка употреблений ФЕ в поэтических текстах будет способствовать более глубокому проникновению в концептуальное содержание поэтических произведений, более полному описанию их структурной, формальной организации. СФРП поможет выявлению, восприятию эстетической функции ФЕ в поэзии, восстановлению забытых поэтических произведений по сохранившимся в памяти употреблениям ФЕ, уточнению авторства поэтических строк. Тем самым авторы этих строк надеются внести свою лепту в общую Лексикографию, которой многая лета беззаветно служит Валентина Даниловна Черняк.

Кимягарова Р. С. Словарь языка басен Крылова. М., 2006.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.

Кольцова Л. М., *Чуриков С. А.* Крылатое слово А. В. Кольцова. Опыт словаря. Воронеж, 2009.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

Жизнь русской фразеологии в художественной речи: проспект школьного фразеологического словаря. Кострома, 2006.

Мокиенко В. М., *Семенец О. П., Сидоренко К. П.* Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума») / Под общ. ред. К. П. Сидоренко. М., 2009.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.

Мокиенко В. М., *Сидоренко К. П.* Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.; М., 2005.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской поэзии. (в печати). (СФРП).

Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I. А–В. М., 2001. Т. II. Г–Ж. М., 2003. (СЯРП).

Шестакова Л. Л. Стилистические пометы в словарях языка писателей // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006. С. 617–627.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: автореф. дис. … д. филол наук. М., 2012.

Л. Л. Шестакова *(Москва)*

Иноязычные вкрапления как предмет описания в авторских словарях

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-04-00354 «Лексикологическое исследование и словарное описание иноязычных слов в поэзии Серебряного века».

Так сложилось, что длительное время у нас отсутствовали издания, в которых русские словари были бы представлены во всем своем типологическом и жанровом многообразии. Одним из первых изданий подобного рода стала книга В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка» (Козырев, Черняк 2000). Отличительная черта названной книги и последовавших за ней публикаций, например (Козырев, Черняк 2004; 2014а), – это стремление авторов дать максимально полную картину русской лексикографии, способствуя тем самым формированию у носителей языка лексикографической компетенции, воспитанию лексикографической культуры, которую следует рассматривать «как необходимый этап в развитии культуры отдельного человека и как определенный показатель культуры общества» (Козырев, Черняк 2000: 11). Важно, что специалисты увидели в этой книге одинаково внимательное отношение и к общей лексикографии, и к отдельным словарным областям. Включение в нее очерка о словарях языка писателей сыграло, полагаем, свою роль в активизации процессов в авторской (писательской) лексикографии. Их следствием стало появление писательских словарей нового поколения, что нашло прямое отражение и в издании (Козырев, Черняк 2014б).

В современной авторской лексикографии обсуждаются вопросы разного свойства – как традиционно важные в создании писательских словарей, так и считавшиеся ранее малозначимыми (Шестакова 2011: 210–232). К последним относится, в частности, проблема отражения в таких словарях иноязычных вкраплений (или иноязычных включений, элементов) как особой разновидности единиц, встречающихся в русских художественных текстах. Мы уже отмечали, что до «Словаря языка Пушкина», неоправданно исключившего из описания единицы в иноязычной графике, было несколько опытов, словарно от-

разивших такие единицы в языке выбранного автора (там же: 180, 188–189). Это, например, «Словарь к пьесам А. Н. Островского», созданный в 1940-е гг., но опубликованный уже в наше время (Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993).

Следует сказать, что в 1960-е – 1970-е гг. в научной литературе уделялось внимание проблеме отражения иноязычных включений в писательских словарях. Так, в проспекте «Словаря языка русской советской поэзии», при рассмотрении вопроса о заголовках словарных статей, подчеркивалось, что в качестве таковых могут выступать, наряду с традиционными, элементы иноязычных (иносистемных) вкраплений в текст, независимо от их графического вида (Григорьев 1965: 78). Вспомним в этой связи также (Тезисы 1966), где среди множества вопросов составления авторских словарей обсуждались принципы описания вкраплений в иноязычной графике, использованных мастерами слова. Однако в названный период этот аспект не нашел прямого отражения в словарной практике.

Обращаясь к корпусу современных авторских словарей, обнаруживаем явную тенденцию к введению в них иноязычных элементов. Это отражает существующее стремление, с одной стороны, к словарному описанию разных, в идеале всех пластов авторского языка, с другой – к созданию полных по составу словарей писателей – не относительно полных, как это бывало раньше, а действительно полных. Включение в словарь таких единиц обогащает его сущностно и функционально – лексикон автора (или группы авторов), отдельного произведения предстает в словаре без изъятий, в единстве и взаимосвязанности всех его частей, воссоздающих языковую культуру писателя, широкий спектр смыслов и коннотаций, стоящих за выбранными словами и выражениями. Вкрапления в графике языка-оригинала фиксируются как в объяснительных, так и в регистрирующих авторских словарях. См., например: толковый «Словарь языка комедии “Горе от ума”» (Словарь Грибоедова 2007), толково-энциклопедический словарь «Ономастика творчества А. С. Пушкина петербургского периода (1817–1820)» (Обухова 2009), «Опыт конкорданса к роману в стихах А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» (Гайдуков 2003), словоуказатель с чертами конкорданса «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» (Словарь Цветаевой 1996–2004),

серию частотных словарей языка поэтов пушкинской эпохи – А. Полежаева (Васильев 2001), А. Дельвига (Васильев, Жаткин 2009) и др. Во всех приведенных и подобных им словарях иноязычные вкрапления – это часть описываемого языкового материала. Вместе с тем сейчас формируется новая разновидность писательского словаря, предметом интерпретации которого являются именно иноязычные вкрапления в текстах отдельных авторов. Об одном таком проекте см. (Проценко 2013).

Составители существующих словарей, как правило, не комментируют включение в словарный массив иноязычных элементов. Анализ же словарей с точки зрения положения, которое занимают в них такие элементы, показывает, что последние обычно вводятся отдельным, завершающим корпус статей, блоком. Так, в частотном «Словаре языка А. А. Дельвига» подобные единицы идут вслед за словами на букву *я*:

<…> ясность (0,1,0:255), ясный (2,7,0:91,211),

Guten Tag [«Добрый день!», нем.] (0,0,1:320), in-folio [«ин-фолио», формат книги, лат.] (0,1,0:230) <…>.

Иноязычная часть в словаре может, как видно, не иметь специального названия, но нередко вводится именно таким названием – «Иноязычные слова и выражения» (словарь Цветаевой), «Иноязычные включения в тексте комедии» (словарь комедии «Горе от ума»), «Варваризмы» (словарь языка Полежаева), «Латинский алфавит» (конкорданс к «Евгению Онегину»), «Имена, написанные латиницей» (словарь ономастики Пушкина).

Другой способ введения единиц в иной графике – включение их в общий русский словник. Этот способ использован в «Словаре языка Есенина» (Шипулина 2013), где слово *blef* (1) дано между словами *блестки* и *блеянье*, *miss* (1) – между *мирик* и *мисс*. Такая подача возможна, особенно, если вкрапления у автора редки, встречаются в графике и чужого, и родного языка (как *miss* и *мисс*). Однако, кроме того, что это следует специально оговаривать, имеет смысл давать в словаре и общий список иноязычных вкраплений в виде приложения.

Особенности описания иноязычных элементов в словарных статьях тоже обычно не комментируются, хотя очевидно, что такие элементы дифференцируются по разным признакам. Надо сказать, что название «Иноязычные слова и выражения» в общем соотносится с основными типами статей,

разрабатываемых в упомянутых и других словарях. Это, с одной стороны, статьи к словам (в конкордансах – к словоформам), с другой – к выражениям, фразам, состоящим из двух и более слов. Характер информации в статьях различный, он зависит от типа и жанра словаря. Например, в конкордансах вкрапления в виде словоформ сопровождаются частотными показателями, иллюстративной строкой и шифром произведения; при этом даже целостные выражения «разбираются» на части-словоформы. Вот пример статьи из конкорданса к «Евгению Онегину»:

CETERA, 2

И слез, и рифм, et cetera?.. .....Г3.II.11

Горшки, тазы, et cetera, ...Г7.XXXI.10.

В частотных словарях количественная характеристика вкраплений может даваться без какой-либо дополнительной информации. Например, в «Статистическом словаре языка Достоевского» (Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2003) зафиксировано, что слово *bonjour* встречается у писателя 6 раз (только в художественных текстах), *Gott* – 13 раз (12 в художественных текстах, 1 в письмах), *«Daily News»* – 6 раз (только в критике) и т. д. Иногда в таких справочниках приводится русское соответствие слова, выражения и язык-источник (см. выше пример из словаря языка Дельвига).

В толковых словарях, в словарях с элементами толкования, в ономастических справочниках, как правило, указывается язык заимствования, дается контекст употребления вкрапления, его перевод, название текста (или шифр текста, части текста), в котором оно встретилось; кроме этого, может даваться дополнительная информация, например, о количестве употреблений вкрапления. Вот одна статья из словаря к комедии Грибоедова:

Cousin (1), (франц.). *Двоюродный брат*. [*З-я княжна*:] Какой эшарп cousin мне подарил! (III,7)

и две статьи из словаря Цветаевой, отражающего в целом заметную склонность поэта к включению иноязычных вставок в свои произведения:

HERZ /нем./ Ты им: Herz, они: цыц! – К гл.3

RICORDO DI TIVOLI /Возвращение в Тиволи, ит./ – С583/ назв./.

Обратим внимание на то, что все упоминавшиеся слова-

ри носят монографический характер, представляют язык отдельных авторов. Однако вопрос об элементах в иноязычной графике встает и в связи со сводными словарями, создаваемыми по произведениям ряда авторов. Такие словари не только могут эксплицировать корпус иноязычных элементов у каждого из выбранных авторов и такой совокупный корпус, но и позволяют увидеть сходства и различия авторов в выборе и использовании слов в чужой графике. Обратимся к многотомному «Словарю языка русской поэзии XX века» (СЯРП), описывающему язык 10 поэтов, которые творили преимущественно в эпоху Серебряного века. Это И. Анненский, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Цветаева. В соответствии с концепцией словаря в нем должны найти отражение все языковые единицы, встретившиеся в выбранных источниках. Элементы в иноязычной графике войдут, по планам составителей, в последний том СЯРП. К настоящему моменту проведена работа, связанная с отбором иноязычных вкраплений, систематизацией их по языкам заимствования, структурным типам и т. д. – см., в частности (Шестакова, Кулева 2015). При этом учитывалось, что единицы подобного рода характеризуются в поэзии Серебряного века особой нагруженностью – выступают одним из маркеров типичной для нее установки на диалог культур, предельной открытости миру.

Анализ всего корпуса вкраплений, сформированного на основе базы данных СЯРП, показывает, что его образуют единицы разного языкового статуса – слова (в том числе имена собственные), речевые клише, устойчивые сочетания, составные термины, афоризмы, цитаты в виде текстов разного объема. Специфика и неоднородность материала вызвали необходимость дифференцированного подхода к его описанию в рамках СЯРП. Напомним, что в этом словаре принят один тип словарной статьи, который может содержательно варьироваться, но заголовком всегда выступает одно слово. Разновидностями вкраплений подсказана возможность использования не только этого типа статьи, но и другого – с заголовком, включающим больше одного слова. В рамках второго типа можно выделить двухсловные, трехсловные и т. п. заголовки, вплоть до многословных заголовочных единиц, каждая из которых

представляет собой целый иноязычный текст в составе русского поэтического текста.

В собственно структуре словарной статьи СЯРП выделяются обязательные зоны: кроме заголовка, это иллюстративные контексты, шифры – и факультативные зоны: зона значения и зона комментариев к контекстам. Важно сказать, что в данном Словаре, жанрово определяемом как комментирующий конкорданс, зона значения заполняется в определенных случаях – при словах, непонятных или малопонятных современному носителю языка: устаревших, областных, специальных и т. п. В каком-то смысле иноязычные вкрапления могут быть уподоблены такой лексике: они требуют перевода-объяснения, как и слова перечисленных классов требуют объяснения-«перевода» – с устаревшего на современный язык, с областного на литературный и т. д. Таким образом, иноязычной частью в словаре заметно усиливается его объяснительный, первоначально, факультативный компонент. Что касается зоны комментариев, то в ней при необходимости даются разные сведения лингвистического и энциклопедического характера; она может также дополняться «послепометами» – пометами к контекстам (например, *Загл.*, *Эпгрф.*, *Цит.* и др.). Такая структура словарной статьи применима в СЯРП и к иноязычным вкраплениям, с учетом изменения статуса зоны значения – ее фактического перехода из факультативной в обязательную.

Приведем, в заключение, образцы словарных статей на разные типы вкраплений:

DAHIN [нем. – туда] Как на родине Миньоны С гетевским: «Dahin!», «Dahin!», Полыхали лампионы Субтропических долин. [Миньона, героиня романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», родилась в Италии. «Dahin!», «Dahin!» – рефрен песни Миньоны] *Цит. П936 (II,8)*

EGO [лат. – я] EGO *Загл. Анн900-е (173.1)*

LA [итал. – ля (нота)] Мадригалы Вам не лгали, Вечность клятвы не суля, И блаженно замирали На высоком нежном la. *Куз907 (39)*; Заочность: за оком Лежащая, вящая явь. // Заустно, заглазно Как некое долгое la Меж ртом и соблазном Версту расстояния для… *Цв923 (II,216)*

NE LAISSEZ PAS TRAÎNER MES LETTRES! [франц. – Не раскидывайте мои письма!] На пристани – цилиндр и мех, Хотелось бы: поэт,

актриса. // Огромное дыханье ветра, Дыханье северных садов, – И горестный, огромный вздох: – Ne laissez pas traîner mes lettres! *Цв917 (I,365.1)*

SOFT EMBALMER [англ. – нежный утешитель] И отбоя от музыки нет. А ведь сон – это тоже вещица, Soft embalmer, Синяя птица, Эльсинорских террас парапет. [слова из сонета Китса «To the Sleep» («К сну»)] *Ахм940-60 (291.3).*

Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М., 1993.

Васильев Н. Л. Словарь языка А. И. Полежаева. Саранск, 2001.

Васильев Н. Л., *Жаткин Д. Н.* Словарь языка А. А. Дельвига. М., 2009.

Гайдуков Д. А. Опыт конкорданса к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» с приложением текста романа. М., 2003.

Грибоедов А. С. Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах / А. С. Грибоедов. Словарь языка комедии «Горе от ума» / Л. М. Баш, Н. С. Зацепина, Л. А. Илюшина, Р. С. Кимягарова. М., 2007.

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М., 1965.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. М., 2004.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014а.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русские словари от А до Я. СПб., 2014б.

Обухова Е. С. Ономастика творчества А. С. Пушкина петербургского периода (1817–1820): Словарь. Воронеж, 2009.

Проценко Е. А. Иноязычная лексика в системе словарного описания языка Достоевского // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 232–237.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т., 6 кн. / Сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. М., 1996–2004.

Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–V– / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001–2013– (СЯРП).

Тезисы докладов межвузовского симпозиума составителей «Словаря М. Горького» (май 1966 г.). Киев, 1966.

Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 68–76.

Шипулина Г. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку, 2013.

А. И. Дунев *(Санкт-Петербург)*

Адресация и интенциональность в русских ортологических словарях

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей».

Валентина Даниловна Черняк всегда вызывает восхищение как руководитель, как ученый и как женщина. В ней все прекрасно и гармонично.

К Валентине Даниловне всегда обращаешься с трепетом. Общение с выдающейся личностью – это счастье, ощущаемое метафизически. Душевная теплота гармонично сочетается с собранностью, организованностью и потрясающей работоспособностью. Валентина Даниловна обладает высшим человеческим качеством – мудростью. Это значит, что если Валентина Даниловна что-то сказала или сделала, то это правильно. Адресовать статью Валентине Даниловне почетно, ответственно и радостно.

Адресация – одна из коммуникативно-прагматических категорий текста. В ее сферу входят тонкие и слабо ощутимые читателем, но явно выявляемые лингвистическим анализом моменты. Категория отражает отношение автора к адресату текста. В русском языке существуют эксплицитные и имплицитные средства адресации. Среди эксплицитных следует отметить: обращения, местоимения, глагольные формы второго лица. Имплицитные средства, как правило, косвенно указывают на характер адресата и связаны с предпочтением автора в выборе языковых средств. Например, на адресата может указывать выбор синонимов, а также доминирование в тексте простых или сложных предложений, предпочитаемый автором тип сложных предложений. В этом мы видим связь адресованности с замыслом высказывания и текста.

Отношение понятий «адресация» и «адресованность» определяется как связь между названием категории, обладающей планом содержания и набором средств выражения, и свойством, признаком, проявляющимся в устном или письменном речевом произведении.

Текст в лингвистике традиционно рассматривается как пространство реализации авторского замысла. Элементами

замысла можно считать интенции. Интенциональность как свойство речи представляет собой совокупность коммуникативных интенций, обнаруживаемых в языковых формах. Интенциональность существует в рамках различных наук и научных направлений. Это понятие восходит к философским идеям Эдмунда Гуссерля. В гносеологической теории немецкого ученого интенциональность соотносима с «чистым сознанием» и «бытием-в-мире». В лингвистику термин «интенциональность» внесен теорией речевых актов. Особое преломление это понятие получило в работах Серля. Широкое распространение получила интенциональность, в том числе и как термин, в теории речевой деятельности, которая явилась истоком психолингвистики. Это понятие нашло отражение в трудах А. А. Леонтьева, Л. В. Сахарного, А. А. Залевской и др. В рамках различных наук и направлений интенциональность имеет разнообразные и неоднозначные определения, тем не менее можно обобщить все имеющиеся определения и выявить общенаучное (междисциплинарное) понимание интенциональности. В структуре концепта «интенциональность» выделяются следующие компоненты: отношение, связь между сознанием субъекта и предметом как частью мира, направление сознания на предмет, осознанность, включенность в замысел деятельности, пресуппозиция.

Интенциональность проявляется на всех уровнях языка. В области грамматики она отражает связь формы как средства плана выражения с ее семантическими функциями, т. е. планом содержания. Понятие «интенциональность грамматического значения» в научный обиход введено А. В. Бондарко (Бондарко 1994). Под интенциональностью в данном случае понимается смысловая актуализация в рамках всего высказывания грамматической семантики, выражаемой словоформой. Ученый предлагает рассматривать интенциональность как свойство семантико-прагматической функции формы (слова), проявляющееся в большей или меньшей степени.

Объектом анализа является интенциональное содержание текста/ высказывания в научном тексте словарной статьи. Предметом изучения стали тексты статей из лингвистических словарей разных типов. Интенциональное содержание трактуется нами как тот аспект смысла высказывания, который

включает в себя все, что отражает замысел (намерения, цели, коммуникативная направленность и ориентация говорящего и слушающего на общие / различные пресуппозиции).

Интенции в научном тексте отличаются своеобразием (см., например, Баженова 2012). Это проявляется в двух аспектах: во-первых, в особенностях мотивации читателя, во-вторых, в способах реализации интенций в тексте. Словарь содержит все признаки научного текста. Однако это специфический текст.

В статье С. Г. Ильенко «О контекстуальном компоненте толкового словаря» словарь представлен как особая «информационная система»: «Если характеризовать словарь как своего рода информационную систему, которая обеспечивает восприятие, понимание, хранение, преобразование и передачу информации, то словарная статья выступит в качестве способа дискретизации информационного континуума словаря и может быть квалифицирована как информатема» (Ильенко 2003: 615).

Мотивация к чтению словаря и работе с ним предполагает обращение к признаку адресованности, в то время как способы реализации интенций в словаре отражают авторскую интерпретацию языкового материала в лексикографической форме.

Мы исходим из того, что коммуникативные интенции базируются на мотивах, побуждающих индивида вступать в процесс коммуникации и обусловливающих интерес к партнеру по коммуникации и/ или к теме коммуникации.

Адресация связана с интенциональностью текста, как представление о том, кто будет читать текст, направляет мысли и чувства автора, влияет на отбор языковых средств и, в конечном счете, помогает представить текст до момента его написания. В тексте словаря возможно обнаружить интенцию адресации. Чтобы это сделать, необходимо проанализировать лексико-композиционный и грамматический уровни словаря.

На лексико-композиционном уровне словаря как текста коммуникативные интенции, как правило, обнаруживаются в названии и аннотации, в авторском предисловии и отборе языкового материала, композиции словаря как комбинации словарных зон и статей.

Интенциональность грамматических средств связывается прежде всего с «говорящей» и запланированной типизирован-

ностью и воспроизводимостью грамматических элементов в тексте словарной статьи.

Лексическая, фразеологическая и орфографическая интенциональность чаще всего лежит на поверхностном уровне понимания и с легкостью осознается адресатом. Например, названия словарей, включающие интенцию «заигрывания с читателем»: «Ругайтесь правильно! Современный толковый словарь русской брани» Л. Арбатского; «Зри в корень. Толковый словарь иностранных слов греческого и латинского происхождения» С. Ю. Афонькина; «Живой словарь inostrannых слов» С. Жуковского.

Интенции заинтересовать читателя, привлечь внимание, обозначить актуальность и новизну материала, а также способы его представления побуждают авторов-составителей использовать в названии слова «новый», «новейший», «современный», «актуальный». Одним из способов отражения авторского отношения к интерпретируемому материалу становится выбор иллюстраций: цитат, высказываний, речений.

Несколько сложнее выявляется грамматическая интенциональность лексикографического текста. Так, например, характер и способ построений дефиниций дает возможность оценить способ, детализацию представления и индивидуальный взгляд на явление. Противопоставление типизированных и индивидуально-авторских ресурсов построения высказывания, выявляемое при составлении текстов словарных статей, позволяет выделить набор грамматических форм и типы синтаксических конструкций, которые раскрывают авторские интенции. Определение набора коммуникативных интенций и их описание становится возможным благодаря анализу коммуникативно-прагматических функций грамматических форм и конструкций с точки зрения намеренности / ненамеренности (облигаторности) их употребления в тексте. Такой тип изучения грамматических категорий представляет собой функционально-грамматический интент-анализ. Текст словарной статьи в ходе интент-анализа раскрывает речевую индивидуальность ученого – составителя словаря. Отдельно отметим выбор словарных помет, который, с одной стороны, решает прикладные задачи словаря, с другой – всегда ориентирован на адресата.

Умение пользоваться словарем – одна из лингвистических компетентностей, приобретаемых в рамках школьного курса русского языка. Формулировка «Читаю и перевожу со словарем» обозначает начальный уровень владения языком, как правило, иностранным. Однако умение использовать словари при анализе и интерпретации текста указывает на высокий уровень речемыслительных и речевых операций языковой личности.

Вполне возможно представить никому не адресованный ортологический словарь. Например, *словарь написания «пол-» с географическими названиями.* «Пол-» всегда имеет дефисное написание с географическими названиями, поэтому словарь бессмыслен.

Фактор адресата для русской ортологической лексикографии – малоисследованная тема. В книге «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» В. А. Козырев и В. Д. Черняк ортологические словари остроумно называют «словарями скорой помощи» и отмечают их особое место в системе словарей русского языка.

Среди лексикографических изданий ортологической направленности можно выделить словари для пишущих и для читающих. К первой группе можно отнести орфографические, а ко второй – орфоэпические словари. Особое место занимают словари трудностей русского языка.

В работе со студентами отлично зарекомендовал себя краткий словарь-справочник трудностей русского языка В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Правильно ли мы говорим?» (Козырев, Черняк 2014), первое издание которого вышло в 2006 г.

Название раскрывает проблему сомнения образованного и интеллигентного человека, желающего проверить правильность своей речи и повысить собственную речевую культуру.

Не всегда названный в аннотации лексикографического издания адресат совпадает с параметрами словаря. В аннотации анализируемого словаря-справочника перечисляются потенциальные группы адресатов словаря: «студенты, преподаватели педагогических вузов, учителя и все работники сферы образования, желающие проверить свой уровень владения нормами русского языка» (там же: 2).

Обращают на себя внимание два эпиграфа, первый из которых связывает понятия языка, образованности и образо-

вания, а второй несет в себе идею выражающейся в речи человека культуры. Высказывания П. А. Вяземского и Д. С. Лихачева совместно с названием раскрывают авторский замысел словаря.

Адресованность текста предисловия проявляется в апелляции авторов к значимым в истории русской культуры именам: П. А. Вяземского и Д. С. Лихачева, С. М. Волконского и Т. Г. Винокур.

Толерантное отношение к языковой норме отражается в градации запретительных помет: *допустимо*, *не рекомендуется* и *неправильно*. В некоторых случаях к запретительной помете добавляется поясняющая. Например: маги'стерский. *Допустимо устарелое* магисте'рский (Козырев, Черняк 2011: 53).

Высокую оценку книге «Правильно ли мы говорим?» дают учителя, включая лексикографическое пособие в школьный образовательный процесс. Каждое из слов, помещенных в словарь, оказывается актуальным для студентов и учителей, работников образования и старшеклассников. Доступность и ясность помет, предлагаемых авторами, четко характеризуют адресата как учащегося. Дополнение словаря-справочника тестами превращает издание в пособие, которое уже несколько лет успешно используется в курсе «Русский язык и культура речи», логично дополняя учебник, сборник упражнений и терминологический словарь. Словарь-справочник выдержал несколько изданий и является востребованным пособием при изучении русского языка в вузе и школе.

Исследование способов и возможностей лексикографического представления различных сфер языкового существования – одно из перспективнейших направлений современной лингвистики.

Баженова Е. А. Средства адресации в научном тексте [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/1240

Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания. №2. 1994. С. 29–42.

Ильенко С. Г. О контекстуальном компоненте толкового словаря // С. Г. Ильенко Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 614–619.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Правильно ли мы говорим? Краткий словарь-справочник трудностей русского языка и тестовые задания по культуре речи. СПб., 2011.

И. П. Матханова *(Новосибирск)*

Глагольные предикаты с семантикой деятельности: особенности лексикографического представления

Работам В. Д. Черняк свойственно внимание к новым языковым явлениям, к новым лингвистическим концепциям (особенно в сфере лексикологии и лексикографии), учет роли лексикографа не только в интерпретации языковых фактов, но и в воздействии на современную речевую ситуацию (см. например: Черняк 2003; 2006; 2014 и др.). Увлеченность автора, высокий профессионализм открывают возможность нового использования словарных материалов для тех, кто не является лексикографом, например, при изучении семантических типов предикатов, в число которых включаются предикаты деятельности.

Для описания семантики деятельности в современной лингвистике используются разные термины. Речь идет о значениях таких глаголов (включая отдельные лексико-семантические варианты), как: *садовничать, директорствовать, руководить, управлять, работать (кем)* и др. Не все исследователи признают автономность данного семантического типа предикатов. З. Вендлер и его последователи включают его в группу generic states (Vendler 1967); Т. В. Булыгина, отмечая специфику подобных слов (эссенциальность, противопоставляемая «эпизодичности»; неспособность обозначать конкретное проявление соответствующего признака и др.), относит их к предикатам свойства (Булыгина 1982: 16]; О. Н. Селиверстова называет их предикатами класса действий, подчеркивая их обобщенность, отсутствие тождества и с отдельным членом класса, и с множеством его членов, невозможность непосредственно «лежать на оси времени» и др. (Селиверстова 1982: 92). При выделении данного типа предикатов исследователи ссылаются на знаменитую работу Ю. С. Маслова «Вид и лексическое значение слова в современном русском языке», в которой рассматривается особая группа непарных глаголов несовершенного вида, неспособных образовывать чистые видовые дублеты со-

вершенного вида, которые обозначают «принадлежность лица к определенной общественной группе, его род занятий и т. д.: *плотничать, сапожничать, рыбачить, торговать*» и др. (Маслов 2004: 78). Подобную подгруппу – «социально-профессиональной деятельности лиц» – выделяет М. А. Шелякин в составе постоянно-узуального способа действия: *служить, руководить, работать, учиться, преподавать, учительствовать*» (Шелякин 1983: 195). Е. В. Падучева использует для описания рассматриваемого явления термин ‘занятие’ (Падучева 1996). Ю. Д. Апресян отграничивает класс деятельности от классов действий, занятий, поведения и дает следующее определение: «Деятельность – это глагол, обозначающий совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения (*бороться, воевать, воспитывать, торговать, управлять*)» (Апресян 2006: 86).

Таким образом, во многих лингвистических исследованиях выявляется особый тип глагольных предикатов, обладающих специфическими свойствами, отличающими их от других типов, но имеющих разные наименования. В настоящей статье, вслед за Ю. Д. Апресяном, используется термин «деятельность» поскольку он наиболее точно номинирует рассматриваемое явление. (Ср. толкование этого слова в словаре Д. Н. Ушакова: «Работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области».)

Однако недостаточно исследованы особенности лексикографического представления глаголов деятельности, в т. ч. типы толкования значения, отражение в них типичных свойств, способствующих реализации данной семантики, специфика семантической структуры полисемантов.

В качестве основного лексикографического источника в настоящей статье был выбран «Словарь современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), так как он отличается высокой культурой лексикографического описания, а также тем, что авторы еще не могли опираться на характеристику семантических типов предикатов и имеющиеся в словаре данные не предопределены исследовательскими предпочтениями. Другие важные источники – словарь «Лексико-семантические группы

глаголов» (под ред. Э. В. Кузнецовой), «Большой толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (БТСРГ) – в большей степени ориентированы на выделение семантических полей и отчасти таксономических категорий (ср. основные разделы: деятельность и действие, свойства и качества, отношения – с дальнейшим делением на тематические классы). Так, в БТСРГ для каждой группы дается типовая семантика и базовые глаголы, являющиеся своего рода идентификаторами таксономической категории. С опорой на эти словари были выделены следующие группы: глаголы профессионально-трудовой деятельности (базовый глагол *работать, заниматься чем-либо* – около 60 единиц), общественно-политической деятельности (базовые глаголы *заниматься чем-либо, участвовать в чем-либо* – около 25 единиц), а также глаголы управления (базовые глаголы *руководить, управлять* – около 30 единиц). Состав глаголов был расширен с опорой на толкования, представленные в ССРЛЯ.

На первом этапе были проанализированы **моносемические глаголы** как наиболее полно воплощающие свойства предикатов деятельности. В эту группу входит несколько подгрупп, выделяемых по особенностям толкования. Во-первых, это лексемы с семантикой профессиональной деятельности, толкующиеся через сочетания *заниматься деятельностью, мастерством, ремеслом, профессией, работой; занимать должность, место; быть кем-либо.* Например: ***адвокатствовать*** – ‘заниматься деятельностью адвоката, быть адвокатом’; ***бондарить*** – ‘заниматься бондарным мастерством’; ***директорствовать*** – ‘занимать должность, место директора, быть директором какого-л. заведения, учреждения, предприятия’. Ряд глаголов называет временную деятельность: в таком случае используется сочетание *исполнять обязанности, выполнять работу*, ср.: ***ассистировать*** – ‘выполнять работу ассистента’; ***огородничать*** **–** ‘заниматься огородничеством, работать на огороде’.

Во-вторых, это глаголы управления, толкование которых опирается на базовые глаголы *заниматься управлением, управлять, руководить*. Ср.: ***администрировать*** **–** ‘заниматься управлением’; ***дирижировать*** – ‘управлять исполнительским коллективом’. В БТСРГ выделяется еще одна группа глаголов

– глаголы общественно-политической деятельности. В ССРЛЯ их толкование дается с опорой на сочетания *заниматься чем, участвовать в чем*. Например: ***бунтовать*** – ‘поднимать бунт, восстание, участвовать в бунте’, ***заседать*** – ‘участововать в заседании’. Реже встречаются толкования с выражениями *вести, осуществлять, устанавливать* в сочетании с абстрактными существительными. Например: ***пропагандировать*** – ‘вести, осуществлять пропаганду’; ***шефствовать*** – ‘Осуществлять шефство над кем-, чем-л.’.

Таким образом, толкования ССРЛЯ глаголов деятельности однотипны, что свидетельствует об их семантической близости, хотя они относятся к разным тематическим классам, отражают разные денотативные сферы. Отмечаются и общие грамматические характеристики: отнесенность к непарным глаголам НСВ и непереходность.

Большой интерес для выявления особенностей предикатов деятельности представляет анализ семантической структуры **многозначных** глаголов, одно из значений которых можно квалифицировать как деятельность. В работах Т. В. Булыгиной (Булыгина 1982: 54) и О. Н. Селиверстовой (Селиверстова 1982: 92–93) отмечается возможность предиката «повышаться в ранге» (ср. анализ глагола *курить*), а также запрет на его «понижение в ранге» (см. характеристику глаголов *управлять*, *директорствовать*). Исследование полисемантов дает представление о том, у каких глаголов деятельности развиваются производные значения и каков вектор их развития: от обобщенного – к конкретному или от конкретного – к обобщенному.

Итак, в исследуемой группе многозначных глаголов можно выделить две подгруппы: в одной из них семантика деятельности представлена как основное, исходное значение полисеманта, а в другой – это значение является производным.

В *первой подгруппе* были выделены те глаголы, в которых исходное значение относится к таксономической категории деятельности, а производные – либо к этой же категории, либо развивают значения, относящиеся к другим семантическим типам. В ССРЛЯ основное значение глаголов *профессиональной деятельности* толкуется типичным для этого типа способом, при помощи слов и сочетаний *заниматься чем, трудиться,*

работать, исполнять обязанности кого, быть кем, реже – синонимами (***служить*** – 1.‘Исполнять какие-л. обязанности по отношению к кому-л’; 3.‘Работать, трудиться во имя кого-, чего-л., для пользы кого-, чего-л.’). Производные значения, помимо тех же способов толкования, включают также элементы, конкретизирующие общую ситуацию исходного значения (***работать*** – 1. ‘Заниматься каким-л. делом, трудиться’; 2. ‘Исполнять какие-л. обязанности, обслуживать кого-л. своим трудом ради заработка, по найму’). Чаще всего развиваются значения, типичные для сферы управления (*распоряжаться, привлекать к участию* и под.), ср.: ***хозяйничать*** – 1.‘Вести хозяйство, заниматься хозяйством’; 2. ‘Распоряжаться по своему усмотрению’. Можно наблюдать осложнение модальным значением (‘приложение усилий’): *добиваться, стараться, прилагать усилия*. Например: ***хлопотать*** – 1. ‘Усердно заниматься чем-н.’; 3.‘Обращаясь к официальным лицам, учреждениям и т.п. с ходатайством, добиваться чего-н. (льгот, прав, назначения на должность)’; ***трудиться*** – 1.‘Заниматься каким-л. трудом, работать’; 2.‘Прилагать усилия, стараться сделать что-л.’.

Еще одной тенденцией, наблюдаемой в семантической структуре анализируемых полисемантов, является возникновение производного значения *поведения*, которое толкуется через идентификатор *вести себя* (иногда и иные глаголы) и сопровождаются оценочными компонентами (*угодливо*, *в корыстных целях*, *в целях наживы* и др.). Напр.: ***ухаживать*** – 3. *перен*. ‘Вести себя угодливо, подобострастно по отношению к кому-л. с целью добиться чего-л.’; ***кустарничать*** – 2. *Разг.*, *перен*. ‘делать что-л. примитивно, неорганизованно, неискусно’. И, наконец, возникают производные значения конкретного действия, проявления деятельности: *сторожить* (‘нести охрану’ → ‘следить, наблюдать за кем-л.’, *торговать* (‘вести торговлю’ → ‘отпускать товар посетителю’), *позировать* (‘служить моделью’ → ‘принимать позу’). Вероятно, в последнем случае может вызывать сомнение вектор развития значения, но словарь фиксирует именно такую структуру. В семантической структуре слов с исходным значением *управления* основное и производное значение могут выражать семантику деятельности и толкуются через базовый глагол ‘управлять’, при этом в толковании производного значения усиливается акцент на

каузации (*повелевать*, *побуждать* и под.), ср.: ***властвовать*** – 1. ‘Управлять, править страною, государством’, 2. ‘Повелевать, распоряжаться’; ***руководить*** – 1. ‘Направлять чью-л. деятельность, быть во главе чего-л.’, 2. ‘Побуждать кого-л. к какому-л. действию, управлять чьими-л. действиями, поступками’. Производное значение иногда выражает семантику отношения: *превосходить*, *преобладать*, *возвышаться*. Напр.: ***царить*** – 1. ‘То же, что царствовать’, 2. ‘Первенствовать, превосходить всех в каком-л. отношении’; ***господствовать*** – 1. ‘Иметь власть над кем-, чем-л.; властвовать, владычествовать’, 2. ‘Возвышаться над окружающими предметами’

Вторую подгруппу полисемантов составляют глаголы, первое значение которых описывает конкретную ситуацию, связанную с определенным действием, а одно из производных – обобщенную деятельность. Развитие этого значения связано с расширением круга объектов и локативов, переходом в иную сферу применения (финансовую, военную и т. д.), переключением ориентации действия с объекта на субъект (утратой переходности), расширением временного периода, занятого действием, вплоть до временной нелокализованности, что проявляется в отсутствии наблюдаемости (восприятия), утратой динамичности (с сохранением контролируемости). Здесь можно наметить два варианта: повышение определенного действия в ранге и десемантизация глагола. Так, глаголы со значением конкретного действия могут служить основой для называния деятельности, которая состоит из многократного его повторения. Например: ***шить*** – 1. ‘Скреплять, соединять ниткой с помощью иглы края ткани, кожи и т.д. при изготовлении одежды, обуви’; // неперех. ‘Заниматься изготовлением одежды, обуви как ремеслом’; ***сеять*** – 1. перех. ‘Разбрасывать семена на приготовленную для посева землю’; 3. перен. ‘Распространять среди людей (просвещение, идеи)’. У полисемантов с семантикой движения и состояния (*вести, идти, выводить, принимать, держать* и под.) наблюдается десемантизация вплоть до связочного статуса, и в одном из лексико-семантическом вариантов реализует семантику деятельности в сочетании с тем или иным именным конкретизатором. Например: *идти в официанты, в начальники; вести кружок; выводить новый сорт* и др. Напр.: ***вести*** – 1. *перех.* ‘Направлять

чье-л. движение, показывать путь, помогать идти с собой'; 'Руководить идейно, политически, направлять', стоять во главе редакции, газеты, журнала; ***принимать*** – 1. *перех.* 'Брать то, что кто-л. дает; брать, получать из рук в руки'; 4. *перех.* 'Вступать в управление чем-л., занимать какую-л. должность'. В этих случаях принципы перехода от конкретных действий к обобщенной деятельности те же, что и в предыдущем случае.

Итак, предикаты деятельности при вариативности своего состава обладают рядом устойчивых лексико-семантических и грамматических характеристик. Эти свойства в значительной степени отражаются в лексикографическом описании, не только в идеографических, но и в толковых словарях. Анализ словарных статей ССРЛЯ и других словарей показал, что в толковании глаголов, относящихся к таксономической категории деятельности, используются широкозначные глаголы ограниченного круга в сочетании с именными распространителями – преимущественно абстрактными существительными, что передает высокий уровень обобщения, характерный для данного типа. Показательно, что у полисемантов наблюдается развитие семантической структуры слова как в сторону обобщения, так и в сторону конкретизации.

Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С.75–110.

Большой толковый словарь русских глаголов / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007 (БТСРГ).

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.

Лексико-семантические группы русского глагола / Под ред. Э. В. Кузнецовой. Иркутск, 1989.

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю. С. Маслов Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 24–39.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86–157.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-т. М.; Л., 1948–1965. (ССРЛЯ).

Толковый словарь русского языка: в 4 тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.; Л., 1935–1940.

Черняк В. Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 497–515.

Черняк В. Д. Рефлексия о языковой норме в новейшей отечественной прозе // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006. С. 497–515.

Шелякин М. А. Категория вида и способы действий русского глагола. Таллин, 1983.

Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in Philosophy. Ithaca, 1967.

Н. П. Попова *(Лейпциг)*

Словари для самых маленьких

Познавая окружающий мир, ребенок неустанно задает вопросы о незнакомых предметах и явлениях окружающего мира. Можно сказать, что своеобразная «стихийная лексикография» (В. Д. Черняк) является неотъемлимой и органичной частью повседневного общения детей и взрослых. В таких ситуациях взрослые поставлены перед дилеммой: они должы либо самостоятельно объяснить слово, либо заглянуть в словарь. На помощь могут прийти так называемые детские словари, которые объясняют (нередко при помощи иллюстраций) первые слова, или детские энциклопедии, в центре внимания которых уже не столько слово, сколько предмет или явление окружающего мира. Детские словари могут быть одноязычными и переводными; существуют детские словари для двуязычных детей, изучающих первый или второй родной язык. Обозначение *детский словарь,* или *словарь для детей,* является калькой с английского *children's dictionary*; в немецком языке используется слово *Kinderwörterbuch*. На вопрос, какое лексикографическое издание можно обозначить как детский словарь, однозначно ответить трудно (Hausmann 1990: 1365, Lisiecka-Czop 2013: 55–59).

Уточним, что предметом данной статьи являются не словари детской речи (о таких словарях см. подробнее в (Козырев, Черняк 2004: 247–248), а словари, адресатами которых являются дети. Главная цель детского словаря – познакомить ребенка с определенными словами и содействовать тому, чтобы он использовал их в речи. Нередко авторы в самом названии определяют возраст предполагаемого адресата: *для детей до-*

школьного возраста, для детей младшего и среднего школьного возраста, для детей начальной школы. Адресаты детских словарей – дети школьного возраста, которые самостоятельно могут обратиться к словарю, гораздо реже – это дошкольники, еще не овладевшие навыками чтения.

Особенностью рассматриваемых словарей, определяющей их макро- и микроструктуру, является адресат. Ф. Й. Хаусманн выделил характеристики, присущие детским словарям:

а) оформление словаря очень наглядно; кегель во много раз крупнее, чем у традиционных одноязычных словарей; как правило, в оформлении используются различные цвета; издания имеют большой формат;

б) иллюстрации сопровождают все слова или по меньшей мере большую их часть;

в) словарь практически не содержит дефиниций, либо они сформулированы нетрадиционно;

г) объясняющие тексты (лексикографические рассказы) заменяют общепринятую, традиционную микроструктуру;

д) лингвистические сведения не приводятся или представлены очень сокращенно;

е) словарь не содержит сокращений;

ж) в словаре приводятся задания или упражнения;

з) словник весьма избирателен и содержит не более 5000 слов: чаще всего словник насчитывает от 200 до 2000 слов;

и) в качестве лемм выступает лексика конкретной семантики;

к) адресаты словаря не старше 10 лет (Hausmann 1990: 1365).

В данной статье рассмотрим два словаря для детей от 2 до 6 лет, для которых родным является в первом случае нидерландский, а в втором – немецкий язык. Авторы словаря Mijn eerste Van Dale («Мой первый ван Дале»)[1] так определили его жанр: словарь для чтения вслух. Это неудивительно, так как адресатом словаря являются дети от 2 лет. Словарь насчитывает 1000 слов, расположенных в алфавитном порядке. По определению авторов словаря, в словник вошли слова, которыми активно владеют одноязычные дети в возрасте до 4 лет. В данном случае речь идет о понимании, а не спонтанном употреблении слов. Словник был составлен в ходе научного исследования.

Первый этап эксперимента заключался в определении слов, которые маленькие дети спонтанно употребляют в повседневных ситуациях. Для этого родителей попросили отметить в предложенном им списке те слова, которые их дети употребляют в речи спонтанно. Затем этот список был дополнен словами, собранными в ходе бесед с детьми. Для словника были отобраны только те слова, которые встретились в ходе двух разных бесед. Также в словарь были включены слова из уже существующих словарных минимумов для четырехлетних детей. В итоге в словарь вошли 750 слов в качестве лемм, 250 слов были использованы в толкованиях. Каждой лемме сопутствует картинка и четверостишие, реже двустишие. На одной странице расположены 6 слов и 6 картинок, одна картинка большего и пять меньшего рамера. Например, на букву А включены следующие слова: *aaien* (*гладить*), *aanwijzen* (*показать*), *de aap* (*обезьяна*), *de aardappel* (*картофель*), *aankleden* (*одеваться*), *de aardbei* (*клубника*), *afpakken* (*забрать*), *achter* (*за*), *achteruit* (*назад*), *afvegen* (*вытирать*), *afwassen* ((*по*)*мыть*), *alleen* (*один*), *de appelboom* (*яблоня*), *het appelsap* (*яблочный сок*), *andersom* (*наоборот*), *de appel* (*яблоко*), *de appeltaart* (*яблочный пирог*). Кроме этого в конце словаря приведены 27 тематических групп слов, иными словами, это та же 1000 слов, но представленная тематически, что делает удобным использование словаря во время занятия или беседы с ребенком. Авторы выделили следующие темы: *двигаться, ферма, покупки, лес, животные, пить, чувства, есть, праздновать, дом, одежда, цвета, поделки, тело, люди, музыка, школа, убирать, времена года, играть, сад, отпуск, средства передвижения, погода, больной, туалет*.

Рассмотрим слова темы ***времена года***, которая содержит четыре подтемы: ***весна*** (*цветок, трава, цыпленок, ягненок, луг*); ***лето*** (*клубника, купальник, тепло, оса, солнце, бассейн, плавать, плавки*); ***осень*** (*лист, дерево, лес, сапог, орех, гриб, зонт, лужа, дождь, идет дождь, паук, дуть, ветер*); ***зима*** (*шарф, скользить, перчатка, лед, печь, елка, рождество, холодно, шапка, пряник*[2], *праздник Святого Николая*[3], *санки, снег, снежки, идет снег, снеговик, пароход, разбросать, свитер, варежка*). Приведу пример четверостишия к слову *пряник* (*de pepernoot*). Pi-pa-pepernoten./ Zwarte Piet staat op het dak./ Zwarte Piet strooit pepernoten /Uit een hele grote zak. Четверостишия в словаре отличаются по сво-

ему размеру, общим для всех является простота и доступность языка. Стихотворение может быть описанием или представлять собой фрагмент знакомой для ребенка ситуации, может быть загадкой или обращаться к ребенку с вопросом и даже побуждать его к действию. Четверостишия очень легко запоминаются, и через некоторое время ребенок начинает их «читать» сам, то есть повторять по памяти.

Другой детский словарь – это das Kindergartenwörterbuch («Словарь для детского сада»). Это тематический словарь, включающий 3000 слов, предназначен для детей от 2 до 6 лет. В словаре представлено 16 тем: *наша семья, мое тело, еда и напитки, покупки, одежда, у меня дома, на улице/под открытым небом, животные, что мне нравится делать, работа и профессия,* (*уличное*) *движение, погода, время, мир, вверху и внизу*. Каждая тема раскрывается в нескольких подтемах – от 2 до 8. Все подтемы обладают единообразной композицией. Каждую подтему открывают три группы слов: слова красного цвета – для детей от 2 до 3 лет, голубого – для детей от 3 до 4 лет, зеленого – от 4 до 6 лет. Также каждая подтема представлена иллюстрациями: на ней изображена повседневная, узнаваемая для ребенка ситуация. Кроме этого, для каждой подтемы предлагаются 7 заданий, соответственно ориентированные на три различные возрастые группы. Например, для темы ***на улице / под открытым небом*** были выделены следующие подтемы: *на площадке, в городе, в нашем огороде / саду, в парке, прогулка в лесу, на ферме, на берегу, в горах*. Подтема ***в нашем огороде / саду*** для детей 3–4 лет содержит следующие слова: *der Obstbaum* (*фруктовое дерево*), *das Baumhaus* (*домик на дереве*), *der Apfelbaum* (*яблоня*), *der Kirschbaum* (*вишня*), *schütteln* (*трясти*), *die Gießkanne* (*лейка*), *die Regentonne* (*бочка для сбора дождевой воды*), *der Gartenschlauch* (*садовый шланг*), *der Strauch* (*куст*), *die Johannisbeere* (*смородина*), *das Gemüsebeet* (*грядка*), *der Rhabarber* (*ревень*), *der Kohlrabi* (*кольраби*), *das Radieschen* (*редис*), *das Unkraut* (*сорняк*), *die Brennnessel* (*крапива*), *die Blattlaus* (*тля*), *die Schnecke* (*улитка*), *der Regenwurm* (*дождевой червь*), *der Marienkäfer* (*божья коровка*), *der Zaun* (*забор*), *braun* (*коричневый*).

В словаре есть три героя – это Мари, ее младший брат Оле и их друг Цеки. Всех героев или одного из них можно встретить на картинках словаря. Благодаря этому достигается эф-

фект узнаваемости и повторяемости, содействующий лучшему запоминанию новых слов. Завершает каждую тему небольшой рассказ (примерно 140 слов) о событии из жизни Мари, Оле и Цеки. Текст можно прочитать вслух, но можно привлечь и самого ребенка к чтению. Рядом с некоторыми словами размещены изображения того, что это слово обозначает, благодаря чему ребенок может произнести, или «прочитать», слово вслух.

При создании детского словаря лексикографы сталкиваются с типичными вопросами практической лексикографии. Какие слова можно и нужно предложить детям от 2 до 6 лет? Авторы детского словаря нидерландского языка опирались на опрос родителей, уже существующие лексические минимумы для детей данного возраста и собственную языковую интуицию (Schlichting 2015). Кроме этого, как показала М. Лищицка-Чоп, ориентиром для отбора лексики могут выступать частотные словари; создание последних связано с составлением репрезентативного корпуса текстов, авторами которых являются дети (Lisiecka-Czop 2013: 174–180).

Детские словари, как правило, отказываются от толкований в пользу изображений, но, если этого не происходит, то возникает вопрос, какой должна быть дефиниция в детском словаре? Ф. Й. Хаусманн обозначил такого рода толкования как «лексикографические рассказы»: по форме и содержанию они ориентируются на устные объяснения слов взрослыми детям. Типичной для такого рода объяснений, по его мнению, является конструкция с союзом *когда,* рассказывающая о некой прототипической ситуации. Например, слово *разочарован* можно объяснить так: когда ты чего-то очень ждешь, но это не происходит, то ты разочарован (Hausmann 1990: 1366). В детском словаре нидерландского языка авторы обратились в первую очередь к синтагматике: толкование слова происходит за счет его окружения, слово употребляется в типичных и понятных для ребенка контекстах. В словаре немецкого языка нет готовых толкований слов. С большой долей вероятности можно предположить, что такие толкования возникают в моменты взаимного обсуждения слов и картинок, выполнения заданий и совместного чтения текстов словаря.

Авторы отмечают, что основная цель детских словарей – стимулирование языкового развития ребенка. Можно с уве-

ренностью добавить: важным является и тот факт, что ребенок уже в раннем возрасте узнает на практике, что такое словарь, и учится им пользоваться. Несомненно, детские словари содействуют тому, что В. Д. Черняк и В. А. Козырев обозначили как «лексикографическая компетенция», то есть осознанию «потребности обращения к словарю для решения познавательных и коммуникативных задач…» (Козырев, Черняк 2004: 8).

[1] Ван Дале – название издательства, издающего с 1864 года академические словари нидерландского языка.

[2] Pepernoot – маленький круглый пряник, традиционное угощение на день Св. Николая.

[3] Праздник Святого Николая (5 декабря) – излюбленный детский праздник, на который принято дарить сладости и подарки. Слова *пряник*, *разбрасывать*, *пароход* также описывают этот праздник. 5 декабря в Нидерландах широко празднуется прибытие Святого Николая из Испании на пароходе; его помощники – Черные Питы (zwarte Piet) – разносят в праздничную ночь подарки, разбрасывая в домах сладости – маленькие пряники (pepernoot).

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. М., 2004.

Das Kindergartenwörterbuch. Mannheim, Zürich, Dudenverlag, 2011.

Hausmann F. J. Das Kinderwörterbuch / Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 5.2. Wörterbücher. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1990.

Lisiecka-Czop M. Kinderwörterbücher. Lexikografische und glottodidaktische Eigenschaften am Beispiel deutsch-polnischer und polnisch-deutscher Wörterbücher. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2013.

Mijn eerste Van Dale. Voorleeswoordenboek. Utrecht – Antwerpen, van Dale, 2005.

Schlichting L. Verantwoording *De eerste 3000 woorden* [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.liesbethschlichting.nl/3000-woordenlijst/verantwoording-van-de-eerste-3000-woorden

М. А. Черняк *(Санкт-Петербург)*

«Словарная работа» современного писателя, или Попытки описания литературной эпохи

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей».

Изменчивая литература
в меняющемся мире коварна в своем
течении и развитии. Позавидуем
филологам, сосредоточенным на золотом
XIX веке, – но здесь, в современности,
для филологов, может быть, больше
азарта, больше адреналина.
Н. Иванова

Каждый новый период истории литературы ознаменован яростным спором с предыдущими, очередным разрушением всего корпуса здания до самого основания, фундамента. Традиция как важная и необходимая межпоколенческая передача культурных норм, ценностей и накопленного опыта возможна лишь при сохранении неких базовых условий трансляции культуры. Очевидно, что в «нулевые» годы эти условия трансляции не сработали. В это время явно обозначилась эрозия ценностей современной культуры индивидуальной свободы, творческого самовыражения. Литература не сохранила миссию производителя и носителя художественной информации, призванной постоянно преображать философскую картину мира. Следовательно, устарели и формализованные общественные подходы к литературному процессу, в частности – разделение литературы на «молодую» и «старую», «деревенскую» и «городскую», «мужскую» и «женскую».

Ю. М. Лотман считал, что за «культурным взрывом» следует ровное плато постепенного развития. В новейшей русской словесности после «взрыва» и равномерного развития произошло сжатие – свертывание «технологии». Этот процесс ряд исследователей обозначает как инволюцию: то есть свертывание и одновременно усложнение, неизбежно порождающее эклектизм, проникающий во все сферы литературного процесса.

Заслуживает внимания проведенный в 2009 г. опрос представителей разных искусств и наук, которых попросили назвать одно слово, которое, по их мнению, полней всего характеризует начало XXI века, «нулевые годы». Слова, конечно, оказались разными, а настроение все же общее. Так, культуролог, главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Дондурей предлагает слово *имитация,* с которым связано многое: имитация интереса власти и общества к культуре, имитация понимания значимости культуры и вовлеченности в культурный процесс, имитация качественных произведений, соответствующих потенциалу нашей культуры. У режиссера Н. Хомерики возникает ассоциация со словом *тренировка*: «Мир готовится к чему-то новому, нащупывает пути. Если все движется по спирали, то сейчас мы выходим на новый виток». Наиболее точным словом охарактеризовал наш перенасыщенный, густонаселенный литературный процесс режиссер А. Зельдович – *пробка*: «Человек, застрявший в пробке, испытывает раздражение, он ощущает себя беспомощным и бесправным, потому что он ничего не может сделать, он обескуражен и зол. Если движение и начнется, то не по его воле. Человек испытывает растерянность, потому что движение по маршруту его жизни в данный момент перестает от него зависеть» (Спецпроект 2009).

Есть и другие попытки определить, оценить, назвать сегодняшнее литературное пространство. Так, интересный и дискуссионный взгляд на современную культуру и литературу представлен в книге современного композитора В. Мартынова «Пестрые прутья Иакова». Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни». «Литература перестает быть живым смыслообразующим пространством, порождающим литературные тексты, и превращается в некую культурную рутину, производящую лишь симулякры литературных текстов» (Мартынов 2010:16), – считает Мартынов, доказывая, что литература не описывает формы жизни, а вырастает из них. Он сравнивает современных писателей с иконописцами XVIII–XIX вв., когда иконопись утратила то центральное место, которое она занимала прежде, а мастера не желали этого замечать. Наше время Мартынов определяет как *зрелищецентризм* или *шоуцентризм.* Это время тиражированности, повтора, бренда, невозможности создавать неповторимое.

Критик Л. Данилкин, доказывая, что нулевые получились совсем не такими, какими их представляли, выбрал для описания этого явления слово *клудж* (англ. kludge), означающее на программистском жаргоне программу, которая теоретически не должна работать, но почему-то работает. «Хотим мы этого или не хотим, нам придется признать, что единственная адекватная материалу форма представления литературы нулевых – не мозаика в одном-двух вариантах, а список, между пунктами которого может не быть ничего общего, кроме факта появления в определенный промежуток времени», – считает критик (Данилкин 2010: 33).

Слово *гламур* тоже стало знаком десятилетия. Писатель А. Максимов в книге «Интеллигенция и гламур», доказывая, что «гламур – это философия жизни, которая постепенно и незаметно завоевала нашу страну», вводит для определения специфики культуры начала XXI в. очень точный термин *фермата*, что в переводе с итальянского языка означает остановку неопределенной продолжительности: «В ту пору, когда в России произошла столь же бескровная, сколь и безусловная революция, – гламур сделал то, что не смогли сделать ни государство, ни интеллигенция: дал совершенно четкую систему ценностей, нашел ответы на те вопросы, которые будоражили общество. <…> лучше жить красиво, чем уродливо, лучше жить легко, чем трудно, лучше жить весело, чем задумчиво, и вообще – лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным» (Максимов 2010: 95). Мир гламурной литературы подкупает своей псевдоискренностью, создавая иллюзию правильного, красивого и справедливого мира, антигламурная же литература вне зависимости от своего качества и политической направленности становится своего рода оппозицией. Это очень хорошо понял, например, Е. Гришковец, балансирующий на грани «литературы о потреблении» и «литературы потребления».

В последнее время, которое, по образному определению писателя В. Пьецуха, «клонится к нулю и потребность в чтении скоро отомрет на манер вертикального века и ночного зрения у собак» (Пьецух 2015: 133), тем не менее, можно обнаружить довольно яркие попытки писателей, часто тревожные и пессимистичные, определить литературное время. Так, размышляя об «антилитературном» времени, В. Ерофеев ставит приговор: «Все-

ми руководит неподдельное чувство. Никто не думает, что за стол нужно садиться с холодной головой. Все садятся с горячим желанием высказаться. Это желание в литературном смысле неграмотно. Книги роятся, но не плодоносят. Жанров много, встреч с авторами тоже немало, но такое впечатление, что ничего не происходит – *литературная пустота*. Литература кончилась, она куда-то уползла. В хороших писателях ходят жалкие единицы. Они проклевываются и быстро гаснут. Это слабые существа. Они не определяют сегодня литературное время. Интерес к автору подогревается не его литературными открытиями, а его социальными или политическими прыжками» (Ерофеев 2015).

Критик Н. Иванова, размышляя о пестроте сегодняшнего литературного пространства, о современных писателях, наследующих абсолютно разные традиции и говорящих на разных литературных языках, приходит к выводу о стилистическом расколе новейшей литературы: «Из всего этого складывается *амальгама* русской литературы начала XXI века, – и если рассматривать ее в целом, то главная характеристика этой амальгамы как раз и заключена в ее внутренней, неразрешенной и пока неразрешимой противоречивости» (Иванова 2012: 207).

Характерной чертой литературы новейшего времени можно считать попытку многих современных авторов отрефлексировать окружающую их реальность, описать непосредственно происходящие в ней коммуникативные процессы и осмыслить уже свершившиеся факты языкового опыта. В 2005 г, участвуя в опросе о современном языке журнала «Отечественные записки», М. Шишкин отметил: «Русская литература – это не форма существования языка, а способ существования в России нетоталитарного сознания. Язык русской литературы – ковчег. Попытка спастись. Островок слов, на котором должно быть сохранено человеческое достоинство» (Писатели о языке 2005: 67). Спустя ровно 10 лет в статье «Что такое литература, и как это делается», В. Пьецух определяет цели писателя так: «Всякий раз, как садишься за свой письменный стол, следует первым делом определиться, что ты имеешь сказать людям независимо от того, что они хотят от тебя услышать, поскольку их главным образом интересует *про бандитов и про любовь*. Затем нужно браться за работу, причем с таким чувством, как будто

ты собрался дать пощечину подлецу» (Пьецух 2015: 140). Действительно, за 10 лет многое изменилось и в стратегиях писателях, и в читательских вкусах, и социокультурных параметрах эпохи, и в духе времени, и в настроении общества. Поэтому представляет интерес, как писатели, активные участники современного литературного процесса, определяют *свое* время, *свою* литературную эпоху. Ниже представлены ответы на следующий вопрос: «Золотой век, серебряный, советская литература… а какой бы эпитет Вы подобрали для нынешнего литературного процесса?»[1].

- *Александр Иличевский:* «***Черно-чугунный***. Правда есть на нем остатки сусального золота».
- *Илья Бояшов:* «Ну, если следовать логике, то ***медный век*** или железный… Звучит!»
- *Александр Мелихов:* «Я бы использовал образ «Сто лет одиночества».
- *Петр Алешковский:* «Период собирания камней».
- *Николай Прокудин:* «Литература детектива домохозяек. Литература начала эпохи гаджетов».
- *Михаил Ахманов:* «Время «tertia vigilia», «третья стража», те ночные часы, когда еще царит сумрак, но рассвет близится».
- *Алексей Слаповский:* «***Растерянный век***».
- *Антон Чиж:* «***Твиттеризация***».
- Наталья Соколовская: *«Золотой век, серебряный век… Железный век… И не потому, что индустриализация (и соответствующая литература, а потому что «шевеля кандалами цепочек дверных». Это про «советскую». Хотя, «советский век русской литературы», несомненно, тоже «большой». А нынешний,* электронный век, *– не вполне уловимый, летучий… тексты приходит как бы ниоткуда, и уходит как бы в никуда, в эфир, в «облако»…*
- *Дмитрий Вересов:* «***Век самовоспроизводящихся технологий***».
- *Мария Галина:* «Ну, наверное, ***бумажный,*** в смысле легкости – непрочности, да и шелеста купюр тоже, потому что по моему мнению литературу губят премиальные процессы и коммерческие проекты. Хотя напрашивается ***«электронный», «цифровой»,*** да? В сети каждый желающий - литератор, очень много, скажем так, авторов-любителей, имеющих свою устойчивую аудиторию поклонников. Сейчас ***время фанфиков и проектов***, это настораживающий диагноз, если говорить о перспективах».
- *Ольга Новикова:* «***Клюквенный век***. Все истекают клюквенным соком: мнимая оппозиционность, мнимая эмоциональность, мнимая интеллектуальность и т.п.».

- *Всеволод Бенигсен:* «Мне кажется никто пока не смог «зацепить», понять, определить наше время. Оно слишком динамичное, слишком изменчивое. ***Время поиска самих себя***».
- *Владимир Новиков:* «***Пороговая эпоха***. Никак не переступим грань веков, не заживем по законам настоящего двадцать первого века».
- *Алиса Ганеева:* «***Промежуток*** (практически по Тынянову)».
- *Павел Крусанов:* «Это станет ясно на расстоянии лет. Пока ты внутри этой клумбы, ты не видишь ни ее реального размера, ни цветочного узора, который выложил на этой клумбе Садовник».
- *Вадим Левенталь:* «***Современная русская литература***, само собой. А уж как нас будут помнить сыновья и внуки, бог весть; может, «предвоенная», может, «литература позднего капитализма».
- *Владимир Шпаков:* ***«Литература эпохи победившего капитализма***. Отсюда и соответствующе место литературы в общественном пространстве».
- *Андрей Аствацатуров:* ***«Эпоха нефтяной трубы***».
- *Татьяна Гармаш-Роффе:* ***«Литература постсоветской эйфории»***.
- *Анна Берсенева:* «Слишком много имитации. Не меньше, чем в отечественной же современной политике. Хотя, может быть, в литературе в сравнении с политикой имитация не столь изощренна и нагла; это обнадеживает. Потому и не нахожу названия для современного литературного века. Все-таки не хочется называть его ***имитационным***».
- *Елена Колина:* «Я бы назвала нынешний литературный процесс ***"старательный"*** – многие *стараются*».
- *Евгений Водолазкин:* «Это эпоха после ухода постмодернизма. Теперь важно ее красиво назвать».

М. Кронгауз, называя «лексикографический невроз» приметой сегодняшнего дня, отмечает: «Раз мир лучше познается через отдельные слова и выражения, то и форма словаря становится востребованной, ведь слова удобнее всего располагать в алфавитном порядке (для солидности и аккуратности). <…> Тенденция состоит в том, чтобы "говорить (или, точнее, писать) целыми словарями»» (Кронгауз 2007). Представленные выше определения эпохи образуют своеобразный стихийный словарь нашего непростого литературного времени, по которому можно судить о социокультурных тенденциях и сдвигах.

Терминологическое многообразие в определении литературной эпохи, сделанное непосредственными участниками, лишь подчеркивает ее противоречивость и диффузность. Кстати, важно в этом контексте вспомнить, что термин «золотой век русской литературы» тоже возник не сразу в пушкинскую

эпоху. Впервые это выражение употребил М. А. Антонович в статье «Литературный кризис», напечатанной в 1863 г. в журнале «Современник». На авторство термина «Серебряный век», как известно, претендовал и Н. Оцуп, и Н. Бердяев. Хотя можно предположить, что название, в семантике которого ощутима россыпь символических знаков эпохи модерна с ее мистикой цвета (образы «серебряный колодезь», «серебряный голубь», «серебряные бури» и т. п. достаточно частотны), «носилось в воздухе». Кто-то из наших современников попытался найти эпитет по аналогии с «Золотым» и «Серебряным», кто-то подчеркивал постгуттенберговский характер эпохи Web 2.0, кто-то справедливо настаивал на рубежности и противоречивости времени столкновения веков и тысячелетий, кто-то эмоционально оценивал расслоение литературы на массовую и элитарную, коммерческую и премиальную. Но, так или иначе, очевидна сложность (а может быть невозможность?) найти термин, обозначающий тот или иной литературный период, самим ее непосредственным участникам. Однако можно утверждать, что «словарная работа» была выполнена писателями усердно, а работу над ошибками явно проведет будущее.

[1] Выражаю искреннюю благодарность всем писателям, которые нашли время ответить на вопрос. Выбор писателей был абсолютно субъективен: это круг моего общения (и близкого, и далекого, и эпизодического, и многолетнего, и виртуального). В основном, это писатели, которые в разное время участвовали в наших проектах по современной литературе (конференциях, круглых столах, литературных встречах).

Данилкин Л. Клудж. Итоги десятилетия // Новый Мир. 2010. № 1. С. 135–154.

Ерофеев В. Литературная пустота [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/ doc/2608969.

Иванова Н. Свободная и своенравная – или бессмысленная и умирающая? Заметки об определениях современной словесности // Знамя. 2012. № 7. С. 202–208.

Кронгауз М. Лексикографический невроз, или Словарь как способо поговорить // Новый мир. 2007. № 6. С. 150–157.

Максимов А. Интеллигенция и гламур. М., 2010.

Мартынов В. «Пестрые прутья Иакова». Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. М., 2010.

Спецпроект «Про нулевые» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://os.colta.ru/music_modern/events/details/15057.

Писатели о языке // Отечественные записки. 2005. № 2.

Пьецух В. Что такое литература, и как это делается // Октябрь. 2015. № 1. С. 136–142.

И. Т. Вепрева, Н. А. Купина *(Екатеринбург)*

Феномен русскости: лингвоаксиологические размышления

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

Мыслителей, писателей, филологов издавна волновал феномен русскости. Сегодня наметилась тенденция возвращения к ментальным основам, исконным ценностным ориентирам русского народа. В этой связи особый интерес представляет взгляд на проблему отечественных мыслителей, переживших революцию 1917 г., задававшихся вопросом о причинах массовой идеологической трансформации сознания носителей русской культуры и русского языка. Осмысление аксиологического взрыва начала XX века будет способствовать, во-первых, выявлению ценностных ориентаций в пространстве дальней (XIX век) и ближней (советский период) ретроспекции, во-вторых, откроет перспективу интерпретации сдвигов в мировоззрении современных россиян. Социологи говорят о мозаичности, неупорядоченности общественного сознания, для которого характерны «размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценностных ориентаций, установок…» (Тощенко 2015: 14). В этой связи особую значимость приобретает изучение номинаций базовых ценностей, нашедших отражение в текстах русских мыслителей.

Интерпретацию ключевых слов русского менталитета находим в философском трактате Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», который был задуман философом в 1933 г.; переведен на английский, немецкий, французский, испанский, итальянский и другие языки. Первое русское издание относится к 1955 г. Процедура лингвоидеологического анализа предполагает извлечение из текста авторских аксиологических суждений, погруженных в социокультурный контекст определенного времени.

«Бердяев мыслит национальными категориями: национальное единство, по его мнению, глубже, прочнее единства партий, классов и всех других преходящих исторических образований» (Гулыга 1997: 7). Будучи сторонником консерва-

тизма, философ вместе с тем не отрицает возможности ненасильственного, нереволюционного «творческого созидания ценностей» (там же: 10). Его задача – осмысление ценностей, формирующих коллективную идентичность, и одновременно – феномен русскости (Бердяев 1990). Он строит свою концепцию в границах реального исторического времени, обобщая значимые идеи, ценностные концептуальные предпочтения русского народа как нации, выделяя типичные трактовки этноспецифической общности в применении к русским.

Оставляя за пределами философского исследования широкое понимание нации как полиэтнического сообщества, связанного общностью геопространства, мыслитель сосредоточивает свое внимание на этноспецифическом, идеологическом своеобразии русскости. В этой связи рассматриваются искания народников, полагавших что «под народом нужно понимать главным образом крестьянство» (Бердяев 1997: 292). Закономерно, что даже западник Герцен «искал спасения в русском мужике» (там же: 279). Философ объясняет традицию отождествления народа и крестьянства прежде всего тем, что в русском крестьянском мире скрыта возможность гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности» (там же: 271).

Стремление описать специфику русскости по данным народных говоров всегда было свойственно диалектологам и этнографам. В то же время понимание народа как крестьянского мира сужает представления о национальном менталитете.

Более широкое традиционное понимание: народ – это все трудящиеся. Привилегированные образованные слои общества, в первую очередь интеллигенция (дворянская и разночинная), «оторваны от народа». Она стремится понять народные нужды и чаяния, но не может слиться с народом в силу социальных обстоятельств.

Идеологический взгляд, связанный с «невстроенностью» интеллигенции, сохраняется до настоящего времени. Не менее распространенной является типичная для лингвистических трудов оппозиция, возникающая при интерпретации говоров и городского просторечия. Между тем записи устной речи жителей городских окраин, речи заводских рабочих (Шалина 2011) позволяют судить о наличии общности ценностных предпочтений сельского и городского населения.

Новой вехой в трактовке концепта «народ» стала Октябрьская революция. Теория марксизма-ленинизма сделала ведущим классовый подход к коллективному субъекту – творцу и вершителю истории. Пролетариат (передовой класс) и колхозное крестьянство слились в широкие *народные массы*, которые были организованы в «стихии русской революции через коммунистическую идею, коммунистическую символику <…> диктатура нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться» (Бердяев 1997: 361).

Заметим, что «трудовая интеллигенция» подчинилась (в массе своей внешне, формально) этим лозунгам, новым ценностным установкам и даже способствовала их созданию и тиражированию. В то же время именно в среде интеллигенции возникло движение сопротивления идеологическим предписаниям и догмам.

Воздейственность ключевых слов языка революционной эпохи на общественное сознание, развитие предписательных речевых жанров – все это обусловило формирование советского народа – уникальной полиэтнической социальной общности, объединенной ценностными мировоззренческими устремлениями. Этническое планомерно вытеснялось идеологическим, что привело к маргинализации категории русскости.

Русский марксизм, по наблюдениям Бердяева, не проникнут сочувствием к страданиям народа, а создает миф о *народе-победителе* – народе, который становится материалом революции. Устойчивая идеологическая добавка «победитель» к содержанию концепта «народ» прослеживается в следующем иллюстративном высказывании, которое приводится в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: *В гражданской войне советский народ вышел победителем над соединенными силами русских белогвардейцев и международной контрреволюции* (ТСУ 1939. Т. 3: 320). Слитное слово *народ-победитель* органично входит в речевой оборот, поддерживает идеологемы несокрушимости советского строя, его превосходства. Формульный лозунг *Слава народу-победителю!* сохраняется на протяжении всех лет существования советской власти.

В наши дни очевидна социально-психологическая травма, которая наносится россиянам попытками преуменьшить роль не только советского, но и русского народа в победе над фа-

шистской Германией. Очевидна психологическая значимость трансформированного концепта: распад Советского Союза способствовал кризису интегрированной на основе государственной идеологии национальной идентичности. Заметно возросла пассионарность отдельных этносов. Цветные революции, вспыхивающие на территориях бывших республик СССР, обнаруживают жизнеспособность оппозиции идеологического и этнического. Все это делает актуальными лингвистические усилия, направленные на систематизацию имен концептов, интегрирующих внутрикультурную, этнически определенную, и межкультурную речевую коммуникацию представителей разных этносов, составлявших как советский народ, так и народ российский.

Динамический подход к проблеме ценностей приводит Бердяева к определенным обобщениям. С его точки зрения, центр исторически сложившегося когнитивного пространства составляют религиозно-нравственные концепты, определяющие характер духовной культуры и духовного наследия, закрепляющие в слове «титаническую волю духа» народа и духа человека, «веру в дух». В исследуемом тексте частотны следующие номинации ценностных констант: *добро*, *совесть*, *честь*, *достоинство*, *справедливость*, *человечность / всечеловечность*, *жертвоспособность*, *самоотвержение*, *дух*, *душа*, *вера*, *надежда*, *благородство*, *правдолюбие / (народная) правда / правда-справедливость / правда-истина*, *смирение (перед обстоятельствами)*, *братство / всечеловеческое братство*, *сострадательность*. Для введения этих имен в текст трактата Бердяев использует этноспецифические сопроводители *русский*, *Россия*. Типичные формулы: *Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку; Русская душа стремится к целостности; Русский народ имеет призвание религиозное, духовное; Русская душа не склонна к скептицизму; Примат социального над политическим. Это типично русский мотив; В России просвещение и культура, низвергали нормы, перегородки; Влияние Запада на Россию было совершенно парадоксально, оно не привило русской душе западные нормы* (о послепетровской эпохе); *Миссия России отлична от миссии Запада; В России… не было либеральных идеологий*. Каждое ценностное суждение может быть спроецировано на текущее время и ис-

пользовано в целях аксиологической диагностики и лингвоидеологического строительства.

Совокупность аксиологических суждений позволяет систематизировать концепты, которые интерпретируются как особые ментальные единицы, составляющие «исконную национальную русскую основу» (Бердяев 1997: 251), являющиеся средством оценивания тех или иных объектов действительности, включающие в себя ценностный компонент» (Слышкин 2000: 12). В текущее время особую значимость приобретает составление перечня имен нравственных концептов, формирующих национальную идентичность вне зависимости от политической ситуации. Номинация концепта не должна вызывать сопротивления носителей русского языка как родного и второго родного. В этой связи особое внимание должно уделяться анализу синонимических параллелей (ср.: *соборность – коллективизм*; *сострадание – милосердие – человеколюбие*), выявлению смыслового и воздействующего потенциала каждого члена ряда. Принципы разграничения разных типов синонимов изложены в специальном исследовании В. Д. Черняк (Черняк 2010: 7–9).

Власть слова всегда осознавалась идеологами и моралистами. Философ прославляет историческое становление России как страны «пробудившейся мысли и слова», «искавшей социальной правды», «создавшей великую литературу» (Бердяев 1997: 247). Манипулятивное использование ментальных ценностных ориентаций, с его точки зрения, позволило большевикам установить «диктатуру над духом, над совестью, над мыслью» (Бердяев 1997: 393), деформировать содержание опорных нравственных понятий. Говоря о революционном фанатизме Ленина, Бердяев замечает: «Добро для него – все, что служит революции, зло – все, что ей мешает. <…> Став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к главным лозунгам, допуская обман, ложь, насилие, жестокость» (Бердяев 1997: 348). Концепты-«перевертыши» незаметно вошли в советский фундаментальный лексикон.

Анализ теории и практики русского марксизма и большевизма обнаруживает возможности идеологической субститу-

ции, а также заданность процесса перестройки иерархии ценностей: «Кротость и смирение может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. <…> народ, живший иррациональными верованиями, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, <…> поверил в машину вместо Бога» (там же: 353). Если слово *машина* заменить существительными *компьютер*, *гаджет*, *айфон*, мы обнаружим вектор актуальных ценностных предпочтений.

Исследуя проблему соотношения индивидуального и социального, отстаивая константную идею соборности, Бердяев утверждает самоценность личности, свободу духа, свободу совести, свободу как творческую энергию, свободу духовно-нравственного личностного выбора. Вместе с тем он говорит о деформации концепта «свобода» в коммунистической России, где господствует «философия социального титанизма. Титаном духа является не индивидуум, а социальный коллектив» (там же: 377). Проблема человека замещается проблемой общества, которое создает нового человека. Бердяев же полагает, что новый человек может сформироваться лишь в том случае, если высшей ценностью является сам человек как носитель свободного духа. «Духовный сын Достоевского», он отстаивает понимание соборности как «ответственности всех за всех» (Бердяев 1997: 319), ответственности независимого, духовно свободного человека за другого человека. Христианский персонализм он противопоставляет эгоизму и индивидуализму, а человеческую личность признает верховной ценностью. Концепция соборности предполагает свободную реализацию энергии духовного личностного начала; в то время как коллективизм советского образца гипертрофирует социальное: «Понятие свободы относится исключительно к коллективному, а не к личному сознанию. Личность не имеет свободы по отношению к социальному коллективу, она не имеет личной совести и личного сознания. Для личности свобода заключается в исключительной ее приспособленности к коллективу» (Бердяев 1997: 379). Новый «коллективный человек» – продукт коммунистического воспитания – становится жертвой «безликого коллективизма». Свобода же становится «актом, совершаемым не индивидуальным, а социальным человеком после того, как

выбор сделан» (Бердяев 1997: 378). Новый советский человек видит свою задачу в «социальном служении» как средстве достижения социальной справедливости. В целом же, по Бердяеву, «русский коммунизм» подавляет свободу человеческого духа.

Заметим, что сконструированные в советском обществе формы коллективизма перестали восприниматься россиянами как базовые инструментальные ценности. Ценностным предпочтением молодежи становится самореализация, допускающая множественность толкований. Необходимо лингвистически непротиворечивое современное толкование эгоизма и персонализма, Я-менталитета и Мы-менталитета, основных форм проявления самоцентричности.

Настаивая на том, что феномен русскости определяет система нравственных ценностных ориентаций, Бердяев выделяет для специального рассмотрения политические ценности постреволюционного периода.

Ключевые номинации: *государство*, *власть*, *диктатура*, *партия*, *вождь*, *демократия*, *революция*. Отмечая, что русский народ «по миросозерцанию государственник», что он «покорно согласен быть материалом для создания великого мирового государства» (Бердяев 1997: 298), философ выявляет мировоззренческое противоречие: народ всегда склонен к бунту против государства, против власти, а всякая власть есть зло и грех» (там же). Русская революция «соединила волю народа «к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее» (там же: 350). В тексте трактата подчеркивается идеологическая непротиворечивость политической программы, направленной на создание управляемого мировосприятия. Созданная Лениным сильная партия опиралась на «цельное революционно-марксистское миросозерцание». Установившаяся «диктатура коммунистической партии» превратилась в «диктатуру миросозерцания». Параллельно отметим, что сочетания *диктатура* (**д.**) *партии*, ***д.*** *миросозерцания / мировоззрения* в языке советской эпохи не употреблялись. Идеологическая ортология закрепила каноническое клише ***д.*** *пролетариата*. Возможной была метафора ***д.*** *закона*. В обоих случаях опорное слово употреблялось с позитивной оценкой. В бердяевских сочетаниях появляется негативная оценка по-

литической диктатуры как способа насильственного манипулятивного управления народом. Разработчики советской государственной идеологии сумели превратить русский язык в действенное средство влияния на общественное сознание.

Эффективность использования русского языка в политических целях обеспечивалась системной организацией лексикона. Так, энергия тоталитарного языка перемещает концепт *партия* в центр когнитивного пространства, а слово *партия* и входящие в словообразовательное гнездо 70 родственных единиц (Тихонов 1985. Т. 1: 14) отражают политикоцентрический взгляд на мир. Например, представление о нравственном эталоне выражается наречием *по-партийному* и сочетаниями типа *партийный долг*, *партийная совесть*. Сращение нравственного и политического прямо выражается с помощью устойчивого сочетания *морально-политическое единство*. Коллективное начало обозначается лексемами *партбюро*, *партактив*, *парторганизация*, *партгруппа*, *партколлегия*, *партконференция*, *партсъезд*, а сама партия предстает как образец коллективизма. Слова типа *партийно-государственный*, *партийно-хозяйственный* транслируют идею руководящей роли партии в государственной и экономической деятельности. Сочетания типа *наша партия*, *родная партия* интимизируют содержание базового концепта.

Бердяев обращает внимание на взаимообусловленность концептов *вождь, власть, народные массы*: «Ленинизм, – пишет он, – есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью» (Бердяев 1997: 356), а диктаторская власть исключает развитие демократии. Отметим, что политически «правильные» идеологемы *демократический централизм*, *вождь народа*, как обнаруживает советский опыт, выявляют орнаментальность демократии по отношению к диктаторской власти и ее символам.

Распад Советского Союза и связанный с ним процесс деполитизации русского языка обусловили возникновение коллективного идеологического скептицизма, который охватил восприятие политической сферы идеологии. Представляется, что лингвоаксиологическое регулирование современной политической лексики будет способствовать ее осознанному восприятию.

Говоря о том, что в советской России (а это все та же Россия), «может быть впервые возникает народный патриотизм», Бердяев (1997: 372) рассуждает о возможной трансформации патриотизма в национализм. Опасность такой трансформации существует и сегодня. Тревогу вызывает также возвращение советских идеологических схем в тексты новейших программных документов. Было бы целесообразным привлекать к составлению программ духовно-нравственного и патриотического воспитания лингвистов, культурологов, философов и психологов.

Таким образом, феномен русскости может осмысляться на аксиологической основе. Если учесть, что система ценностей находит отражение в языке, следует признать целесообразным лингвистический подход к проблеме, позволяющий выявить актуальные участки когнитивного пространства, установить точки напряжения, представить достоверный языковой материал для разноаспектных интерпретаций ценностных предпочтений россиян (в первую очередь – молодежи).

В дополнение к описанным В. А. Козыревым и В. Д. Черняк (2009) сферам практической филологии целесообразно выделить сферу лингвоаксиологического строительства, основу которого составят вербально оформленные базовые общенациональные ценности.

Бердяев Н. А. Психология русского народа / Судьба России. Опыт психологии войны и национальности. М., 1990. С. 7–82.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 246–412.

Гулыга А. В. Н. А. Бердяев. Жизнь и творчество // Н. А. Бердяев. Сочинения. М., 1997. С. 7–12.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: Лингвистические аспекты гуманитарных технологий. СПб., 2009.

Слышкин Г. Г. От текста к символу. М., 2000.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. М., 1985.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М., 2015.

Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939 (ТСУ).

Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. М., 2010.

Шалина И. В. Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы. Екатеринбург, 2011.

О. А. Михайлова *(Екатеринбург)*

Достоинство сквозь призму языка

Лексическая семантика в разных своих аспектах всегда была и остается в центре научных интересов В. Д. Черняк. Ряд идей и выводов, высказанных Валентиной Даниловной (Черняк 2007; 2010), стали стимулом к появлению этого исследования, а выбор материала обусловлен личностью юбиляра – в высшей степени достойного человека.

Существительное *достоинство*, как и мотивирующее для него прилагательное *достойный*, в русском языке является многозначным. Мы сосредоточимся лишь на одном значении слова *достоинство* (′совокупность высоких нравственных качеств человека′) и рассмотрим его в следующих аспектах: во-первых, достоинство как социальная и культурная ценность; во-вторых, достоинство сквозь призму наивного языкового сознания.

Достоинство относится к числу универсальных человеческих ценностей, и оно является отличительной чертой человека. Вот как говорится об этом в Послании Русской православной церкви: *Мерилом всего объявлен человек, который, будучи сотворен по образу и подобию Божию, изначально имел высочайшее достоинство, но был поврежден грехом* [Журнал Московской патриархии, 2004]; или: *Надо помнить, что человек – не пресмыкающееся, что мы стоим во всем достоинстве нашего человечества* [Антоний, митрополит Сурожский. Попробуем молиться Богу истиной…].

В советском государстве, когда человек считался винтиком в едином механизме, достоинство, как и многие другие общечеловеческие ценности и добродетели, не отвечающие идеологии тоталитаризма, находились, мягко говоря, под подозрением. «Словарь Совдепии» (Мокиенко, Никитина 1998) не включает это слово, т. е. оно отсутствовало в активном употреблении носителей русского языка советского времени. Такая же участь постигла и само явление, о чем свидетельствуют многие контексты: *У нас за время советской власти вытравили чувство собственного достоинства* [Дело, 2002]; *В представлениях партии не нашлось места для человеческого достоинства* [Еженедельный журнал, 2003]. Отсутствие достоинства у лич-

ности было совершенно обычным делом: М. Жванецкий в одном из рассказов описывает случай, как актер не мог сыграть человека, обладающего достоинством: *Хамство и грубость в Сибири как раз получается ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит — еще ничего, а как рот откроет — так пока не идет. Или, там, собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности. Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну, чтобы сыграл он чувство этого достоинства* [М. Жванецкий. Трудности кино].

Люди с чувством собственного достоинства в советское время были редкостью. В рецензии на фильм Николая Досталя «Завещание Ленина» И. Петровская пишет о Шаламове: *В фильме главный герой так и не увидел небо в алмазах. Он умер, как и жил, гонимым, непризнанным, в одиночестве, нищете, однако сумел – один из немногих – сохранить достоинство и человеческую силу в пустоте* [Российская газета, 2007]. Более того, человеку с чувством собственного достоинства вообще не находилось места в тоталитарном обществе: *У нас люди, которые всю жизнь боролись за то, чтобы честь и достоинство стали нормальной атрибутикой российской жизни, умирают* [Новая газета, 2003]; *Бросьте, не стоит: у нас в отечестве принято убивать политиков, у которых есть честь и достоинство* [Новая газета, 2003].

Сегодня положение дел несколько изменилось. Современные СМИ утверждают, что главным стержнем нового дискурса стала мысль о попранном достоинстве народа, что новая национальная ментальность основана на чувстве собственного достоинства: *Народу напомнили, что у него есть достоинство* [Неприкосновенный запас, 2004]; *Социальную рекламу можно рассматривать как один из элементов, который позволил бы людям в большей степени поверить в себя, в свои силы, утвердить свое человеческое достоинство* [Рекламный мир, 2003].

Востребованность в обществе чувства собственного достоинства повлекла за собой активизацию самого слова *достоинство*, в котором актуализирована коннотативная семантика. Как доказала В. Д. Черняк, «в синонимике же субстантивов обнаруживается вполне определенная тенденция: чем заметнее предикативные, признаковые, квалифицирующие компо-

ненты в лексических значениях, тем характернее для них синонимические связи» (Черняк 2007: 213). Парадигматические ряды, в которые входит слово *достоинство*, включают такие понятия, как: профессиональная честь, личное достоинство, порядочность, признание окружающими высокой репутации, доброе имя, заслуженное делами; достоинство, страх, совесть, ср.: *На презентационном вечере в «Ле Колон» в перечне качеств, необходимых для рекомендации в члены клуба, звучали такие понятия, как «репутация», «респектабельность», «честь», «достоинство», «духовность»* [Домовой, 2002].

Расширяется и сочетаемость этого слова: существительное *достоинство* употребляется в словосочетаниях с прилагательными: *личное, человеческое, социальное, гражданское, державное, национальное* и др. Можно обладать не только собственным, но и коллективным достоинством, ср. употребления: *достоинство частного лица и достоинство казака, достоинство потребителей, достоинство русского человека*. Порой достоинство вообще выступает как показатель идентичности: *Сотрудники КБ-1 заметно отличались от сотрудников других фирм достоинством* [Воздушно-космическая оборона, 2003]. В таких употреблениях рассматриваемое значение несколько смещается: в слове актуализируется аспект 'проявление самоуважения, которое заметно для окружающих'.

Таким образом, понятие *достоинство* является оценочной категорией: достоинство – это сознание человеком своей моральной ценности.

В наивном языковом сознании достоинство воспринимается как некая отчуждаемая собственность, в отличие от научного сознания, в частности юридического дискурса, где достоинство есть неотъемлемое свойство, принадлежащее человеку независимо от того, как он сам и окружающие люди воспринимают и оценивают его личность. Ср. в гражданском праве: «Достоинство – одно из материальных благ, принадлежащих человеку от рождения; оно неотчуждаемо и непередаваемо» (ст. 150 ГК РФ). О подобном наивном представлении о достоинстве свидетельствует сочетаемость соответствующего существительного с глаголами. Наличие достоинства у какого-либо субъекта описывается в языке предикатами *иметь*, *обладать*: *Мы хотим это достоинство иметь в себе или заработать на*

него право [Антоний, митрополит Сурожский. Радость покаяния]; *Он обладал редкостным достоинством и авторитетом* [А. Мень. Сын Человеческий].

Достоинство как собственность представляет большую ценность, поэтому его надо хранить: *Ей удается сохранять достоинство* [Известия 2010]*; Он не роняет своего достоинства, не разменивается на оправдание, на политику* [Новый регион, 2011]; *Расставшись с папой, мама не только сохранила достоинство, но и отстояла себя как творческую личность* [Труд-7, 2010]. Но можно лишиться этой ценности в силу субъективных причин или насильственным образом, ср.: *Ей удается сохранять достоинство там, где всякий потерял бы не только достоинство, но и врожденное чувство меры, даже, если хотите, такта* [Столица, 1997]; *Мартынов должен был поступиться достоинством родных сестер* [РБК Daily, Лебедь, 2003]. Достоинство могут отнять, отобрать: *Граница может даровать свободу, может отобрать последнее – имущество, достоинство и саму жизнь* [Искусство кино, 2003].

Наивное сознание наделяет достоинство параметрическими признаками. Существует определенный уровень достоинства, который признается нормой; приветствуется также достоинство выше нормы: *Он отличается высоким достоинством и профессиональным мастерством* [Дагестанская правда, 2005]; *Если ты девушка с повышенным чувством собственного достоинства и ценишь свою неповторимость, тебе абсолютно не захочется стать членом «фэн-клуба» какого-нибудь нагловатого красавца* [Амурский меридиан 2006].

Отрицательно оценивается более низкий, чем норма, уровень достоинства. Об этом говорит устойчивое словосочетание *ниже своего* (или *собственного*) *достоинства*: *Остальные считают это ниже своего достоинства – преклоняться перед кем бы то ни было* [Известия 2012].

Качественные характеристики достоинства в русской языковой картине мира аналогичны признакам, которые русское наивное сознание приписывает чувствам вообще. Ученые отмечали, что чувства в русском языке предстают как жидкость (Арутюнова 1976; Шмелева 1983). Это представление идет еще из библейской мифологии и относится, как писал В. В. Виноградов, «к области общелитературной семантики дворянского быта

конца XVIII и начала XIX века, отзвуки которой очень сильны и в современной литературной речи» (Виноградов 1935: 257). Сочетаемость с так называемыми «жидкостными» и «волновыми» предикатами наблюдается и у слова *достоинство*: *Ему было ужасно стыдно тех, кто прошествовал мимо в незапятнанных одеждах, полный достоинства* [Трамвай, 1990]; *Шеф McLaren просто излучает достоинство и уверенность в своих силах: движения, голос, слегка высокомерная манера держаться* [Формула, 2001].

Особенностью русской картины мира является идея активности всего, что связано с психическим миром человека (Вежбицкая 1996), поэтому имена чувств, а также и существительное *достоинство* сочетаются со словами, предицируемыми к именам лиц. Связано это, по словам Н. Д. Арутюновой, с потребностью человека «в разработке точных и тонких способов сообщений о мире души» (Арутюнова 1976: 110–111). Поэтому достоинство характеризуется как живое существо, которое может расти: *Ограничение верховной власти способствует цене личности — вслед за дворянской честью растет и достоинство простолюдина* [Известия, 2002] – и которое можно и следует воспитывать: *И священнослужители вместе со своей паствой всегда делили бремя невзгод и лишений* [...], *воспитывали в людях патриотизм и достоинство, любовь и уважение к родине и к ближнему своему* [Журнал Московской патриархии, 2004].

Будучи живым, достоинство может быть ранено или убито: *Отец-тиран не скупится на сердитые замечания и не устает ранить человеческое достоинство своей дочери* [Семейный доктор, 2002]; *Но делают это в крайних случаях, чтобы не воспитать в них жестокосердие и не убить чувство собственного достоинства* [Известия 2011].

Достоинство можно ущемить, уязвить, унизить, оскорбить, опорочить: *Но Гафту удается играть и то, что осталось за пределами инсценировки. И «любовь со злобы», и мелочную угодливость, и уязвленное достоинство, и бессмыслицу бунта* [Известия, 2002]; *А как быть с пропагандой унижения человеческого достоинства?* [Известия, 2002]; *Певец об этом ничего не знал, поэтому счел информацию ложной, оскорбляющей его честь и достоинство* [Коммерсантъ-Daily, 1996]; *Герой и авторы фильма находят столь же гипотетический выход, который устраивает, кажется, всех и не оскорбляет ничьего достоинства* [Коммер-

сантъ-Daily, 1996]. Ср. также: *Но эта меркантильность приобретает еще и форму глумления над человеческим достоинством* [Столица, 1997].

Таким образом, достоинство может оказаться под угрозой: *Я искренне верю, что борьба с этим явлением отвечает не только интересам Евросоюза, но и интересам России, но в первую очередь — интересам тех, чье человеческое достоинство оказывается под угрозой* [Известия, 2001]. И, следовательно, оно требует защиты: *Люди за последние месяцы медленно, но все настойчивее начинают требовать защиты своего достоинства* [Жизнь национальностей, 2001]; *Человек защищает свое достоинство всеми законными методами* [Новый регион 2, 2011]. А в случае нанесенного повреждения достоинство требует восстановления: *Признав, что я для себя ничего не могу сделать и что только этот человек, которого я унизил, оскорбил, обобрал, может меня восстановить в моем человеческом достоинстве* [Антоний, митрополит Сурожский. Радость покаяния]; *Отрадно то, что ныне оно возвело в ранг правового института восстановление чести, достоинства, доброго имени своих граждан* [Воронежские вести, 2003].

Достоинство является самостоятельной ценностью: если вы оцениваете по достоинству кого-либо, то вы хорошо понимаете значимость этой личности. Более того, в наивном сознании человека достоинство имеет свою цену. Существительное *достоинство* в связи с этим сочетается с оценочными прилагательными: *Поймем, как высоко, как величественно наше достоинство* [Антоний, митрополит Сурожский. Крещение Господне]. *Великое и редкое достоинство было у него* [Наш современник, 2004].

Следует признать, что в современном российском обществе достоинство граждан стало одной из базовых ценностей, люди не только осознают свое достоинство, но и имеют возможность защитить его публично.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.,1976.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 2005.

Шмелева Т. В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева // Филологические науки, 1983. № 3. С. 42–48.
Черняк В. Д. Семантические переходы в лексической системе и синонимия // Типология языка и теория грамматики. СПб., 2007.
Черняк В. Д. Синонимия в русском языке. М., 2010.

Л. Г. Самотик (*Красноярск*)

Национальное самосознание и образ «чужого» в художественной литературе

Художественная литература – форма национального самосознания. Понятие самосознания очень важно для литературы. Художественное творчество субъективно: авторское восприятие действительности, авторская картина мира определяют особенности, а часто и ценность результатов творчества.

Теория самосознания имеет психологический, философский и социальный аспекты. В социальных науках индивидуальному самосознанию противопоставлено групповое самосознание, при этом используются термины: *национальное самосознание* и *этническое самосознание*. В последние годы стало актуальным понятие *региональное самосознание*, связанное с выделением субэтносов.

Национальное самосознание имеет несколько значений. Самое общее – это совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации, позволяющих причислять каждого индивида к данной социальной целостности. На примере художественного текста национальное самосознание рассмотрела О. В. Лазарева (Лазарева 2006). Анализ национального самосознания перекликается с когнитивной лингвистикой. Лингвисты, наряду с другими специалистами, изучают особенности национальной русской ментальности. При этом опираются на разные уровни языка (синтаксис, морфологию, словообразование, фразеологию, паремии), но чаще всего эти работы связаны с лексикой.

Особое значение приобретает понятие концепта. *Концепт* (от лат. conceptus – ‘собрание, восприятие, зачатие’) – «результат познавательной деятельности человека, осмысляющего поступающую к нему информацию, ведущей к структуризации знаний и возникновению специфических единиц на менталь-

ном уровне, выраженных в слове». Кроме термина *концепт,* используется понятие *концептосферы как* совокупность концептов нации, «ряд взаимообусловленных концептов» (Лихачев 1993: 282). «Особую роль в культурном творчестве играет «концептосфера» национального языка, концентрирующая культурные смыслы на всех уровнях ценностно-смыслового единства культуры – от нации в целом до отдельной личности. Именно благодаря концептосфере каждой национальной культуры она существует как определенная целостность; чем больше у культуры внутренних и внешних связей с другими культурами и отдельными ее отраслями между собой, тем богаче она становится, тем выше поднимается в своем историческом развитии» (Кондаков 2008: 46). Опыт исследований последних лет показывает, что концептосфера варьируется по разным стратам национального языка (диалектам, жаргонам и т. п.). Концептосфера литературного языка представляет ментальность образованной части населения страны.

Языковой базой художественного текста является литературный язык (независимо от того, рассматривается ли художественный стиль литературного языка или самостоятельная страта национального языка – язык художественной литературы). Одна из ведущих антиномий любого социума – «свой – чужой», которая отражается в языке. Каждый народ имеет свое представление об окружающих народах, выражающееся, как любое этническое самосознание, в обрядах и традициях, в особенностях поведения (прежде всего связанного с этикетом), в материальных и духовных символах и, конечно, в особенностях языка. В русском языке – это *экзотизмы*, «с помощью которых писатели и журналисты дают описание нравов, культуры и обычаев чужих стран, чужой жизни» (Черняк 2002: 55), они закрепляют в национальном сознании образ «чужого».

Экзотизмы фиксируются в толковых словарях. Нами была сделана сплошная выборка экзотизмов из МАС (Словарь русского языка 1984). В результате опубликован «Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие» (Самотик 2005). К пассивному словарю русского языка экзотическую лексику относят Л. А. Булаховский, В. В. Ванина, А. Н. Гвоздев, К. Н. Еремина, Л. П. Ефремов, Г. Л. Зеленин, А. Е. Супрун и др. В раз-

дел экзотизмов вошло около одной тысячи слов (977), общий объем МАС – около 90.000 слов, таким образом, экзотизмы составляют более 1% от словарного состава литературного языка (нами не включались в состав этой группы слова, обозначающие единицы флоры и фауны, а также этнонимы). К экзотизмам отнесены слова, имеющие в МАС локальную компоненту в значении слова, обозначающую принадлежность явления нерусской культуре.

Тематическая классификация экзотизмов показывает основные фрагменты действительности, названия которых традиционно не переводимы на русский язык. Таких основных групп можно выделить более 20, это небольшой процент от общего тематического разнообразия русского языка (6,6%). Для сравнения: в русском литературном языке, согласно «Тематическому словарю русского языка» (Саяхова, Хасанова. Морковкин 2000), включающему в себя около 25.000 слов, в целом до четвертого уровня деления 302 темы.

Итак, темы экзотизмов: обращения, названия верховных правителей, монархов, наследников, названия высоких чиновников, названия одежды и обуви, названия денежных единиц, музыкальных инструментов, танцев, песен, певцов, единиц измерения, видов транспорта, воинов, населенных пунктов, жилищ и усадеб, кушаний и напитков, ветров, земледельцев, лошадей, праздников, учебных заведений, высших органов власти.

Языки мира трудно назвать в цифрах, обычно в справочниках говорится «от 2500 до 5000» (Иванов 2000: 609–613) языков, на которых говорит свыше 50 млн человек. Стран мира, государств значительно меньше – около 200. В русских экзотизмах они обозначены далеко не все. Это наглядно показывает разницу между научной и наивной картинами мира (научным и обыденным языковым сознанием). Сплошная выборка экзотизмов МАС дает представление о том, что такое «мир глазами русского»: через экзотизмы мы выделяем 13 стран, 21 народ. Хорошо представлена в русском языке античность (очевидно, сказалось классическое гимназическое образование) – 144 слова обозначают различные понятия того времени (*авгур, акрополь, амброзия*). Неплохо мы знаем Англию (56 слов: *бридж, виги, сквайр*), Францию (44 слова; *гавот, дофин, директо-*

рия), Германию (29 слов: *бундестаг, бюргер, крейцер*), США (32 слова: *ковбой, конгрессмен, ленч*), Испанию (23 слова: *гранд, дублон, коррида*), Италию (24 слова: *лаццарони, палаццо, таверна*) – отдельно Венецию (*баркарола, гондола, дож).* Индия, Турция, Египет, Польша, Украина, а также Иран, Шотландия, Ирландия, Венгрия и еще 7 стран представлены малочисленными или единичными словами. Таково традиционное представление русских об окружающем мире. Правда, в современном языке активен процесс деэкзотизации некоторых заимствований: они начинают обозначать явления русской действительности (Черняк 2002: 51–52).

Россия столетия была многонациональным государством. Некоторые народы, входившие в ее состав, мы различаем в совокупности. Так, в нерасчлененном виде в словаре представлены народы Севера *(балок, кухлянка, малица, нарты, хорей, парка*), в целом воспринимаем народы Средней Азии *(арык, айран, аул, арба, кетмень, мираб, паранджа*), плохо различаем мы и народы Кавказа – отсюда и «люди кавказской национальности», которой нет и никогда не было. Широко известная толерантность русских проявляется в относительной «вялости» выделения (противопоставления) народов внутри собственного многонационального государства, они номинируются по региональному (географическому) принципу, как и говоры русского языка.

Национально-нерусская языковая среда в пределах России значима в художественной литературе. Такую среду можно назвать *национальной* в соответствии с некоторыми сочетаниями, используемыми в нашем обществе: *национальная школа, национальная политика, национальные районы* и т. д. Термин *национальная литература* еще недавно широко использовался (Литература народов Сибири 1956: 2). Однако в «Литературной энциклопедии» 1929–1939 гг. И. Нусинов писал, что «в устах идеологов собственнических классов (помещиков, буржуазии, мелкой буржуазии) нации *национальная литература* обозначала литературу второго сорта» (Нусинов 1934).

Образ национальной речевой среды в художественных текстах на русском языке может быть представлен как в переводных произведениях (в авторизованных «самопереводах» и неавторизованных переводах), так и в произведениях,

изначально написанных на русском языке. «Многоязычная советская художественная литература, в лучших своих достижениях известная через русские переводы, становится общим достоянием советского народа. <…> Многие видные писатели создают свои произведения на русском языке: Ч. Айтматов, М. Ибрагимов, Ч. Гусейнов, О. Сулейменов, Ю. Рытхэу и др. От этого национальная специфика их творчества, определенная глубоким проникновением в национальные характеры героев, не исчезает» (Скворцов 1980: 231). Такая литература называется русскоязычной, говорят о «художественном билингвизме» (Михайловская 1984). Писатели-билингвы Севера и Дальнего Востока – Ю. Рытхэу, В. Санги, Г. Ходжар, Ю. Шесталов и др.

Образ национальной речевой среды создается и в произведениях русских авторов, знакомящих читателя с нерусским населением страны. Обычно такие авторы владеют в той или иной мере языком народа, о котором пишут. В качестве примера Н. Г. Михайловская приводит «известный роман Т. З. Семушкина «Алитет уходит в горы», который «впервые открыл читателю мир далекой Чукотки» (Михайловская 1984: 12). Нами путем сплошной выборки отслежены экзотизмы в произведениях М. И. Ошарова («Последний аргиш»), Ж. И. Трошева («Большой Ошар»), А. И. Чмыхало («Дикая кровь», «Опальная земля»), посвященных Приенисейской Сибири.

В художественных текстах народы России показаны всесторонне и полно. Тематическая классификация внелитературной лексики в тексте М. Ошарова представлена 11 группами, в тексте Ж. Трошева – 12 группами. Тематический словарь эвенкийского языка В. И. Кочневой включает 25 ведущих тем (Кочнева 1990), в эвенкийско-русском словаре К. С. Абрамовой (Абрамова 2007) – 22 темы. Имя тематической группы в произведении представляет микроконцепт (слово), который связан с мотивом произведения. В тематической группировке экзотизмов художественного текста видно своеобразие эвенкийского восприятия мира. В романе М. Ошарова в тематических группах зафиксировано 134 слова и 524 употребления (без некоторых групп, не имеющих сплошной выборки). В романе Ж. Трошева используется 129 лексических единиц. Самыми разнообразными и частотными в романах М. Ошарова и Ж. Трошева являются темы: «Жилище» (за счет частотности

слова *чум* – 179, также *шэвэнчэдэк* – ‘шаманский культовый чум’; *голомо* – ‘зимний чум’), «Охота» (104: *куринга* – ‘ободранная тушка белки как эталон чего-либо отвратительного’; *пальма* – ‘охотничий нож’), «Вера» (69: *томулян (тумэлэн)* – ‘сидение шамана, символизирующее плот как основу мироздания’; *хомоконы* – ‘вырезанные из дерева фигурки божков’); затем «Обычаи» (57: *чуки* – ‘ритуальное захоронение медвежьего черепа в пучке прутьев, насаженного на надрубленное дерево или подвешенного на дерево; *даннилян* – ‘перекрестный брак между представителями двух родов’), «Одежда, обувь» (56: *сунмэ* – ‘верхняя одежда типа пальто’; *хольмэ* – ‘раскрашенный женский нагрудник, надеваемый по праздникам’), «Природа» (55: *кулин* – ‘змея’; *улгуки* – ‘бурундук’) и «Олени» (49: *учаг* – ‘верховой олень’, *боюн* – ‘молодой отросток рога оленя’).

В «национальной» русской литературе используется большое количество маркированной лексики. Плотность экзотизмов в тексте М. Ошарова – более пяти единиц на страницу. Меньшее их количество, но ту же тенденцию мы видим в дилогии А. Чмыхало. «Несомненно, что всесторонний охват жизни народа в ее национально-специфических проявлениях во многом определяет общее количественное употребление лексики национальных языков» (Михайловская 1984: 158). Основная цель автора – передать своеобразие языковой картины мира народа, специфику его менталитета. В литературе ранее это отмечалось как этнографичность (Н. Г. Михайловская). Другой подход в художественных текстах к изображению иностранной речевой среды, особо выделяются способы маркировки текста при создании образа родственной, славянской речевой среды.

Итак, считаем, что концептосфера художественной литературы компенсирует специфику концептосферы литературного языка в изображении «чужого». И так формируется национальное самосознание.

Абрамова К. С. Эвенкийско-русский тематический словарь. Благовещенск, 2007.

Иванов В. В. Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 609–613.

Кондаков И. В. Концептосфера // Культурология: XX век. Энциклопедия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ligis.ru/psylib/090417/books/levit01/ txt066.htm.

Кочнева З. И. Эвенкийско-русский тематический словарь. Красноярск, 1990.

Лазарева О. В. Проблема русского национального самосознания в прозе И. А. Бунина 1910–1920-х гг.: формы художественного выражения, эволюция: дис. … канд. филол. наук. М., 2006.

Литература народов Сибири / Под ред. Н. Н. Яновского. Новосибирск, 1956.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 1. С. 280–287.

Михайловская Н. Г. Стиль литературы Севера и Дальнего Востока. М., 1984.

Нусинов И. Национальная литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 7. М., 1934 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-6273.htm.

Самотик Л. Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. Красноярск, 2005.

Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / под ред. проф. В. В. Морковкина. М., 2000.

Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. М., 1984.

Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

Черняк В. Д. Иноязычные слова в современной русской речи // Русский язык и культура речи / Под ред. В. Д. Черняк. М.; СПб., 2002. С. 156–165.

Л. Г. Гынгазова *(Томск)*

Языковая личность диалектоносителя: способы метафорического моделирования внутренней сферы человека

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики определила обращение исследователей к феномену языковой личности, что обусловило формирование новой области научного знания – лингвистической персонологии. Актуальность разработки лингвоперсонологической проблематики объясняется не только глобальной схемой научной парадигмы, но и продуктивностью осуществляемого в ее рамках научного поиска: изучение языка сквозь призму языковой личности дает принципиально новую картину его функционирования в социуме, выявляет отраженную в нем культуру народа, его мировидение и миропонимание.

В современных исследованиях языковой личности, которая понимается и как совокупный типовой представитель определенной языковой общности, и как конкретный индивид, наделенный реальными психологическими, социальны-

ми, языковыми чертами, доминирующую позицию занимает абстрактный подход к объекту описания. Живая речь конкретной языковой личности значительно реже оказывается в центре внимания лингвистов, однако именно она репрезентирует исходную языковую реальность, на базе которой создается исследовательский конструкт обобщенной языковой личности, который, как и всякий конструкт, с необходимостью вторичен.

При описании конкретного носителя языка принципиально важным представляется обращение к обыденному сознанию. Личностно-ориентированная коммуникация повседневности как нельзя лучше отражает истинный характер культуры языкового сообщества и степень ее освоенности рядовой языковой личностью. Хотя соответствующий тип дискурса не так часто становится предметом рассмотрения ученых, существует опыт описания диалектных языковых личностей, представленный в трудах: Тимофеев 1971; Лютикова 1999; Нефедова 2001; Иванцова 2002 и др. Речевые портреты языковых личностей носителей городского просторечия получили отражение в таких работах, как Козлова, Сандомирская 1996; Черняк 1994; 1997; 2003; Соломина 2010; 2013. При этом можно констатировать, что данное направление лингвоперсонологии, безусловно, нуждается в развитии. Как отмечает В. Д. Черняк в одной из работ, «изучение конкретных речевых портретов – это способ проникновения в национальную картину мира, путь к постижению национального характера» (Черняк 2003: 497).

Лингвоперсонологическое исследование феномена диалектной языковой личности получило развитие в Томской диалектологической школе. В рамках масштабного проекта томскими диалектологами осуществляется многоаспектное изучение языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой (1909 – 2004), жительницы с. Вершинино Томской области. Наблюдения над ее речью велись в течение почти четверти века, их итогом явился корпус текстов (около 10.000 печатных страниц), отражающих немоделируемое коммуникативное существование языковой личности. Идиолексикон информанта получил лексикографическое отражение в 4-томном словаре полного типа (Полный словарь диалектной языковой личности 2006–2012). Наличие такого материала позволяет исследовать его с позиций картины мира, которая вбирает в себя типичные

черты традиционной народно-речевой культуры, пропущенные через индивидуальное сознание носителя данного типа культуры.

В настоящей работе рассматриваются способы метафорического моделирования языковой личностью одного из фрагментов мира – внутренней сферы человека, т. е. его чувств, эмоций, психических состояний.

Прежде всего, отметим, что ненаблюдаемый внутренний мир человека, именно в силу своей ненаблюдаемости, тяготеет к образному отражению и моделируется через уподобление миру физических действий, приобретая зримые формы.

Известно, что представление абстрактного, невещественного через вещественное, чувственно воспринимаемое является общим свойством человеческой когниции, однако выбор конкретных форм такого представления отнюдь не универсален. Его результаты способны репрезентировать вариативность восприятия мира, зависимость способа восприятия от факторов культурного, социального, индивидуально-психического характера.

Анализ дискурсивных практик языковой личности показывает, что для означивания чувств, эмоций, внутренних состояний информант чаще всего прибегает к единицам вторичной номинации – метафорам, фразеологизмам, сравнениям, то есть к образным средствам языка: их типизация по сходству ассоциативно-образных оснований позволяет представить наиболее характерные модели переноса.

Так, типичным способом интерпретации эмоциональных состояний беспокойства, внутреннего раздражения, тревоги, волнения, гнева и т. п. выступает предикативная метафора **с семантикой движения, перемещения в пространстве**, которое, сохраняя аналогию внешнему, физическому, мыслится как внутреннее, виртуальное: *разойтись* (прийти в сильное возбуждение); *подскакивать* (беспокоиться, тревожиться); *в панику падать* (отчаиваться); *подняться* (улучшиться (о настроении); *выходить из себя* (о состоянии крайнего раздражения); *отойти* (успокоиться после приступа гнева, волнения, раздражения).

*А я подскакиваю, думаю, как он оттэдова приедет, оп**е**ть горе на меня. Иван Лексеич умер, девять ден… В панику п**а**ла[жена], тоже п**е**рва;*

*А тут, гыт, как**о**-то настроение поднялось у меня; А он, я пришла, он прям из себя уходит. Такой горячий был [муж], код**а** заруг**а**тся, да потом оп**е**ть – как-то сразу итойдет.*

Чувства и состояния могут выражаться через **уподобление внутренних эмоциональных ощущений физическим, болевым:** *ижно кожу содир**а**т* (о чувстве скрытого возмущения, протеста); *все руки изгрызть* (о чувстве глубокого сожаления); *как на иголках* (о состоянии беспокойства); *как по заднице серпом* (о том, что неприятно удивило); *как кошки скребут* (о состоянии тревоги, беспокойства):

*«Нет, уж я перед ем не буду! – Издергалась вся, задергалась, как задергаться! – Буду я перед ем [мужем], гыт, унижаться!» Ну, мне прям ижно кожу содират: осподи! Ну была бы хоть здорова бы!; А я-то все руки изгрызла. Деньги были, красивый ковер и только двести восемьдесят [и не купила]; А она как на иголках. Она же торопится без ума; Она к**а**жный день ходила ко мне! А тут ее как серьп**о**м по заднице резнуло [когда напомнила о долгах]; [Родственница попала в неприятную ситуацию]. А у меня как кошки скребут. Я отправилась к им.*

Описываемая модель реализуется и в предикативной метафоре, в образном основании которой также лежит **семантика физического воздействия на объект**. Например: *задевать* (обижать, оскорблять); *наподдать* (добавить горя) и под.:

*Ну, заденешь [Раю] – тоже не дай Бог. Хто заденет – так отъ**е**сся; Мишенька наподдал мне. Одиннадцать лет пролежал, ~Ну, позвоночник как переломило это половину – ниче не чувствовал.*

Моделирование черт психической жизни может осуществляться через **персонификацию «предметов» психической жизни** (Н. Д. Арутюнова), которые выступают в виде самодовлеющих независимых величин, имеющих власть над человеком. Приписываемые эмоциям виды действий характеризуются однотипностью: в сочетании с именами чувств они формируют образ врага, мучителя: *совесть-то помучила; совесть пробивает; совесть мотает; горе убило; обида берет; лень нападает; лень одолела; забота на меня п**а**ла; грех мает; горе бьет; зло берет; завидки берут.*

*Я говорю: «Я пойду картошки тяпать». ~И она уж, ее совесть-то помучила, она тоже пошла; [Пьяница попросила денег] «Хлеба н**е** на что купить». Ну я прямо…Совесть кака-то пробив**а**т, я дала ей пятерку [взаймы]; Я говорю: «Че, налить тебе сто грамм?» - Как-то мне кажется, совесть меня мот**а**т; Вот пошшелк**а**ла [орехи]! Наверно зубы и итвалились ит того. Здорово пошшелк**а**ла. Шшас даже обида*

берет; Ой, меня прям зло берет! Не столько работы, сколько у их это, выпивки.

Еще одним видом означивания психологических состояний является **опора на внешние физиологические проявления,** сопутствующие проживаемой эмоции, что придает образу высокую степень изобразительности. Например, через неконтролируемую реакцию тела – расширение глаз, сокращение мышц, вызывающее движение волос, учащенное дыхание, слезы, дрожь – передается удивление (*глаза на лоб, выпучить глаза, вол**о**сья шиш**о**м*), сильное желание (*норка свистит*), чувство страха, тревоги (*трясьм**я** трястись, мороз по коже*), горе (*глаза на слезах, глаз не осушать*).

Самым продуктивным способом представления внутреннего мира человека является **приписывание определенным органам символической функции носителя чувств**. Такими органами в русской культуре выступают *душа, сердце* и их метонимическое замещение – *грудь*. Осмысляясь как локусы чувств, они получают в идиолекте многоаспектную детализацию и участвуют в передаче широкого спектра чувств и состояний. Например, чувство радости, удовольствия, умиления: *душа улетывает, за милую душу, за первую душу, в груди тает;* чувство томительного ожидания: *всю душу вытянуть, душа вылезет, как за душу берет;* чувство душевной боли, страдания, горя: *сердце разорвется, как по сердцу ножом, сердце кровью обольется, сердце от горя закаменело;* чувство беспокойства, тревоги: *сердце стукнуло;* чувство неприятия: *не к душе;* чувство приятия: *душа в душу, по душам, к душе;* чувство любви: *отдать сердце* и т. д.

*Дак, я говорю, про к**ы**сок – ой, с Леней разговорились они! Ой, даже смеется, так прямо рада, душа у ей улетыват! «Ой, я люблю так, попали в хор**о**ши люди к**ы**сочки ее; А пирог с рыбой испекла, с горбушей. «Ма-ама, дай! Ма-ама, дай! – Ну как от за душу тянет; Чай пока гр**е**тся, дак душа вылезет; Ой! Да это кровью сердце обольется. Шибко много пережила; А он это: «Нет, не пойду я. Не пойду в **а**рьмию». Ой, как по сердцу ножом! Это оп**е**ть поперек пойдет!; «Тетя Вера, я к тебе же по делу пришла». У меня прям сердце стукнуло; А мне так не к душе[рождение внебрачного ребенка]. Еленке дак ниче не покупаю, ниче ей и ниче.*

Описанные модели являются наиболее типичными и характеризуются высокой реализацией в дискурсивных практиках языковой личности. Однако они не исчерпывают всего мно-

гообразия способов означивания внутренней сферы человека. Ее метафорическое отражение может также осуществляться с опорой на реалии живой и неживой природы. Например, через аспектацию характерных признаков птиц или животных и их последующее проецирование на человека передается чувство радости, восторга:

*А после-то Степана ш**и**бко они любили. Он поедет молоть – своей матери дас, это, хлеба, муки, мешок, да нашим, дак они ой, петухом пели! Залюбили [зятя].*

В создании образов участвуют и имена природных объектов, которые в данной функции, так же как и названия органов – локусов чувств, наделяются символическим значением и выступают в роли знаков «языка культуры». Например, чувство непереносимого стыда передается через фразеологические сочетания *земля проваливается, провалиться бы скрозь земли:*

*А потом по радио передают: «Вера Прокофьевна, Константин Лексеич – на суд» [вызывают], раз передали, да другой раз – **о**споди, иду – земля пров**а**ливатся передо мной!; Она… подол заворотила, че-то расск**а**зыват, руками [машет] – ну я провалилась бы скрозь земли [неудобно перед гостем].*

Земля в данном случае символизирует границу жизненного пространства, его предел между «тем светом» и «этим светом», переход через который означает исчезновение из поля зрения.

Итак, анализ способов моделирования информантом черт психической жизни позволяет сделать некоторые обобщения и выделить типологические свойства языковой личности, характеризующие ее как носителя традиционной народно-речевой культуры.

Отметим, прежде всего, образное начало в отражении внутренней сферы человека. Оно выражается в высоком содержании единиц вторичной номинации, которое характерно для интерпретации информантом и других фрагментов мира. Наблюдения показывают, что доля образных единиц у Веры Прокофьевны заметно превышает число подобных проявлений в речи усредненного носителя городской речевой культуры. Образные номинации выступают как способ непрямого, аналогового отражения мира в сознании субъекта. Их спонтанный выбор и высокое содержание в речи языковой личности позволяет говорить **об особом типе мышления – мышления**

образами, при котором логичность, расчлененность и упорядоченность мыслительного процесса уступает место его синтетичности и целостности (Касевич 2004: 94–104).

Преобладание образного мышления над логическим – свойство когниции, восходящее к архаическому периоду существования языка, в который в яркой форме проявляется единство языка и мифа. Черты **мифологического восприятия мира** получают отражение в дискурсивных практиках языковой личности. Они проявляются в персонификации имен чувств, демонстрируя отождествление субъекта и объекта, и в архетипических представлениях о сакральных границах жизненного пространства.

Внутренний мир человека в его метафорическом осмыслении уподобляется языковой личностью внешнему, физическому, имеющему зримые очертания. Абстрактное приобретает **конкретность и зримость**. Источниками метафоризации становятся физические реалии мира, понятные и знакомые языковой личности. Это различные виды действий, из которых наиболее востребованными являются движение, перемещение в пространстве, а также разного рода воздействия на объект, чаще агрессивного. Как результат актуализируются физические ощущения в теле, выступающие заместителями внутренних состояний.

Создаваемые при этом образы базируются на самых простых ассоциациях, не требующих вдумывания в образ, в силу этого они отличаются **наглядностью и изобразительностью**.

Вместе с тем, сближаемые в момент порождения образа элементы мира помимо сходства являются в значительной мере различными. При столкновении исходного и результативного значения за счет этого возникает определенное психологическое напряжение, которое создает особый **экспрессивный** подтекст и повышает **эмоциональную** окраску речи языковой личности.

Нельзя не отметить высокую степень **телесности** в отражении внутренней сферы человека: объективируя те или иные чувства, эмоции, ощущения, языковая личность обращается к своему телесному опыту, выстраивая образы с опорой на соматические номинации: руки, глаза, лоб, кожа, волосы и др.

Что касается моделей образного представления чувств, то можно говорить об универсальности используемых языковой личностью ассоциативных ходов. Это и не удивительно: в них заключены архетипы коллективных представлений этноса, выполняющие роль знаков национальной идентичности. Это еще раз подтверждает роль традиционной народно-речевой культуры как первоосновы русской национальной культуры и ментальности.

Интересно отметить высокую устойчивость типичных свойств речи исследуемой языковой личности. В. Д. Черняк, создавая речевой портрет городского просторечия-I И. Н. Целиковой, отмечает у нее в числе генетически унаследованных из диалекта такие черты, как языковая образность, экспрессивность, мифологизация обыденных явлений (Черняк 2003: 5–7).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть перспективность изучения языковых личностей разных типов для решения широкого круга лингвистических задач, учитывая неавтономность языковой системы и ее встроенность в другие – когнитивную, социальную, культурную.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.

Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004.

Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1998.

Лютикова В. Д. Языковая личности и идиолект. Тюмень, 1999.

Нефедова Н. А. Экспрессивный потенциал языковой (диалектной) личности // Вопросы русского языкознания. М., 1997. Вып. 7. С. 220–229.

Полный словарь диалектной языковой личности // Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006–2012. Т. 1–4.

Соломина Е. В. Языковая личность носителя городского просторечия: к обоснованию объекта исследования // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики. Вып. 11. Томск, 2010. Т. 1. Лингвистика. С. 224–228.

Соломина Е. В. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия // Вестник Томского государственного университета, 2013. № 374. С. 37–41.

Черняк В. Д. Наброски к лексическому портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2. С. 115–130.

Черняк В. Д. Лексические особенности речевого портрета носителя просторечия // Russistik = Русистика. 1997. № 1–2. С. 73–86.

Черняк В. Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 497–513.

Е. В. Сергеева *(Санкт-Петербург)*

Художественная концептология как раздел лингвистики и методологический подход к анализу художественного текста

Среди проблем, актуальных для современной лингвистической науки, можно выделить вопросы лексикографической интерпретации единиц языка (Черняк 2013б; Козырев, Черняк 2015), особенностей употребления языка в современной прозе (Черняк 2013в, Черняк 2014а), а также культурноречевые аспекты реализации языковой системы (Козырев, Черняк 2012). Однако современная лингвистическая проблематика по-прежнему неразрывно связана с различными аспектами когнитивной науки (Черняк 2014б, Черняк 2013а).

Термин *концепт*, безотносительно к тому, имеется в виду предмет лингвоконцептологии, лингвокультурологии или стилистики художественной речи, стал за последние два десятилетия неким «общим местом» в исследованиях лингвистов. Более того, раздаются высказывания о поистине «лавинообразном» росте количества публикаций, посвященных исследованию концептов» (Воробьева 2013), в том числе «халтурно-эпигонских» (Воркачев 2014). Иногда сложившаяся ситуация вызывает закономерно критические отзывы, вплоть до обвинения в неком «лингвистическом шаманизме» (Кравченко 2011).

Однако феномен, воспринимаемый как многомерное и многопризнаковое ментальное образование, имеющее имя и отмеченное культурной спецификой, представляющий собой конституирующую единицу этнического (или индивидуального!) менталитета и могущий быть организующим началом дискурса (ср.: (Воркачев 2010), стал реальностью лингвистической науки начала XXI в.

«Лингвистическая модность» (Воркачев 2014) термина *концепт* не может служить основанием для утверждений о его несерьезности или ненаучности, а мотивированность / немотивированность употребления этого термина связана как с предметом исследования, так и с методом анализа. Особенно

значимы методы лингвоконцептуального анализа, как представляется, при изучении художественного текста. Действительно, в начале XXI в. для стилистики художественной речи одним из важных направлений стало рассмотрение вербализации художественного концепта как составляющей языковой картины мира автора и исходной точки смыслового развертывания текста.

Раздел стилистики художественной речи, связанный с исследованием особенностей экспликации концепта как составляющей художественной картины мира писателя, может быть назван *художественной концептологией*. Если лингвоконцептология – раздел лингвистики, основной предмет исследования которого – языковое воплощение концепта-универсалии (концепта в языковой картине мира, национального концепта), а основной метод исследования – концептуальный анализ языка и текста, то художественная концептология – раздел лингвистики, основной предмет исследования которого – языковое воплощение художественного концепта, а основной метод – концептуальный анализ художественного текста.

Показательно утверждение, что «включение художественной концептологии в лингвистическую теорию художественного текста открывает новые горизонты для выявления роли концептов в модели художественного текста» (Фоменко 2015). Словосочетание «художественная концептология» употребляется в лингвистических работах не часто, однако не является окказиональным (например, оно упоминается в коллективной монографии «Лингвоконцептология: перспективные направления» (Воробьева 2013).

Художественная концептология может стать тем разделом лингвоконцептологии, который позволит достаточно полно и многоаспектно исследовать одно из значимых направлений современного анализа художественного текста, поскольку при том, что рассмотрение отдельных лексем, образных средств, грамматических категорий и синтаксических конструкций в поэтическом или прозаическом тексте остается актуальным и в современной науке, почти вековое развитие стилистики художественной речи позволяет говорить о том, что при анализе текста с лингвоэстетической точки зрения оптимальным образом представляют его спец-

ифику и нуждаются в рассмотрении несколько взаимосвязанных параметров: «1. Эстетическая трансформация семантики языковых единиц; 2. Экспрессивность, связанная с актуализацией особенно значимых для автора смыслов; 3. Воплощение образа автора как важнейшей категории произведения; 4. Экспликация художественного концепта как составляющей языковой картины мира автора и исходной точки смыслового развертывания текста, задающей его формальное и образное развитие» (Сергеева 2014: 112).

Лингвоконцептуальный анализ художественного текста не просто тип анализа текста, при котором в качестве точки отсчета рассматриваются *концепты*, а целью становится выявление способов их выделения в тексте; это тип анализа текста, при котором в центре внимания исследователя оказываются *специфические художественные концепты*, а целью становится выявление особенностей их экспликации в тексте как проявление специфики художественной картины мира автора художественного текста.

При этом нельзя, с нашей точки зрения, противопоставлять два подхода к художественному концепту, о которых пишет И. А. Тарасова (Тарасова 2010): рассмотрение его как индивидуально-авторского психического образования, т. е. единицы сознания писателя, или как частной реализации концепта языковой картины мира. Собственно индивидуально-авторский концепт – феномен редкий. В качестве примера абсолютного несовпадения художественного концепта с системой концептов-универсалий можно привести лишь художественный концепт «Прозрачность» в поэзии В. Иванова (Сергеева 2006б). Частично индивидуально-авторским можно считать также синкретический концепт «Огонь-свет» в творчестве В. Иванова (Сергеева 2007). Несомненно, художественный концепт – лингвоментальный конструкт, который воплощает художественную картину мира автора, включающую в себя как общенациональные, так и присущие только этой творческой языковой личности содержательные элементы и вербальные составляющие.

Именно на современном этапе развития лингвоконцептологии, когда термин *концепт* получил достаточно полное описание, можно говорить не только о серьезном потенци-

але этого термина, но и об особой значимости исследования концепта, существующего не в рамках реальной динамичной, многоаспектной, неоднозначной национальной языковой картины мира, а в пределах единой, цельной, самодостаточной художественной картины мира отдельной творческой языковой личности.

В связи с этим необходимо максимально полно описать различие национального концепта (концепта-универсалии) и художественного концепта. В целом, концепт – вербально выраженная содержательная единица сознания. Национальный концепт – вербально выраженная содержательная единица национального сознания. Среди основных признаков этого вида концепта традиционно выделяется ментальность, полевая организация, многокомпонентность, динамичность, сочетание инвариантности и вариативности.

Различие концепта-универсалии и художественного концепта касается достаточно значимых параметров этого лингвоментального феномена. Художественный концепт – вербально выраженная содержательная единица индивидуального творческого сознания, существующая в пределах определенного текста или совокупности текстов. При соотнесении двух выделенных разновидностей концепта следует указать, что для концепта-универсалии характерна возможность как вербальных, так и невербальных экспликаций содержания, в то время как для художественного концепта – только вербальных; концепт-универсалия ориентирован прежде всего на прагматическую информацию, в отличие от художественного концепта, для которого характерна ориентация на образную информацию; концепт-универсалия сходным образом представлен в языковой картине мира любой языковой личности в противоположность художественному концепту, который воплощает индивидуальную художественную картину мира и воспринимется адресатом как элемент картины мира писателя (Сергеева 2006а).

Можно привести несколько показательных примеров представленных положений. В частности, визуальное представление о текущей или неподвижной, прозрачной или голубой воде может быть содержательным элементом концепта «Вода» в «нехудожественной» картине мира, однако

содержание художественного концепта «Вода» в творчестве И. Бродского формируется только с помощью определенных лексем и словосочетаний, пусть и совпадающих во многом с вербализаторами концепта в языке: *вода, залив, канал, река, волна, океан, шорох дождя, потоки, море, фонтан, буруны, ручей, капельки, десятибалльное ура* и др., причем в поэтическом контексте значительное количество этих лексических единиц приобретает эстетические приращения смысла. Концепты языковой картины мира, рассмотренные Ю. С. Степановым в книге «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 2001] («Слово», «Вера», «Любовь», «Радость», «Знание», «Наука», «Страх», «Тоска» и др.), а также авторами серии книг «Антология концептов» [Антология концептов 2006а, Антология концептов 2006б, Антология концептов 2007, Антология концептов 2008] («Добро и зло», «Надежда», «Труд», «Свет и тьма», «Время», «Семья», «Успех», «Злость», «Женщина», «Критика» и др.) представляют собой лингвоментальные образования, образный слой которых чаще всего не рассматривается автором или минимально интересует его вследствие невысокой значимости этого слоя для содержания концепта в целом.

Перечисленные концепты, несмотря на возможность индивидуальных ассоциаций, в основном воспринимаются и вербализуются одинаково носителями русского языка, в то время как, например, концепт «Время» в поэзии В. Иванова, вербализующийся не только с помощью общеязыковых единиц, но и с помощью общехудожественных и индивидуально-авторских образных средств (*омут времен недвижимых, праг темной жизни, дней хоровод, крест времен*), включает в свое содержание не характерные для концепта-универсалии элементы, в том числе имплицитно представленные метафоры «время – змея» и «время – поработитель». В. Иванов сугубо индивидуально воспринимает время не только как цикл, держащий человека в плену, но и как вечное испытание и источник мук.

Количество подобных примеров могло бы быть многократно увеличено.

Поскольку художественный концепт задан языковой картиной мира определенного автора и существует в рамках опре-

деленного текста или контекста творчества, постольку можно определить его как феномен нединамичный и невариативный, а следовательно, весьма удобный для лингвостилистического анализа. И предметно-понятийный, и оценочный, и ассоциативный, и образный, и символический компоненты художественного концепта определяются только картиной мира создателя художественного текста (естественно, коррелирующей с языковой картиной мира), а следовательно, исследователь может почти полностью и вполне точно описать содержание этого концепта. Показательно в этом отношении, что уже более 10 лет тому назад И. А. Тарасова писала о продуктивности рассмотрения концепта именно как единицы индивидуального сознания (Тарасова 2004).

С нашей точки зрения, только вербальное обозначение художественного концепта особенно значимо в интересующем нас аспекте, поскольку именно эта, в сущности, само собой разумеющаяся особенность концепта в художественном тексте позволяет проводить полный и всесторонний анализ данного феномена. Ментальная сущность, воплощающая авторский замысел, позволяющая читателю приобщиться к картине мира писателя, в словесном произведении, естественно, представлена словами и сочетаниями этих слов (как образными, так и без*о*бразными).

Следовательно, можно говорить о том, что художественная концептология – это не только определенное направление лингвоконцептологии, но и метод анализа художественного текста, подразумевающий специфический подход к тексту с точки зрения порождающих и объединяющих его лингвоментальных феноменов, воплощающихся как в ключевых словах, так и в ассоциативно-семантических полях, ядерные единицы которых принципиально значимы для понимания смысла и восприятия образного строя произведения.

Антология концептов. Том 3. Волгоград, 2006 (Антология концептов 2006а).

Антология концептов. Том 4. Волгоград, 2006 (Антология концептов 2006б).

Антология концептов. Том 5. Волгоград, 2007.

Антология концептов. Том 6. Волгоград, 2008.

Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» – Лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж, 2010. С. 5–27.

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. Вып. № 3. 2014. С. 12–20.

Воробьева О. П. Концептология в Украине: обзор проблематики // Лингвоконцептология: перспективные направления. Луганск, 2013. С. 10–37.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2015.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура. М., 2012.

Кравченко А. В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул, 2011. С. 248–251.

Сергеева Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 5. С. 34–46 (Сергеева 2006а).

Сергеева Е. В. К вопросу о проблематике стилистики художественной речи в начале XXI века // Русская речевая культура и текст. Томск, 2014. С. 52–54.

Сергеева Е. В. Особенности лексической экспликации концепта «Огонь» в поэзии В. Иванова (цикл «Cor ardens») // Текст и языковая личность. Томск, 2007. С. 38–44.

Сергеева Е. В. Художественный концепт «Прозрачность» в поэзии Вячеслава Иванова // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл. Томск, 2006. С. 84–86 (Сергеева 2006б).

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.

Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник СамГУ. Самара, 2004. № 1. С. 163–169.

Тарасова И А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения [электронный ресурс]. Режим доступа: //http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_ West_2010_4(2)/92.pdf .

Фоменко Е. Динамизм индивидуально-авторской концепции [электронный ресурс]. Режим доступа: http://art-rosa.ru/news/newsread/news_id-5340.2015

Черняк В. Д. Качества речи в интерпретационном пространстве современной беллетристики // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи…»: проблемы интерпретационной лингвистики. Новосибирск, 2014 С. 197–203 (Черняк 2014а).

Черняк В. Д. Концептуализация мира в современной лексикографии // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 488–491 (Черняк 2014б).

Черняк В. Д. Лингвистический термин как инструмент когнитивной обработки действительности // Когнитивные исследования языка. 2013. № 13. С. 843–852 (Черняк 2013а).

Черняк В. Д. Стратификация языка в зеркале словарей // Стратификация национального языка в современном российском обществе. СПб., 2013. С. 172–177.

Черняк В. Д. Языковая рефлексия в современной прозе: политический контекст // Политическая коммуникация. Екатеринбург, 2013. С. 362–368 (Черняк 2013в).

Н. В. Козловская *(Санкт-Петербург)*

Единые концептуальные комплексы в языке русской философии

Любовь-почтение-благодарность-восхищение — таким необычным способом можно обозначить отношение автора статьи к адресату этого коллективного научного труда. Ряд существительных, связанных между собой смысловыми отношениями равноположенности и взаимопревращаемости, образует сложный дефисный комплекс, заполняя лексическую лакуну: в языке нет слова, «в одиночку» передающего всю сложную гамму чувств, которую ученик испытывает к Учителю, наставнику, вдохновителю и другу. Дефисные комплексы, обозначающие единое понятие, как будто «склеенное» из разных, прежде только ассоциативно связанных между собой компонентов, и являются объектом анализа в настоящей статье.

В языке русской философской литературы конца XIX — начала XX вв. происходили активные процессы, которые, затронув единицы разных языковых уровней, наиболее ярко проявились в лексике и семантике.

Структурно-семантические особенности русского религиозно-философского текста во многом обусловлены сочетанием трех факторов: религиозная проблематика (множество терминов-религиозных понятий, цитаты из богословской литературы), свобода мысли и свобода изложения (оригинальные идеи и образованная на их основе оригинальная терминосистема), связь с западно-европейским философским текстом (обилие ссылок, заимствований, в том числе терминологических, и т. д.).

Основу лексической структуры философских произведений разных жанров составляют термины, в том числе авторские. Появление авторских терминосистем, в последующие десятилетия оказавших значительное влияние на русскую философскую терминологию в целом, было вызвано необходимостью формирования метаязыка новых форм и жанров «живого философствования» (термин Г. Тульчинского): вплоть до конца XIX в. у философии, по признанию Г. Г. Шпета, «языка не было» (Шпет 1989: 39).

Характеризуя язык и стиль русской философской литературы конца XIX — начала XX вв., Л. М. Грановская пишет: «Фи-

лософия пришла к размышлению о природе своего языка, о его способности именовать, вычленять, соединять, классифицировать предметы и явления» (Грановская 2013: 10).

Одним из наиболее значимых способов слово- и терминообразования в русском философском тексте описываемого периода является дефисный комплекс, за которым стоит особый способ категоризации действительности. По мнению Н. М. Азаровой, «дефисные комплексы, на первый взгляд кажущиеся простым графическим приемом, на самом деле представляют собой в области, смежной между словообразованием и текстом, явление, отражающее взаимосвязь философского и языкового мышления» (Азарова 2010: 105). В дефисных комплексах очень ярко проявляется способность именовать, вычленять, соединять (см. цитату выше), а также сопоставлять и сополагать предметы и явления действительности.

Прежде чем перейти к характеристике лексического материала, уточним некоторые общие положения. При описании дефисных комплексов мы ориентировались на когнитивно-дискурсный подход к терминоведению, в рамках которого термин не просто обозначает специальное понятие, но является орудием или способом познания действительности. «Конструирование» дефисного комплекса представляет собой особенную ментальную операцию, отражающую специфику стоящего за ним термина.

Вслед за представителями когнитивного терминоведения Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой мы понимаем термин как «компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление. <…> как своеобразный коррелят некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя» (Алексеева, Мишланова 2002: 16). Философскому термину присущи субъективные свойства, отражающие субъективный мир его создателя.

Предметом настоящей статьи являются образование и семантика дефисных комплексов одного конкретного типа, образованных по модели «N + N», которая представляет собой единое концептуальное целое. В таких дефисных конструкциях, как пишет Н. М. Азарова, «могут формироваться отношения соположенности, равноположенности и/или

взаимопревращаемости, однако эти отношения являются вторичными (не актуализируются) по сравнению с семантикой единого образования» (Азарова 2010: 124). Добавим, что описываемая модель не обязательно двучленна, количество «склеиваемых» в единый комплекс слов может доходить до трех, реже четырех.

Авторские дефисные образования особенно характерны для слово- и терминотворчества П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка: дефис в произведениях этих авторов способствует образованию единых, сложных нерасчлененных понятий, служащих для передачи новых смыслов, становится средством объединения слов, обозначающих разные аспекты какой-либо идеи или части единой духовной сущности.

Своеобразной формой переосмысления важнейших богословских понятий у П. А. Флоренского становятся двучленные дефисные образования со словами «Бог» и «Дух», ср: *Бог-Слово (идея Бога-Слова), Бог-Троица, Завершитель-Дух, Дух-Голубь.*

*«Этот Гераклит впервые ясно почуял, что существует **Бог-Слово**, — впервые открыл высшую гармонию и сверх-мирное единство бытия» (Флоренский 2012: 160).*

*«Точно также, в упомянутой выше “Службе Софии” София иногда почти отождествляется с **Богом-Словом**» (Флоренский 2012: 394).*

*«И прибой подымается выше. Ничто не может быть выше его — ибо он бесконечный. <…> Ему, бесконечному, померяться бы с мощью Бесконечного — ее он признает. И он стремится к Смыслу, который стоит пред ним окончательною гранью. Смысл этот Логос, **Бог-Слово**, абсолютный Смысл» (Флоренский 2014: 141).*

*«Но кто не успокоился в **Завершителе-Духе,** тот должен будет дать отчет пред всепроникающим Словом Божиим» (Флоренский 2012: 194).*

Как проявление процесса переосмысления богословских терминов и слов общелитературного языка можно рассматривать двучленные дефисные комплексы Н. А. Бердяева: *Христос-Логос, Христос-Мессия, мир-макрокосм, человек-микрокосм, Адам-Христос, любовь-причастность, дева-юноша.* Такие дефисные комплексы являются отличительной чертой идиолекта философа, что закономерно проецируется на его терминотворчество. В ряде случаев сложная природа понятия, стоящего за дефисным комплексом, особо подчеркивается автором в контекстуальном определении, ср.:

*«**Человек-микрокосм** есть столь же многосложное и многосоставное бытие, как и макрокосм, в нем есть все, от камня до Божества. Во всех оккультных учениях скрыта, в сущности, все та же таинственная истина о **человеке-микрокосме**» (Бердяев. Философия свободы).*

Лексикализованные сочетания «существительное + существительное», образующие единый концептуальный комплекс с отношениями со- и равноположенности, встречаются среди авторских терминов С. Л. Франка сравнительно редко, но при этом несут серьезную смысловую нагрузку и являются значимыми элементами терминосистемы: *Бог-добро, сознание-переживание, знание-жизнь.* Дефисизация, как и в предыдущих примерах, может способствовать процессу переосмысления терминологических и общелитературных лексем, ср.:

*«Существует некая родина, некая онтологическая первооснова нашей души – но существует лишь обособленно, как далекий, “неведомый” **Бог-отец, Бог-добро**, наряду с которым существует, однако, демоническая сила, сотворившая мир, против которой родной нам бог так же бессилен, как мы сами» (Франк. Непостижимое).*

*«Бессознательное – или, как мы отныне будем говорить, – подсознательное есть для нас лишь бесконечно мало сознаваемое, предел ослабления **сознания-переживания**. <…> Точно так же, руководясь уже приведенными примерами еще более низких и элементарных форм душевной жизни, легко усмотреть, что в пропедевтически указанных образцах **сознания-переживания** мы не имеем чистых примеров переживания как такового» (Франк. Душа человека).*

*«Исходя из нашего последнего размышления, мы можем и так формулировать этот вопрос: поскольку непостижимое как таковое раскрывается только в живом знании, в **знании-жизни**, и в отношении к нему отвлеченное знание, осуществляемое в суждениях, невозможно и неуместно – каким образом оно все же может быть познано трансцендентальным мышлением, которое, в качестве мышления, очевидно ведь тоже выразимо лишь в суждениях?» (Франк. Непостижимое).*

Круг слов, входящих в двучленные дефисные комплексы исследуемой модели, довольно ограничен: *смысл, истина, Бог, Дух, слово, Слово, тьма, жизнь, бытие, небытие и т. п.* Анализ текстового материала позволяет сделать предположение о превращении сочетания существительного с приложением в отдельное знаменательное слово, которое терминологизируется, становясь вербализированной единицей специального знания особого типа — религиозно-философского. Добавим также, что степень терминологичности двучленных дефисных

комплексов может быть очень разной и определяется целым рядом факторов, среди которых понятийное содержание, частота употребления, включение в позицию заголовка, наличие дефиниции (в любой форме), графическое выделение и т. п.

Многочленные дефисные комплексы, концептуализирующие ряд равноположенных существительных, образующих единое понятие, регулярно встречаются в произведениях П. А. Флоренского: *грех-суета-мука-смерть, любовь-идея-монада, идея-сила-субстанция-слово, Слово-Разум-Дух* и др.

«Эта триединая идея ***основы-разума-святости,*** *раскалываясь в нашем рассудке, предстает греховному уму в трех взаимоисключающих аспектах:* ***основы, разума*** *и* ***святости»*** *(Флоренский 2014:* **353).**

«Все ***“последование погребения”*** *построено из этих неразрывных между собою идей* ***оправдания-покоя-блаженства-бессмертия*** *и противоположных им* ***греха-суеты-муки-смерти****» (Флоренский 2014:* **196).**

«Неописуемым актом (в котором соприкасаются друг с другом и содействуют друг другу неизреченное смирение Божественной любви и непонятное дерзновение любви тварной) входя в жизнь Божественной Троицы, стоящей выше порядка, <…> эта ***любовь-идея-монада****, этот четвертый ипостасный элемент в отношении к себе вызывает различие по порядку <…> Ипостасей Пресвятой Троицы, благоволящей на это со-отношение Себя со Своею же тварью и на вытекающее отсюда определение Себя тварью и тем себя “истощающей” или “опустошающей” от атрибутов абсолютных» (Флоренский 2012: 326).*

«Пасхальное Евангелие, объявляющее торжество и победу Силы Бытия над Небытием, провозглашает эту силу как Силу ***Слова-Разума-Духа****, как открывшуюся в ночь победы бесконечную существенность бесконечного Смысла» (Флоренский 2014: 142).*

Представляется, что здесь дефис является средством образования нового понятия и, следовательно, средством заполнения лексической (точнее, терминологической) лакуны. С содержательной точки зрения такой дефисный комплекс представляет собой обозначение сложного и многомерного философского концепта и одновременно выполняет функцию открытия и фиксации нового «кванта» религиозно-философского знания. Это своеобразный ответ на вызов эпохи, сформулированный Г. Г. Шпетом в уже цитировавшейся нами фразе «языка не было»: разнообразные по семантике и структуре дефисные комплексы и создавали (наряду с переосмысляемыми общеязыковыми лексемами и авторскими новообразованиями) новые смыслы, новую терминосистему и особую вырази-

тельность нового языка русской философии на рубеже веков.

Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М., 2010.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.

Грановская Л. М. Язык и стиль русской философской литературы (вторая половина XIX — первые десятилетия XX века). Баку, 2013.

Тульчинский Г. Л. Философская культура и способы философствования // Философские науки. 2011. № 11. С. 133–141.

Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 2012.

Флоренский П. Философия культа. Опыт православной антроподицеи. М., 2014.

Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.

И. А. Мартьянова *(Санкт-Петербург)*

«Ген современности»: о синтаксической интерпретации русской прозы конца XX – начала XXI в.

Отвечая на вопрос «Чем современна современная литература?», Н. Иванова подчеркнула, что «современность может быть экстрагирована из содержания, темы, затронутых «вопросов», проблематики и пр. <…> а может – из поэтики (и тогда литература тоже может быть современной – но и актуальной!) <…> Представляется, что именно сейчас понимание современного в искусстве разделяет литературу на два разнонаправленных условных русла, вне зависимости от идеологии, на литературу актуального исполнения и литературу злободневного наполнения (не скажу содержания), но по форме архаичную» (Иванова 2011: 46, 52–53). Как определить, где сегодня проходит синтаксическая граница между «архаистами» и «новаторами»?

Поисками «неуловимого литературного гена современности» (Иванова 2011: 53) занимаются в основном философы, культурологи, критики, литературоведы и довольно редко лингвисты. Эту лакуну заполняют прежде всего работы В. Д. Черняк и ее учеников (назовем только некоторые из них: Черняк 2010; 2011; 2014; 2015). Философ С. Жижек (повлиявший, в частности, на творчество режиссера и сценариста А. Звягинцева) полагает,

что «в воздухе витает новый «жизненный опыт», восприятие жизни, разрывающее изнутри форму линейного центрированного нарратива и изображающее жизнь как поток, имеющий множество форм…» (Жижек 2014: 73–75). По мнению Н. Ивановой, на рубеже веков стало иным само понимание *нового*: «Мир меняется эластично, новое не хочет подменять собой старое, оно не отвоевывает, а просто растягивает пространство для самореализации, одновременно делая культурные слои более тонкими» (цит. по: Тимина 2003: 26).

Отдельные наблюдения о языковом своеобразии современной прозы присутствуют в работах литературоведов и критиков (Маркова 2003; Казначеев, 2012; Колядич, Капица 2010 и др.), однако в целом очевиден разрыв между ее литературоведческой и лингвистической интерпретациями (счастливым исключением являются совместные публикации В. Д. Черняк и М. А. Черняк: 2014; 2015). В лингвистическом отношении, безусловно, значимы также работы Н. Г. Бабенко (2008; 2010), отказавшейся от абсолютизации постмодернистской эстетики. Но в этих и других публикациях внимание обращено прежде всего на лексическую составляющую текста и его категориальную природу: «В языке русской литературы эпохи постмодерна воплощены общие лингвопоэтические нормы деструкции, заумного конструирования, использования иноязычных включений, порождения культурных неоконнотаций, создания и разрушения мифа и символа, современного языка литературной эротики, семантизации литературных онимов, реинтерпретации классических произведений» (Бабенко 2010: 7). Вне поля зрения большинства русистов (не говоря уже о западных славистах) остается синтаксическое своеобразие современной отечественной прозы.

Основные грамматические исследования «нового в русском синтаксисе», прежде всего Г. Н. Акимовой (1982; 1990) и Н. Ю. Шведовой (1966), были сделаны на материале прозаического дискурса 60–70-х гг. прошлого века. Между тем литературные критики и культурологи неоднократно подчеркивали, что в конце XX – начале XXI в. «не только в “жизни”, но и “в словесности” на передний план выходит проблема организации высказывания» (Курицын 1998: 192). Разумеется, «каждый автор имеет право начинать заново, как будто до него ниче-

го не существовало, как будто это он, только что, сию секунду, выдумал словарь и синтаксис» (Генис 1999: 23). Но для современного прозаика, его читателя и критика столь же очевидно и другое: «Каким же грандиозным самомнением надо обладать, чтобы написать: “Иван Петрович встал со скрипучего стула и подошел к распахнутому окну” <…> Нужно твердо, до беспамятства и фанатизма, верить в свою власть над миром, чтобы думать, будто ты описываешь жизнь такой, какая она есть» (там же).

Несмотря на этот, представляющий несомненный интерес, ракурс поиска «гена современности» в измененной организации высказывания, синтаксисты продолжали заниматься в основном традиционными средствами выражения аналитизма (парцеллированными, вставными и некоторыми другим конструкциями), которые функционируют не только в стиле современных прозаиков, но и у классиков русской литературы. К тому же проблема своеобразия синтаксиса современной прозы не представляется столь прозрачной, если учитывать парадокс его одновременного усложнения и обеднения (Руднев 1997: 237–241). Однако за редким исключением синтаксические инновации привлекают исследовательское внимание преимущественно в том случае, если приобретают вид пунктуационно-графического казуса (Акимова 2006; Семьян 2006; Шмелева 2012).

Лингвистическая интерпретация современной прозы не может быть сугубо грамматической – необходим выход в социальную и культурную проблематику, но при этом синтаксические феномены не могут трактоваться как непосредственное отражение тенденций социокультурных, как это делает, например, Е. А. Покровская, обнаруживая общее между кубизмом Пикассо, расщеплением атомного ядра и парцелляцией предложения (Покровская 2001). В данном случае нельзя не учитывать того, что парцелляция, одно из самых наглядных проявлений аналитической тенденции развития русского синтаксиса, не только членит высказывание, но и подчеркивает его взаимосвязь с компонентами разного объема (член предложения, предикативная часть и др.), отделенными паузой и / или знаком препинания. В «аналитической» («рваной», «рубленой») прозе этот прием имеет разные стимулы своего использования в произведе-

ниях авторов (Л. Петрушевской, Т. Толстой, С. Болмата, А. Геласимова, В. Сорокина, Д. Рубиной и др.), трагикомический дискурс которых демонстрирует дисгармонию миро- и самовосприятия, иронию и самоиронию.

Занимаясь синтаксической интерпретацией современной прозы, следует учитывать аспекты диахронии и синхронии, литературной нормы, дифференцировать общие языковые факторы и тенденции развития русского синтаксиса. При этом аналитическая тенденция, демонстрирующая диалектику расчлененности и интеграции, остается важнейшей, но она не должна пониматься только как дробление высказывания и текста. Традиционный подход к ее исследованию в определенной мере себя исчерпал. Нельзя не согласиться с С. Г. Ильенко (2003) в том, что следует дифференцировать языковой, речевой и текстовый аспекты аналитизма. В первом случае речь идет о собственно грамматических закономерностях, во втором – о влиянии на литературный язык устно-разговорной стихии. В текстовом же ракурсе на передний план выступают делимитационные процессы, обусловленные не только задачей изображения звучащей речи, но и другими факторами (типологическими, жанровыми, идиостилевыми).

Выявление «гена современности» в синтаксисе русской прозы конца XX – начала XXI века подразумевает анализ нового не только в его строе, но и в стимулах его появления, в самом характере функционирования синтаксических единиц.

Акимова Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 25–30.

Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.,1990.

Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. М., 2010.

Бабенко Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лигвопоэтической нормы. Автореф. … д-ра филол. наук. СПб., 2008.

Генис А. Иван Петрович умер. М., 1999.

Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе. Екатеринбург, 2014. С. 56–87.

Иванова Н. Б. Русский крест: Литература и читатель в начале нового века. М., 2011. С.44–72.

Ильенко С. Г. Русистика: Избр. труды. СПб., 2003.

Казначеев С. М. Судьба русского реализма: происхождение, развитие, возрождение. М., 2012.

Колядич Т. М., Капица Ф. С. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценка, методика описания. М., 2010.
Курицын В. О сладчайших мирах // Знамя. 1995. № 4. С. 192.
Маркова Т. Современная проза: конструкция и смысл. М., 2003.
Покровская Е. А. Динамика русского синтаксиса в XX в.: Лингвокультурологический анализ. Автореф. … д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
Семьян Т. «Руины текста» (компьютерные приемы в визуальном облике современной прозы) // Художественный текст как динамическая система. М., 2006. С. 308–315.
Тимина С. И. Современный литературный процесс (90-е годы) // Русская литература XX века в зеркале критики. СПб.; М., 2003. С. 19–35.
Черняк В. Д. Интертекстуальное эхо в современной беллетристике // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 271–278.
Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века // Современная русская литература конца XX – начала XXI века / Под ред. С. И. Тиминой. М., 2011.С.283–303.
Черняк В. Д. Современная речь в зеркале прозы последних лет // Лингвистика. Семиотика. Поэтика. Ставрополь, 2014. С. 47–52.
Черняк В. Д. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика. 2014. № 1. С. 158–165.
Черняк В. Д., *Черняк М. А.* Поддержка и разрушение стереотипных представлений о языке в современной беллетристике // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2014. С. 55–64.
Черняк В. Д., *Черняк М. А.* Массовая литература в понятиях и терминах. М., 2015.
Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
Шмелева Т. В. Визуализация синтаксиса // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки. СПб., 2012. С. 339–347.

М. Я. Дымарский *(Санкт-Петербург)*

«Пьяцца Маттеи»: продолжая опыты интерпретации[1]

У Бродского есть строчки, которые могут квалифицироваться как «загадочные» — такова обычная в подобных случаях осторожно-уважительная характеристика. Ср. (полужирный шрифт и купюра в цитатах мои. — *М. Д.*):

…поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне —
как не сказано ниже по крайней мере —
я взбиваю подушку мычащим «ты»…

(«*Ниоткуда с любовью…*»);

Граф выиграл, до клубнички лаком,
в игре без правил.
Он ставит Микелину <…>,
как прежде ставил.

(*Пьяцца Маттеи*).

В первом случае невозможно, опираясь исключительно на текст стихотворения, справедливо причисляемого к шедеврам поэта, определить, что именно «не сказано ниже». На втором случае остановимся подробнее.

Хорошо известен «парадокс неполного предложения» (а перед нами конструктивно неполное предложение), сформулированный С. Г. Ильенко: коммуникативное превосходство при грамматической ущербности (Ильенко 1996). Ниже будет показано, что коммуникативное превосходство неполного предложения может обернуться и смысловым (в том числе — нравственным) провалом.

Помимо названного парадокса, о неполных предложениях известно, что субъект постпозитивного неполного предложения должен быть кореферентен субъекту предшествующего полного. Это значит, что субъект действия, обозначенного у Бродского жаргонной фраземой, — *он* же, то есть граф. «Загадочность», собственно, в том, почему автор написал именно так, поскольку такое чтение (а иное невозможно) резко меняет ракурс осмысления ситуации, которая до этого момента воспринималась с явным сочувствием к так называемому лирическому герою (далее — *ТНЛГ*).

В самом деле: из предшествующих строф нам известно, что «подружка» ТНЛГ по имени Микелина предпочла ему некоего графа, располагающего именьем с павлинами; что «граф, в сущности, совсем не мерзок: он сед и строен»; что ТНЛГ «был с ним по-российски дерзок», то есть имело место некоторое столкновение ТНЛГ с графом, в результате которого последний «был расстроен»; что, наконец, ТНЛГ воспринял произошедшее как «трагедию, измену», в то время как для графа, «джентльмена и дворянина»[2], произошедшее — «ерунда». Явное стремление к объективности в характеристике соперника (преуспевшего!), дерзость «по-российски» в обращении с противником, принадлежащим к клану сильных мира сего, восприятие измены подружки как трагедии — все это штрихи,

рисующие в глазах читателя образ ТНЛГ, вызывающий симпатию и сочувствие.

Когда измена приравнивается к трагедии, попытки представить себе любовные утехи, которым предается изменившая с разлучником, воспринимаются под общим знаком тоски об утраченной любви. Один из стандартных ходов мыслей и чувств в подобных случаях сводится к болезненному сопоставлению воспоминаний с происходящим ныне — но уже с другим участником. Поэтому, раз уж ТНЛГ находит нужным сообщить читателю, что граф «ставит Микелину…», естественно ожидать сопоставления с воспоминанием об аналогичных положениях, но с участием самого ТНЛГ. Однако в этом случае неполное предложение было бы неприемлемо: оно должно было бы содержать эксплицитное подлежащее *я*.

Неполнота рассматриваемого предложения, делающая возможным восстановление только субъекта *он* (граф), прежде всего вносит в описываемую ситуацию важный фактический элемент: оказывается, что Микелина и раньше была любовницей графа. Акценты резко меняются: если до данной строки читатель представлял себе графа в роли циничного разлучника, а ТНЛГ — в роли бедного, но дерзкого поэта[3], то теперь именно последний должен осмысляться как разлучник, похитивший у графа любовницу, но не сумевший ее удержать. Чувства ли к графу оказались сильнее? Поэт ли совершил нечто, по мнению Микелины, недопустимое и тем самым пал в ее глазах (напомним, что Микелина предпочла поэту «кормить павлинов в именьи графа» не просто так, а «в порядке штрафа»)? Эти вопросы остаются без ответа. Но благородная трагедия (мотив, который в дальнейшем тексте получает развитие: «Как возвышает это дело! <…> Нет, я вам доложу, утрата, / завал, непруха / из вас творят аристократа / хотя бы духа. / Забудем о дешевом графе! Заломим брови!» и т.д.) неизбежно уступает место банальной интрижке, в осмыслении которой речь идет не о любви, но лишь о самолюбии.

Снижение оппозиции *дешевый граф* vs. *возвышенный поэт* на этом, однако, не заканчивается. Размышляя в V–VII октавах о возвышающем действии грусти-печали, о том, как неудачи «из вас творят аристократа хотя бы духа», ТНЛГ прямо пишет: «Как возвышает это дело! / Как в миг печали / все забыва-

ешь: юбку, тело, / где, как кончали». Вот в этом *где, как* — все дело. Воспоминания о том «где, как» (а не, допустим, только «где мы…» или только «как мы…») предполагают разнообразие не только мест, но и финалов: в противном случае два местоименных наречия не оказались бы в однородном ряду. В то же время о графе нам известно, что он как предпочитал, так и предпочитает одну и ту же конфигурацию. Следовательно, оппозиция *ТНЛГ* vs. *граф* теперь осмысляется лишь как противопоставление сексуально изобретательного, но бедного любовника — богатому, но не изобретательному. И ни слова о любви. В XVI октаве, впрочем, и говорится, что свобода «послаще / любви, привязанности, веры», «поскольку и до нашей эры / существовала». Что делает понятным полное неупоминание о любви применительно к Микелине, но в то же время выглядит довольно странно, так как непонятно, на какие основания опирается противопоставление по времени возникновения любви, привязанности и веры, с одной стороны, свободе — с другой.

Размышления и признания ТНЛГ вырастают, таким образом, из довольно низменной картины, ценность которой — со всеми упомянутыми (и не упомянутыми) подробностями — сомнительна. Уж лучше бы поэт не использовал неполное предложение…

Подразумевал ли сам поэт такую интерпретацию — предполагать трудно. Но спорить с текстом еще труднее. Так или иначе, неполное предложение, как в высшей мере эффективное в коммуникативном отношении средство, может пролить свет на такие смыслы, которые говорящий не подразумевал или, по меньшей мере, не имел в виду выразить. Или, иначе: намеренное или ненамеренное сокрытие информации означает ноль информации в одном измерении, но отнюдь не ноль в другом — и, как правило, со знаком «минус» в оценке говорящего слушающим.

[1] Первый опыт представлен в работе (Дымарский 2014).

[2] Почему итальянский граф именуется джентльменом, как, впрочем, и почему ТНЛГ идентифицирует себя (в той же октаве) в качестве славянина — тоже загадки, которые мы в данном случае оставляем в стороне.

[3] Сколько бы ни учил Ю. Н. Тынянов, читатель все равно склонен отождествлять «я» ТНЛГ с «я» поэта. В данном случае к такому отождествлению

подталкивает и то, что, как и во многих других стихотворениях, ТНЛГ у Бродского — поэт, «обдумывающий строку», сравнивающий себя с Овидием, Вергилием и Горацием, обращающийся (в финале) к перу и бумаге и т. п.

Дымарский М. Я. «Пьяцца Маттеи»: Опыт *икс*тенсиональной интерпретации // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи...»: Проблемы интерпретационной лингвистики. Новосибирск, 2014. С. 203-208.

Ильенко С. Г. Об одном из синтаксических парадоксов: коммуникативное превосходство неполного предложения как следствие его структурной ущербности // Проблемы лингвистической семантики. Череповец, 1996. С. 12-22.

И. В. Столярова *(Санкт-Петербург)*

Неудачливый герой-манипулятор в дискурсе современной художественной прозы

Проблема манипулирования при помощи речи сознанием отдельного человека, как и общественным сознанием, — одна из самых интересных и жизненно важных. Общечеловеческие ценности и социальные интересы, нередко противореча друг другу, вступают в тесные связи между собой и воплощаются в живом человеческом общении, что широко отражается в современном художественном дискурсе. Как отмечает В. Д. Черняк, «своеобразие беллетристики... состоит в ее естественной адаптации к постоянно изменяющимся условиям функционирования, к социальным трансформациям и технологическим новациям» (Черняк 2014: 197).

Объектом манипулирования могут быть психические качества, побуждения, моральные нормы, нравственные ценности. Степень успешности манипуляции в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического и речевого воздействия, насколько манипулятор гибок в их использовании. Как пишет Е. Л. Доценко, отношения, с одной стороны, могут ориентироваться на признание самоценности другого человека как свободного, ответственного, имеющего право быть таким, как он есть; в таком случае установка на ценность другого конкретизируется в стремлении к сотрудничеству. С другой стороны, отношения базируются на обесценивании человека, на основе веры в неравенство людей, на ощущении собственного превосходства над другими (Доценко 2003: 100). Для манипуля-

ции характерны искусность, ловкость, мастерство исполнения (там же: 47). Манипуляция — психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным.

Обращаясь к художественной прозе, В. Д. Черняк приходит к выводу, что «высокий уровень филологической компетенции, характерный для многих авторов современной прозы (назовем, например, произведения В. Новикова, А. Геласимова, А. Слаповского, Д. Быкова, Б. Акунина, Н. Соколовской, А. Берсеневой), их языковое чутье, умение уловить актуальные тенденции в современной речи, выявить существенные черты речевого поведения современника делают произведения отечественной беллетристики ценным объектом лингвистических исследований» (Черняк 2014: 198).

Пример речевой манипуляции и демагогии демонстрирует Лукьянов, герой рассказа А. Слаповского «Лукьянов и Серый», скучающий дачник, из лучших побуждений пытающийся поучать деревенского мальчишку, который ворует яблоки. Лукьянов ощущает себя очень правильным человеком, но «правильность» эта основана на наборе лозунгов и публицистических клише, на которых, как ему кажется, строится жизнь. При встрече с парнем Лукьянов пытается наладить контакт с помощью нравоучительных высказываний, позиционируя себя доброжелательным воспитателем. Неудача манипуляции состоит в том, что Серый, действительно отпетый хулиган, чувствует пустоту слов Лукьянова.

Языковая демагогия предполагает некритическое восприятие со стороны адресата, а навязываемые ему мнения подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо. Именно этот механизм и лежит в основе всего разнообразия приемов языковой демагогии (Булыгина, Шмелев 1997: 477). Эгоцентризм Лукьянова проявляется в непонимании другого, отсутствии попыток увидеть ситуацию чужими глазами, в упрощенном восприятии подростка, в использовании стереотипных представлений. Реплики Лукьянова лаконичны, демагогическими являются его мысленные рассуждения. Обороты книжной лексики, свойственные внутренней речи Лукьянова, свидетельствуют об отсутствии собственной

мысли, о неспособности к какому-либо анализу ситуации. Демагогические рассуждения выражаются в несобственно-прямой речи, которая переполнена газетными штампами, вытеснившими потребность мыслить.

В рассказе Л. Юзефовича «Гроза. 1987 г.» инспектор ГАИ Родыгин, пришедший в школу с лекцией о правилах безопасности на дорогах, полностью убежден в правильности избранной линии поведения. Он безапелляционно декларирует пятиклассникам прописные истины, не обращая внимания на реакцию школьников. Его манипуляции просты и грубы: *Он еще с полминуты улыбался, усыпляя бдительность, потом вдруг рявкнул: - А ну, встать! Родыгин неумолимо, как метроном, отбивал такт, постукивая указательным пальцем по ребру столешницы. В конце концов дело пошло.* В мотивационном плане отношение к другому как объекту конкретизируется в желании распоряжаться им, стремлении получить одностороннее преимущество, непременно добиться своего. Родыгин выступает перед школьниками как представитель власти. Идентифицируясь с той или иной группой, человек становится своеобразным проводником ее нормирующего воздействия и извлекает немало преимуществ для себя: он обнаруживает, что гораздо удобнее жить без груза ответственности, который теперь почти целиком лежит на сообществе, чьим представителем он является. За эти преимущества человеку приходится платить утратой свободы и индивидуальности (Доценко 2003: 69). Член сообщества получает подкрепление для самооценки: в своих глазах он есть то, что он представляет — государство, ГАИ. Отсюда стремление доказывать свою значимость другим. Пользуясь авторитетом сообщества, он увеличивает свои возможности воздействия на других для достижения собственных целей, например, удовлетворения невротических потребностей. (Попав в критическую ситуацию, он определяет себя как *душу непонятую, оболганную, запертую в старом зябнущем теле.*)

Быть правым в социально установленных рамках проще: достаточно присоединиться к чьей-либо позиции; общие лозунги, единая идеология становятся прочными внешними опорами для такого человека. Платить же за это приходится утратой индивидуальности. Лукьянов живет чужой мудростью: *Если сейчас спустить все на тормозах, он поймет, что это был*

только порыв, быстро сошедший на нет, как часто, увы, бывает в русской жизни, разочаруется в мужской силе и воле, это его испортит. Разумное насилие – неотъемлемая часть воспитательного процесса, вспомнил Лукьянов чью-то мудрость.

Манипулятор применяет открытое императивное воздействие — насилие, подавление, приказ — с использованием грубого принуждения, что характерно для обоих рассматриваемых персонажей. Как отмечает Т. М. Николаева, «язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать… Лингвистическая демагогия – это воздействие посредством оценки, осуществляемое не прямым, «лобовым» способом» (Николаева 1988: 154–156). Лингвистическая демагогия оборачивается против самого демагога и манипулятора, становясь его сущностью.

Родыгин использует различные способы манипуляции: интригующую интонацию, чтобы переключить внимание слушающих; отвлекающую жестикуляцию, а также доверительный тон, *который в таких случаях неизменно завораживал его самого, – тон человека, не только имеющего доступ к закрытой информации, но из уважения к данной аудитории позволяющего себе сказать то, чего в другой аудитории он бы, конечно, говорить не стал.*

Несмотря на внушаемость школьной аудитории, ей свойственна критичность восприятия, все большая осознанность стратегий манипулирования общественным сознанием, понимание того, что с нею «что-то делают при помощи речи». Выступающий также не может не учитывать заведомо отрицательное отношение к нему части аудитории, потому что в основе его деятельности лежит не только стремление к взаимодействию с адресатом, но и подавление его, по выражению Л. П. Якубинского, «естественной диалогической реакции» (Якубинский 1986: 22).

Один из методов управления инспектором аудиторией – метод ложной вины. Это особый вид тактики запугивания: манипулятор намекает добросовестной жертве, что она недостаточно внимательна, слишком эгоистична или легкомысленна. Это приводит к тому, что жертва начинает испытывать негативные чувства, попадает в состояние неуверенности, тревоги

или подчинения (Доценко 2003: 99). Пристыжение как метод управления также порождает в жертве страх и неуверенность в себе. Манипулятор использует эту тактику, чтобы заставить других чувствовать себя малозначимыми и поэтому подчиниться ему. Похвала, поверхностное сочувствие, притворный смех, улыбка – эти, на взгляд Родыгина, «положительные подкрепления» вызывают у школьников обратную реакцию: *Филимонов встал. Маленький ушастый мальчик в школьной форме, ему показалось, что привычный мир остался далеко внизу, а сам он, как выдернутая из воды рыбина, прорезал головой спасительную пленку и теперь, хватая ртом воздух, задыхался от ужаса и одиночества.*

Т. Г. Винокур отмечает, что «штамп», «шаблон», «трафарет» имеют негативно-оценочное значение и относятся главным образом к бездумному и безвкусному использованию выразительных возможностей языка (Винокур 2009: 98). Беда манипулятора в том, что манипуляция наносит ущерб ему самому. Как пишет Е. Л. Доценко, технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако расщепление других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе (Доценко 2003: 103).

Грубые манипуляторы, Родыгин и Лукьянов, не могут подстроиться под особенности своей аудитории, неловко пытаются использовать так называемое «присоединение по…» – по стратегиям поведения, по эмоциональному состоянию. У них есть потребность в объединении, в общении со своими подопечными, но внутренняя ограниченность, косность не позволяют отойти от стереотипов. Они терпят неудачу в стремлении создать у подростков иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, через который можно проникнуть в психическую сферу, «влезть в душу», не приводят к успешной коммуникации. Прямолинейные социальные обобщения также вызывают отрицательную реакцию у слушателей. Недостаточный уровень общей и речевой культуры, отсутствие психологической подго-

товки не позволяют манипулятору достичь цели и преодолеть негативное в целом отношение подростков. Можно полностью присоединиться к мнению В. Д. Черняк: «Нередко несколько выразительных деталей индивидуального речевого поведения позволяют воссоздать типы языковых личностей, типы речевой культуры, уровни владения языком» (Черняк 2014: 201).

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 477.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения М., 2009. С.98.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2003.

Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия / Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988. С. 154–165.

Черняк В. Д. Качества речи в интерпретационном пространстве современной беллетристики // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи…»: Проблемы интерпретационной лингвистики. Новосибирск, 2014. С. 197–203.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Л. П. Якубинский Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 22.

Н. А. Николина *(Москва)*

Метаязыковые комментарии в структуре современного художественного текста

Для работ В. Д. Черняк характерно постоянное внимание к активным языковым процессам в современной художественной речи (Черняк 2000; 2006; 2007), в том числе к отражению в ней языковой рефлексии. Так, в статье «Рефлексия о языковой норме в новейшей отечественной прозе» (Черняк 2006) исследователем были проанализированы получившие широкое распространение в современной прозе метаязыковые комментарии, связанные с характеристикой действующих норм и отношением к ним автора и персонажей литературного произведения.

Современной художественной речи присуща последовательная вербализация метаязыковой рефлексии, которая проявляется в разных формах и направлена на различные объекты. Метаязыковой комментарий при этом превращается в особый стилистический прием, а его функции расширяются

и усложняются. Цель данной статьи – рассмотреть место метаязыковых комментариев в структуре современных художественных текстов и выделить их доминирующие функции.

Метаязыковые комментарии (или рефлексивы) в художественном тексте – «это намеренно актуализированные метаязыковые суждения, несущие эстетическую нагрузку. Рефлексив здесь всегда находится в позиции выдвижения, обязательно демонстрирует то или иное образное приращение» (Шумарина 2011: 200). Эстетическая нагрузка (как и степень актуализации образного приращения) во многом зависит от позиции метаязыкового комментария в структуре текста и типа рефлексива.

Рефлексивы в современной художественной речи носят разный характер. Преобладают толкования отдельных слов и выражений, замечания, связанные с характеристикой действующих в языке норм, этимологизирование, оценка лексических единиц и грамматических форм, наконец, сопоставление грамматических форм, интерпретация которых служит способом познания мира и самопознания. Ср.:

Колонна «полезла за хребты» – так говорили в городке, имея в виду рейд в ущелья (А. Иванов. Ненастье). – Тапочки наденьте… Он машинально отметил, что Шпет говорит «наденьте». Лингвистически аккуратный Шпет (М. Галина. Автохтоны).«Халатность, халатность… – Михаил Дмитриевич съежился от холодных прикосновений стетоскопа и груди. – Наверное, от слова «халат». Ну да: когда на человеке не рабочая одежда, а какая-нибудь домашняя хламидия, он и к делу относится соответственно – халатно. Нет, не хламидия, а хламида (Ю. Поляков. Грибной царь).Понимает ли он, какое это ласковое слово – девушка?(А. Мелихов. Каменное братство).Спалось, работалось, жилось – сплошные безличные формы, словно от самого человека ничего не зависит (Е. Чижова. Планета грибов). «время в залоге: // несу – несусь – несут (М. Сухотин).

Метаязыковые комментарии в современной художественной речи, с одной стороны, сохраняют традиционную для них позицию подтекстовых (подстрочных) примечаний, с другой стороны, что наблюдается в настоящее время значительно чаще, непосредственно входят в структуру текста и используются или в речи повествователя, или в речи персонажей.

Авторские подстрочные примечания, как правило, представлены в текстах, в состав которых входит большое число диалектизмов, профессионализмов, экзотизмов, жаргонизмов

или арготизмов, недостаточно известных читателю; см., например:

Аргыз, или лох, – отметавший икру и подохший (или почти подохший) морской лосось (В. Ремизов. Воля вольная).Чапан – верхняя одежда. Либо легкая верхняя, из простеганной хлопчатбумажной ткани, либо теплая, на вате. В русском языке «чапан» обычно переводят словом «халат», однако чапан, в отличие от халата, скроен так, что держит форму – полы его сходятся сами собой… (А. Волос. Возвращение в Панджруд).

Подстрочные примечания – прямое проявление авторского голоса в структуре повествования, их основная функция – информативная. Они представляют собой толкования слов, эстетическая нагрузка отдельных примечаний невелика, однако в совокупности они могут образовывать дискретный «текст в тексте», отражающий определенную картину мира. Так, например, в романе В. Ремизова «Воля вольная» подстрочные примечания, взаимодействуют друг с другом, рисуют мир дальневосточных рыбаков и охотников, стремящихся к «вольнице». Ср.:

***Ястык** – икра в пленочном мешочке, размером в ладонь, как она есть в рыбе. **Улово** – место у берега с обратным течением. **Путик** – тропа, вдоль которой охотник ставит капканы или ловушки. **Биркан** – временный лабаз от зверья.*

Рефлексивы, непосредственно входящие в структуру основного текста, в современной прозе чаще представлены в несобственно-прямой речи персонажей или их диалогах, например:

– Кстати, ты не знаешь какой-нибудь синоним к слову «десерт»? Лучше сленговый…

Хотела стилистически подправить. Нашла два. Один у Даля – «заедка». А другой, восхитительно идиотский, у Солженицына: «верхосытка».

– Как?

– Верхосытка. В смысле – поверх сытости.

– Почему идиотский? В этом что-то есть: верхосытка… У тебя что сегодня на верхосытку после курицы? (Ю. Поляков. Грибной царь).

Хороший тон – немного принизить себя в псевдониме…

Руд – поток… Рудак – речушка, ручей. Скорее даже – ручеек. Может быть, Рудаки? Сидящий у тихого ручья… (А. Волос. Возвращение в Панджруд).

Черное море (черное, потому что никогда не моет руки, да?), похожий на рассыпавшиеся спичечные коробки пансионат… (М. Степнова. Женщины Лазаря).

Кроме собственно информативной, метаязыковые комментарии в прямой или несобственно-прямой речи персонажа выражают его оценку и, таким образом, регулярно реализуют эмоционально-оценочную функцию: *Самое кошмарное слово на свете – «последний»…* (М. Кучерская. Сказка на крыше). ***Женщина****. Ее мать любила это слово. Морщится. «Мне никогда не нравилось» Даже в юности, когда оно должно казаться загадочным… Думает:* ***та*** (выделено Е. Чижовой) *не назвала бы себя женщиной: хозяйка, мать, жена…* (Е. Чижова. Планета грибов).

Ту же функцию рефлексивы могут выполнять и в речи повествователя.

Метаязыковой рефлексии регулярно подвергаются ключевые слова текста или слова, концептуально значимые для какой-либо его композиционной части. Например, в романе А. Матвеевой «Завидное чувство Веры Стениной» уже в начале произведения этимологизируется глагол *завидовать*, служащий лейтмотивом текста и соотносящийся с его заглавием: ср.: *Завидовать – от слова «видеть». Летучие мыши не могут похвастаться стопроцентным зрением. Зависть Веры раскрыла глаза…*

В романе Е. Чижовой «Планета грибов» рефлексив выделяет ключевое слово текста – тоска, которое подвергается семантизации, а затем сопоставляется с контекстуальным синонимом, отражающим углубление представлений персонажа о внутреннем мире человека:

Существование друга – во всяком случае, с его точки зрения, - определялось словом ***тоска*** *(выделено Е. Чижовой): хаотическое брожение, смутное ощущение реальности… Тоска-то тоска – но другая, которую нельзя свести к хандре, сиротству, беспомощности…*

Он почувствовал, как заныло сердце, и по этой ***нойке*** *– странное слово, на которое однажды наткнулся в словаре Даля, – понял: он на верном пути.*

В романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд» метаязыковые комментарии, образуя в тексте микросистему рефлексивов, развивают сквозной мотив произведения – мотив рождения поэтического слова; см., например:

Звукам здесь живется довольно горестно – как пленникам в цепях и путах. Каждый из них был сунут в строку насильно, с надсадой, а потому дыбился и выпирал… Стихи крякали, пыхтели, страдали одышкой, хромотой и еще невесть какими недугами.

В результате в тексте складывается концептуальное поле «Поэзия».

Функция концептуализации у метаязыковых комментариев, связанных с субъектно-речевым планом персонажа, сочетается с функцией характерологической. Рефлексивы в этом случае выделяют особенности речи персонажа или маркируют его позицию (этическую, эстетическую, идеологическую):

Я говорю «быдло» не в смысле упырь, ублюдок, уголовник. Я говорю в культурном смысле, – с холодным презрением пояснил Роман. – Быдло – это тот, кто слушает шансон, ест чипсы, читает желтяк, смотрит футбол, носит спортивные штаны и гоняется за дисконтом (А. Иванов. Ненастье).

Частной разновидностью характерологической функции является функция, которая условно может быть названа хронотопической. В этом случае метаязыковой комментарий указывает на отнесенность слов или устойчивых оборотов к определенному времени и месту и служит одним из способов противопоставления (сопоставления) разных темпоральных планов и локусов:

Что хочу, то и делаю; отзынь. Так говорили в дни моей питерской юности: отзынь (Т. Толстая. Вроде флирта). Ни эмиграция, ни годы жизни с Двигубским не излечили ее от советских словечек, всех этих «поезд ушел» и «занимайте места согласно купленным билетам»… (А. Макушинский. Город в долине). Cigarettes, – сказал он, ***сигареты****, он не знает такого русского слова, он знает только* ***папиросы*** *(выделено Макушинским), le spapirosses (А. Макушинский. Пароход в Аргентину). Кажется, этот замок называется ригельным. Слово пришло из родительского мира, в котором они не обжигали горшков, но во всем остальном были истинными богами… (Е. Чижова. Планета грибов).*

Наиболее ярким проявлением хронотопической функции служит столкновение в одном контексте двух наименований одной реалии – «старого» и современного; см., например:

В слове ***пароход*** *есть что-то сразу уютное и таинственное, чего нет, разумеется, в безнадежно прозаическом* ***теплоходе*** *(А. Макушинский. Пароход в Аргентину).*

…Тогда на байк, то есть на велик… – На кого? – переспрашивал Панюков, услышав вдруг знакомое откуда-то, но и забытое словцо (А. Дмитриев. Крестьянин и тинейджер).

Метаязыковые комментарии, выступающие в хронотопической функции, регулярно используются в автобиографической и мемуарной прозе, где выделенное повествователем слово интерпретируется как знак, личностно связанный с

автором и отражающий определенные этапы его жизни или исторического времени. Неслучайно современный автобиографический текст часто строится как своеобразный аналог словаря – хранилища слов, символизирующих прошлое повествователя. Так, например, в «Альбоме для марок» А. Сергеева каждый этап жизни автора отражается в наборе значимых для него лексических и фразеологических единиц, например, рассказ о школе включает «словарь перемен», названный автором «Мой Бодуэн». В автобиографической повести А. Кабакова «Камера хранения» («Эта книга – воспоминания о вещах моей жизни») уже в заглавии актуализируется образ хранилища. Рефлексивы служат конструктивной основой текста: описание каждой вещи сопровождается выделением слова, ее называющего, и развернутым комментарием к нему. «Опись» вещей в результате превращается в последовательность слов – знаков эпохи.

Характерологическая функция в несобственно-авторском повествовании или речи повествователя взаимодействует с не менее важной для художественной речи функцией создания образа. Метаязыковая рефлексия, сопровождающая употребление того или иного слова, часто связана с актуализацией различных ассоциаций, которая проявляется в сравнениях, метафорах, эпитетах, пополняющих набор тропов, функционирующих в художественных текстах. Ср., например:

Я слушала ее и думала о том, что такое «трущобы». Мне казалось, что, наверное, это должны быть дома с трубами, но очень плохие, неприятные и шершавые, как звук «щ».(А. Геласимов. Жанна). *Когда в жизни Веры Стениной было много чувственного (подхватила этот эвфемизм у преподавателя искусства XIX века; слово «секс» казалось ему грубым, как плевок), она не знала цены этой части жизни…* (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной). *Я вспоминаю французских писателей – их имена звучат густой кулинарной симфонией, словно это не имена вовсе, а названия блюд. Пруст – хрустящее печенье, Бальзак – куриный бульон. Мальро – отварная говядина в приправе, Гюго – фасолевые стручки, Уэльбек – постный телячий медальон* (А. Аствацатуров. Осень в карманах).

Рефлексивы образного характера особенно часто используются в современной поэзии, где метаязыковой комментарий может лежать в основе целого текста, реализуя уже текстообразующую функцию, а лингвистические термины последовательно метафоризуются. Так, например, в стихотворении С. Ке-

ковой «Падежом откупаешься дательным…» семантически преобразованные грамматические термины служат средством выражения этических и идеологических оценок автора, при этом актуализируются и внутренняя форма каждого термина, и «наивно»-образные представления о сущности грамматического явления. Термины образуют определенную последовательность, определяющую композицию текста:

Падежом откупаешься дательным
От торговцев, барыг и менял
И выходишь в залоге страдательном
К тем, кто молча тебя обвинял.
Говоришь: “Да, виновен отчасти я
В том, что мир безобразен и гол,
Но уже я не в силах причастие
Превратить в переходный глагол”…

В современной поэзии единицы разных уровней языка все чаще становятся «не только средством, но и объектом изображения» (Зубова 2003: 164). Так, в стихотворении А. Парщикова «Мемуарный реквием» термин *инфинитив* используется как повторяющийся в тексте троп, играющий роль лейтмотива, при этом образные смыслы, которые он приобретает в тексте, опираются на этимологию термина:

Ты сцеплен с пустотой наверняка.
Перед тобою – тьма в инфинитиве…

Внутренняя форма термина в результате оживает, а слово *инфинитив* приобретает в тексте семантическую диффузность, совмещая значения «неопределенность», «бесконечность», «потусторонний мир», «даль прошлого»:

В инфинитиве – стол учебный и набор
приборов, молотки на стендах, пассатижи,
учителя, подзорные в упор,
в инфинитиве – мы, инфинитива тише.

Рефлексивы в поэтической речи служат источником обновления художественных образов и играют важную роль в композиции текста. По сравнению с прозой, они характеризуются большей семантической сложностью и обычно включают значительное число тропов.

Таким образом, метаязыковые комментарии в современной художественной речи многофункциональны: они могут выступать в информативной, эмоционально-оценочной, ха-

рактерологической, концептуализирующей, текстообразующей функции. Эти функции часто взаимодействуют друг с другом и совмещаются в одном и том же контексте.

Зубова Л. В. Лингвистика поэтов постмодернизма // Современные языковые процессы. СПб., 2003.

Черняк В. Д. Рефлексия о языковой норме в новейшей отечественной прозе // Русский язык сегодня. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. М., 2006. С. 589–598.

Черняк В. Д. Синонимическое варьирование в современной речи // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 463–471.

Черняк В. Д. Языковая рефлексия в современной прозе // Русская литература в формировании современной языковой личности. Т. 2. СПб., 2007. С. 82–88.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М., 2011.

К. П. Сидоренко *(Санкт-Петербург)*

Цитатный континуум или интертекстовая контаминация? (на примере выражений из басен И. А. Крылова)

Соединение двух и более фразеологических единиц (контаминация) осмыслялось исследователями по-разному. А. М. Бабкин был склонен трактовать контаминацию в аспекте фразеологической деривации, приводящей к образованию новой фразеологической единицы «с тем же или сходным значением» (Бабкин 1970: 104). Полемизируя с этой точкой зрения, А. И. Молотков настаивал на том, что контаминации являются неправильностями, которые можно объяснить «плохим знанием говорящим фразеологии русского языка» (Молотков 1977: 203). Показательно, что речевые модификации, в том числе и фразеологические контаминации, воспринимаются не только как закономерное явление, но и становятся особым аспектом при функциональном описания русской фразеологии (см. Мелерович, Мокиенко 1997; Колобова 2011; Козырев, Черняк 2014: 167).

Сходная проблематика возникает и при словарной обработке смежного участка фразеологии – интертекстовых еди-

ниц (прежде всего, крылатых слов / выражений, прецедентных текстов / феноменов, цитат, литературных образов и пр.). В сфере интертекстематики данные вопросы могут получить продолжение (Сидоренко 1999: 153). Это, прежде всего, комментирование степени соотнесенности выражения с источником, оценка «ошибок» цитирования и вообще того, что относится к «отрицательному языковому материалу» (Щерба 1973: 33). Отсюда и несколько иное понимание контаминации: это не только и не столько создание новой речевой единицы, но и образование нового интертекстового единства цитатного характера, когда собственно фразеологический аспект является только частью вопроса. Соответственно крайними случаями проявления такого объединения будут, с одной стороны, наложение или соединение цитатных фрагментов (контактная контаминация) и, с другой, наличие двух и более отделенных друг от друга цитатных фрагментов (дистантная контаминация), т. е. отсутствие линейной целостности. Возникающий цитатный континуум в этом случае можно понимать как совокупность цитат разного типа и разного происхождения в рамках анализируемого текста (текстового фрагмента), проявление интертекстового пространства, организованного как интертекстовое поле. Континуум и контаминирование нередко функционально совмещаются и взаимодействуют. Фразеологическая контаминация может быть только контактной (за исключением случаев текстового обыгрывания), тогда как контаминирование цитатных единиц допускает введение разделенных цитатных вкраплений, дающих «эффект» интертекстовой целостности.

При учете источников объединенных единиц представляется целесообразным разграничивать микротекстовый, мегатекстовый и макротекстовый типы контаминаций. Ниже в иллюстративных примерах цитатные единицы выделяются полужирным курсивом, названия басен заключаются в квадратные скобки.

Микротекстовая контаминация – объединение фрагментов, восходящих к одной басне. Микротекст – автономная текстовая единица, включенная в состав мегатекста, в нашем случае это «басня – собрание басен». Очевидно, что подобное инклюзивное соотношение вариативно. Так, собрание басен

И. А. Крылова разделяется на девять книг, однако в массовых изданиях такое деление, как правило, не соблюдается и избранные басни даются как целостное собрание, не распределяющееся по книгам. «В зависимости от культуроцентрического или текстоцентрического подхода <…> объем микротекста может быть разным» (Данилевская 2003: 230). Как показывает наш опыт (Мокиенко, Сидоренко 2013), авторское разделение басен на книги в рамках собрания обычно не имеет значения и в интертекстовой динамике ослаблено. Также и соотнесение крылатых выражений с отдельными главами «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (см. Сидоренко 1998) обычно целесообразно лишь при паспортизации вокабулы.

Популярное выражение ***лебедь, рак и щука*** (в шутливой оценке несогласованности усилий при решении общих задач) является соединением названия басни «Лебедь, Щука и Рак» с первым стихом «Однажды Лебедь, Рак да Щука». При этом в свободном цитировании «Лебедь, Рак и Щука» нередко выступают как название самой басни. Вместе с тем, два цитатных фрагмента в каждом случае не теряют своей идентичности, входя в цитатный континуум (в предложение вводятся измененные слова заключения басни – «Да только воз и ныне там»):

Послушаешь, например, дебаты наших парламентариев и сразу вспоминаешь легендарное ***«Лебедь, Рак и Щука»****, – и становится понятным, почему экономический* ***воз нашей страны все топчется на одном месте*** *(В. Лебедева. Возвращение к истокам. Христианский сайт «Для ТЕБЯ». 1998. 1 мая. http://www.foru.ru/article.21.html).*

Объединение исходно несмежных стихов басни «Ворона и Лисица» с неточностями, свойственными свободному цитированию, можно квалифицировать как контактную микротекстовую контаминацию («Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок»):

Уж сколько раз твердили миру, да только все не впрок*. Мы очень любим наступать на те же грабли (http://zsite.narod.ru <2008>).*

Ср. пример совмещения цитатного континуума с микротекстовой контаминацией, также основанной на усечении исходного фрагмента как следствия свободного цитирования («Свинья под Дубом» + «Свинья под Дубом вековым Наелась желудей досыта, до отвала; Наевшись, выспалась под ним; Потом, глаза продравши, встала И рылом подрывать у Дуба корни стала»):

В известной басне ***«Свинья под Дубом»****, в которой, как оказалось, описывается базовый стереотип поведения украинской политической элиты,* ***главная героиня, нажравшись желудей, принялась подрывать своим рылом у дуба корни*** *(А. Окара. Украинские волки против человеко-свиней. Истеблишмент. Запорожская газета, хроника настоящего). (http://establishment.com.ua/articles <2007>).*

Мегатекстовая контаминация. Мегатекст – объединение микротекстов, в нашем случае – собрание басен, существующее в русском круге словесной культуры как совокупность текстов, дающая систему образов, цитат, креолизированных интертекстовых единиц. В этом случае нередко толчком для введения цитаты может быть текстовый стимул, слово, соотносимое с двумя и более микротекстами. Например, «Зеркало и Обезьяна» – «Я удавилась бы с тоски, Когда бы на нее хоть чуть была похожа» и «Обезьяны» – «Кто Обезьян видал, те знают, Как жадно все они перенимают». Здесь два микротекста объединены в один и сопровождаются «наивной» паспортизацией, соотносимой с явлением псевдоэптонимии (см. Дядечко 2002: 200):

Слушай, ты понимаешь, что твой ученик – обезьяна? Только что спрыгнул с ветки, да зацепился навеки, на ней и останется! Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? ***я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа…*** *– «Зеркало и Обезьяна», вспомнила?* ***Кто обезьян видал, те знают, как жадно все они перенимают*** *(Анафема. Правдивая история-буфф. http://www.russianlife.nl/anafema.htm <2009>)*

Мегатекстовая контаминация, основанная на свободном последовательном цитировании, соотносится с баснями «Ворона и Лисица» и «Павлин и Соловей», при этом введение цитатного материала стимулируется темой заметки – «пение». Данный пример типологически близок к предыдущему:

Есть артисты и певцы, на которых интересно только смотреть. Выйдет на сцену какая-нибудь девичья группа с воинственно-сексуальным имиджем, взбудоражит базовые инстинкты публики и даже не заметишь, что они, оказывается, еще умудрились что-то спеть при этом. А вот при отключенном изображении слушать эту песню – увольте и даже не просите! ***Лисица*** *из басни дедушки Крылова хоть откровенно и* ***льстит Вороне ради кусочка сыра****, но все-таки при взгляде на внешнюю красоту часто верится, что и звучит эта красота так же прекрасно:* ***Голубушка, как хороша! ну что за шейка, что за глазки!*** *<…> Никогда не ждешь, что* ***царь-птица*** *может только* ***пропеть «кошкою разов десяток сряду*** *(Н. Горская. С первого слова <2008>).*

Ср. также типичный случай смешения источников в цитатном континууме разных басен, однако отсутствие указания на источник в примере ниже дает одновременно и мегатекстовую дистантную контаминацию. Ср.:

В баснях (скажем, у Крылова) басенные ситуации возникают в результате взаимодействия персонажей, чьи характеры стабильны <…>. ***Лисица, выманившая у вороны сыр*** *[«Ворона и Лисица], — это, по-видимому, та самая* ***лисица****, которая отказалась поделиться с* ***Волком*** *запасом* ***«мяснова»*** *[«Волк и Лисица»], а* ***ворона****, так глупо отдавшая* ***сыр****, – та самая, которая не менее глупо* ***угодила в суп*** *[«Ворона и Курица»] (М. Петровский. Поэт Корней Чуковский <2002>).*

В басне «Бумажный Змей» Мотылек говорит Бумажному Змею: «А я, хоть, правда, невысоко, Зато лечу, Куда хочу», в другой басне («Пчела и Мухи») осуждающие слова Пчелы почти совпадают («Но вы летите, Куда хотите!»). Такой случай можно воспринимать как измененную контаминированную самоцитату. При интертекстовом шаге грамматическая парадигматика в дальнейшем расширяется. Впрочем, можно лишь допустить, что приводимые ниже примеры обыгрывают слова И. А. Крылова, а перед нами также одно из проявлений псевдоэптонимии:

[Загол. рекламной инф. об авиапутешествиях и пр.] ***Куда хочу – туда лечу*** *(Арг. и факты. 2010. 22 марта); [Загол.]* ***Летите, куда хотите****. [В тексте] <…> Чтобы избежать проблем со здоровьем, связанных со сменой часовых поясов, врачи советуют придерживаться нескольких простых рекомендаций (Д. Кокоулин). (Континент Сибирь. Региональная деловая газета. 2006. 9 июня); Акция Аэрофлота:* ***Летим, куда хотим*** *(http://www.aviasales.ru/akciya-aeroflota-letim-kuda-xotim <2010>); [Загол.] Экскурсионный тур:* ***Летим не куда хотим, а куда дешевле*** *[В тексте] (http://www.nrs.com/news/details/usa <2009>).*

Как намек на две басни И. А. Крылова («Слон на воеводстве» – «В родню был толст, Да не в родню был прост», «Муха и Пчела» – «За мною только лишь и дела: Лететь по балам, по гостям… Когда б ты видела, как я пирую там!») можно воспринимать противопоставление «муха – слон» в письме Н. В. Гоголя:

[В характ. И. А. Крылова] Крылова нигде не попал [так в источн.], чтобы напомнить ему за портрет. Этот блюдолиз, несмотря на то, что ***породою слон, летает как муха по обедам*** *(Н. В. Гоголь – М. П. Погодину, 20 февр. 1833 г.).*

Возможно сочетание точной цитаты при соблюдении стихотворной формы с измененной скрытой цитатой, цитатный континуум дает интертекстовое единство («Стрекоза и Муравей» и «Ворона и Лисица»):

До тех пор были только звери, а теперь понадобились люди. Но для людей, если таковые находились, ворота были отворены настежь; будь только человеком – и можешь быть обнадежен,

Что под каждым здесь листом

Ты найдешь и стол и дом…

Карьера! Это слово ***спирало в зобу дыханье*** *(М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь. Январь 1864 г.)*

Макротекстовая контаминация. Макротекст – «совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства», «объединение всех существующих в культурном пространстве текстов» (Данилевская 2003: 216).

Например, объединение измененной скрытой цитаты из «Русалки» А. С. Пушкина («Невольно к этим грустным берегам Меня влечет неведомая сила») со словами из басни И. А. Крылова («Крестьянин ахнуть не успел, Как на него медведь насел») дает макротекстовую контаминацию, основанную на связях внутри круга словесной культуры, цитатной насыщенности и цитатном мышлении:

В писании сказано: ***Он ахнуть не успел, как на него медведь насел***. Так и я: ***Ахнуть не успел, как уже невидимая сила опять влечет меня в таинственную даль***. Сегодня еду в Петербург, оттуда в Берлин и так далее. (А. П. Чехов – М. В. Киселевой, 11 марта 1891 г.)

Примеры расширения интертекстового пространства в проницаемом круге макротекстового поля довольно многочисленны. Так, стимул-слово ***внимать*** дает сочетание вкраплений из басни «Осел и Соловей» и стихотворения А. С. Пушкина «История стихотворца» в шутливой оценке способов выражения мыслей, чувств:

«Свисток» явился просто и скромно, без оффициальных [так в источн.] представлений; высказал свою задачу, заявил свои тенденции, и – ***«защелкал, засвистал на тысячу ладов»*** *[«Осел и Соловей»»]. Повсюду воцарилось глубокое торжественное молчание;* ***«внимало все тогда любимцу и певцу Авроры»*** *[«Осел и Соловей»], то есть собственно зари, пробудившую спавшую московскую Русь, –* ***внимало все****, но не* ***все*** *хотело сознаться и показать вид, что* ***внимает****. Бесхитростная и откровенная публика* ***внимала*** *и не скрывала своего мнения; некоторые господа* ***«внимали свист уже привычным ухом»*** *[«История стихотворца»],* ***уставясь в землю лбом*** *[«Осел и Соловей»] (М. А. Антонович «Свисток» и его время <1863>).*

Комплексной интертекстовой единицей можно считать шутливое соединение стихов из разных поэтических произведений (центон), например:

Ночь, улица, фонарь, аптека
Затеяли играть квартет.
Живи еще хоть четверть века
Дери смычком – все толку нет.
Навозну кучу разрывая,
Летит кибитка удалая
Россия вспрянет ото сна:
Петух нашел жемчужного зерна!

(Поиграем? Немножко центонов по Крылову <2008>. http://rezoner.livejournal.com)

В текстовых реакциях на басенное слово преобладает творчество А. С. Пушкина, хотя вопрос о такой ассоциативной частотности требует особого изучения. Устойчивую связь И. А. Крылова с А. С. Пушкиным демонстрирует и следующий пример креолизированного текста, основанного на комментировании фото:

Эту фотографию я хотел показать еще вчера <…>. Представляю вашему вниманию министра образования Эстонской Республики, который изучает энциклопедический справочник на русском языке <…>, ***«то их понюхает, то их полижет»*** *[«Мартышка и Очки»] – и далее по тексту. <…> На руководителя общественно-правового телерадиовещания <…>* ***русский дух ценного учебного пособия не действует никак*** *[«Руслан и Людмила» и «Мартышка и Очки] (День за Днем. http://kam№ejeshka.livejour№al.com/50727.html).*

В данном случае образуется единство типа континуума, совмещенное с контактной макротекстовой контаминацией, цитата стимулирует новую цитату, часто обыгрываемую и неточную, и типологически разнородное контаминирование.

Учет предложенной классификации представляется целесообразным при работе над словарем интертекстовых единиц отдельного автора.

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

Данилевская Н. В. Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 216–221.

Данилевская Н. В. Микротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 230.

Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современностью Киев, 2002.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. СПб., 2014.

Колобова Е. А. Фразеологическая контаминация: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2011.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М., 1997.

Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник. СПб., 2013.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова. СПб., 1999.

Сидоренко К. П. Цитаты из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в текстах разного жанра. СПб., 1998.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.,. 1974. С. 24–38.

О. П. Семенец *(Санкт-Петербург)*

«Здравствуй, племя младое, незнакомое!»: динамика прецедентной компетенции молодежи

Цитатный бум культуры посмодернизма стал предметом активного изучения для целого ряда гуманитарных дисциплин. Замечание о том, что «сегодняшний газетный текст представляет собой сплошную игру с цитатами, авторство которых зачастую не указывается в расчете на память образованного читателя» (Мокиенко, Семенец, Сидоренко 2009: 6) становится все более актуальным для самого широкого круга текстов различных стилей. Однако при активном расширении корпуса прецедентных текстов возникают предпосылки для различных коммуникативных сбоев, связанных с лакунами в прецедентной компетенции носителей языка. Причина этого – снижение общего уровня культуры, сужение круга чтения, вследствие чего допустимым становится «использование понятия агнонимы по отношению к корпусу базовых прецедентных феноменов» (Черняк 2011: 81).

15 лет назад, в ходе работы над кандидатской диссертацией под руководством В. Д. Черняк, мы провели эксперимент, целью которого было охарактеризовать общий уровень прецедентной компетенции современной языковой личности. Тогда были проанализированы ответы участников разного возраста, в том числе студентов 1–2 курсов петербургских вузов. Сегодня нам стало интересно узнать, как изменилась ситуация, каковы динамические изменения прецедентной компетенции современной молодежи.

С этой целью мы предложили задания прежнего эксперимента двум группам студентов РГПУ им. А. И. Герцена: студентам-филологам (43 человека) и студентам негуманитарных факультетов (35 человек). Участникам, как и прежде, предлагалось узнать трансформированную цитату и вспомнить, из какого она текста и кто автор. Полученные результаты более чем любопытны.

Паспортизируя цитату «Пренеприятнейшее известие – к нам едет антрепренер», 92% участников легко справились с заданием (98% филологов и 86% – нефилологов). Если обратиться к эксперименту 15-летней давности, то результат аналогичен: 92% студентов легко узнали прецедентный феномен. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что этот прецедентный феномен входит в ядро корпуса прецедентных текстов, хорошо знаком молодежи, узнаваем и воспроизводим.

Предложив установить авторство цитаты в заголовке «Как Москва вырывается из темного царства», мы сознательно пошли на провокацию (ср. «**Луч света в темном царстве** – заглавие статьи Н. А. Добролюбова (1860), где анализируется пьеса А. Н. Островского «Гроза» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 200: 254). 16% филологов указали автором Добролюбова и 42% – связали с текстом пьесы «Гроза». Среди неверных ответов был «*Белинский*»: здесь имеет место скрытая агнонимия (отвечающий помнит, что это сказал какой-то критик, но кто конкретно – нет). Именно по этому принципу ряд участников первого эксперимента приписали эту фразу Герцену. Примечательно, что 15 лет назад 14% от общего числа участников указали автором Добролюбова (из них 18% филологов и 9% нефилологов). Современный эксперимент показал, что нефилологи помнят данную цитату только применительно к тексту Островского. В целом 58% сегодняшних студентов связали заголовок с текстами Добролюбова или Островского, в то время как 15 лет назад количество верных ответов составило 54%. Примечательно, что тогда не было выявлено случаев явной агононимии (в современном эксперименте таких ответов 38%). Среди курьезных ответов в обоих случаях встретился такой: *««Мастер и Маргарита» Булгакова»*.

Неожиданными были ответы на вопрос, чьему перу принадлежит прецедентный текст «Ба, знакомые все лица!». Гри-

боедова указали 51% студентов-филологов и 74% нефилологов. 47% студентов филологического факультета признались, что не знают автора (у студентов других факультетов это число вдвое меньше – 23%). Один из студентов филфака указал, что фраза из какого-то фильма (возможно, он имел в виду цитату «Ба-а! Да это ж знакомые мне лица! Ма-аня!» из кинофильма «Место встречи изменить нельзя» (Кожевников 2001: 45). Сопоставление данных двух экспериментов показывает стабильную картину: число знающих этот базовый прецедентный текст несущественно увеличилось – с 54% до 55%, однако налицо снижение уровня прецедентной компетенции студентов-филологов.

Удручающей выглядит ситуация со знанием одного из самых известных петербургских текстов студентами-филологами – поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». Цитата «на берегу пустынных волн» известна каждому второму (51%), для остальных она агноним (явный – 37% и скрытый – 12%). Среди ошибочных ответов, даваемых филологами, были такие: *«Мертвые души» Гоголя; Лермонтов; «Полтава»; не помню откуда («Мцыри» Лермонтов?)* (здесь и далее: орфография и пунктуация отвечающих сохранены. – *О. С.*). Среди студентов-негуманитариев ситуация еще более тревожная: только 37% процентов указали текст-источник корректно. К скрытой агнонимии мы отнесли частично верные ответы, в которых ошибочно указан источник *(«Пушкин «Сказка о царе Салтане», «Пушкин «Руслан и Людмила»*) или реакции типа *«кто-то про Петра», «Фауст и Петр на берегу моря, Пушкин», «Пушкин? Петр на берегу?»*. Но, как это ни парадоксально, если посмотреть на цифры в целом, то ситуация выглядит более позитивной: 15 лет назад цитата была хорошо знакома 40% студентов, а сегодня 45%.

Цитату из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя «Какой русский не любит быстрой езды» правильно паспортизировали 60% филологов, для 19% она оказалась полным агнонимов, а для 21% – скрытым, что явствует из следующих ответов: *пословица, поговорка; «Тарас Бульба»; А.С. Пушкин; Н.В. Гоголь «Ревизор»; Некрасов «Тройка»; Лермонтов «Герой нашего времени»*. Сделанное ранее наблюдение о более широкой прецедентной компетенции у студентов-нефилогов нашло подтверждение при анали-

зе ответов на этот вопрос: 63% негуманитариев дали верный ответ, при том, что количество реакций, свидетельствующих о полной агнонимии данного прецедентного текст, здесь значительно выше – 35%. Увеличение этих групп произошло за счет сокращения количества ответов, показывающих скрытую агнонимию (2%): *«Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», «Чехов «Ионыч»*. Общая картина в данном случае тоже выглядит довольно благоприятно: если 15 лет назад 52% всего количества участников эксперимента указали верно источник прецедентного текста, то сегодня их число уже 62%.

Цитату-советизм из поэмы В. В. Маяковского в газетном заголовке «Кефир и йогурт – близнецы-братья» узнал только один участник эксперимента из числа филологов, 90% – затруднились ответить. В числе 7% ответов, содержащих ложную паспортизацию, были: «*Братья-разбойники А. С. Пушкин»; «Братья Карамазовы»*. Только один студент-нефилолог справился с заданием *(«Маяковский»*), остальные поставили в соответствующей графе прочерк. В целом только для 2% участников современного эксперимента эта фраза оказалась знакомой, в то время как 15 лет назад таких было 12%. Сокращение в 6 раз количества правильных ответов показывает не только ослабление прецедентной компетенции молодежи с точки зрения культовых текстов советской эпохи, что вполне закономерно, но и тенденцию к выходу из ядра корпуса современных прецедентных текстов цитат-советизмов.

Пушкинская цитата «*и жизнь, и слезы, и любовь*» оказалась известна лишь 21% филологов, для 49% – это явный агноним; остальные считают, что авторство принадлежит Баратынскому, Блоку, представляет собой «*название какого-то фильма*» или цитату из «Евгения Онегина». В очередной раз студенты-нефилологи демонстрируют лучшее знание русской классической литературы. 40% отвечающих указали не только автора, но и название стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье…», 46% ответов показали полную агнонимию. Среди реакций с частичной агнонимией встретились такие: *«Есенин», «Пушкин «Евгений Онегин»», «фильм», «стихотворение», «стих»*. Обращаясь к данным, полученным 15 лет назад, видим, что тогда эта цитата была знакома 32% участникам эксперимента, а сегодня 29%. Вызывает опасение то, что сегодняшние

студенты-филологи вдвое хуже знают базовый прецедентный текст, в сравнении с их ровесниками, обучающимися на негуманитарных специальностях.

Следующий из газетных заголовков «Возвращение кавказского пленника» представляет собой контаминацию двух прецедентных феноменов: библеизма «возвращение блудного сына» и литературного – «кавказский пленник», за которым стоит целая цепочка аллюзий и обыгрываний (Пушкин – Лермонтов – Толстой). Приятно было обнаружить, что из 77% верных ответов филологов в 19% указано несколько текстов-источников (Библия, Пушкин – Лермонтов; Библия – Пушкин; Библия –Лермонтов). Остальные участники указали только один из источников: прецедентный феномен «кавказский пленник» для них в первую очередь связан с именем Пушкина (30%), затем Лермонтова (23%) и в последнюю очередь с Толстым (2%), наряду с курьезными ответами типа *«Кавказский пленник» Баратынский*. 5% отвечающих не увидели литературную цитату и указали только один текст-источник – Библию. У студентов-нефилологов паспортизация заголовка с контаминацией нескольких прецедентных текстов вызвала существенные затруднения. 51% участников не узнали ни одного прецедентного текста, 3% увидели интертекстовые переклички *(«Пушкин, Лермонтов»*), 3% – библейскую цитату *(«Возвращение блудного сына, Библия»*). Большинство соотносило ее с одним из известных им авторов, прежде всего с Толстым (20%), потом с Пушкиным (14%) и в последнюю очередь с Лермонтовым (6%). Приятно отметить, что в сравнении с участниками эксперимента 15-летней давности большее количество молодых людей видит «интертекстуальные цепочки» и контаминации цитат; в целом авторство цитат смогли установить 67% испытуемых (против 34% в ранее проведенном эксперименте). Примечательно, что большее количество реакций, указывающих одновременно несколько источников, говорит о цитатности как о новом принципе мышления молодежи.

Прецедентный текст в заголовке «Рукописи не горят по приказу обкома?» узнали по 74% участников в каждой из групп современного эксперимента. Это свидетельствует о том, что булгаковская цитата хорошо известна сегодняшним молодым людям и прочно входит в ядро национального корпуса пре-

цедентных текстов, хотя иногда она ошибочно соотносится студентами с другими произведениями: «*Р. Бредбери «451º по Фарингейту», «Мертвые души», «второй том «Мертвых душ» Гоголя*. 15 лет назад эту цитату узнали 64% участников –снова налицо положительная динамика прецедентной компетенции.

При том, что большая часть студентов-филологов (56%) точно восстановили исходную форму цитаты из стихотворения М. Ю. Лермонтова в газетном заголовке «Выхожу я в ластах на дорогу…» и указали автора, для 28% это стихотворение принадлежит перу Есенина и Пушкина, а оставшимся 16% оно оказалось вовсе незнакомым. Ответы нефилологов показывают обратную картину: 60% абсолютно не знают текст-источник, знаком он только 34%, 6% уверены, что фраза взята из стихотворения Пушкина, Есенина и Чехова (?!). Однако если 15 лет назад цитату узнали лишь 22% ответивших, то сегодня их число – 45%.

У 48% студентов-филологов вызвало затруднения задание восстановить исходную форму и авторство заголовка «Туалет» должен звучать гордо», 33% без труда указали автора и исходную форму, а среди оставшихся 19% ответов встречались такие: *возможно, Достоевский; «Двенадцать стульев»* или восстановленный вариант цитаты без указания авторства или со знаком вопроса, показывающим, что ее паспортизация для отвечающего невозможна. 37% нефилологов легко установили авторство цитаты и даже ее первоначальную форму, хотя для 60% цитата полностью агнонимична. Сравнивая результаты двух экспериментов, заметим, что они приблизительно одинаковы: 34% ответивших в 2000 г. и 35% в 2015 г. имеют хорошее представление о тексте-источнике.

Почти половина студентов-филологов (49%) верно указала источник грибоедовской цитаты «И дым отечества нам сладок и приятен?», двое из них даже отметили первоисточник – стихотворение Державина, процитированное Грибоедовым (ср.: «В начале комедии Чацкий радуется приезду на родину: ***Когда пространствуешь, воротишься домой, И дым отечества нам сладок и приятен!***» Так он повторил известный стих Г. Державина. (Р. Плетнев. А. А. Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова. Попытка развенчания героя <1980>)» (Мокиенко, Сидоренко, Семенец 2009: 211). Таким образом, студенты показали,

что не только знают текст-источник (комедию Грибоедова), но и текст-первоисточник (стих Державина), и в последнем случае ответы не только точные, но демонстрирующие хорошее знание интертекстуальных перекличек и широкий «прецедентный кругозор». Но, к сожалению, у большинства вопрос вызвал затруднения (51%): для 42% филологов цитата оказалась незнакомой, а оставшиеся 9% соотнесли ее с творчеством Пушкина. Среди ответов негуманитариев схожая картина: 42% показали незнание цитаты, 25% – скрытый агноним *(«Лермонтов «Бородино»», «Толстой «Война и мир»*), однако лишь в 33% – полное знание текста-источника (в одном из ответов также встречается имя Державина). Приятно признать, что если 15 лет назад корректно паспортизировали цитату только 14% ответивших, то сегодня их число 41%.

Для 72% филологов-участников эксперимента трансформированная цитата из стихотворения В. В. Маяковского «Нашему юношеству» – «я шведский бы выучил только за то…» – оказалась неизвестна; 16% точно восстановили исходную форму и указали автора. Примерами скрытой агнонимии являются такие ответы: *Маяковский «Поэт и гражданин»; Фонвизин «Недоросль», «Я бы в летчики пошел» В. В. Маяковский*. У нефилологов количество участников, знающих этот прецедентный текст существенно выше – 25%, для 60% он полный агноним. Среди неверных ответов встречались такие: *«Лермонтов», «Гоголь», «Горький», «Уроки французского»*. Любопытным стал факт, что 15 лет назад ни один студент не смог указать авторство цитаты, а сегодня она известна 18% испытуемых. Этот факт свидетельствует в пользу того, что часть цитат-советизмов, вопреки ожиданиям, не только не уходит на периферию корпуса прецедентных текстов, но и становится более известными молодежи.

Подводя итог сравнительному анализу двух экспериментов, скажем, что, на наш взгляд, очевидна положительная динамика прецедентной компетенции современных студентов, при сохранении большого числа агнонимичных прецедентных феноменов. Однако с сожалением заметим, что прецедентная компетенция студентов-филологов в целом не такая широкая, как у студентов, обучающихся на негуманитарных специальностях.

Беркова В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.

Кожевников А. Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. СПб.; М., 2001.

Мокиенко В М., Семенец О. П., Сидоренко К. П. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова. («Горе от ума»). М., 2009.

Черняк В. Д. «Мы все учились понемногу»: речевая культура и культурная грамотность // Вопросы культуры речи. М., 2011. С. 77–81.

Л. В. Балахонская *(Санкт-Петербург)*

Лексические средства вербализации чувственных образов в рекламных текстах

В рекламной коммуникации большое значение имеет конкретно-чувственное представление рекламируемого объекта, когда воздействие на сознание потребителя осуществляется с помощью органов чувств. Появилось новое направление в продвижении товаров на рынке – сенсорный маркетинг. Его основателем считается один из ведущих мировых бренд-экспертов Мартин Линдстром, который в книге «Brend sens» привел данные о том, что если покупка сопровождается приятным звуком, то готовность приобрести товар возрастает на 65%, приятный вкус ускоряет рост этой готовности на 23%, приятный запах – на 40% и т. п. (Lindstrom 2005).

В рекламе очень важно сформировать чувственный образ рекламируемого объекта, чтобы в сознании потенциального потребителя отобразились те или иные свойства товара.

В иерархии чувств доминирующее положение, по мнению специалистов, занимают зрение и слух, так как именно на них базируются процедуры распознавания, типологии и интерпретации явлений. Помимо зрения и слуха в рекламной коммуникации (прежде всего в рекламе на местах продаж) немаловажную роль играют также обоняние, осязание и вкусовые ощущения, поскольку потенциальный потребитель может реально попробовать рекламируемую продукцию на вкус, ощутить ее запах, прикоснуться и т.п. Однако большую часть рекламной информации потенциальный потребитель получает не на местах продаж, а из печатных СМИ, телевидения, наружных конструкций, интернета, когда реальный контакт с товаром невозможен. В этом

случае основная нагрузка в реализации сенсорного воздействия падает на рекламный текст, на его языковое оформление.

В рекламном тексте чувственный образ формируется на базе слов, обладающих сенсорной семантикой. В таких лексемах, входящих в соответствующие сенсорные поля, отражена работа пяти органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса. Приведем лишь малую часть наиболее актуальных для рекламного дискурса слов, обладающих сенсорной семантикой и вербализующих соответствующие чувственные образы. Визуальные образы вербализуются с помощью слов, входящих в сенсорное поле зрения: *видеть, глядеть, наблюдать, ясный, яркий, красивый, рисовать, смутный, тусклый, смуглый, высвечивать, показывать* и других. Зрительные образы при восприятии рекламного текста можно сформировать, употребляя такие, например, речевые обороты: *представьте себе; посмотрите, как красиво; вам это к лицу; вы видите, что…; мы с вами наблюдаем, как… и т.п.* Акустические образы вербализуются с помощью слов, входящих в сенсорное поле слуха: *слышать, рассказывать, говорить, шептать, щебетать, монотонный, громкий, тихий, глухой, созвучный, оглушительный* и других. Слуховое восприятие рекламного текста актуализируется при употреблении, к примеру, следующих речевых оборотов: *послушайте…; как тихо вокруг; как дивно звучит музыка; это созвучно моему настроению* и т. п.

Тактильные ощущения можно вербализовать с помощью слов, входящих в сенсорное поле осязания: *хватать, прикасаться, вникать, чувствовать, ощущать, твердый, мягкий, горячий, холодный, тяжелый, легкий, острый, грубый, соединять, двигаться* и других, а также с помощью таких речевых оборотов, как: *я чувствую, что…; ощутите, как…; тяжелая ноша; твердый характер; нежное прикосновение* и т. п.

Вкусовые ощущения легко вербализуются словами, входящими в сенсорное поле вкуса*: горький, вкусный, кислый, соленый, сладкий, копченый, жареный, вяжущий, жгучий, мариновать, тушить, перчить* и другими, а также речевыми оборотами: *нежный вкус сливочного масла; клубничный вкус мороженого; сладковато-пряный оттенок соуса* и т. п.

Обонятельные ощущения можно вербализовать лексемами, входящими в сенсорное поле запаха: *ароматный, хвойный,*

цветочный, душистый, резкий, приятный, неприятный, пахнуть, одурманивать и другими, а также речевыми оборотами: *аромат морозной свежести; запах жимолости / корицы / розы / тмина* и т. п.

Формирование чувственных образов при восприятии рекламного текста может интенсифицироваться благодаря использованию в нем лексических синонимов, которые «со всей очевидностью обнаруживают свои определяющие характеристики, свою онтологическую предназначенность – служить средством многомерного представления объекта…» (Черняк 2001: 335). Такое «многомерное представление объекта» с помощью синонимических рядов, состоящих из слов, обладающих сенсорной семантикой, наблюдается, например, в рекламе декоративной косметики, представленной в журнале Faberlic (2005, № 9):

Коллекция «Итальянская симфония» — симфония цвета. Оживленно… С чувством… Со страстью. Затронем пару струнок или сыграем на всех пяти чувствах? Для начала поиграем с красками. Разберем яркие оттенки, а теперь мягче, мягче, мягче… И – финальный аккорд! Аплодисменты…. Браависсимо!

Выбор слов, обладающих сенсорной семантикой, зависит от товарной категории, свойств конкретного товара, канала распространения рекламного сообщения и т.п. Например, в рекламе, транслируемой по телевизионному каналу, нет смысла использовать лексемы, вербализующие зрительные, в том числе цветовые ощущения, так как адресат рекламы гораздо быстрее воспримет внешний вид товара органами зрения, чем будет ждать описания формы, цвета и других характеристик с помощью вербальных средств. Но запах, вкус, тактильные ощущения в этом случае можно передать только с помощью соответствующих лексем. Причем степень воздействия на сознание адресата напрямую зависит от того, какие именно языковые средства сумеет подобрать рекламист, чтобы описать тончайшие нюансы рекламируемого объекта, например: не просто *вкусный* продукт, а *обладающий пикантным вкусом* или *вяжущий, сладковатый, пряный, с кислинкой, сочный* и т.п.

Иногда разные сенсорные модусы взаимодействуют друг с другом в нашем сознании, что отражается в появлении таких необычных словосочетаний, как *зеленый шум*, в котором объединяются два смежных ощущения: зрительное и слуховое, *кислый запах*, в котором соединены вкусовое и обонятельное

ощущения, *холодный голос*, в котором взаимодействуют осязательное (тактильное) и слуховое ощущения. Такие интерсенсорные (интермодальные) связи ощущений в психологии и психолингвистике принято называть синестезией. Психофизиологический механизм синестезии, по мнению известного отечественного нейролингвиста А. Р. Лурии, состоит в том, что нервные импульсы, идущие от рецепторов в подкорковой зоне, друг друга индуцируют (возбуждают), так как нейропроводящие пути находятся рядом друг с другом (Лурия 1975).

В лингвистике синестезия определяется как «феномен восприятия, состоящий в том, что впечатления, соответствующие данному раздражителю и специфические для данного органа чувств, сопровождаются другим, дополнительным ощущением или образом, часто характерным для другой модальности» (Языкознание 2000: 166).

Интермодальные связи разных сенсорных модусов, в результате которых чувственное ощущение одного вида переносится на ощущение другого вида, в системе языка нашли отражение в переносных значениях сенсорных прилагательных: *мягкий голос* (перенос из тактильного в слуховое ощущение), *сладкий запах* (перенос из вкусового в обонятельное ощущение), *теплый свет* (перенос из тактильного в зрительное ощущение) и т. п.

В рекламном дискурсе активизируются системные потенции языка, что приводит к появлению новых, неузуальных синестетических словосочетаний, например: *Boss Intense Shimmer. Ощути сияние аромата* (реклама духов фирмы Hugo Boss, где обонятельные ассоциации переносятся в область визуальных); *Неповторимая музыка вкуса!* (реклама растительного масла «Альтеро», где вкусовые ассоциации переносятся в область акустических); *Радуга звуков* (реклама слуховых аппаратов фирмы «Oticon», где акустические ассоциации переносятся в область визуальных).

В. К. Тарасова среди словосочетаний интерсенсорного типа выделяет синестетические метафоры и синестетические метонимии. Синестетическая метафора возникает в результате переноса наименования, основанного на субъективном (т. е. испытываемом субъектом восприятия) сходстве ощущения, при котором и исходное, и конечное значения слова являются

сенсорными (Тарасова 1985: 95). Например: *Dove. Мой шелковый шоколад*. Метафорический перенос вкусовых ощущений в тактильные в телевизионной рекламе подкрепляется визуальным образом: героиня лежит на роскошном шелковом белье шоколадного цвета, которое мягко струится, нежно касается ее тела, обволакивает ее. Сходные чувства девушка испытывает и от плитки шоколада, вкус которого ассоциативно связывается с нежным прикосновением шелка к коже.

В рекламе широко представлены синестетические метафоры на основе сходства слуховых и вкусовых ощущений, например: *Ресторан Санкт-Петербург. Это звучит вкусно* (аудиореклама ресторана «Санкт-Петербург»); *«Долька» - вкусное слово!* (реклама сока «Долька»).

Синестетические словосочетания метафорического типа могут возникать также на основе объединения цветовых (зрительных) и слуховых ощущений, например: *Музыкальный фестиваль в Санкт-Петербурге «Краски джаза»* (реклама фестиваля); *Симфония цвета* (реклама декоративной косметики).

В рекламе синестетические словосочетания могут возникать и в результате переноса вкусовых ощущений в цветовые (визуальные), например: *Жизнь в розовом вкусе!* (реклама тортов фабрики «Невские берега»); *Палитра вкусов* (реклама шоколадных конфет фабрики «Россия»).

Интермодальные словосочетания, основанные на смежности ощущений, называются синестетическими метонимиями. В качестве примера можно привести рекламу фотовыставки «Кадровая политика радиостанции «Эхо Москвы», где слоган «*Редкий случай, когда радио можно увидеть*» представляет собой синестезию на основе смежности слуховых и зрительных ощущений.

Синестетические словосочетания метафорического типа в лингвистике являются более изученными, т.е. традиционно проблема интермодальных связей сводится к метафорическим переносам. В синестетических метафорах, как отмечает С. Ульман, наблюдается тенденция к иерархическому распределению со-ощущений: переносы идут от низших, менее дифференцированных восприятий (тактильных, вкусовых, обонятельных) к высшим, более дифференцированным и развитым сенсорным полям – акустическому и визуальному (цит. по:

Тарасова 1985: 97). Существование синестетической метонимии признают не все лингвисты, например, С. Ульман называл сочетания сенсорных слов, основанные на смежности, «псевдосинестезиями».

Некоторыми учеными термин «синестезия» используется в более широком смысле. Так, М. В. Никитин считает, что сближение концептов простых физических действий и действий умственных и эмоциональных происходит также на синестетической основе (Никитин 1974: 64). Это дает основания относить к синестетическим словосочетаниям, например, и такие: *Попробуйте лето на вкус!* (реклама замороженных овощей и фруктов); *Сладкая радость!* (реклама леденцов); *Попробуйте мечту на вкус!* (реклама торта «Венеция»). В рекламном дискурсе наблюдается преобладание конкретного по сравнению с абстрактным, «опредмечивание» отвлеченных понятий. В первом примере абстрактное существительное *лето* приобретает «овеществленное» значение – «овощи и фрукты», во втором случае абстрактное существительное *радость* предстает также в «опредмеченном» смысле – «леденцы»; в третьем примере абстрактное существительное *мечта* получает конкретный смысл – «торт». В последнем случае видим подмену духовных ценностей материальными: мечта увидеть Венецию упрощается до мечты попробовать торт с таким названием.

Подобные семантические трансформации, наблюдаемые в абстрактных существительных, закрепляются посредством сочетания с прилагательными и глаголами, выражающими сенсорные (перцептивные) значения. Органами чувств мы ощущаем лишь конкретные предметы, «вещи». Чтобы реклама достигла своей цели, перед копирайтером стоит задача представить рекламируемый предмет («вещь») наиболее выпукло, «фактурно», т.е. потенциальный потребитель должен воспринимать объект рекламы не одним, а сразу несколькими органами чувств, между которыми устанавливаются устойчивые связи. «Объединение импульсов, идущих от разных рецепторов, может соответствовать синкретичности самой ситуации восприятия, где в одном контексте сосуществуют разнообразные источники ощущений. Здесь также происходит совместная работа органов чувств, однако работа каждого анализатора стимулируется отдельным, реально существующим раздражителем» (Тарасова 1985: 94).

Основой предметного восприятия рекламируемого товара должна стать совместная работа нескольких органов чувств. Так, слоган *«Радуга фруктовых ароматов»* в рекламе жевательных конфет «Skittles» базируется на объединении сразу трех сенсорных модусов: зрительного, вкусового и обонятельного.

Таким образом, вербализация чувственных образов в рекламном тексте осуществляется с помощью слов и словосочетаний, обладающих сенсорной или интерсенсорной семантикой, использование которых должно помочь потенциальному потребителю ощутить свойства рекламируемого объекта в наиболее полном, выпуклом, «фактурном» виде.

Лурия А. Р. Ощущения и восприятие. М., 1975.

Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Тарасова В. К. Системные связи и семантика синестетических словосочетаний // Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л., 1985. С. 94–101.

Черняк В. Д. Лексическая синонимия в современной прозе: штрихи к портрету современника // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения / Отв. ред. В. Д.Черняк. СПб., 2001. С. 328–336.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 2000.

Lindstrom M. Brand Sense: Build Powerful Brands through Touch, Taste, Smell, Sight and Sound. N.Y., 2005.

З. К. Тарланов *(Петрозаводск)*

Видовые противопоставления в истории русского литературного языка XIX в. (Пушкинский период)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00023/15 «Русский литературный язык Пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля».

Одна из существенных сторон научной деятельности профессора Валентины Даниловны Черняк состоит, на мой взгляд, в пристальном и даже в щепетильном отношении к качеству, степени репрезентативности и полноты исследуемого фактического материала. Это то, что неотделимо от подлинных представителей Ленинградской (Петербургской) школы отечественной филологии и языкознания в целом, для которых

традиционно неприемлемы были как эмпиризм, лишенный движения мысли, так и теоретический универсализм, не питаемый фактами. Так, прекрасной иллюстрацией сказанному служит одна из интереснейших статей Валентины Даниловны по речевому портрету современника, где его лингвокреативная деятельность рассматривается на материале деривационных потенций слова (Черняк 2014: 158–165).

Главная цель предлагаемых заметок заключается, однако, в том, чтобы на новом материале и вслед за юбиляром попытаться подтвердить важность и плодотворность обращенности общенаучных методологических подходов к языковой фактуре в разнообразии ее проявлений. Материалом для грамматических наблюдений послужили тексты прижизненной критики Пушкина, принадлежащие перу образованнейших людей того времени. Непосредственным предметом анализа являются видовые формы глагола в первой трети XIX в. в их противопоставлениях, а также в контексте диалектики и направлений развития русской глагольной системы.

Фундаментальная перестройка русской глагольной системы, как и именной, приходится, как известно, на среднерусский период в истории русского языка – с начала XIV в. по XVI в. Именно на это время падают важнейшие процессы, связанные со становлением, расширением и закреплением русских глагольных категорий, ставших достоянием русского национального языка нового времени. К этому же времени относится также формирование новых качеств синтаксического строя и многих синтаксических категорий великорусского языка (Тарланов 1999).

Однако хронологическая протяженность и глубина прохождения этих процессов была разной для разных категорий языка. Если, например, обновление и грамматическое оформление категорий лица, времени и наклонения в принципиальном плане завершаются в XVII – первой половине XVIII в., то этого нельзя сказать о категориях вида и залога. Судя по данным литературного языка первой трети XIX в., отраженным в текстах прижизненной критики Пушкина, в это время оставалось много противоречивого и случайного в их оформлении и функционировании.

По состоянию видовых форм, их синтагматики в рассматриваемый период вполне правомерным можно считать па-

радоксальное утверждение выдающегося историка русского языка Б. А. Ларина (1951 г.), согласно которому «категория вида русских глаголов развилась довольно поздно, по-видимому, только к XIX в.; XVII в. ее еще не знает, это можно утверждать категорически; XVIII в. был эпохой, когда система выражения видовых значений русских глаголов только намечалась» (Ларин 1975: 305).

Эти суждения Б. А. Ларина были, безусловно, обусловлены исторически и отражали состояние изученности категории вида русского глагола к пятидесятым годам XX в. Однако сейчас, на современном уровне развития русистики, едва ли кто из историков русского языка сомневается в том, что категория вида русского глагола именно как категория, характеризующаяся своими специфическими семантическими оппозициями, своими специфическими средствами их реализации, своими тесными связями с категорией времени, сложилась достаточно давно, еще в XVI в.

Приведенные суждения Б. А. Ларина, кроме их историко-научной обусловленности, были нацелены также и на защиту той картины видо-временной системы русского глагола XVIII в. (Ларин 1975: 305), которая была представлена М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике» (Ломоносов 1755: 106–107). (Ломоносов, как известно, насчитывал в ней десять времен глагола.)

Историческим языкознанием неопровержимо установлено, что категория вида в русском языке уже существовала в XVII в. Следовательно, период с конца XVI в. по 30-е годы XIX в. – это период активного становления и оттачивания видовых норм, их значений, закрепления социального опыта в их целесообразном употреблении, согласованном с формами и значениями временной парадигмы глагола, это период борьбы новых языковых средств со старыми, период своего рода селекционного отбора их с точки зрения соответствия их культурным, интеллектуальным, эстетическим, выразительным и прочим потребностям времени.

Что же касается интересующих нас собственно видовых форм глагола, то обращает на себя внимание, в частности, и то, что литературно-критические статьи пушкинского периода изобилуют вариативными видовыми параллелями, образованными по разным моделям и позволяющими тонко нюанси-

ровать их смысловые возможности, хотя впоследствии не все из них стали достоянием литературного языка.

Однако, прежде чем перейти к непосредственному обзору соответствующих типов, оговоримся по поводу принятой в работе методики анализа. Поскольку основная задача исследования состоит не в семантическом описании глаголов, а в прослеживании судьбы их видовых пар или цепочек с позиций литературной нормы и стилистических предпочтений, то в порядке контрольно-проверочных источников используются в основном два авторитетных словаря русского языка, адекватно представляющих его состояние соответственно по двум хронологическим срезам (в первой половине XIX в. и в середине XX в.), – это «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и второе издание четырехтомного «Словаря русского языка» («Малый академический словарь»).

Наиболее распространенные модели видообразования, представленные в текстах прижизненной критики Пушкина, выглядят следующим образом:

I. Модель, включающая в себя противопоставление форм многогократности (итератива) с продуктивным суффиксом *-ива-, -ыва-* и несовершенного же вида (имперфектива) – *держивать : держать, важиваться : водиться, оканчиваться : окончиться, ставливались : ставились, читывать : читать*, например:

Этот разбор – точное факсимиле с разборов, которые некогда ***читывали*** *мы в журналах, где участвовал или* ***держивал*** *главную редакцию А. Ф. Воейков (Федоров 1828– 1830: 357); Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что гов<орят> за ним* ***важивалось****), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось… (Пушкин 1828–1830: 302).*

К этой же группе должны быть отнесены и глаголы *поставлять – ставить – поставить, ставливать – ставить – поставить*, отличающиеся по фонетическому оформлению корневой части. Это активная модель, оппозитивно охватывающая глаголы первого продуктивного класса на *-ать* в инфинитиве и *-ают-* в третьем лице множественного числа настоящего времени и четвертого продуктивного класса на *-ить-* в инфинитиве, *-ат-*, *-ят-* в третьем лице множественного числа настоящего времени, а также первого непродуктивного класса в

настоящем времени, по теории глагольных классов В. В. Виноградова (Виноградов 1947: 446–452).

Глаголы многократного вида – типичная принадлежность живой разговорной речи с самого начала формирования категории вида в русском языке. В. И. Чернышев был безусловно прав, резко возражая Н. И. Гречу, считавшему многократные глаголы типа *бывывало*, *хаживал* «несбыточными и небывалыми» в русском языке. Чернышев иллюстрировал свои возражения большим количеством фактического материала, в том числе и из художественной литературы (Чернышев 1970: 546–548). Однако органичность для русского языкового строя имперфективов доказывается в первую очередь тем, что они относятся к первому продуктивному классу глаголов. Они, естественно, активно используются и авторами литературно-критических статей рассматриваемого периода. Это было, в частности, одним из структурных проявлений принципа демократизации литературного языка, обогащения его новыми выразительными средствами и возможностями. Базой подобных средств и возможностей выступал язык разговорный.

II. Модель, в видовые пары которой входят глаголы многократной семантики (итератива) первого продуктивного класса на *-ать* в инфинитиве и *-ают-* в третьем лице множественного числа настоящего времени (*задушать, оценять, погрешать, поспешать, почерпать, уловлять, упадать*) и несовершенного же вида (имперфектива) главным образом четвертого продуктивного класса на *-ить* в инфинитиве и *-ат-*, *-ят-* в третьем лице множественного числа настоящего времени (*душить, ценить, грешить, спешить, ловить*):

При сем известии Москва приходит в волнение, отводит юного царя с матерью и сестрою при проклятиях в темницу и слышимо ***задушает*** *первых двух (Мнение барона Е. Ф. Розена о драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»: 261).*

Как итеративы, так и имперфективы, будучи параллельными рядами несовершенного вида, одинаково соотносятся с одними и теми же префиксальными формами совершенного вида (*задушить, оценить, погрешить, поспешить, поставить, уловить, утушить*).

III. Модель по третьему продуктивному классу *-овать*, *-евать* в инфинитиве и *-уют* в третьем лице множественного числа настоящего времени (*оспориваить – оспаривать – оспо-*

рить, приписовать (?) – *приписывать – приписать, присвоивать – присваивать – присвоить*):

… и наш полководец был чужд, далек от такого беспредельного самомнения, каковое ему ***приписует*** *поэт (Голенищев-Кутузов 1834–1837: 191).*

Ср. также глагольные формы *почерпающий – почерпывающий, указующий – указывающий*.

Необходимо отметить и то, что общие стилистические установки критических статей явственно противоречивы: с одной стороны, при наличии вариантных форм глагола предпочтительными в них оказываются чаще всего архаичные формы, что свидетельствует о давлении традиции, об ориентации критико-публицистического стиля в целом на книжную традицию. С другой стороны, в тех же текстах, у одного и того же автора широко привлекаются и народно-разговорные средства языка. Тем самым архаичные формы конкурируют с новыми, народно-разговорными, формами, и часто победа в этой борьбе остается за первыми. И это обстоятельство не могло не служить выражением преобладавшего направления в оценке развития языкового вкуса интеллигентской части русского общества в 20-е – 30-е годы XIX в.

Из проведенного, пусть и краткого, обзора следует ряд выводов и обобщений, касающихся, во-первых, того, каковы были те природные ресурсы категории вида русского глагола, из которых отбирались соответствующие формы, выстраивавшиеся в качестве членов видовых противопоставлений со статусом литературной нормы, и, во-вторых, того, каким представляется сам процесс развития категории вида в литературном языке в отличие от языка разговорного:

1. В отличие от категории залога, отнесенность глагольных форм к которой в русском языке может быть и чисто условной (ср. примеры из критических статей Киреевского: *Пушкин случайно* ***совпадается*** *с Байроном*; *… но филантропизм французский и немецкий идеализм* ***совпадались*** *в одном стремлении…*), категориальная семантика вида в тексте всегда так или иначе прослеживается и тяготеет к универсальности, простираясь даже на именное пространство (ср. отглагольные субстантивы *отыскание* и *отыскивание*). Такой вывод подтверждается и рассмотренным материалом.

2. Какими бы ни были собственно теоретические объяснения категории вида, фактом является то, что русский глагол не может не относиться к одному из двух видов.

3. Проблема, которая требует решения, но пока не решена, состоит главным образом в том, насколько универсальны и гомогенны те грамматические средства и способы, которые используются для реализации видовых значений.

4. Глагольное словообразование неотделимо от глагольного видообразования. Вновь образуемый глагол предполагает локализованность в отношении вида, но значение производной основы не исчерпывается видовым значением – оно почти всегда лексично. Лексичность видового значения, однако, не отменяет вида так же, как вид глагола не отменяет его лексичности. Категория вида в русском языке не столько грамматическая, сколько лексико-грамматическая категория.

5. Поэтому видовое значение глагола стилистически существенно настолько, насколько стилистически значим сам глагол с этим значением. Стилистические ресурсы вида глагола неотделимы от ресурсов соответствующей глагольной лексики.

6. Только-только формировавшийся критико-публицистический стиль русского литературного языка остро испытывал потребность в видовых формах, отчетливо противопоставленных друг другу, для образования которых использовались возможности как русского разговорного языка (преимущественно), так и церковно-книжного языка и отчасти диалектов.

7. Заметная примета видовых противопоставлений в рассматриваемый период состоит и в том, что часто видообразование проходит по непродуктивным моделям, тем самым актуализируя архаичные черты глагольного строя (ср. *задушить – задушать, погрешить – погрешать, поспешить – поспешать, оценить – оценять, уловить – уловлять, утушить – утушать* и др.)

8. В числе глаголов несовершенного вида часто использовались формы многократности, свидетельствовавшие о движении русского литературного языка в целом по пути демократизации. Вместе с тем конкуренция между старыми и новыми способами представления видового значения оставалась острой. В любом случае средоточием идеи языкового развития, выражением его диалектики выступал несовершенный вид глагола как наиболее емкий, связанный с потенциальным панхронизмом при реали-

зации значения настоящего времени и потому наиболее объемный. Для выражения значения несовершенного вида использовались цепочки форм разного происхождения, подвергавшихся селекции и целенаправленному отбору, в чем и состояло одно из направлений грамматико-стилистического упорядочения активно складывавшегося критико-публицистического стиля русского национального литературного языка.

Болдинские полемические заметки Пушкина. Опровержение на критики // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 283–304.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

Голенищев-Кутузов Л. И. // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. С. 189–193.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755.

Мнение барона Е. Ф. Розена о драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 259–261.

Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.

Федоров Б. М. «Евгений Онегин». Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Главы IV и V // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 355–360.

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // В. И. Чернышев. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 443–641.

Черняк В. Д. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. Вып. 1. 2014. С. 158–165.

М. П. Котюрова *(Пермь)*

Слова широкой эпистемической семантики и их функции в научном тексте

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ
№ 14-34-01026а1.

Статья написана с мыслью о Валентине Даниловне Черняк — известном ученом, лексикологе, удивительно внимательном к слову, его семантике, употреблению, замечательном человеке.

Смысловая структура научного текста, несомненно, сложна. При порождении научного текста прежде всего реализуется аналитико-синтезирующая способность ученого. Эта способ-

ность представляет собой такую особенность индивидуального мышления ученого, которая характеризует и механистическое, можно сказать, конвейерное, и креативное, т. е. интуитивное, непредсказуемое, мерцательное, мышление.

Сужая проблему речевой индивидуальности ученого до определенного круга языковых единиц, используемых в научном тексте, примем за исходное следующее утверждение. Содержание текста может быть соотнесено с научным знанием, обусловливающим смысловую единицу научного текста – эпистемическую ситуацию. Исходя из цельности научного знания, эпистемическая ситуация понимается нами голографически, т. е. как совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве трех составляющих – онтологического, методологического и аксиологического аспектов, оказывающих закономерное воздействие на формирование научного текста.

Научно-познавательная характеристика онтологического аспекта содержания соотносится прежде всего с методологическим аспектом содержания, который эксплицируется такими лексическими единицами, как слова широкой эпистемической семантики типа *часть, единица, компонент, сегмент, фрагмент, элемент; сущность, признак, свойство, параметр, характер, характеристика, особенность, сторона, черта* и мн. др. В то время как аксиологический аспект содержания выражают такие лексические единицы, как *идея, проблема, гипотеза, концепция, теория, закон,* которые – наряду с методологической информацией – фиксируют степень аргументированности и достоверности излагаемого знания. Именно слова широкой семантики формируют специфическое содержание *научного* текста как научное знание.

См., например: *При этом возникает еще одна интересная* ***проблема****, связанная с* ***параметром*** *Magn – какой именно признак интенсифицируется и воплощается в слове* (Рябцева 2005: 131). Как только «освободим» онтологическое содержание от методологической характеристики, эксплицированной номинацией ***параметр,*** и аксиологической «оболочки», представленной словом широкой семантики *проблема,* оно по существу теряет квалификацию научного знания, превращаясь в обычное высказывание (см.: *При этом интересно, какой именно при-*

знак интенсифицируется и воплощается в слове). В наиболее сжатой, лаконичной форме эпистемическая ситуация может быть зафиксирована словосочетанием типа *Постановка вопроса о существовании двух экологических систем* (название главы в монографии), предложением (см. выше), сложным синтаксическим целым в основном тексте или может быть «вписана» в такие периферийные тексты, как аннотация, предисловие, введение, выводы, заключение.

Как известно, любому знаку вообще присуща способность выражать как общее, так и частное. Эта функция установлена не только в языкознании и получила название differance (не путать с difference – дифференциация). Это понятие связано со способностью знака передавать одновременно сходство и различие. Как пишет проф. Н. Н. Белозерова, «содержание этого термина у Дерриды характеризуется двойственностью: знаки *различаются* (differ), то есть познаются… через общие характеристики. Основными положениями концепции Дерриды являются утверждения, что (1) *в центре существования стоит различие (difference), а не сущность; (2) знаки могут представлять значения только через (differance) (различие + общие характеристики).* В отличие от Соссюра, который рассматривал только лингвистический знак, Деррида расширил область применения *differance.* Согласно его концепции, принцип *differance* является онтологическим и поэтому может рассматриваться как философская основа для изучения когнитивных процессов» (Белозерова 2010: 246). Отсюда признание особой важности субъективного восприятия: «отношения подобия не характеризуются жесткой детерминацией, поэтому могут быть обманчивы и *субъективны* (курсив наш. – *М. К.*)» (Арутюнова 1999: 275). Нельзя не согласиться с обобщением Т. В. Охрименко, что «субъективность как языковая категория, в отличие от философской, логической, психологической, четко не определена» (Охрименко 2009: 80). Однако для рассматриваемого вопроса существенно то, что присущая научному знанию *интерпретативность* предполагает его субъективность (бесспорно, наряду с объективностью!) «равновозможности различных точек зрения на мир, выделяющих его ту или иную существенную сторону» (Щирова 2012: 354), а также то, что «подобие в силу субъективности и разнообразия имеет наибольшие возможности реализации, поэтому более

всего характеризует позднейшие (в том числе актуальный) этапы развития человеческой мысли» (Охрименко 2009: 80).

Можно предполагать, что словам широкой семантики в высшей степени присуща функция differance, причем с акцентом на компоненте ‘сходство’ (подобие). Эпистемическая характеристика содержания (онтологического аспекта знания) поднимает его на новый, более высокий, а именно научно-познавательный, уровень обобщения, отвлечения от реальной действительности и создания виртуального мира – мира научного знания.

В свою очередь, акцент на компоненте ‘сходство’, а также отбор и употребление соответствующих номинаций свидетельствуют о том, что автор реализует аналитико-синтезирующую когнитивную функцию *в той или иной мере*, причем также с доминантой на синтезирующем компоненте. Абстрактный, отвлеченный от конкретной, реальной действительности смысл воплощается в словах широкой семантики, которые актуализируют самые общие семы. Иначе говоря, в онтологическом отношении данные лексические единицы оказываются малоинформативными.

Принимая широкую трактовку термина differance, но сужая его рассмотрение, считаем возможным применить его к интерпретации слов широкой семантики типа *объект, предмет, сущность, свойство, характер, характеристика, структура, функция, явление, факт* и др., функционирующих в научном тексте в составе различных восполняющих словосочетаний типа *придавать характер, иметь характер, носить характер*: Например: придает ей *«объемный», многомерный* ***характер***… (Рябцева 2005: 20); придает ей *творческий* ***характер*** (там же); *неслучайный, мотивированный и потому поддающийся осмыслению* ***характер*** (там же: 20–21).

Рассматривая слова широкой семантики в функционально-семантическом аспекте, нельзя не сказать об их особом свойстве выражать «семантическое движение» – аналогично процессу метафоризации, в котором, по мнению Ф. Уилрайта, важна «духовная глубина, на которую объекты внешнего мира, реального или вымышленного, перемещаются при помощи холодного жара воображения» (цит по: Теория метафоры 1990: 83). Слова широкой семантики характеризуются стертой метафоричностью, спо-

собностью «прикрепляться» к онтологическому содержанию достаточно свободно, почти без ограничений. Все это обеспечивает общенаучный характер слов широкой семантики.

Словам широкой эпистемической семантики в научном тексте присуща особая полифункциональность: прежде всего по отношению к содержанию – методологическая функция, а также относительно когнитивного процесса – фиксирующая differance, т.е. момент динамики: с одной стороны, перехода от частного к общему (например, *общетеоретический ПОДХОД*), с другой – от общего к частному (например, *ПОДХОД к осмыслению содержательной стороны языка*) и как результат – появление номинации *подход* в функции differance. Как представляется, функционирование слов широкой семантики со всей очевидностью иллюстрирует обобщенный характер содержания приведенных высказываний.

Обращение к словам широкой семантики, оформляющим всю конструкцию содержания научного текста, обусловлено пониманием содержания научного текста как виртуального мира и осознанием сложности создаваемой / созданной конструкции – научного знания. Интересно, что одновременность противоположных значений – различия и сходства, т. е. выполнение функции differance, не мешает проявлению функциональной доминанты, а именно позиционному усилению или ослаблению того или иного компонента аналитико-синтезирующей установки автора.

Предполагается, что сопоставительный количественный анализ употребления слов широкой семантики в функции differance в научных текстах может дать представление об их «вкладе» в индивидуальный речевой стиль ученого, а в результате – способствовать выявлению определенных тенденций в развитии функционального научного стиля.

С целью сопоставительного анализа индивидуального стиля таких современных лингвистов, как А. В. Бондарко, Н. К. Рябцева и М. Н. Кожина, мы рассмотрим слова широкой семантики лишь в минимальном контексте, зафиксированном восполняющими словосочетаниями. Контекст, создаваемый восполняющими словосочетаниями типа *Принципиально новый, антропоцентрический ПОДХОД к изучению естественного языка* наполняет содержанием слово «подход» – абстрактное,

или слово широкой эпистемической семантики. Мало того, эта номинация как выражение сходства со многими другими когнитивными ситуациями «подхода к изучению» используется в научной речи лишь в единстве, «в связке» с уточняющими конкретизаторами, в данном случае выделенными курсивом.

Интересно, что слово широкой семантики с односторонним конкретизатором (левым или правым) выполняет ту же функцию differance, что и номинация с двумя разносторонними конкретизаторами. Однако, на наш взгляд, позиция номинации с правосторонним (рематическим) конкретизатором актуализирует компонент `различие` методологической функции слова широкой семантики, в то время как позиция «внутри» композитивного словосочетания, т. е. при наличии как лево-, так и правостороннего конкретизатора акцентирует у слова широкой эпистемической семантики функцию differance в единстве двух компонентов – `сходства` и `различия`.

Известно, что в тексте обычно функционирует в качестве доминирующего лишь одно значение. Как пишет Н. Н. Белозерова, «в самом знаке нельзя обнаружить значение, поскольку оно всегда *рассеяно, подчиняется другому значению и отложено*». Если брать текст, то все слова широкой семантики являются *недостаточными* (дефектными): «любое обозначающее содержит следы другого обозначающего» (Белозерова 2010: 20–21).

Последнее замечание особенно важно для решения поставленной в статье задачи. Действительно, рассеяние значения той или иной номинации (знака) особенно легко обнаруживается в отношении слов широкой семантики. Ср.: Представим себе *смысловую СТРУКТУРУ научного текста*; Когнитивная модель – *многоуровневая, многокомпонентная и полифункциональная ментальная СТРУКТУРА*, *механизмом которой является взаимодействие различных разделов головного мозга при переработке и порождении информации.* Как видим, значение слова широкой семантики «структура» восполняется микроконтекстом (и далее – макроконтекстом).

Подводя итог общим рассуждениям о функционировании слов широкой эпистемической семантики в научном тексте, подчеркнем их соотнесенность с когнитивной, а именно аналитико-синтезирующей, деятельностью автора. Так, будем считать, что слова широкой семантики типа (наряду с вышена-

званными) *явление, факт; признак, свойство, особенность, черта; анализ, синтез, сравнение, сопоставление, аналогия* и мн. др. являются в тексте полифункциональными. Их синтезирующая доминанта проявляется в следующих случаях: 1) в начале предложения; 2) в конце предложения; 3) «внутри» композитивного словосочетания с акцентуаторами типа *присущий, основной, главный, неотъемлемый, сущностный, принципиальный* и др.

Кроме того, слова широкой семантики употребляются в таких случаях, как: 1) в начале предложения – в сочетании с указательным местоимением (например, *Эта проблема…*, *Такая постановка вопроса…*, *В этих высказываниях…* – в функции связи самостоятельных предложений и абзацев); а также 2) «внутри» восполняющего словосочетания, когда ближайший минимальный контекст окружает слово широкой эпистемической семантики, как бы обволакивая его. Эти случаи использования слов широкой семантики свидетельствуют о доминировании функции differance, т.е. функции одновременного выражения сходства и различия, в результате – усилении синтезирующей функции определенного когнитивного момента в познавательной деятельности ученого.

Обратимся к сопоставительному анализу употребления слов широкой семантики в трудах А. В. Бондарко (2002), Н. К. Рябцевой (2005), М. Н. Кожиной (2010). Материалом послужили фрагменты теоретических текстов; выборка по каждому автору составила 5 тысяч словоупотреблений.

Количество слов широкой эпистемической семантики в зависимости от позиции в предложении

Авторы	В начале предложения	В конце предложения	«Внутри» предложения – с акцентуаторами	Указ. местоимение + существительное	«Внутри» предложения	**Всего**
Бондарко	67	15	2	7	129	*220*
Рябцева	52	5	20	1	78	*156*
Кожина	30	25	-	12	137	*204*
Итого	*189*	*45*	*22*	*20*	*354*	*580*

Как видно из таблицы, слова широкой семантики достаточно широко употребляются современными лингвистами: в тексте из 5.000 словоупотреблений А. В. Бондарко их 220, Н. К. Рябцевой – 156, М. Н. Кожиной – 204. При этом значительно бо́льшая часть – 354 из 580 – находятся в позиции «внутри» предложения. Это позиция, в которой синтезирующая функция проявляется в слабой степени, зато аналитическая поддерживается уточняющим, поясняющим, конкретизирующим контекстом – по существу открытым дополнительным, расширяющим информативность текста. Характерно, что слова широкой эпистемической семантики в этой позиции значительно преобладают в подвыборках А. В. Бондарко – 129, М. Н. Кожиной – 137, правда, в подвыборке из текста Н. К. Рябцевой их меньше – 78, зато 20 употреблено в несколько более сильной позиции – с акцентуаторами.

Вместе с тем заметим неравномерность распределения слов широкой семантики в подвыборках по авторам. В подвыборке из текстов А. В. Бондарко этих единиц в начале предложения 67, Н. К. Рябцевой их 52, в то время как М. Н. Кожиной – только 30. Зато в последней получим 55 единиц, если приплюсуем количество слов в конце предложения (сильной рематической) позиции, что позволяет условно выровнять полученные количественные данные. Кроме того, нельзя не обратить внимания на то, что в подвыборке из текстов Н. К. Рябцевой «внутри» предложения употреблены слова широкой семантики в единстве с акцентуаторами, которые усиливают функцию differance.

Таким образом, аналитический компонент функции differance слов широкой эпистемической семантики явно доминирует во всех подвыборках. И это важно: слова широкой семантики – вещь незаменимая при выражении ассоциативных отношений общего и частного, именно момента перехода от одного вида семантики к другому. Обобщенный характер семантики данных слов обусловливает их способность к образованию восполняющих словосочетаний, с необходимостью дополняющих, уточняющих, наполняющих конкретно-научным – аналитическим – содержанием слово широкой семантики и, в итоге, цементирующих контекст.

Вышесказанное приводит нас к следующим выводам:

1) слова широкой семантики являются одним из средств репрезентации методологического аспекта эпистемической

ситуации. Эти языковые единицы ориентированы на выражение аналитико-синтезирующей деятельности ученого, в частности экспликацию в научном тексте сходства и различия между понятиями. Иначе говоря, слова широкой семантики играют важную функционально-стилистическую роль в формировании именно научного текста;

2) конкретизация амбивалентной функциональной семантики данных единиц обусловлена их позицией в предложении. Как правило, употребление слов широкой семантики в сильной позиции начала и конца предложения, а также наличие акцентуаторов при их употреблении внутри предложения свидетельствует об актуализации компонента ‘сходство’. В то время как слова широкой семантики в слабой позиции (например, в функции средства связи самостоятельных предложений в сопровождении указательного местоимения типа *Это явление*…). В последнем случае доминирующей становится именно связующая функция таких слов;

3) употребление слов широкой семантики в научных текстах разных авторов может свидетельствовать о его склонности к аналитической либо синтезирующей стороне мышления, проявляющейся в стратегии вербализации полученного научного знания, а значит, является индикатором речевой индивидуальности ученого;

4) как видно, сознательное пользование словами широкой семантики является важной задачей формирования и развития культуры научной речи, и – шире – задачей повышения функциональной грамотности молодых ученых.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002. С. 99–114.

Кожина М. Н. Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение, Stylistyka, 1999. Вып. VIII. С. 5–22.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М., 2005. С. 57–75.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Белозерова Н. Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? Тюмень, 2010.

Охрименко Т. В. Логико-лингвистические категории «тождество» и «подобие» как основания тропов метафорической группы // Стил. № 8. Белград, 2009. С. 77 – 88.

Теория метафоры. М., 1990. 512 с.

Щирова И. А. К проблеме истины в науке и искусстве // Стил. № 11. Белград, 2012. С. 353–365.

И. Н. Левина *(Санкт-Петербург)*

Изъяснительное предложение в аспекте теории знаков

Выбор темы статьи, безусловно, неслучаен. Словари – доминирующий предмет научных интересов проф. В. Д. Черняк – один из основных способов описания языковой системы. Введение в обиход нового типа словаря, в данном случае «Лексико-синтаксического словаря русского языка. Модели сложноподчиненного предложения», требует дополнительного обоснования статуса выбранной единицы описания.

Знаковый характер изъяснительного предложения не может быть описан без учета двух аспектов: первый связан в большей степени с *порождением* (правильного) высказывания, второй – в большей степени с его *восприятием* и анализом. Хотя и тот, и другой имеют непосредственное отношение к теории знаков, однако характер их семиотики нельзя считать тождественным. Проясним различие, опираясь на две широко известные концепции, сформировавшиеся в конце XIX – начале прошлого века, – Ф. де Соссюра и Ч. С. Пирса[1].

Описание языковой единицы в русле знакового подхода Ф. де Соссюра предполагает презентацию билатеральной единицы, включающей означаемое («план содержания») и означающее («план выражения», формы), связь между которыми является произвольной (Соссюр 1999). Таким образом, для мотивированного описания изъяснительного предложения как знака необходимо нахождение этих структурных компонентов.

В этой связи нельзя не напомнить об идеях, позволяющих осуществить такой подход. Первая из них связана с «означаемым». Нетривиальная интерпретация семантики изъяснительного предложения была предложена Ш. Балли, квалифицировавшим его особенности как «эксплицитное предложение»: «…спросим себя, какую наиболее логическую форму может принять сообщение мысли. Очевидно, что это будет форма, устанавливающая четкое различие между представлением, воспринятым чувствами, памятью или воображением, и производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операцией <…>. Эксплицитное предложение состоит, таким образом, из двух частей: одна из них будет корре-

лятивна процессу, образующему представление (например, la plueie «дождь», une guérison «выздоровление»); по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом – модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум» (Балли 1955: 43–44; разрядка автора. – *И. Л.*).[2] Таким образом, «план содержания» изъяснительного предложения можно определить в современных терминах как пропозициональный комплекс, представляющий собой модусную квалификацию субъектом некоторого положения дел.[3]

Что касается «означающего», то получившее наибольшее признание описание формального устройства предложения этого типа было изложено В. А. Белошапковой в Грамматике-70: специфика формальной организации изъяснительного предложения понимается как зависимость придаточного предложения от семантики опорного слова (Грамматика 1970: 694, 701–708). Однако данная трактовка не обеспечивает условий для создания в речи полноценного высказывания, поэтому принципиально важным для русского языка является признание важности явления, позволяющего решить эту проблему, подробно описанного и проиллюстрированного в докторской диссертации С. Г. Ильенко (Ильенко 1964). Термин, соответствующий описываемому понятию, был введен несколько позже: «Для характеристики одночленных присловных предложений целесообразно использовать понятие «контактной рамки», включающей в себя контактное слово + средство связи» (Ильенко 1973: 27).[4] Понятие **контактной рамки** позволило привлечь внимание к особенностям экспликации взаимозависимости компонентов бинарной структуры этого сложноподчиненного предложения нерасчлененного типа: взаимозависимости лексического компонента и средства грамматической связи – подчинительного союза, а также учесть отсутствие четких системных закономерностей в их сочетании.

Предложенное в «Лексико-синтаксическом словаре» понятие **лексико-синтаксической модели (ЛС-модели)**

(Ильенко, Левина 2007), которая и рассматривается как **специфическая языковая единица**, следует воспринимать, имея в виду названные особенности (см. дальнейшее теоретическое описание ее, сделанное в русле ассиметричного дуализма в (Левина 2013).

Рассмотрение изъяснительного предложения как единицы языковой системы должно быть дополнено описанием свойств, обусловливающих специфику его речевого, в особенности текстового, поведения.

Переходя к вопросу интерпретационного потенциала изъяснительного предложения, обратимся к наблюдениям Ч. Пирса, сосредоточенным на ином аспекте: не случайно один из параграфов второй главы книги «Начала прагматизма» озаглавлен «Знаки и их объекты» (Пирс 2000). «Существует три вида знаков. Во-первых, подобия (likenesses), или иконы (icons), которые выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют указатели (indications), или индексы (indices), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними. <…> В-третьих, существуют символы, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (meanings) благодаря привычке» (Пирс 2009: 89).

Ч. Пирс иллюстрирует положение о знаке-индексе примерами из разных знаковых систем: «Например, дорожные знаки, указывающие направление пути, или относительные местоимения, которые употребляют после имени вещи, если необходимо еще раз указать на нее, или обращение, такое, как «Эй!», которое воздействует на адресата и привлекает его внимание» (там же). В этой цитате привлекает внимание знак-индекс, физической средой существования которого является речь: он квалифицирует в качестве индекса относительное местоимение, устанавливая связь двух компонентов – знака и объекта, с которым он материально соотнесен. Действительно, смысл оформленной скобками вставки в тексте романа Льва Толстого «*увидав которую, Илья Андреич покраснел от радости и застенчивости*» понимается только благодаря объекту, с которым, по выражению Ч. Пирса, относительное местоимение составляет в тексте «органическую пару»: *«На втором блюде, вместе с* ***исполинской стерлядью*** *(увидав* **которую***, Илья Ан-*

дреич покраснел от радости и застенчивости), уже лакеи стали хлопать пробками и наливать шампанское» (Л. Н. Толстой. Война и мир). В другом предложении романа относительное местоимение «который» составляет органическую пару (пары) уже с другим объектом, по отношению к которому выступает как индекс – номинацией «неписанная субординация»:

«Он [Борис] вполне усвоил себе ту понравившуюся ему в Ольмюце ***неписанную субординацию,*** **по которой** *прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала, и* **по которой,** *для успеха на службе, были нужны не усилия на службе, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только уменье обращаться с теми, которые вознаграждают за службу, — и он часто сам удивлялся своим быстрым успехам и тому, как другие могли не понимать этого» (Л. Н. Толстой. Война и мир).*

Изъяснительное предложение дает все основания говорить об аналогичной «органической паре», в которой **роль индекса отводится контактной рамке** (репрезентанта лексико-синтаксической модели в речи), а объекта – наполнению придаточной части, поскольку в данном случае также «индекс физически связан со своим объектом».

Приведем пример, где использование трех лексико-синтаксических моделей – контактные рамки представляют их в различном виде: в вариантах и вариациях; различных структурных формах речевой презентации: полной и неполной; минимальной (*казалось, что*, а также *понятно, что* в первом, предпоследнем и *непонятно, чтобы* в последнем предложениях большого абзаца) и расширенной (второе, многокомпонентное СПП с однородными придаточными) – создает прихотливую логику текста, которая, однако, легко воспринимается благодаря индексальному характеру контактной рамки в тексте.

12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие.

Понятно, что *таким представлялось дело современникам.* ***Понятно, что*** *Наполеону* ***казалось, что*** *причиной войны были интриги Англии (как он и говорил это на острове Св. Елены);* ***понятно, что*** *членам английской палаты* ***казалось, что*** *причиной войны было властолюбие Наполеона;* ***что*** *принцу Ольденбургскому* ***казалось, что*** *причиной войны было совершенное против него насилие;* ***что*** *купцам* ***казалось, что*** *причиной войны была континентальная система, разорявшая Европу,* ***что*** *старым солдатам и генералам* ***казалось, что*** *главной причиной была необходимость употребить их в дело; легитимистам того*

времени ***то, что*** *необходимо было восстановить les bons principes, а дипломатам того времени* ***то, что*** *все произошло оттого, что союз России с Австрией в 1809 году не был достаточно искусно скрыт от Наполеона и что неловко был написан memorandum за No 178.* ***Понятно, что*** *эти и еще бесчисленное, бесконечное количество причин, количество которых зависит от бесчисленного различия точек зрения, представлялось современникам; но для нас – потомков, созерцающих во всем его объеме громадность совершившегося события и вникающих в его простой и страшный смысл, причины эти представляются недостаточными. Для нас* ***непонятно, чтобы*** *миллионы людей-христиан убивали и мучили друг друга, потому что Наполеон был властолюбив, Александр тверд, политика Англии хитра и герцог Ольденбургский обижен. (Толстой Л. Н. Война и мир).*

Таким образом, сложная знаковая природа изъяснительного предложения (знак-символ и знак-индекс) не только объясняет возможность его лексикографического описания в русском языке, но и на теоретическом уровне обосновывает тезис о том, что контактная рамка, выступающая эксплицантом лексико-синтаксической модели сложноподчиненного изъяснительного предложения, может быть использована как инструмент анализа речи (текста), в том числе с привлечением методов электронного поиска и обработки информации.

[1] Удачный термин для этого феномена используется Т. Б. Алисовой: «конструкция эксплицитной модальности» (Алисова 1971: 167–175).

[2] Описание знакового характера изъяснительного предложения в самом общем виде содержится в монографии «Семантические типы предикатов», где главное внимание уделяется содержательной стороне предиката, а придаточное предложение рассматривается как его распространитель: «Итак, мы определили значение моделей «X знает, что Y», «X понимает, что Y», «X думает, что Y» и т. п. как содержащих информацию о том, что 1) в сознании X-а присутствует суждение, знание, 2) причем оно сформулировано X-ом или само сформировалось в его сознании, 3) оно не актуализировано постоянно» (Семантические типы предикатов 1982: 137). Важным представляется замечание авторов, связанное с констатацией того, что «…данные предикаты не всегда ориентированы на субъект» (там же), позволяющее обратить внимание на то, что упоминаемые модели, адекватно отражая семантическую структуру (если придерживаться логики, оперирующей понятием «нуль»), не претендуют на максимально адекватную фиксацию формы, что, безусловно, заставляет вспомнить о /соотносится имеет смысл рассматривать в русле знаковой теории, трактуемое как явление асимметрии языкового знака, проявляющейся между составляющими внутри билатерального знакового единства.

[3] Заметим (и это показательно), что понятие контактной рамки С. Г. Ильенко в цитируемой статье иллюстрирует примерами контактной рамки изъяснительного предложения и, наряду с этим, контактной рамки с относительным местоимением.

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Ильенко С. Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук. Л., 1964.
Ильенко С.Г. О лингвистических основах школьного курса синтаксиса // Обучение русскому языку в VII-VIII классах по новой программе: пособие для учителей. М., 1973. С. 6–36.
Ильенко С. Г., Левина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка. Модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
Левина И. Н. Словарное описание идиолекта М. В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб., 2013. С. 317–361.
Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. №3 (7). С. 88–95.
Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Т. 2. СПб., 2000.
Семантические типы предикатов. М., Наука, 1982.
Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.

Н. Л. Шубина *(Санкт-Петербург)*

Новый речевой стандарт в аспекте научно-методических задач совершенствования языкового образования

Динамические изменения в устной и письменной речи обусловливают необходимость быстрой реакции лингвистов на изменение коммуникативно-прагматических норм во всех сферах коммуникации. Но в такой же быстрой реакции нуждается и методика обучения русскому языку – как родному, так и иностранному. Долгое время господства письменной культуры над устной привело к ситуации, которую в конце 70-х Б. М. Гаспаров описал следующим образом: « <…> носитель письменной культуры нового времени – от только что научившегося читать школьника до профессионального филолога – существует в обстановке своего рода легенды, мифа об устной речи, сформировавшегося в условиях и традициях письменной культуры» (Гаспаров 2003: 65). Сравнивая особенности устной и письменной речи, Б. М. Гаспаров опирается на анализ специфики механизмов адаптации носителя языка к той или иной форме коммуникации. Семиотическая интерпретация соотношения устной и письменной речи в культурно-историческом

плане приводит исследователя к выводу о том, что на данном этапе культурного развития устная речь «приобрела <…> качества полноценной альтернативы письменной» (Гаспаров 2003: 105), произошло уравнивание их функциональных возможностей. Среди причин процесса функционального уравнивания названы те же, что звучат в работах современных лингвистов: возможность накопления устных текстов и распространение образования, способствующее поднятию статуса устной речи, вместе с которым распространение получает кодифицированная публичная устная речь.

В начале XXI века становится очевидным, что устную и письменную речь в функциональном отношении следует рассматривать как автономные системы, обладающие весьма ощутимыми специфическими различиями. Практически невозможно перевести устную речь в регистр письменной без потери информации. Как показывает сравнительный анализ современной устной речи и письменной ее фиксации, чем больше степень «вживляемости» устной речи в ткань письменного текста, тем больше ощущается специфика последней. Речь идет не только о несоответствии семиотических средств, используемых в процессе говорения и в процессе фиксации результата говорения на письме. Как отмечали исследователи еще в XX веке, «звуковая речь не является семиотической системой и попросту не может ею быть, ибо этому мешают многочисленные факторы, и прежде всего непредсказуемость сигнально-звуковой мотивированности речи» (Нечипоренко 1984: 110). Не менее важным фактором, влияющим на формирование *новых коммуникативно-прагматических норм*, является и то, что «технические новшества, появившиеся в последние десятилетия, серьезно подорвали силу письма, его владычество оказалось под угрозой» (Ажеж 2003: 90).

Устная речь (как продуктивная, так и репродуктивная) представляет собой многоканальную систему для обмена информацией, и поэтому она эффективнее воздействует на реципиента. Следует признать, что в настоящее время формируется ***новый речевой стандарт*** в сфере как устной, так и письменной коммуникации. Изменились стратегии, с помощью которых участники коммуникации пытаются наладить «коммуникативное предпринимательство». Кардинально изменилась современная

стратегия говорения: от *«говори так, чтобы тебя поняли»* к *«говори так, чтобы тебя поняли, но как можно быстрее»*.

Попытка создать копию естественного языка в учебниках и пособиях по русскому языку как иностранному с учетом психосоматических и экстралингвистических моментов завершается, как правило, утратой семиологической значимости звуковых и графических различий. Кроме того, попытки создания письменных текстов с четкой ориентацией на устную форму коммуникации формируют иллюзию тождества устной (спонтанной) речи и устной речи, репрезентированной в текстах.

Представляется очевидным, что современный письменный текст под влиянием устной речи становится единицей *нелинейного восприятия и понимания информации*. Именно поэтому необходимо различать адаптивные механизмы, действующие в сфере устной коммуникации, которые оказывают влияние и на сферу письменной коммуникации.

Устная речь и ее «звукозрительное» восприятие в письменной сфере коммуникации – важнейшие проблемы в современном речеведении. Речевая стихия устной речи ярко и последовательно проникает во все сфере коммуникации, что находит свое отражение в текстах разной жанрово-стилистической принадлежности, в том числе и в научно-учебных текстах.

Анализ текстового материала свидетельствует, что текст, построенный по законам письменной речи, не будет адекватно воспринят слушателями, и более того – то, что автору казалось наиболее важным в тексте, не вызывает ожидаемой реакции слушателей. В практике совершенствования коммуникативных навыков студентов-иностранцев становится необходимым обучение новым речевым стандартам в представлении актуальной учебно-научной информации (это касается, прежде всего, защит творческих и квалификационных работ). Желание автора передать как можно больше информации провоцирует его на быстрый темп считывания текста. В результате, как правило, коммуникативные цели автора остаются невыполненными.

Если представить язык как некое «упаковочное» средство для передачи информации, то следует признать, что способы и приемы такого рода «упаковки» информации в устной речи существенно отличаются от письменной.

Нельзя не признать и тот факт, что изменились психомоторные реакции человека на слово как знак, а восприятие текста как гипертекстового образования повлияло и на процесс считывания текста. Существенно сократился объем долговременной памяти, что привело к нарушению ассоциативных связей.

Исследования показали, что при восприятии письменной речи (при чтении) включаются контролирующие механизмы, а при восприятии устной – законы оперативной памяти. Смысл устной речи (в отличие от письменной) организуется как *нелинейный*, что проявляется в необычном структурировании речи: устная речь строится как свободное нанизывание смысловых отрезков, в различной степени связанных друг с другом.

Наблюдения и анализ устного спонтанного диалога свидетельствуют об увеличении коммуникативных сбоев, вызванных тем, что говорящий не может задать вопрос только потому, что старается линейно выстроить смысл. Но смысл написанного и читаемого текста не может совпадать с текстом, воспринимаемым на слух. Это особенно важно учитывать в практике обучения русскому языку. Рождение мысли и ее материализация требуют использования разных языковых средств в зависимости от ситуации. Если признать, что мышление в большей степени невербальное, то и при условии чтения написанного текста вслух, мы имеем дело не с чистым чтением или говорением. Следует признать, что наличие оперативных способов передачи информации (sms, e-mail) меняет отношение участников коммуникации к «инструментарию говорящего». Голос говорящего является самым сильным инструментом убеждения, воздействия на слушателя. Именно поэтому в практике обучения речевому современному речевому стандарту необходимо уделять должное внимание мелодике, интонации, громкости и темпу говорения. Носители русского языка обладают очень целесообразной актуально-просодической организацией устной речи: нам вовсе не надо запоминать все, о чем говорит собеседник. Достаточно уловить ядерные интонационные контуры. Именно средствами просодии и словопорядка и создается актуальная информация.

В практике речевого обучения необходимо работать над манерой устной речи, не только осваивая способы эффективной вербализации, но и постоянно задумываясь над тем, как произносятся слова и фразы, как расставляются акценты.

Современный человек стал передавать все большее количество информации в единицу времени, и это стало причиной изменений в речи: наблюдается активная модификация речевых единиц, перераспределение функций вербальных (словесных) и невербальных (мимика, жесты, интонация и др.) компонентов в организации речи, появление новых средств для передачи информации, изменение норм построения высказывания как в устной, так и письменной речи и др.

Как показывает анализ современной устной речи, создалась неконтролируемая ситуация намеренного отступления от норм, которую необходимо рассматривать и как попытку внести коррективы в действующие нормы. Подтверждается предположение, высказанное в конце 80-х гг. XX в. Б. М. Гаспаровым: русская устная речь «не просто не может выполнить всех требований правильного построения, обязательных для письменной речи, но прямо избегает выполнять эти требования и *во многих случаях категорически обязана их нарушать*» (выделено нами. – *Н. Ш.*) (Гаспаров 2003:76).

Умение общаться с другим человеком означает не только одновекторную передачу информации, но и умение адекватно воспринимать «встречную» информацию, а это предполагает понимание того, *о чем говорится*, и понимание того, что *хотел сказать* собеседник. В современной практике совершенствования коммуникативной компетенции важно развивать элементы языковой догадки.

О значимости в процессе общения несловесных элементов писал в начале века Л. В. Щерба: «<…> в диалоге, т.е. при коротких репликах, ситуация, жест, выражение лица, интонация – все это настолько помогает взаимопониманию, что слова и их формы перестают играть сколько-нибудь существенную роль в этом процессе <…> Поэтому никакие отступления от нормы не страшны в разговорной речи: их в буквальном смысле никто не замечает – ни говорящий, ни слушающий» (Щерба 1957: 116).

При составлении учебных материалов по формированию навыков владения речевым стандартом в сфере устной коммуникации необходимо учитывать и тот факт, что одни и те же коммуникативные приемы в одних случаях служат для того, чтобы с их помощью умело воздействовать на слушающих, а в других – просто для того, чтобы сделать сообщение более

кратким, легким для восприятия или более выразительным и эстетичным.

Следует также различать тексты, созданные для зрительного или слухового восприятия. Любопытно, но еще Вяземский отмечал, что «*французы шутят для уха, русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру. Наши шутки все в лицах*».

Социально успешным может быть тот, кто понимает значимость владения не только нормами письменной речи, но и правилами речевого поведения в конкретной речевой ситуации. Письменный текст, ориентированный на восприятие «глазом», может быть неудачным для восприятия «ухом». Именно поэтому основной задачей в практике обучения целесообразному и коммуникативно оптимальному использованию языковых средств является не только формирование коммуникативных навыков на базе действующих норм, но и развитие чувства языка, способности восприятия нового в системе норм, умения квалифицировать нерегламентированное в соответствии с принятым в данном социуме «вкусом языка».

Представляется очевидным, что сложившая речевая практика отражает те изменения, которые происходят под влиянием различных социальных и когнитивных процессов. И если язык реагирует на происходящие ментальные изменения, то это свидетельство устойчивости самой языковой системы, показатель мощного коммуникативного потенциала русского языка.

Анализ характерных тенденций, происходящих в русской устной спонтанной речи под воздействием адаптационных процессов, свидетельствует о том, что устная речь не только реагирует на изменение условий функционирования, но и активизирует специальные адаптивные механизмы в письменной речи, позволяющие сохранить внутреннее равновесие внешних и внутренних законов текстопорождения. Использование в практике обучения языку определенных моделей речевого поведения в соответствии с действующим речевым стандартом значительно облегчают процессы овладения языком как динамической и адаптивной системой.

Ажеж К. Человек пишущий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813-1848) [электронный ресурс]. Режим доступа: http://azlib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0310.shtml.
Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Лингвистическая семантика и семиотика 1. Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 442. Тарту, 1978. С. 63–112.
Нечипоренко В. Ф. Биолингвистика в ее становлении. М., 1984.
Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Т. В. Губернская *(Санкт-Петербург)*

Использование комплексных заданий по анализу текста в дистанционных курсах в системе MOODLE

В последние годы неуклонное сокращение аудиторных часов на лингвистические дисциплины на филологическом факультете приводит к необходимости поиска новых подходов к организации самостоятельной работы, позволяющих не только вынести ряд тем на самоподготовку, но и оптимизировать работу на практических занятиях. Одним из вариантов организации самостоятельной работы является создание ЦОР (цифрового образовательного ресурса), призванного дистанционно поддержать аудиторную дисциплину.

В Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена дистанционные курсы создаются на базе системы MOODLE (http://moodle.herzen.spb.ru). Специфика подобных систем заключается в том, что для полноценного функционирования дистанционного курса он обязательно должен включать контрольно-измерительные материалы (КИМ). При этом такие материалы либо легко и быстро выкладываются на MOODLE, но нуждаются в ручной проверке (сочинения, анализ текста, подбор языковой наглядности и т. п.), либо требуют очень серьезной и длительной подготовки, чтобы проверка осуществлялась в автоматическом режиме. Совершенно очевидно, что особую сложность представляет создание КИМ именно по гуманитарным дисциплинам: тестовые здания, как правило, не дают возможности проверить уровень понимания материала студентом.

Компромиссом могут считаться так называемые задания с вложенными ответами, сочетающие удобство автоматической

проверки и гибкость традиционных упражнений. Вопросы с вложенными ответами в системе MOODLE представляют собой текст с пропусками, которые необходимо заполнить, либо вписав правильный ответ, либо выбрав один из вариантов на выпадающей вкладке. Рассмотрим на примере упражнения, проверяющего знание паронимов, использование подобных заданий в курсе культуры речи:

В современном мире не хватает добротности/доброты и терпимости/терпения, или, как теперь принять говорить, толерантности. Мы стремимся не обсудить/осудить создавшуюся проблему и конструктивистское/конструктивное/конструкторское решение, а обсудить/осудить тех, кто думает не так, как мы. Такая ситуация является типовой/типичной сегодня. Именно это становится коренной/корневой проблемой современности. Националистические/национальные и даже шовинистические/шовинистские теории, политические, гендерные и религиозные противоречия – все это ставит под угрозу выживаемость/выживание человечества.

Аналогичные задания можно сделать по другим типам лексических норм, по орфоэпии, по грамматическим нормам, по синтаксическим нормам и т. д. Данное упражнение очень просто адаптируется к системе MOODLE: достаточно создать текст определенного типа и вставить его в задание:

В современном мире не хватает {1:MULTICHOICE:добротности~=доброты} и {1:MULTICHOICE:терпения~=терпимости}, или, как теперь принять говорить, толерантности. Мы стремимся не {1:MULTICHOICE:осудить~=обсудить} создавшуюся проблему и {1:MULTICHOICE:конструктивистское~конструкторское~=конструктивное} решение, а {1:MULTICHOICE:обсудить~=осудить} тех, кто думает не так, как мы. Такая ситуация является {1:MULTICHOICE:типовой~=типичной} сегодня. Именно это становится {1:MULTICHOICE:корневой~=коренной} проблемой современности. {1:MULTICHOICE:Национальные~=Националистические} и даже {1:MULTICHOICE:шовинистские~=шовинистические} теории, политические, гендерные и религиозные противоречия – все это ставит под угрозу {1:MULTICHOICE:выживаемость~=выживание} человечества.

В этом случае в упражнении на выпадающей вкладке будут два варианта, из которых студент может выбрать лишь один. Подобные вопросы можно использовать и в качестве тренировочных, и в качестве контрольных. Чтобы облегчить преподавателю задачу формирования базы КИМ, можно дать студентам филологического факультета задание написать такие тексты. Однако важно при этом задать четкие параметры

оформления текста. Наш опыт показывает, что целесообразно формулировать задание примерно так:

*Составить предложение (**связный** микротекст), в котором встречается по 10 случаев выбора между парами (тройками, четверками) паронимов.*

ВНИМАНИЕ! *Оформляем микротексты следующим образом:*

В современном мире не хватает {добротности~=доброты} и {терпения~=терпимости}, или, как теперь принять говорить, толерантности. Мы стремимся не {осудить~=обсудить} создавшуюся проблему и {конструктивистское~конструкторское~=конструктивное} решение, а {обсудить~=осудить} тех, кто думает не так, как мы. Такая ситуация является {типовой~=типичной} сегодня. Именно это становится {корневой~=коренной} проблемой современности. {Национальные~=Националистические} и даже {шовинистские~=шовинистические} теории, политические, гендерные и религиозные противоречия – все это ставит под угрозу {выживаемость~=выживание} человечества.

Варианты берем в фигурные скобки, пробелов между фигурными скобками и словами не оставляем; один вариант от другого отделяем волнистой чертой (~), правильный вариант помещаем на последнем месте, перед правильным вариантом ставим знак «равно» (=).

Если выдержаны все требования, то простая автозамена фигурной скобки на элемент **{1:MULTICHOICE:** превращает написанный студентом и проверенный преподавателем текст в готовый материал для выкладывания в MOODLE. При этом преподаватель, проверяя студенческие работы, не только оценивает каждого студента, но и готовит КИМ.

Однако целесообразным является использование более сложных заданий, связанных с комплексным анализом текста. Именно такие упражнения уже два года используются нами в курсе орфоэпии. Студенту предлагается прослушать чтение мастера художественного слова и отметить особенности произношения. Для этого был проанализирован ряд стихотворений в исполнении мастеров художественного чтения как старшего, так и младшего поколений (А. А. Яблочкина, В. И. Качалов, А. А. Яблочкина, М. И. Царев, Е. Д. Турчани́нова, В. Н. Рыжова, Ю. М. Юрьев, А. И. Южин, А. А. Остужев, В. Н. Аксенов, В. И. Хохряков, Я. М. Смоленский, И. М. Смоктуновский, М. М. Яншин, А. Н. Грибов, В. П. Марецкая и т. д.) с точки зрения орфоэпии:

Прослушайте стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» в исполнении актера, мастера художественного слова Владимира Николаевича Яхонтова (1899–1945). Отметьте особенности произношения.

Исполнение Владимира Николаевича Яхонтова является образцовым примером классической сценической речи. Одной из самых ярких черт в данном чтении является типичное старомосковское еканье. Значимой чертой является произношение прилагательных единственного числа именительного (винительного) падежа мужского рода на -кий, -гий, -хий с твердым заднеязычным. Достаточно типична также старомосковская регулярная контактная регрессивная ассимиляция мягкости: торже[s't'v']енный, по[s'l']едних, [s'p']ерва, [v'z']ят, напе[r's n']ики и т. п. Твердое произношение возвратных частиц также является признаком как старомосковского произношения, так и сценической речи. Еще одной специфичной чертой является типичное для сценической речи московское произношение с мягкими губными (кровь).

Произношение [štó] типично для сценического произношения и соответствует современной литературной норме. Произношение [č'n] в лексеме мелочных соответствует общелитературной норме. Вариант п[о]эт характерен для высокого стиля произношения.

Затем в данных анализах были сделаны пропуски с открытым или с закрытым ответом, при этом открытый и закрытый ответ оценивается по-разному. Все эти материалы были выложены в дистанционном курсе «Русская орфоэпия». Таким образом, изучив тему «Сценическое произношение» по видеолекции, также выложенной в дистанционном курсе, студент должен выполнить сначала тренировочные упражнения (не на оценку), а затем проанализировать два стихотворения, случайно выбранные системой из положенных в тест контрольных вариантов (из 10 для первого задания и из 10 для второго). Возможность внимательно послушать художественное чтение в аудитории, как правило, отсутствует, поэтому данная тема полностью вынесена на самоподготовку, и КИМ позволяют проверить усвоение этого материала.

Совершенно особое место подобные задания занимают в курсах с лексикографической составляющей. Умение анализировать такой специфический текст, как словарная статья, – один из важнейших навыков студента-филолога (Козырев, Черняк 2004; Козырев, Черняк 2013). На кафедре русского языка филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена под руководством заведующей кафедрой, профессора Валентины Даниловны Черняк, разработана и внедряется система упражнений, ориентированная на комплексный анализ словарных статей в словарях разных типов. При этом подобный анализ может быть использован не только в рамках дисциплин, свя-

занных с лексикографией, но и в рамках дисциплин курса «Современный русский язык».

Приведем пример задания для студентов второго курса, изучающих лексикологию русского языка (тренировочное упражнение, предваряющее контрольную по теме «Структура лексического значения», включающую аналогичные задания). Студентам дается для анализа словарная статья **СТОЛ**[1] и предлагается заполнить пропуски с закрытым и открытым ответом (в приведенной основе задания вопросы с открытым ответом взяты в квадратные скобки, а с закрытым – в фигурные):

*В приведенной словарной статье из «Словаря русского языка» (Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999) у слова стол выделяется шесть значений и пять оттенков значения, то есть всего одиннадцать [лексико-семантических вариантов] (сокращенно [ЛСВ]). При этом [оттенки] значения отделяются друг от друга с помощью || Кроме того, цифра 1 в позиции верхнего индекса после заголовочного слова (***СТОЛ***[1]*) указывает на то, что у данной лексемы есть [омоним].*

Второе и {=третье~четвертое~пятое} значения образованы от первого с помощью регулярного {=метонимического~функционального~метафорического} переноса.

[=Четвертое~=Четвертое] значение также образовано от первого, однако тип переноса неочевиден: если мы считаем, что стол – мебель <…>, на которую ставят или кладут что-л. при работе, то есть при письме, и в учреждении тоже в основном пишут, мы можем считать тип переноса {=функциональным~метонимическим~метафорическим}. Однако если счесть, что ни одна контора не обходится без такого предмета мебели, как стол, речь может идти о регулярном {=метонимическом~функциональном~метафорическом} переносе.

Шестое значение образовано от {=первого~второго~третьего} на основе регулярного {функционального~метонимического~=метафорического} переноса.

Значения первое, второе, четвертое, пятое, шестое получают {=описательное~синонимическое~отсылочное} толкование, значение третье – {~описательное=синонимическое~отсылочное}. В толковании первого значения представлен {~главный~сравнительный=интегральный} компонент значения мебель, в толковании четвертого значения – отдел, в толковании пятого значения – деталь. {=Конструктивно обусловленными~Синтаксически обусловленными~Связанными} являются оттенки значения второго и {=четвертого~третьего~пятого}.

Хронологическая отмеченность наблюдается в {=четвертом~первом~втором} значении. Шестое значение является терминологическим, на что указывает [помета] Геогр.

[Грамматические] пометы -á, и м. и после заголовочного слова представляют окончание формы [родительного] падежа и указывают на такую морфологическую характеристику слова, как [род].

В иллюстративном материале с помощью [речений] (Круглый стол. Обеденный стол. Операционный стол. Приглашать к столу. Собираться к столу) демонстрируются {=синтагматические~грамматические~-стилистические} свойства слова. 1–4 значение слова иллюстрируются с помощью [цитат] из литературных произведений

После знака ◊ приводятся [устойчивые сочетания].

Важно отметить, что подобные задания намного гибче и эффективнее тестов, кроме того, они готовят студентов к самостоятельному анализу текстов разных типов.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Формирование речевой культуры специалиста образования // Непрерывное педагогическое образование в современном мире: от исследовательского поиска к продуктивным решениям. СПб., 2013. С. 49–53.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Развитие лексикографической компетенции студентов-филологов в педагогическом университете // Актуальные вопросы современного университетского образования. СПб., 2004. С. 106–108.

М. Б. Хрымова *(Санкт-Петербург)*

Система глагольных форм прошедшего времени в «Повести временных лет»

«Повесть временных лет» (ПВЛ) – это летописный свод, создававшийся в течение более полувека (XI – перв. пол. XII вв.), при этом в нескольких литературных центрах и несколькими летописцами. В этом летописном своде получили свое отражение идеологии различных классов и политические концепции нескольких феодальных центров. В летопись вошли и народные взгляды на русскую историю, и исторический фольклор, и народные сказания. ПВЛ, как отмечал Д. С. Лихачев, «столь ярко отражает русскую жизнь Киевской Руси – ее взгляды, ее политическую и социальную борьбу, ее культуру, международное положение, – что она является частью подлинной действительности того времени. Она создавалась постепенно многими различными авторами, но с такой логической необходимостью, с какой развивается только сама жизнь» (ПВЛ 1996: 358).

ПВЛ не дошла до нас в отдельном виде. Ее лучшие списки находятся в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., Ипатьевской летописи XV в., Радзивиловской летописи XV в. Идеи ее (защита родины, единство Руси) отражаются в последующем летописании.

Изучению ПВЛ посвящены сотни трудов. Не было ни одного русского историка, который, занимаясь Киевской Русью, не посвятил бы ей хотя бы несколько страниц. Не было ни одного историка древней русской литературы, не отметившего ее громадного значения как памятника литературы Киевской Руси. Не осталась она без внимания и известных русских лингвистов: А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, П. С. Кузнецова, В. В. Колесова и многих других.

Отрывки из ПВЛ (Восточнославянские племена и их соседи, Испытание вер, Месть Ольги и др.) входят в обязательную программу историко-лингвистического анализа на филологическом факультете.

В данной статье предлагается описание системы форм глаголов прошедшего времени ПВЛ в Лаврентьевской летописи 1377 г. Вопросы происхождения, образования, функционирования форм глаголов прошедшего времени на различных этапах развития русского языка являлись предметом научного изучения многих лингвистов XIX–XXI вв. Однако анализ глагольных форм в определенном программном историческом памятнике с целью выявления условий использования той или иной формы, вскрытия их взаимодействия друг с другом с учетом жанровых, стилистических и лексических особенностей текста в методическом плане представляет известный интерес и в настоящее время.

Книжно-письменные традиции летописания, как отмечали исследователи, сложились как результат языковых, литературных и стилистических изменений, возникших в ходе многовекового переписывания, редакторской правки летописных сводов.

Для летописно-хроникального повествования нормой является употребление форм аориста и имперфекта в 3 л. ед. мн. ч. на протяжении всего летописного текста. Это объясняется спецификой данного вида литературы, где основное повествование о событиях ведется от третьего лица, и в этих событи-

ях не участвуют ни автор, ни его собеседник, поэтому редкие формы аориста 1 и 2 л. ед. и мн. ч. присутствуют в контексте с прямой речью или в авторских замечаниях к описываемым событиям от собственного лица.

Самой многочисленной, оптимальной и выразительной формой прошедшего времени в тексте является аорист. По подсчетам исследователей в Лаврентьевском списке летописи на 4384 формы аориста приходится лишь 219 форм имперфекта (Соколова 1962: 206). Это объясняется прежде всего повествовательным характером летописного жанра, когда важно в хронологическом порядке описать события, совершившиеся в определенное время и в определенном месте. *Олег же* ***выбѣже*** *изъ Чернигова, месяца мая въ 3 день, в суботу; Въ се же лѣто* ***рекоша*** *дружина Игореви;* ***Приходиша*** *Русь на Царьградъ;* ***Послуша*** *ихъ Игорь и* ***иде*** *в дерева в дань;* ***Посади*** *Ярополка в Киевѣ.*

В тексте активно использовались формы нового сигматического аориста, образованного с помощью тематического гласного -***о***: *нарекоша, приводиша, погибоша, несоша* и др. Архаические аористные формы с долгим ударным гласным в корне употребляются только от глагола речи: *рѣхъ, рѣста, рѣша*: ***Рѣша*** *же деревляне: Мужа твоего убихомъ; И упрошаста и* ***рѣста*** (дв. ч.): *Чий сей градокъ?*

На всем протяжении списка летописи наблюдается активность в образовании форм аориста от префиксальных основ: *прииде, побѣди, разбиша, почаша, повѣдаша, погребоша* и мн. др. Префиксальные глагольные основы проявляют заметное тяготение к совершенному виду: ***Разбиша*** *многы полаты и пожегоша церквы;* ***Утвердиша*** *миръ; И* ***повѣси*** *щит свой на вратехъ.* Однако аорист в отличие от имперфекта сохраняет бóльшую свободу в выборе основ совершенного или несовершенного вида: *Рекоша и нарекоша, идоша и приидоша:* ***Иде*** *Аскольдъ и Дирь на грекы и* ***прииде*** *въ 14 лѣто.* В данном случае четкого видового противопоставления нет. Это скорее разные способы выражения предельности или непредельности: глагольной основой *прииде* и формой аориста *иде*.

Из примеров видно, что для аориста характерно обозначение действия как однократного, так и длительного, но единого, не расчлененного на отдельные моменты, целиком завершенного в прошлом. Это положение подтверждают и семантиче-

ски различные группы глагольных основ, образующих формы аориста. Это прежде всего глаголы действия со значением результативности: *дѢяти, творить, мьстьти, кресити* и т.п.; глаголы движения или состояния со значением завершенности: *идти, разбити, сѢсти, изгнать* и т.п.; глаголы речи: *глаголати, речи, повѢдати* и глаголы чувственного ощущения: *видѢти, хотѢти, чюти* со значением целостности и предельности действия. Таким образом, аорист – **время абсолютное**, оно обозначает само действие в его «законченности, точечности и точности» (Колесов 2005: 417).

Для имперфекта в отличие от аориста существенно было показать процесс в его протекании вне связи с другими глагольными временами. Многие лингвисты совершенно справедливо определяют имперфект как **описательно-относительное время**, приуроченное к прошлому моменту действия. Для имперфекта важно передать действие или состояние в прошлом, длящееся до момента речи; отсюда основное значение имперфекта совпадает со значениями настоящего времени при передаче постоянного, вневременного, повторяемого и относительного действия: ***Живяху*** *кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѢстѢхъ; Еще бо ся* ***зваху*** *тъи варязи Русь;* ***Идяше*** *къ граду зане в поли* ***сѢдяху****; А языкъ словенски единъ, всю землю Болгарьску* ***плѢноваху****;* ***Моляшеся*** *за сына и за люди.*

Значение длительного, развивающегося действия показано лексически: это глаголы действия типа *творяху, даяше, ношаху, избиваху, боряхуся*; значение устойчивого состояния: это глаголы «переживания» типа *любляше, моляшеся, трьпяше*; постоянной длительности: *сѢдяше, звахуся, бяше, дьржаху*; модальности: *хотяху, не можаше, веляху* и др.; неопределенной длительности (глаголы восприятия, речи, умственной деятельности: *видяше, слышаху, мълвяше, помышляше, глаголаше*).

Особо следует отметить значение имперфекта как второстепенного действия по отношению к аористу: *Гражане* ***поидоша*** *к ним, а половцы* ***стояху*** *на сторонѢ Трубежа, исполчившеся.* Четкое противопоставление по завершенности (*подошли*) и незавершенности (*стояли*) позволяют предполагать чисто видовые соотношения между старыми формами аориста и имперфекта.

Стилистические различия между аористом и имперфектом сводятся к тому, что аорист широко используется в повествовании, а имперфект – при описании: ***Помяну*** *Олегъ конь свои… и* ***повелѣ*** *кормити и; И* ***привожаху*** *сыны своя и дъщери своя, и* ***жряху*** *бѣсомъ и* ***оскверняху*** *землю требами своими.*

Взаимодействие аориста и причастия прошедшего времени в принципе не отражает грамматического изменения, оно указывает лишь на передачу реальной последовательности действий, на важность одного из них (выраженного аористной формой) и зависимость другого (выраженного причастной формой) или на соотнесение основного и второстепенного действия: *И* ***пришедше*** *къ Днѣпру* ***сташа*** *вежами; Се* ***слышавше*** *деревляне* ***избраша*** *лучьши мужи; Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ* ***совокупивша*** *вои и* ***идоша*** *на Всеслава; Владимиръ же* ***шедъ побѣди*** *търкы.*

Имперфект в основном соотносится с причастиями настоящего времени: *И* ***живяше*** *Олег* ***княжа*** *въ Киевѣ;* ***Сѣдяху*** *же в перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ* ***гордящеся*** (Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах); ***Приходяще*** *к нему* ***прошаху*** *у него благословенья.*

Из сказанного следует, что аорист и имперфект не могут вступать в дополнительное распределение, так как контекстуально они связаны одинаковыми отношениями к действительности – либо в прошедшем, либо в настоящем времени. Являясь равнозначными формами, они, отмеченные определенные признаками, вступают в эквиполентную оппозицию: «аорист маркирован по признаку “время”, имперфект по старому “длительность” (не предельность действия)» (Колесов 2005: 418).

В древнерусском языке синтаксическая конструкция структурируется глагольными временами, т. е. выстроена согласно правилам последовательности времен. Перфектные времена, как постоянно отмечают историки, особенно часто употребляются в сравнительных конструкциях, в придаточных предложениях различных видов, в прямой речи, т. е. всюду, где видна их зависимость от главного (абсолютного) времени, аориста или настоящего времени. *Отецъ мой* ***умьрлъ****, а Святополкъ* ***сидить*** *КыевѢ; Они же* ***повѣдаша****, что ради* ***пришелъ есть****?;* ***Послаша*** *к нему глаголяще: почто* ***идеши*** *опять,* ***поималъ еси*** *всю дань?* (к данному моменту князь уже все забрал).

Основное значение перфекта – выразить результат завершенности в прошлом действия, отнесенного к настоящему. С результативным значением в параллель к перфекту могут употребляться и страдательные причастия прошедшего времени с нулевой связкой: *И посла Ярославъ к ГлѢбу, глаголя: не ходи, отець ти* ***умерлъ****, а братъ ти* ***убьенъ*** *от Святополка.*

Перфект без связки в форме 3 лица часто используется с семантикой аориста и реже – имперфекта, что может свидетельствовать о полифункциональности перфекта: *Лютый звѢрь* ***скочилъ*** *ко мнѢ на бедры; Тем бы путемъ* ***шли*** *дѢди и отцы наши: судъ от Бога ему пришелъ, а не от тебѢ .*

Формы плюсквамперфекта, характерные для авторского повествования, в большинстве случаев выполняют пояснительную функцию, указывая на действие, предшествовавшее другому действию также в прошлом: *И оттоле почася Печерскый манастырь, иль же* ***бѢша жили*** *черньци преже в ПечерѢ , а от того прозвася Печерскый манастырь; Но оружье* ***бяхом услали*** *напередъ на повозѢхъ.*

Таким образом, в ПВЛ по Лаврентьевскому списку 1377 г. представлена четырехчленная система форм глаголов прошедшего времени. Бóльшая речевая активность была присуща простым формам, в первую очередь аористу. Функциональное, семантическое и стилистическое распределение форм прошедшего времени в тексте позволило сделать вывод о противопоставлении простых форм прошедшего времени перфектным: если для аориста как действия, абсолютного в своей завершенности в прошлом, важным компонентом выступает **момент самого действия**, то для перфекта как действия, завершенного в прошлом с результатом в настоящем, важным является **момент речи**. В дальнейшем это и приводит к преобразованию глагольных основ в направлении к развитию видовых различий.

Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева / Под ред. В. П. Адрианова-Перетц. СПб., 1996.

Колесов В. В. История русского языка. М.; СПб., 2005.

Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.

Р. М. Теремова *(Санкт-Петербург)*

Межкультурная коммуникация в практике преподавания русского языка иностранным стажерам

В системе современного научного знания прочное место заняла лингвокультурология, позволившая внести концептуально значимые коррективы в функционирование направлений, связанных с изучением языка и культуры в их органическом взаимодействии, в контексте диалога культур. Бурное развитие лингвокультурологии привело к новому видению проблем, решаемых сегодня в рамках теории и методики обучения русскому языку как иностранному. Возникла потребность в воспитании творческой, свободной личности с развитым общепланетарным сознанием, готовой к конструктивному диалогу с представителями других культур и с уважением относящейся к культуре, духовным ценностям, правам и свободе других народов (И. Л. Бим, Н. В. Баграмова, Г. В. Елизарова, В. П. Фурманова и др.), целью иноязычного образования стало формирование у иностранных учащихся черт вторичной языковой личности (Ю. Н. Караулов, И. И. Халеева, В. В. Воробьев, Д. Б. Гудков, В. Н. Телия, К. Н. Хитрик и др.), значительно возросла роль подготовки инофонов к успешной межкультурной коммуникации как форме общения и взаимопонимания людей, принадлежащих к разным лингвосоциумам, разным культурам.

В конце 90-х годов в отечественную методику обучения русскому языку как иностранному прочно вошло понятие «межкультурная компетенция» как показатель сформированности человека эффективно участвовать в межкультурной коммуникации и как важная категория новой научной парадигмы (Гальскова 2004). Развитие у учащихся способности к межкультурному общению стало одной из наиболее востребованных прерогатив в обучении иностранных учащихся русскому языку (Теремова 2006).

Весь процесс обучения русскому языку как иностранному в целом можно определить как процесс межкультурной коммуникации. Иностранные учащиеся, изучающие русский язык, особенно в условиях обучения их в России, по сути дела, постоянно находятся в ситуации межкультурной коммуникации.

Главным условием эффективности различных видов и форм общения являются взаимопонимание, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации. Усвоение инофонами практических знаний и умений, ориентированных на пребывание в русском социуме, решение проблем социокультурной адаптации, формирование иноязычной (русской) картины мира, овладение навыками межкультурного общения, воспитание в духе толерантности, эмпатии, понимания другого человека, другой культуры, другого государства – вот далеко не полный перечень задач, которые необходимо решать в процессе обучения их русскому языку в условиях языковой среды.

Особенно сложно адаптироваться к жизни в российской социокультурной среде стажерам – студентам, приезжающим на краткосрочные формы обучения. Сжатость сроков обучения при интенсивных методах обучения, чрезвычайно высокой насыщенности процесса обучения РКИ учебными материалами, повышенной напряженности и динамике коммуникации, наличии достаточно большого количества нетиповых социокультурных ситуаций, чем характеризуется краткосрочное обучение в условиях языковой среды, во многом определяют трудности адаптации иностранных стажеров к самым разным сторонам их жизни и деятельности в России.

С вступлением в сферу межкультурной коммуникации иностранные учащиеся сталкиваются с трудностями, обусловленными несоответствием сложившихся в их сознании устойчивых стереотипов и представлений о русском человеке и образе России в целом (быт, культура, традиции, обычаи и др.) с реалиями российской действительности, то есть несовпадением «ожиданий» с реальными ситуациями. Отсюда возможна негативная оценка образов чужой культуры, недопонимание, конфликты, культурный шок, стресс. Иностранные стажеры воспринимают новую для них российскую действительность через призму собственного восприятия, и все то, что каким-то образом не соответствует их приоритетам, они начинают отвергать. Именно деление на «мы» и «они» мешает им адекватно воспринимать людей иной культуры и саму инокультуру.

Лингвометодическая модель процесса обучения иностранных стажеров межкультурной коммуникации включает в себя различные этапы и, соответственно, формы обучения.

Ориентация на соизучение языка и культуры, на решение проблем межкультурной коммуникации как реализации принципа диалога культур позволяет по-новому представить модель обучения русскому языку как иностранному в современных условиях, с одной стороны, определив культурологический компонент в составе базовых аспектов, с другой, структурировав спецкурсы, сориентированные на обучение инофонов межкультурному общению, а также на изучение различных пластов культуры, культурного пространства отдельных регионов.

Элементы бытовой культуры, социальные нормы поведения, характеристика менталитета и пр., несомненно, присутствуют в каждой разговорной теме («Семья», «Дом. Квартира», «Домашняя работа», «Магазин» и др.). Таким образом, культурологический аспект в определенной мере растворяется в практике речи, обеспечивая необходимые умения и навыки лингвокультурного общения.

Однако обучение иностранных учащихся русскому языку как процесс межкультурной коммуникации, в первую очередь, осуществляется в рамках спецкурса по межкультурной коммуникации. Наиболее оптимальным для формирования навыков межкультурного общения является рассмотрение проблемы взаимопонимания между представителями различных социокультурных общностей («Другой вовсе не значит плохой. Толерантность и эмпатия. Национальные стереотипы. Как преодолеть культурный шок?», а также близкие к ним темы: «Умеете ли вы дружить?», «Помогать другим – это призвание» (Волонтерское движение. Меценатство. Благотворительность).

Для иностранных стажеров, особенно впервые приехавших в Россию, актуально ознакомление с особенностями коммуникативного поведения. Отсюда – необходимость достаточно подробного рассмотрения таких тем, как «Речевой этикет в межкультурном общении» (Формы приветствия и прощания. Что люди обычно говорят при встрече. Как обращаются друг к другу: «ты» и «вы». Где и как вы знакомитесь… Знакомство по Интернету: «за» и «против»), «Культура поведения в межкультурном общении» (Правила хорошего тона в различных ситуациях. Главное в этикете поведения – вежливость. «Национальные особенности» улыбки), «Искусство общения» (О чем принято говорить в России, в вашей стране. Комплимент в раз-

ных странах. Культура общения – это и культура речи. Жесты и мимика в русском общении) и др.

Облегчить задачу межкультурной коммуникации иностранным стажерам помогают знания о менталитете русского человека, его национальном самосознании, что обусловливает необходимость рассмотрения особенностей русского национального характера (духовность, эмоциональность, широта, противоречивость и др.).

Соотношение ценностных картин мира целесообразно проводить в рамках сопоставления концептов, наиболее ярко определяющих ценностные установки в родной для обучаемых и русской культурах. Для формирования адаптационных навыков и умений важна ориентация на понимание сущности таких концептов, как душа, судьба, личность, добро, зло, красота, любовь, дружба, ненависть, счастье, правда, ложь, богатство, бедность и др., что дает возможность определить национальное, этническое в общечеловеческом и общечеловеческое в национальном и во многом является ключом к пониманию русского национального характера.

Эффективность процесса формирования умений и навыков межкультурного общения во многом обеспечивает использование учебников нового поколения (Теремова, Гаврилова 2005; Теремова, Гаврилова 2009), основным принципом которых является принцип интерактивности – взаимодействия автора (адресанта) и иностранных учащихся (адресата), терминируемого как принцип воздействия автора на учащихся и косвенного воздействия обучаемых на автора (учет автором национально-культурной специфики обучаемых: образа жизни, быта, духовных ценностей).

Изображенные в учебниках персонажи знакомятся с миром русской жизни, русской культуры, русскими людьми, и в этом взаимодействии проявляется как сходство, так и различие культур, а вместе с тем решается проблема взаимопонимания, толерантного отношения как к представителям иной лингвокультурной общности, так и к их культуре, быту, мировоззрению. Персонажи учебников – личности с национальным менталитетом, осваивающие новый социум и в конечном итоге принимающие его на основе собственного культурного и коммуникативного опыта.

Учебники нового поколения созданы с учетом научно-методического принципа «триады»: реальный мир – учебник

– учебный процесс. Составляющие этой «триады» взаимосвязаны и взаимодействуют между собой: факты реального мира являются прототипом для учебника; учебник становится моделью реального мира и сценарием учебного процесса. В настоящее время существенно изменилась педагогическая парадигма обучения: учащийся теперь – не пассивный деятель, выполняющий указания учителя, а активный субъект, способный принимать решение, вести дискуссию, высказывать свою точку зрения и аргументировать ее. Второй субъект учебного диалога – обучающий, преподаватель, он организует и направляет обучение. Взаимодействие учащегося и преподавателя рассматривается как педагогическое сотрудничество, в котором учитываются интересы учащихся, их индивидуальные личностно-психологические особенности. В процессе учебного общения обучаемые должны научиться ведению конструктивного диалога, максимально раскрыться друг другу.

К особо важным факторам формирования межкультурной компетенции и «вторичной» социализации обучаемых следует отнести систему мастер-классов, позволяющих студентам научиться находить разумные, конструктивные решения спорных проблем путем диалога и компромисса, в то же время оставаясь свободными, независимыми личностями. Задачами мастер-классов являются закрепление норм русского коммуникативного поведения в различных коммуникативных сферах, сравнение менталитета своего народа и менталитета других народов, воспитание умений толерантного общения с представителями других лингвокультурных общностей, навыков преодоления трудностей адаптации. Темы мастер-классов охватывают широкий диапазон межкультурного взаимодействия – от бытовых ситуаций до политических дебатов и форумов: «Давайте познакомимся!», «Вы – в России. Как сориентироваться в новом социуме» («Я пассажир. Я пешеход»; «Я иду в гости к русским»; «Я учусь в российском университете»), «Понимаем ли мы друг друга? Этот противоречивый русский характер» и др.

Учет регионоведческого аспекта, когда обучаемые, знакомясь с культурой, традициями, фактами истории конкретного региона, через регион познают культуру страны в целом, подчеркивает значимость познания культурного пространства Санкт-Петербурга, «культурной столицы» России, особенно для иностранных

стажеров, обучающихся в Санкт-Петербурге. Актуальным в связи с этим является использование в учебном процессе спецкурса по лингвокультурологии «Красуйся, град Петров»: лики Санкт-Петербурга», представляющего культуру Санкт-Петербурга в историческом контексте, на фоне различных периодов истории города (эпоха Петра I, «Женский век в жизни Санкт-Петербурга. Век XVIII», «XIX век в истории и культуре Санкт-Петербурга») и строящегося на коммуникативно-интерактивной основе, в режиме взаимодействия автора и обучаемых. Культура Санкт-Петербурга, создававшаяся при участии многих иностранных мастеров (Франческо Бартоломео Растрелли, Карло Росси и др.), имена и заслуги которых навсегда вошли в историю и культуру России, позволяет проводить актуальные для иностранных стажеров параллели с культурой их стран, осмысливать их сходство и различие. Монументальные культовые сооружения различных конфессий, располагающиеся в самом центре Санкт-Петербурга, на Невском проспекте (православный Казанский собор, голландская реформатская церковь, лютеранская церковь, католический костел, армянская церковь), демонстрируют веротерпимость и толерантность в жизни Санкт-Петербурга, а вместе с тем ценностные установки и социальные принципы в стране изучаемого языка.

В целом содержание иноязычного образования в условиях русского социума целесообразно представить в виде системы, составляющими которой являются как собственно учебный процесс, так и языковая среда. Весьма существенным для структурирования процесса обучения иностранных учащихся межкультурной коммуникации является учет естественной языковой среды, под которой понимается лингвокультурный социум в данный исторический момент его существования. Реальный мир, сфера реального общения иностранных учащихся на русском языке предоставляют им возможность приобретения личного опыта общения с представителями российского социума, а также ознакомления с реальным миром русских во всех его проявлениях в условиях проживания в России. В центре внимания здесь оказываются самые различные сферы коммуникации: отдых, увлечения, образ жизни, социальные классы, политика, религия, здоровье, этикет, все наиболее значительные реалии жизни, быта, культуры русского народа, особенности речевого и неречевого

поведения, в результате чего инофоны должны понять и принять русских, избежать недопонимания и конфликтных ситуаций, достичь адекватного общения с русскими людьми.

По мере накопления нового лингвокультурного опыта меняется их отношение к российской действительности, на смену лингвокультурному шоку приходит принятие новых российских реалий, усвоение толерантного отношения к России. Речь может идти также о специально организуемой для иностранных учащихся «культурной программе» (экскурсии по городу, путешествие по России, знакомство с достопримечательностями различных ее регионов и городов), осуществляемой под руководством и при непосредственном участии преподавателей русского языка, с последующим обсуждением выполненной программы на учебных занятиях, а также о таких формах внеучебной деятельности, как организация интернациональных вечеров, в ходе которых иностранные студенты, знакомясь друг с другом, а также с русскими студентами, подготавливая совместные программы выступлений, значительно расширяют свое социокультурное пространство. При этом они акцентируют внимание не только на различиях между представителями отдельных лингвосоциумов, но и на сходстве культур, начинают ощущать себя гражданами одного мира, имеющими общие ценности и общие интересы.

Необходимо отметить, что условия языковой среды позволяют сделать обучение более динамичным, более интенсивным, ибо, усваивая русский язык и русскую культуру в учебном процессе, иностранный стажер получает возможность реализовать и проверить полученные в процессе обучения знания, навыки и умения в реальной действительности.

Гальскова Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе, 2004, № 1. С. 3–8.

Теремова Р. М. Российская ментальность и проблема ее инокультурного восприятия // Философский век. Альманах. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2. С-Пб., 2006. С. 11–15.

Теремова Р. М., *Гаврилова В. Л.* Актуальный разговор: чем живет человек. СПб., 2005.

Теремова Р. М., Гаврилова В. Л. Мы учимся в Герценовском университете. СПб., 2009.

Хронологический список научных трудов доктора филологических наук, профессора Валентины Даниловны Черняк

1968

1. Синонимия глаголов по данным «Краткого словаря синонимов русского языка» В. Н. Клюевой / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Межвузовская студенческая научная конференция по лингвистике : крат. содерж. докл. — Л., 1968. — С. 9–11.

1969

2. Значение слова и синонимия / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // II Межвузовская студенческая научная филологическая конференция : крат. содерж. докл. — Л., 1969. — С. 9–11.

1970

3. К анализу синонимических рядов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // III Межвузовская студенческая научная филологическая конференция (24–27 марта 1970 г.) : крат. содерж. докл. — Л., 1970. — С. 24–25.

4. О применении компонентного анализа в исследовании синонимов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // XXIII Герценовские чтения : Филологические науки. — Л., 1970. — С. 201–203.

1971

5. К вопросу о структурно-семантических связях глагольных синонимов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // IV Межвузовская студенческая научная филологическая конференция (24–27 марта 1971 г.) : прогр. и крат. содерж. докл. — Л., 1971. — С. 10–12.

6. К вопросу о типах глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // XXIV Герценовские чтения : Филологические науки, Лингвистика : крат. содерж. докл. — Л., 1971. — С. 25–27.

1972

7. К характеристике глагольной синонимии / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Принципы и методы лексико-грамматических исследований : крат. содерж. докл. I межкаф. семинара аспирантов-языковедов (24–26 января 1972 г.). — Л., 1972. — Ч. 2. — С. 99–104.

8. О некоторых типах глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // XXV Герценовские чтения : Филологические науки, Лингвистика : крат. содерж. докл., 30 апреля – 20 мая 1972 г. — Л., 1972. — С. 54–56.

9. К вопросу о структурно-семантической соотносительности глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Слово в лексико-семантической системе языка : прогр. и крат. содерж. докл. XIV науч.-метод. конф. преподавателей кафедры рус. яз., 29–31 января 1973 г. — Л., 1972. — С. 141–143.

1973

10. Лексические синонимы в русском языке : лекция / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1973. — 24 с.

11. К вопросу о деривационных синонимических рядах глаголов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена// XXVI Герценовские чтения : Филологические науки, Лингвистика : крат. содерж. докл. — Л., 1973. — С. 27–31.

1975

12. К методике анализа синонимов / В. Д. Черняк ; Арханг. гос. пед. ин-т // Вопросы теории и методики преподавания русского языка и литературы. — Архангельск, 1975. — Вып. 3. — С. 29–37.

1976

13. Значение слова и синонимическое гнездо / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Языковые значения : сб. науч. тр. — Л., 1976. — С. 35–41.

1977

14. О некоторых лексических трудностях в речи иностранцев / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Лингвистические

основы преподавания русского языка на продвинутом этапе : сб. науч. тр. — Л., 1977. — С. 115–121.

15. Синонимические связи глаголов (в аспекте типологии синонимических рядов) / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Слово как предмет изучения : сб. науч. тр. — Л., 1977. — С. 44–52.

1978

16. Программа курсов усовершенствования знаний по русскому языку и литературе для учителей из НРБ / [...] В. Д. Черняк [и др.] ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1978. — [1 п. л.].

17. Учебные задания по русскому языку для студентов I курса пединститутов ВНР (краткосрочная стажировка) / Л. А. Вольская, К. А. Дмитриева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1978. — Ч. I. — 74 с.

18. Учебные задания по русскому языку для студентов I курса пединститутов ВНР (краткосрочная стажировка) / Л. А. Вольская, К. А. Дмитриева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1978. — Ч. II. — 66 с.

1979

19. Живое слово : учебные задания по русскому языку для преподавателей из НРБ / Т. Г. Аркадьева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1979. — [3, 75 п. л.].

1980

20. Учимся, разговаривая : учебные задания по русскому языку для учителей из ВНР / Л. А. Вольская, К. А. Дмитриева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1980. — 85 с.

1981

21. Общее значение ряда в типологической характеристике глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Глагол в лексической системе современного русского языка : межвуз. сб. науч. тр. — Л., 1981. — С. 74–80.

22. Принципы построения пособий для слушателей из ВНР / В. Д. Черняк ; Владимир. гос. пед. ин-т // Вопросы совершенствования подготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка в СССР. — Владимир, 1981. — [0, 2 п. л.].

23. Методические рекомендации по использованию технических средств обучения в преподавании русского языка как иностранного / [...] В. Д. Черняк [и др.] ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1981. — [3 п. л.].

24. Работа над словом в группах высокой языковой подготовки / Т. Г. Аркадьева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Теория и практика преподавания русского языка иностранцам : сб. науч. тр. — Л., 1981. — С. 12–31.

1982

25. Организация работы в группах среднего уровня владения языком / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Пути повышения эффективности обучения иностранцев лексике русского языка. — Л., 1982. — С. 4–16.

26. На уроке – анализ текста : материалы и задания для занятий по практической стилистике и лексике / Т. Г. Аркадьева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1982 — 56 с.

1983

27. Синонимические ряды и лексико-семантическая группа (к вопросу о специфике глагольной синонимии) / В. Д. Черняк ; Вологод. гос. пед. ин-т // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии : сб. науч. тр. — Вологда, 1983. — С. 29–37.

1984

28. Синонимические пары как тип синонимических рядов глаголов / Т. Г. Аркадьева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Лексико-семантические связи слов в русском языке : межвуз сб. науч. тр. — Л., 1984. — С. 145–160.

29. Учебные задания по развитию речи для краткосрочных курсов русского языка / Л. А. Вольская, А. М. Родимкина, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1984. — [3, 5 п. л.].

30. Учебные задания по практической грамматике для краткосрочных курсов русского языка / Л. А. Вольская, А. М. Родимкина, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1984. — [2, 75 п. л.].

31. Лингвострановедческий аспект изучения новой лексики / А. М. Родимкина, В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — Л.,

1984. — Деп. в ЦНИОН Акад. Наук СССР 20.04.1984, № 16343. — С. 20–26.

1985

32. Глагольные синонимы с компонентом каузации : межвуз. сб. науч. тр. / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Проблемы лексико-синтаксической координации. — Л., 1985. — С. 133–140.

33. Семантически сближенная глагольная лексика в лексической системе диалекта (на материале Словаря брянских говоров) / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Брянские говоры : Диалектное слово и аспекты его изучения. — Л., 1985. — С. 39–45.

34. Новая лексика в лингвострановедческом аспекте / А. М. Родимкина, В. Д. Черняк ; Волгоград. гос. пед. ин-т // Страноведение и лингвострановедение в подготовке учителя-русиста зарубежной школы : сб. науч. тр. — Волгоград, 1985. — С. 8–17.

1986

35. Учебный синонимический словарь как источник информации об отношениях в лексической системе / В. Д. Черняк // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии : Актуальные проблемы подготовки и издания словарей : тез. докл. всесоюз. конф. — М. : Русский язык, 1986. — С. 199–200.

36. Лингвистический и страноведческий аспекты изучения новой лексики русского языка / А. М. Родимкина, В. Д. Черняк // Материалы научной конференции «Русский язык как средство международного общения». — Варшава, 1986. — С.152–169.

37. [*Рец.*:] А. Я. Скшидло. Синонимия в диалогической речи. Изд-во Иркутского ун-та, 1987 / В. Д. Черняк // Научные доклады высшей школы : Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 91–92.

38. Лексико-семантические связи в брянских говорах / В. Д. Черняк // Лексический состав брянских говоров : отчет о НИР (промежуточ.) / ВНТИЦентр ; рук. В. А. Козырев. — М., 1986. — № ГР 01.84.0.035498. — Инв. № 0286. 0087272. — С. 23–33.

1987

39. Синонимы в системном и текстовом аспекте : материалы к спецкурсу / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1987. — 54 с.

40. Активные процессы в лексике русского языка : метод. рекомендации и учеб. задания / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1987. — 51 с.

41. Синонимический способ толкования значений / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. — Л., 1987. — С. 32–39.

42. Отражение системных связей лексических единиц в детской речи : межвуз. сб. науч. тр. / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Детская речь как предмет лингвистического изучения. — Л., 1987. — С. 76–83.

43. Типы глагольных синонимических рядов (аспекты изучения) / В. Д. Черняк // Типы языковых парадигм : тез. докл. и сообщ. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. — Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987. — С. 50–51.

44. Семантические сближения лексических единиц в детской речи / В. Д. Черняк // Психолингвистические основы речевого онтогенеза при усвоении родного и иностранного языков : тез. докл. совещания. — М., 1987. — С. 44–45.

45. Методическая разработка к практическим занятиям по истории русского литературного языка / Л. А. Балясникова, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1987. — 32 с.

46. Активные процессы в лексике русского языка : методические рекомендации и учебные задания для учащихся-иностранцев / А. М. Родимкина, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А.И. Герцена. — Л., 1987. — 81 с.

1988

47. Синонимы в перспективе художественного текста / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Семантические и эстетические модификации слов в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Л., 1988. — С. 40–48.

48. Типы глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк // Теория языка и словари : материалы всесоюз. конф. — Кишинев, 1988. — С. 80–84.

49. Словарь брянских говоров : вып. 5 : Д–Ж / […] В. Д. Черняк [и др.] ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1988. — 78 с.

50. Методическая разработка и учебные задания по лексике / Т. Г. Аркадьева, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1988. — 52 с.

51. Современный русский язык : Лексика и фразеология : метод. рекомендации к самостоятельной работе студентов / Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1988. — 54 с.

52. Обогащение словарного запаса учащихся-иностранцев новой лексикой / А. М. Родимкина, В. Д. Черняк // Содержание обучения лексике и способы ее семантизации : тез. докл. и сообщ. республ. науч.-метод. конф. — Минск, 1988. — С. 73–75.

1989

53. Проблемы синонимии и лексико-грамматическая классификация слов : уч. пособие к спецкурсу / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1989. — 80 с.

54. Каузативные глаголы и их лексикосистемные связи / В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена // Диалектное слово в лексикосистемном аспекте. — Л., 1989. — С. 24–35.

55. Активные процессы в русской лексике и динамика синонимических рядов (лингвометодический аспект) / В. Д. Черняк // Язык специальности на занятиях по русскому языку как иностранному : межвуз. сб. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. — С. 3–9.

56. Текстовая обусловленность отбора синонимических средств в рассказах В. Шукшина / В. Д. Черняк // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество : тез. докл. всесоюз. науч.-практ. конф. — Барнаул, 1989. — С. 142–143.

57. Активные процессы в русской лексике и динамика синонимических рядов (лингвометодический аспект) / В. Д. Черняк // Язык специальности на занятиях по русскому языку как иностранному : межвуз. сб. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. — С. 3–9.

58. Типы синонимических рядов и проблема обогащения словарного запаса учащихся-иностранцев / В. Д. Черняк // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. — Харьков, 1989. — Вып. 3, ч. 1. — С. 70–71.

59. Слово в системе словарей русского языка : учеб. пособие к спецкурсу / В. А. Козырев, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1989. — 106 с.

1990

60. Текстовые проекции глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк // Проблемы исследования слова в художественном тексте / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1990. — С. 27–38.

61. Синонимические парадигмы в формировании содержательной структуры текста / В. Д. Черняк // Художественный текст: проблемы изучения : тез. выступлений на совещании / Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР ; Пензен. гос. пед. ин-т. — М., 1990. — С. 35–36.

62. Отражение системных связей синонимов в толковом словаре / В. Д. Черняк // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка : тез. докл., 20–22 ноября 1990 г. / Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания. — Л., 1990. — С. 115–116.

63. Синонимические парадигмы в текстах разных функциональных стилей / В. Д. Черняк // Статус стилистики в современном языкознании : тез. докл. конф. / Перм. гос. ун-т. — Пермь, 1990. — С. 185–186.

64. Синонимия и лексико-грамматические классы слов / В. Д. Черняк // Глагол в системе языка и речевой деятельности : материалы науч. лингв. конф. / Урал. гос. ун-т. — Свердловск, 1990. — С. 80–82.

65. Методические рекомендации к самостоятельной работе студентов заочного отделения факультета русского языка и литературы по современному русскому языку : Лексика и фразеология / Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк, Н. Л. Шубина ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1990. — 30 с.

1991

66. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность / В. Д. Черняк // Лексическая семантика : сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ин-т. — Свердловск, 1991. — С. 40–48.

67. Синонимические ряды в текстовой перспективе / В. Д. Черняк // Małу formy w literatrze rosyiskiej. Slowo v teksćie rosyiskim : Yęzykoznawstwo. — Olsztyn, 1991. — С. 5–14.

68. Лексическая синонимия русского языка: системный и текстовый аспекты изучения / В. Д. Черняк // Nemzetkös szlavisztikai napok, IV. — Szombathely, 1991. — С. 303–309.

69. Синонимия в контексте актуальных проблем лексикологии / В. Д. Черняк // Тезисы докладов научно-методической

конференции «Актуальные проблемы лексикологии» / Даугавпилс. гос. пед. ин-т. — Даугавпилс, 1991. — С.75–76.

70. Лексическая структура текста и синонимия / В. Д. Черняк // Изучение творческого наследия проф. Г. О. Винокура : тез. докл. региональной науч. конф. — Киев, 1991. — С. 148–149.

71. Синонимические связи слов и глагольная семантика / В. Д. Черняк // Лингвистическая семантика и прагматика : материалы V науч. конф. по проблемам семантических исследований / Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР ; Харьков. гос. пед. ин-т. — М. ; Харьков, 1991. — С. 80–81.

72. Ядерно-периферийные отношения в лексике и проблемы синонимии / В. Д. Черняк // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии : республ. межвуз. науч. конф. : тез. докл. / Новгород. гос. пед. ин-т им. Ярослава Мудрого. — Новгород, 1991. — Ч. II. — С. 160–161.

1992

73. Многочленные парадигмы в лексической синонимике русского языка / В. Д. Черняк // Типы языковых парадигм / Урал. гос. ун-т. — Свердловск, 1992. — С. 35–41.

74. Реализация семантического потенциала синонимического ряда в тексте / В. Д. Черняк // Функциональная семантика слова / Урал. гос. пед. ин-т. — Свердловск, 1992. — С. 38–47.

75. Формирование представлений о системности лексики при изучении синонимии / В. Д. Черняк // Преподавание лексикологии русского языка в вузе и школе / Новосиб. гос. пед. ин-т. — Новосибирск, 1992. — С. 54–62.

1993

76. Синонимия в аспекте соотношения активного и пассивного словарного запаса / В. Д. Черняк // Studia slavica savariensia. — Szombathely, 1993. — № 1. — С. 84–90.

78. Синонимические сети в организации художественного текста / В. Д. Черняк // Традиции в контексте русской культуры : сб. ст. и материалов / Череповец. гос. пед. ин-т им. А. В. Луначарского. — Череповец, 1993. — Ч. 2. — С. 85–89.

79. Функциональные аспекты синонимии и проблемы текстового воплощения языковой личности / В. Д. Черняк // Функциональная семантика слова : сб. науч. тр. — Екатеринбург, 1993. — С. 47–54.

80. Ассоциативные связи слов в детской речи / В. Д. Черняк // Ребенок в современном мире : Мир ребенка и его язык : междунар. конф. / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1993. – Т. III. – С. 56–58.

81. Лексическая синонимия и проблема текстового воплощения языковой личности / В. Д. Черняк // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста : тез. докл. и сообщ. IV Междунар. конф. МАПРЯЛ, 12 мая 1993 г. / Волгоград. гос. ун-т. — Волгоград, 1993. — С. 50.

82. Синонимические сети в организации художественного текста / В. Д. Черняк // Художественный текст и культура : тез. докл. всерос. науч. конф. / Владимир. гос. пед. ин-т. — Владимир, 1993. — С. 165–166.

83. Методическая разработка к практическим занятиям по истории русского литературного языка / В. Д. Черняк, Л. А. Балясникова ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1993. — 35 с.

84. Речевая культура : прогр. для студентов I–II курсов факта рус. филол. и культуры / В. В. Степанова, В. Д. Черняк [и др.] ; науч. ред. В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1993. — 48 с.

1994

85. Наброски к портрету маргинальной языковой личности / В. Д. Черняк // Русский текст : Российско-американский журнал по русской филологии. — СПб., 1994. — С. 115–130.

86. Формирование синонимических сетей и некоторые закономерности воплощения языковой личности в тексте / В. Д. Черняк // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ун-т. — Новосибирск, 1994. — С. 15–23.

87. Функциональные аспекты лексической синонимии в новой лингвистической парадигме / В. Д. Черняк // Принципы функционального описания языка : тез. докл. всерос. науч. конф. / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1994. — Ч. 2. — С. 205–206.

88. Современный русский язык : сб. заданий и упражнений / […] В. Д. Черняк [и др.] ; науч. ред. В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1994. — 180 с.

89. Культурологические параметры гуманитарного образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Всероссийская конфе-

ренция «Измерения в педагогике» : материалы конф. / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1994. — Ч. 2. — С. 47.

1995

90. Маргинальная языковая личность в рассказах Мих. Зощенко 20-30-х годов / В. Д. Черняк // Литературная группа «Серапионовы братья»: истоки, поиски, традиции, международный контекст : тез. докл. — СПб., 1995. — С. 42–44.

91. Синонимические связи в лексике и языковая картина мира / В. Д. Черняк // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы : тез. докл. междунар. конф. / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 1995. — Т. 2. — С. 585–586.

92. Лексическая синонимия в реализации коммуникативных стратегий автора / В. Д. Черняк // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., 13–14 мая 1995 г. / Уральский гос. ун-т ; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. — Екатеринбург, 1995. — С. 114.

93. Динамические процессы в лексике и изменения в русской синонимике / В. Д. Черняк // Nowe tendencje w nauczaniu językow obcych : materialy międzynarodowego sympozyum. — Białystok, 1995.

94. Маргинальная языковая личность и художественный текст / В. Д. Черняк // Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н. П. Гринковой / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1995. — С.15–17.

95. Лексический уровень речевой культуры современного студента / В. Д. Черняк // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе) / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Образование, 1995. — С. 6–8.

96. Русская речевая культура : метод. рекомендации и учеб. задания для студентов I–II курсов филол. фак-та / В. Д. Черняк [и др.] ; ред. В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1995. — 123 с.

97. Надежда Павловна Гринкова (к столетию со дня рождения) / С. Г. Ильенко, В. Д. Черняк // Русский язык в школе. — 1995. — № 4. — С. 97–102.

98. Диалектные словари как инструмент формирования лингвистически компетентной языковой личности / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Языковое образование и воспитание язы-

ковой личности (в школе и в вузе) / РГПУ им. А.И.Герцена. — СПб. : Образование, 1995. — С. 17–18.

99. Словарь брянских говоров и его информативный потенциал / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы региональной лексикологии и ономастики / Вологод. гос. пед. ин-т. — Вологда : Русь, 1995. — С. 140–146.

100. Антропоцентрические аспекты русской лексикографии в новой парадигме филологического образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Язык и человек : материалы межрегион. конф. — Краснодар ; Сочи, 1995. — С. 133–134.

101. Истоки и развитие терминологии педагогической науки / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Герценовские чтения : Актуальные проблемы развития педагогической науки / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1995. — С.14–15.

1996

102. Лексический уровень речевой культуры студента и школьника / В. Д. Черняк // Вестник Северо-Западного отделения Российской академии образования : Образование и культура Северо-Запада России / СЗО РАО. — СПб., 1996. — Вып. 1. — С. 76–84.

103. Зоны выбора и зоны риска в лексиконе современной языковой личности / В. Д. Черняк // Аспекты речевой конфликтологии : сб. ст. — СПб., 1996 — С. 45–58.

104. Синтагматический параметр в изучении синонимических связей / В. Д. Черняк // Фразеологизм и слово : сб. науч. тр. / Новгород. гос. пед. ин-т им. Ярослава Мудрого. — Новгород, 1996. — С. 213–222.

105. Ассоциативно-вербальные связи периферийной лексики в тезаурусе современной языковой личности / В. Д. Черняк // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака : межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ин-т. — Новосибирск, 1996. — С. 16–26.

106. Современные аспекты изучения лексической синонимии / В. Д. Черняк // Проблемы лингвистической семантики : материалы межвуз. науч. конф. / Череповец. гос. пед. ин-т им. А. В. Луначарского. — Череповец, 1996. — С. 63–70.

107. Синонимические ряды и синонимические сети: потенции и текстовые реализации / В. Д. Черняк // Komunikacya i tekst. — Białystok, 1996. — С. 71–78.

108. Функциональные аспекты лексической синонимии / В. Д. Черняк // Лингвистический семинар : Язык как многомерное явление / РГПУ им. А. И. Герцена ; Бирский гос. пед. ун-т. — СПб. ; Бирск, 1996. — С. 93–96.

109. Лексико-семантические основания коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Проблемы языкового образования и воспитания языковой личности : материалы регион. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15–16 мая 1996 г.) / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Образование, 1996. — С. 104–107.

110. Лексическая организация художественного текста и синонимия / В. Д. Черняк // Русское художественное слово: многообразие литературоведческих и лингвометодических подходов : тез. докл. междунар. конф. / С.-Петерб. гос. ун-т ; МАПРЯЛ. — СПб., 1996. — С. 151–152.

111. Синтагматические связи слов в аспекте современной речевой культуры / В. Д. Черняк // Фразеологизм и слово в системе языка : тез. докл. и сообщ. междунар. симпозиума (Первые Жуковские чтения) / Новгород. гос. пед. ин-т им. Ярослава Мудрого. — Новгород, 1996. — С. 205–207.

112. Лексическая синонимия и фрагменты языковой картины мира / В. Д. Черняк // Язык и коммуникация: деятельность человека и построение лингвистических ценностей : материалы сочин. междунар. коллоквиума по лингвистике. — Сочи, 1996. — С. 24–26.

113. Лексическая синонимия в современной речи / В. Д. Черняк // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников : материалы всерос. науч.-метод. конф. / Воронеж. гос. пед. ун-т. — Воронеж, 1996. — Ч. 2. — С. 7–9.

114. Формирование речевой культуры специалиста образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Подготовка специалиста в области образования : Основные направления совершенствования / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Образование, 1996. — С. 77–82.

1997

115. Синонимические связи слов как примета идиолекта / В. Д. Черняк // Актуальные проблемы функциональной лексикологии / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1997. — С. 103–109.

116. Лексические особенности речевого портрета носителя просторечия / В. Д. Черняк // Russistik – Русистика. — Berlin. — 1997. — № 1–2. — С. 73–86.

117. Синонимия и лексическая организация текста / В. Д. Черняк // Художественный текст : Аспекты сверхфразовой организации. — СПб., 1997. — С. 48–56.

118. Синонимия и лексический портрет языковой личности / В. Д. Черняк // Герценовские чтения, посвященные 2000-летию Российского государственного педагогического университета : тез. докл. / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1997. — С. 32–37.

119. «Зоны риска» в лексиконе современной языковой личности / В. Д. Черняк // Актуальные проблемы русистики : тез. докл. и сообщ. междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. Э. В. Кузнецовой // Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1997. — С. 27–29.

120. Методическая разработка к практическим занятиям по курсу «Лексикология современного русского языка» : для студентов филол. фак-та / сост. К. П. Сидоренко, Е. Е. Силантьев, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1997. — 86 с.

121. Проблемы лексикологии и лексикографии в исследованиях кафедры русского языка / В. В. Степанова, В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Научно-исследовательская деятельность Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (вчера, сегодня, завтра) / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Образование, 1997. — Ч. 2. — С. 47–53. — [К 200-летию РГПУ им. А. И. Герцена].

1998

122. Формирование лексикографической компетенции на разных ступенях многоуровневого филологического образования / В. Д. Черняк // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века : сб. ст. в честь проф. Сакмары Георгиевны Ильенко / РГПУ им. А. И. Герцена ; С.-Петерб. гос. ун-т ; отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, [1998]. — С. 178–180.

123. Экспрессивность глагольных синонимов и лексическая организация текста / В. Д. Черняк // Проблемы теории и

практики изучения русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Пензен. гос. пед. ин-т. — Пенза, 1998. — Вып. 1. — С. 30–37.

124. Лексическая синонимия в организации поэтического текста / В. Д. Черняк // Текст как объект многоаспектного исследования : науч.-метод. семинар “TEXTUS” / РГПУ им. А. И. Герцена ; Ставроп. гос. пед. ун-т. — СПб. ; Ставрополь, 1998. — Вып. 3, ч. 1. — С. 4–10.

125. Глагол и имя – два полюса русской синонимики / В. Д. Черняк // Z badań nad językiem i literatura rosyiska : Uniwersytet Opolski. Zeszyty naukoweю Filologia rosyiska, 36. — Opole, 1998. — С. 39–47.

126. Лексическая компетенция и современное состояние речевой культуры / В. Д. Черняк // Языковая компетенция : Грамматика и словарь : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1998. — Ч. 1: Семантико-грамматический потенциал слова и языковая компетенция говорящих. — С. 12–19.

127. Синонимическое варьирование в современной речи / В. Д. Черняк // Русский язык в его функционировании : тез. докл. междунар. конф. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М. : Русские словари, 1998. — С. 110–112.

128. Русский язык: готовимся к поступлению в вуз / […] В. Д. Черняк [и др.]. — СПб. : Дидактика плюс, 1998. — [авт.: с. 185–194].

129. Юбилейные Герценовские чтения / М. Я. Дымарский, В. Д. Черняк // Язык и речевая деятельность / С.-Петерб. лингв. общ-во. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. — Т. 1. — С. 213–216.

130. [*Рец.*:] Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / С. Г. Ильенко, В. Д. Черняк // Язык и речевая деятельность / С.-Петерб. лингв. общ-во. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. — Т. 1. — С. 204–210.

131. Лексические приметы эпохи в неологических словарях / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века : сб. ст. в честь проф. Сакмары Георгиевны Ильенко / РГПУ им. А. И. Герцена ; С-Петерб. гос. ун-т ; отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, [1998]. — С. 198–209.

132. Лексикографическая культура как составляющая гуманитарного образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Про-

блемы и перспективы высшего гуманитарного образования в эпоху социальных реформ : науч.-метод. межвуз. конф. / С.-Петерб. гуманитарный ун-т профсоюзов. — СПб., 1998. — С. 375–376.

1999

133. Коммуникативные аспекты лексической синонимии / В. Д. Черняк // Язык. Система. Личность / Уральский гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1999. — С. 111–116.

134. Лексический уровень речевой культуры студента в контексте современной языковой ситуации / В. Д. Черняк // Слово в диахронии и синхронии : сб. науч. ст. к 80-летию проф. М. Г. Булахова / Минск. гос. пед. ун-т. — Минск, 1999. — С. 169–175.

135. Антропоцентрические аспекты изучения лексической синонимии в брянских говорах / В. Д. Черняк // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века : материалы науч. конф., посвящ. 80-летию филол. фак-та РГПУ им. А. И. Герцена и 75-летию проф. С. Г. Ильенко (С.-Петербург, 17–19 ноября 1998 г.) / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1999. — С. 141–143.

136. Лексическая синонимия и коммуникативные стратегии языковой личности / В. Д. Черняк // Valoda–1998 : Humanitaras fakultates. VIII zinatniskie lasijumi. — [Daugavpils, 1999]. — С. 5–11.

137. Речевой портрет носителя просторечия в «наивном письме» / В. Д. Черняк // Текст : Узоры ковра : науч.-метод. семинар «TEXTUS» : сб. ст. / РГПУ им. А. И. Герцена ; Ставроп. гос. пед. ун-т. — СПб. ; Ставрополь, 1999. — Вып. 4, ч. 1: Общие проблемы исследования текста. — С. 121–123.

138. [*Рец.*:] Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. Д. Черняк. — СПб., 1999 // Revue des etudes slave. — Paris, 1999. — Т. 71. — С. 797–800.

139. Русский язык и литература для школьников и абитуриентов / В. Д. Черняк [и др.] ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Образование, 1999. — 160 с. — (Трудный экзамен).

140. Диалектная лексикология и лексикография : Брянские говоры (к 90-летию проф. В. И. Чагишевой) : коллективная монография / Л. А. Балясникова, Н. И. Батожок […] В. Д. Черняк [и др.]. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. — 214 с .

141. Словарь – зеркало меняющегося мира / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века : материалы науч. конф., посвящ. 80-летию филол. фак-та РГПУ им. А. И. Герцена и 75-летию проф. С. Г. Ильенко / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. . : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1999. — С. 58–61.

142. Лингвистическая наука и языковое образование в педагогическом университете / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Подготовка специалиста в области образования / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1999. — Вып. 7: Научно-исследовательская деятельность в совершенствовании профессиональной подготовки. — С. 120–127.

2000

143. Испорченный телефон, или Штрихи к речевому портрету русскоязычных американцев / В. Д. Черняк // Санкт-Петербургский университет. — 1999. — № 26 (15 декабря). — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. — С. 37–38.

144. «Слова, которые мы не знаем» как примета речевого портрета современной языковой личности / В. Д. Черняк // Культурно-речевая ситуация в современной России / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 2000. — С. 319–331.

145. Синонимическое варьирование в современной речи / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня : сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М. : Азбуковник, 2000. — Вып. 1. — С. 463–471.

146. Лакуны в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Активные языковые процессы конца XX века : тез. докл. междунар. конф. Четвертые Шмелевские чтения, 23–25 февраля 2000 г. — М. : Азбуковник, 2000. — С.173–175.

147. Агнонимы в речевом портрете современной языковой личности / В. Д. Черняк // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий : тез. докл. всерос. науч.-метод. конф. — Екатеринбург, 2000. — С. 187–189.

148. Семантика частей речи и ресурсы русской синонимики / В. Д. Черняк // Язык. Функции. Жизнь : сб. ст. в честь проф. Александра Владимировича Бондарко / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 2000. — С.173–179.

149. Словари, помогающие создавать и проверять текст / В. Д. Черняк // Искусство написания сочинения / И. И. Коган, Н. В. Козловская, И. В. Митюшина, Е. В. Сергеева, М. А. Черняк, В. Д. Черняк. — СПб. : ЧеРО-на-Неве, 2000. — С. 301–318. — (Трудный экзамен).

150. Вселенная в алфавитном порядке : Очерки о словарях русского языка / В. А. Козырев, В. Д. Черняк ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — СПб. : Образование, 2000. — 358 с.

151. Современная лексикография в образовательном пространстве / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Актуальные проблемы русистики / Том. гос. ун-т. — Томск, 2000. — С. 173–179.

152. Лексическая компетенция в аспекте речевой культуры / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Проблемы теории и практики изучения русского языка : межвуз. сб. науч. тр. : / Пензен. гос. пед. ун-т. — Пенза, 2000. — Вып. 2. — С. 3–15.

153. Разработка теоретических основ лингвистически адекватного описания современной языковой ситуации : научный отчет / В. А. Козырев, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк, Н. Л. Шубина ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 2000. — Деп. в ВНТИЦ. — Инв. № 02.200.108323.2000. — [22 п. л.].

2001

154. Синонимы в современном тексте : Механизмы выбора и интерпретации / В. Д. Черняк // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – текст – адресат : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2001. — С. 14–23.

155. Заимствования в русской лексике и динамика синонимических отношений / В. Д. Черняк // Проблемы лингвистической семантики : межвуз. сб. науч. тр. — Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2001. — Вып. 2. — С. 43–51.

156. Синонимия как отражение рефлексии современника над языком и действительностью / В. Д. Черняк // Русский язык на рубеже тысячелетий : материалы докл. и сообщ. всерос. конф., 26–27 октября 2000 г. / М-во образования РФ, РОПРЯЛ, С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2001. — Т. I: Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. — С. 220–230.

157. Лексическая синонимия в современной прозе: штрихи к портрету современника / В. Д. Черняк // Говорящий и слуша-

ющий : Языковая личность, текст, проблемы обучения : материалы междунар. науч.-метод. конф. / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Союз, 2001. — С. 328–336.

158. [*Рец.*:] Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. — М., 1999 / В. Д. Черняк // Принципы и методы исследования филологии конца века : науч.-метод. семинар «TEXTUS» : сб. ст. / РГПУ им. А. И. Герцена, Ставроп. гос. пед. ун-т. — СПб. ; Ставрополь, 2001. — Вып. 6. — С. 667–668.

159. Лексическая синонимия русского языка: контекст конца века / В. Д. Черняк // Принципы и методы исследования филологии конца века : науч.-метод. семинар «TEXTUS» : сб. ст. / РГПУ им. А. И. Герцена ; Ставроп. гос. пед. ун-т. — СПб. ; Ставрополь, 2001. — Вып. 6. — С. 516–519.

160. Лексическая синонимия в “Русском ассоциативном словаре” / А. Ю. Машковцева, В. Д. Черняк // Лингвистический семинар : межвуз. сб. науч. ст. / РГПУ им. А. И. Герцена ; Бирск. гос. пед. ин-т. — Вып. 3. — СПб. ; Бирск, 2001. — С. 8–17.

161. Лексическая синонимия в контексте языковых изменений рубежа веков / А. Ю. Машковцева, В. Д. Черняк // Русская историческая филология : Проблемы и перспективы : докл. всерос. науч. конф. памяти Н. А. Мещерского / Карельский гос. пед. ун-т. — Петрозаводск : Карел. гос. пед. ун-т : Периодика, 2001. — С. 129–133.

162. Метаязыковые комментарии при использовании синонимов в современной публицистике / А. Ю. Машковцева, В. Д. Черняк // Изучение и преподавание русского языка : юбилейный сб. / Волгоград. гос. ун-т. — Волгоград, 2001. — С. 131–138.

2002

163. Филологическая составляющая в лексиконе носителя языка / В. Д. Черняк // Слово. Семантика. Текст : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. — С. 96–101.

164. Среди множества словарей… / В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2002. — № 5 (13). — С. 121–124.

165. Лингвистический термин как инструмент языковой рефлексии / В. Д. Черняк // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и

творческой активности личности : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во НГТО, 2002. — С. 31–39.

166. Агнонимы в лексиконе языковой личности и речевая культура / В. Д. Черняк // Современная русистика : Проблемы, пути решения : материалы и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна, 2002. — С. 24–26.

167. Выбор слова как речевой поступок / В. Д. Черняк // Проблемы семантического анализа лексики : тез. докл. междунар. конф. / Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М., 2002. — С. 113.

168. Заглавия массовой литературы и речевой портрет современника / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Мир русского слова. — 2002. — № 1. — С. 33–38.

169. Русский язык и культура речи : учебник для высших учебных заведений / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский [...] В. Д. Черняк [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — М. : Высшая школа, 2002. — 308 с. — [То же в 2004 г.].

170. Русский язык и культура речи : материалы и задания для самостоятельной работы студентов / М. Я. Дымарский, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. — 54 с.

171. Искусство написания сочинений / И. И. Коган, Н. В. Козловская, И. В. Митюшина, В. Д. Черняк, М. А. Черняк. — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб. : САГА, 2002. — 384 с.

172. Слово, извлеченное из словаря и погруженное в жизнь / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Слово. Семантика. Текст : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. — С. 3–5.

2003

173. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня : сб. ст. / Рос. акад. наук. — М. : Азбуковник, 2003. — Вып. 2. — С. 295–304.

174. Заимствованное слово как стимул языковой рефлексии / В. Д. Черняк // Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре : материалы IV Междунар. конф. / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Янус, 2003. — С. 347–352.

175. Лексическая синонимия в современных текстах / В. Д. Черняк // Современные языковые процессы : межвуз. сб. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. — С. 121–130.

176. Примерная программа дисциплины ГСЭ.Ф.08 Русский язык и культура речи / В. Д. Черняк // Примерные программы общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин подготовки бакалавра. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — С. 66–74.

177. Лексическая синонимия русского языка: контекст конца века / В. Д. Черняк // «TEXTUS» : Избранное. 1994–2004 : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2003. — Вып. 11, ч. 1. — С. 552–556.

178. Современная лексикография в образовательном пространстве / В. Д. Черняк // Русский язык в современном образовательном пространстве : материалы докл. и сообщ. междунар. науч.-метод. конф. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна, 2003. — С. 11–14.

179. Концептуальное поле «Петербург» в современном политическом дискурсе / В. Д. Черняк // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003. — С. 164–165.

180. Стереотипы обыденного сознания в современном женском романе / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. — Вып. 6. — С. 63–79.

181. Метаморфозы классического текста: адаптация или трансформация / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Актуальные вопросы современного образования : материалы V Рос.-американской науч.-практ. конф. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — [0, 2 п.л.].

182. Картина мира современника в зеркале заглавий массовой литературы / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Художественный текст и языковая личность : материалы III Всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию кафедры современного рус. яз. и стилистики Том. гос. пед. ун-та (29–30 октября 2003 г.). — Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. — С. 150 –154.

183. Современный русский язык : Социальная и функциональная дифференциация : [коллективная монография] / А. В. Занадворова, Е. В. Какорина […] В. Д. Черняк [и др.] ; Ин-т

рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 565 с. — (Studia philologica).

184. Роль современной лексикографии в формировании лингвистически компетентной языковой личности / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русское слово в мировой культуре : X Конгресс МАПРЯЛ, С.-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. : пленарные заседания : сб. докл. : [в 2 т.]. — СПб. : Политехника, 2003. — Т. 1. — С. 373–380.

185. [*Рец.*:] Е. А. Селиванова. Когнитивная ономасиология: монография. — Киев, 2000. — 248 с. / Е. В. Сергеева, В. Д. Черняк // Язык и текст в пространстве культуры : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — СПб. ; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2003. — Вып. 9. — С. 402–404.

186. Современный русский язык : сб. заданий и упражнений : учеб. пособие для студентов вузов / [...] Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк [и др.] ; общ. ред. В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. — 275 с.

187. Исследование лексико-семантических параметров современной языковой ситуации в контексте сохранения национальной культуры : научный отчет / В. А. Козырев, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 2003. — Деп. в ВНТИЦ. — Инв. № 02.2.00.403269. 2003. — [10 п. л.].

2004

188. Концепт «Петербург» в современном политическом дискурсе / В. Д. Черняк // Лингвистика : бюллетень Урал. лингв. общ-ва. — Екатеринбург, 2004. — Т. 12. — С. 139–148.

189. Современная лексикография как зеркало социальной жизни современной России / В. Д. Черняк // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналитических материалов. — СПб. : Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — С. 131–154.

190. Речеведческое поле в зеркале словарей / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня : сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М., 2004. — Вып. 3. — С. 318–329.

191. Хронологически отмеченная периферия русской синонимики и Словарь русского языка XIX века / В. Д. Черняк // Русский язык XIX века : Проблемы изучения и лексикографического описания : материалы Первой Всерос. конф., 19–21 октя-

бря 2004 г./ Рос. акад. наук, С.-Петерб. науч. центр, Ин-т лингв. исследований ; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина — СПб. : Наука, 2004. — С. 208–216.

192. Языковая ситуация рубежа веков в зеркале современной прозы / В. Д. Черняк // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2004. — С. 203–212.

193. Филологическая составляющая в лексиконе и коммуникативном поведении личности / В. Д. Черняк // Русский язык и литература как отражение национально-культурного развития : материалы докл. и сообщ. IX Междунар. науч.-метод. конф. — СПб. : С.-Петерб. гос ун-т технологии и дизайна, 2004. — С. 5–8.

194. Стихийная лексикография в современной газете / В. Д. Черняк // Studia slavica savariensia, 1–2. In honorem Caroli Gidanii. — Szombathely, 2004. — С. 96–102.

195. Речеведческое поле в зеркале словарей / В. Д. Черняк // Проблемы русской лексикографии : тез. докл. междунар. конф. Шестые Шмелевские чтения, 24–26 февраля 2004 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М., 2004. — С. 110–112.

196. Концепт «Петербург» в юбилейном дискурсе / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность : материалы науч. конф., посвящ. 80-летию проф. С. Г. Ильенко. — СПб. : САГА, 2004. — С. 36–40.

197. Концепт «Петербург» в современном дискурсе / В. Д. Черняк // Studia slavica savariensia. — Szombathely, 2004. — № 1–2: Проблемы контрастивной семантики — С. 338–347.

198. Заимствованное слово в лексиконе современной языковой личности: проблемы выбора и интерпретации / В. Д. Черняк // Языковая игра. Онтогенез речевой деятельности. Дискурсивная презентация языковой личности : материалы междунар. конф. «Язык. Система. Личность», 14–16 апреля 2004 г. — Екатеринбург, 2004. — С. 217–226.

199. Стимулирующая роль словарей в обучении русскому языку / В. Д. Черняк // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории : материалы науч.-практ. конф. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 72–74.

200. Дисциплина «Лексическая синонимия: системоцентрические и антропоцентрические ракурсы» / В. Д. Черняк // Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования: 540301 М – Языковое образование / И. С. Куликова, В. Д. Черняк [и др.] ; общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 85–88.

201. Дисциплина «Советский новояз и языковые вкусы эпохи» / В. Д. Черняк // Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования: 540301 М – Языковое образование / И. С. Куликова, В. Д. Черняк [и др.] ; общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 89–92.

202. Дисциплина «Современная языковая ситуация и проблемы филологического образования» / В. Д. Черняк // Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования: 540301 М – Языковое образование / И. С. Куликова, В. Д. Черняк [и др.] ; общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 18–22.

203. Современный русский язык : аттестационно-педагогические измерительные материалы по дисциплинам направлений педагогического образования / В. Д. Черняк, М. Я. Дымарский, Е. Е. Силантьев, А. И. Дунев ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 2004. — 76 с.

204. Литературный римейк как феномен массовой культуры / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Humanitāro zinātnu vēstnēsis / Daugavpils Universitātes. — 2004. — № 5. — С. 52–60.

205. Конфликтность и толерантность в заглавиях текстов массовой литературы / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации : коллективная монография. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. — С. 432–444.

206. Трансформация классического текста как феномен массовой культуры / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Этика и социология текста : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — СПб. ; Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. — Вып. 10. — С.128–132.

207. Русский язык и культура речи : учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева, В. Д. Черняк ; под ред.

В. Д. Черняк. — СПб. : САГА ; М. : ФОРУМ, 2004. — 368 с. — (Профессиональное образование). — [То же в 2007 г.].

208. Культура речи : тестовые задания для абитуриентов и школьников / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, В. Д. Черняк. — СПб. : САГА : Азбука-классика, 2004. — 112 с.

209. Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева / авт.-сост. С. Г. Ильенко, В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 341 с.

210. Русская лексикография : учеб. пособие для высших учебных заведений / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — М. : Дрофа, 2004. — 286 с.

211. Развитие лексикографической компетенции студентов-филологов в педагогическом университете / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Актуальные вопросы современного университетского образования : материалы VII Рос.-американской науч.-практ. конф. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 106–108.

2005

212. Зоны риска в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Лингвистические и методические аспекты оптимизации обучения русскому языку в вузе : материалы докл. и сообщ. X Междунар. науч.-метод. конф. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2005. — С. 23–26.

213. Проблема культурной грамотности и речевой портрет современника / В. Д. Черняк // Язык образования и образование языка : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. — Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т, 2005. — С. 59–61.

214. Современная речь как объект языковой рефлексии в новейшей литературе / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию А. С. Шишкова) : материалы всерос. конф. — СПб. : САГА, 2005. — С. 17–19.

215. Языковые процессы в литературе конца столетия / В. Д. Черняк // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021700 – Филология / С. И. Тимина […] В. Д. Черняк [и др.]. — М. : Academia ; СПб. : Филол. фак-т С.-Пе-

терб. гос. ун-та, 2005. — С. 289–308. — (Высшее профессиональное образование).

216. Массовая литература и речевой портрет современника / В. Д. Черняк // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. (по материалам междунар. науч. конф.). — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. — Вып. 9. — С. 294–299.

217. Современная русская речь в зеркале новейшей литературы / В. Д. Черняк // Ogród nauk filologicznych: Księga Jubileuszowa poświęcona Prof. Stanisławowi Kochmanowi. — Opole : Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 2005. — С. 109–118.

218. Олимпиада по русскому языку среди студентов Санкт-Петербурга / В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2005. — № 1–2. — С. 101–104.

219. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки (Филология). — Вып. 3 (47). — Томск, 2005. — С. 96–100.

220. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Лингвистический и методический аспекты оптимизации обучения русскому языку в вузе : материалы докл. и сообщ. X Междунар. науч.-практ. конф. — СПб. : С-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2005. — С. 23–26.

221. Лексическая синонимия в организации поэтического текста / В. Д. Черняк // // «TEXTUS» : Избранное. 1994–2004 : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2005. — Вып. 11, ч. 1. — С.121–125.

222. Речевой портрет носителя просторечия в «наивном письме» / В. Д. Черняк // // «TEXTUS» : Избранное. 1994–2004 : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-т, 2005. — Вып. 11, ч. 1. — С.215–218.

223. Руководство для лексикографов / В. Д. Черняк // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 239–241.

224. Трансформация классического текста как феномен современной массовой культуры / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // // «TEXTUS» : Избранное. 1994–2004 : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2005. — Вып. 11, ч. 1. — С.256–260.

225. Современный русский язык : сб. заданий и упражнений : учеб. пособие для студентов вузов / Л. В. Балахонская, Л. А. Вольская [...] В. Д. Черняк [и др.] ; общ. ред. В. Д. Черняк. — Изд. 2-е, испр. — М. : Высшая школа, 2005. — 301 с.

226. Тесты по современному русскому языку / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — 104 с.

227. Экология русского слова в исследованиях герценовской диалектологической школы / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию А. С. Шишкова) : материалы всерос. конф. — СПб. : САГА, 2005. — С. 7–10.

228. Региональные словари и экология русского слова / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русский язык: история, диалекты, современность : юбилейный сб. науч. тр. — М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2005. — Вып. VI. — С. 39–49.

229. Современные словари как инструмент формирования речевой культуры / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Актуальные проблемы начального и специального образования : межвуз. сб. науч. ст. — Пенза : Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2005. — С. 29–35.

230. Концепт «немец» в творчестве В. И. Даля и этнокультурные стереотипы / Н. П. Попова, В. Д. Черняк // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование : материалы междунар. науч. конф. — Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2005. — С. 252–256.

2006

231. Спектры речевых оценок в новейшей литературе / В. Д. Черняк // Обретение смысла : сб. ст., посвящ. юбилею проф. К. А. Роговой. — СПб. : ОСИПОВ, 2006. — С. 114–122.

232. Рефлексия о языковой норме в новейшей отечественной прозе / В. Д. Черняк // Проблемы языковой нормы : тез. докл. междунар. конф. Седьмые Шмелевские чтения. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос акад. наук, 2006. — С. 147–149.

233. Серия словарей «Давайте говорить правильно!» : Актуальное пособие по культуре русской речи / В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2006. — № 1. — С. 80–88.

234. Языковая игра в новейшей русской литературе / В. Д. Черняк // Языковая игра. Детская речь : материалы всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность», Екатеринбург, 23–25 апреля 2006 г. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. — С. 199–203.

235. Магистерская программа «Языковое образование»: опыт и перспективы / В. Д. Черняк // Магистратура и Болонский процесс: вузовский эксперимент : науч.-метод. пособие для пед. работников вузов. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 128–137.

236. Рефлексия о языковой норме в новейшей отечественной прозе / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня / Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М., 2006. — Вып. 4: Проблемы языковой нормы. — С. 589–598.

237. Динамика русской лексики и синонимия / В. Д. Черняк // Язык художественной литературы : сб. ст. к 80-летию Мары Борисовны Борисовой. — Саратов : Научная книга, 2006. — С. 143–149.

238. Ортологический словарь как инструмент преодоления речевых конфликтов / В. Д. Черняк // Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики : всерос. науч. конф. : тез. докл. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2006. — С. 76–77.

239. Культура русской речи как объект лексикографического описания / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 110-летию со дня рождения Н. П. Гринковой) : материалы всерос. конф. — СПб. : САГА, 2006. — С. 17–21.

240. «Чужое слово» и «чужой голос» в новейшей отечественной литературе / В. Д. Черняк // Художественный текст : Слово. Концепт. Смысл : материалы VIII Всерос. науч. семинара (28 апреля 2006 г.). — Томск : Изд-во ЦНТИ, 2006. — С.140–144.

241. Агнонимы в лексиконе, лакуны в тезаурусе и проблемы понимания / В. Д. Черняк // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов, 26–28 сентября 2006 г. — Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2006. — С. 85–87.

242. Современное словарное представление паронимов русского языка / В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2006. — № 4. — С. 96–100.

243. Магистерская программа «Языковое образование» и проблемы языкового образования / В. Д. Черняк // Бюллетень Ученого совета РГПУ им. А. И. Герцена. — 2006. — № 4 (30). — С. 20–22.

244. Динамика русской синонимики: из прошлого в будущее / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова) : материалы всерос. науч. конф. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 38–41.

245. Синонимический ряд: векторы языковых изменений / В. Д. Черняк // Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI : материалы II Всерос. науч. конф., 17–20 октября 2006 г. — СПб. : Наука, 2006. — С. 301–308.

246. Сборник упражнений и тестовых заданий по культуре речи : уч. пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования / В. Д. Черняк, А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева ; под ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА ; М. : Форум, 2006. — 224 с. – (Профессиональное образование). – [То же в 2008 г.].

247. Заглавия массовой литературы – фрагменты картины мира современника / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Поэтика заглавия : сб. науч. тр. / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; Твер. гос. ун-т. — Москва ; Тверь : Лилия Принт, 2006. — С. 64–74.

248. Концептуализация действительности в современной массовой литературе: сферы вражды и согласия / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. — С. 346–355.

249. «Наивное литературоведение» как фрагмент лексикона современной языковой личности / В. Д. Черняк, А. В. Швец // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — № 5. — С. 79–84.

250. Учебный текст как объект восприятия и понимания: лингвистический ракурс / В. Д. Черняк, Н. Л. Шубина // Современная учебная книга : материалы науч.-практ. конф. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 77– 91.

251. Русский язык и культура речи : учебник для высших учебных заведений / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский […] В. Д. Черняк [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2006. — 496 с. — [То же в 2008, 2013 гг.].

252. Современная социокультурная ситуация : метод. рекомендации и учеб. задания для студентов I–II курсов филол. фак-та / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Козловская, Е. Е. Силантьев, В. Д. Черняк ; под ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — 87 с.

253. Русская речевая культура : учеб. словарь-справочник / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Сага : Азбука-классика, 2006. — 224 с.

254. Правильно ли мы говорим? : краткий словарь-справочник трудностей русского языка / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — 108 с.

255. Развитие языковой личности в педагогическом университете / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Бюллетень Ученого совета РГПУ им. А. И. Герцена. — 2006. — № 6. — С. 7–10.

256. Правильно ли мы говорим? : тестовые задания по культуре речи : пособие по культуре речи для работников образования и студентов пед. вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк [и др.]. — СПб : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — 64 с.

257. Биология в алфавитном порядке / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Бюллетень Ученого совета РГПУ им. А .И. Герцена. 2006. — № 10 (36). — С. 63–64. — [Рец. на кн.: В. П. Андреев, А. Г. Марков, Г. Д. Дубенская, Е. Ф. Сороколетова. Биология : Толковый словарь (с английскими эквивалентами). — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — 660 с.].

258. В. И. Чагишева – исследователь русских народных говоров / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. — Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 113–119.

259. [*Рец.*:] Н. М. Малеча. «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. — Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 225–229.

260. Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной личности / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Verbum: язык, текст, словарь : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. — С. 30–41.

261. Ортологический словарь как инструмент адаптации в языковой среде / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Проблемы адап-

тации иностранных студентов в российской социокультурной среде: учебный процесс и воспитательная работа : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 19–20 октября 2006 г. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. — С. 41–42.

262. Разработка критериев речевой культуры студентов в условиях гуманитарной образовательной среды / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб., 2006. — Деп. в ВНТИЦ. — Регистр. № 01.2.006 07161. Инвент. № 02.2.007 03656.

2007

263. Ортологические словари в системе работы по культуре речи / В. Д. Черняк // Русский язык в системе высшего образования : материалы докл. и сообщ. XII Междунар. науч.-метод. конф. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2007. — С. 169–171.

264. Лексическое воплощение агрессивности как социокультурной доминанты в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Язык. Культура. Проблемы обучения : сб. ст., посвящ. юбилею проф. Р. М. Теремовой. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — С. 19–21.

265. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 3 (41). —С. 54–59.

266. Лексикон современного студента и стратегии обучения культуре речи / В. Д. Черняк // Русский язык. Культура речи : материалы VI Всерос. семинара. СПб. : МИРС, 2007. — С. 30–41.

267. Современная языковая ситуация и речевой портрет студента / В. Д. Черняк // Русский язык в современной науке и образовании : материалы науч.-практ. конф. (Герценовские чтения–2007). — СПб. : САГА, 2007. — С. 4–7.

268. Лексикон современника как объект рефлексии в современной массовой литературе / В. Д. Черняк // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2007. — С. 92–99.

269. Языковая рефлексия в современной прозе / В. Д. Черняк // Русская литература в формировании современной языковой личности : материалы конгресса, Санкт-Петербург, 25–27 октября 2007 г. — СПб. : МИРС, 2007. — Ч. II: Современная языковая личность: проблемы и функционирование. — С. 82–88.

270. Современные ракурсы лексической синонимии / В. Д. Черняк // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставропольского отд-ния РАЛК. — Ставрополь, Изд-во ПГЛУ, 2007. — Вып. 5. — С. 109–114.

271. Системоцентрический vs. текстоцентрический подходы к синонимии: эволюция интерпретаций / В. Д. Черняк // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков : тез. докл. и сообщ. всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э. В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007 г., Екатеринбург, Россия (XVI Кузнецовские чтения). — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. — С. 71–73.

272. Ассоциативные связи и «память слова» (к вопросу о динамике лексикона современной языковой личности) / В. Д. Черняк // Язык и культура : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Л. В. Савельевой. — Петрозаводск : Изд-во Карел. гос. пед. ун-та, 2007. — С. 108–111.

273. Профессор vs. студент в зеркале ассоциативного словаря / В. Д. Черняк // Русское слово и русский текст: история и современность : сб. науч. ст., посвящ. чл.-корр. РАО, проф. Владимиру Алексеевичу Козыреву. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — С. 9–16.

274. Семантические переходы в лексической системе и синонимия / В. Д. Черняк // Типология языка и теория грамматика : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона, 27–30 ноября 2007 г. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исследований ; Петерб. лингв. об-во. — СПб. : Нестор-История, 2007. — С. 212–214.

275. Славянский мир в «Русском ассоциативном словаре» / В. Д. Черняк // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания : сб. науч. ст. в честь 70-летия проф. В. П. Проничева. — СПб. : Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. — С. 110–116.

276. Рецензии на «Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть I: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь русского языка)» // А. С. Герд, В. М. Давыдов [...] В. Д. Черняк [и др.]. — СПб. : Фак-т филологии и искусств С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. — 64 с. — [рец. В. Д. Черняк на с. 53–61].

277. Наследие ученого / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 5 (43). — С. 60–63.

278. Современная языковая ситуация: жаргонизация речи как социокультурный феномен / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 6 (44). — С. 49–53.

279. Зоны выбора и зоны риска в лексиконе современного носителя языка / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 7 (45). — С. 38–41.

280. Речевой портрет современного студента: характеристика словарного запаса / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 8 (46). — С. 50–55.

281. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура : монография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 171 с.

282. Речевой портрет современного студента: культурная грамотность / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 9 (47). — С. 21–25.

283. Ортологический словарь как инструмент преодоления коммуникативных неудач / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Мир русского слова и русское слово в мире // Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Варна, 17–23 сентября 2007 г. — Sofia : HERON PRESS, 2007. — Том. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. — С. 557–563.

284. Круг чтения и языковая способность российского студента / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 10 (48). — С. 46–51.

285. Разработка параметров лексикографической компетенции как одного из факторов обеспечения качества гуманитарной подготовки специалиста в области образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб., 2007. —Деп. в ВНТИЦ. — Регистр. № 0120.0 711436. Инвент. № 0220.0 802799.

286. Римма Михайловна Теремова: портрет на фоне юбилея / Т. О'Коннор, В. Д. Черняк [и др.] // Язык. Культура. Проблемы обучения : сб. ст., посвящ. юбилею проф. Р. М. Теремовой. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — С. 6–12.

2008

287. Современная лексикография и речевая культура / В. Д. Черняк // Записки Горного института. — Т. 175: Гуманитарные проблемы современности: язык, общество, культура. — 2008. — С. 232–233.

288. О языке СМИ и не только о нем / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 3 (53). — С.62 – 67.

289. Лакуны в лексиконе и тезаурусе как потенциальный источник комического / В. Д. Черняк // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности : материалы междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», 24–26 апреля 2008 г. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 167–171.

290. Культурная грамотность и речевая культура / В. Д. Черняк // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2008. — Вып. 8. — С. 34–41.

291. Лексические доминанты Санкт-Петербурга: к истокам петербургского текста / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность : Петербургский контекст русистики начала XXI века. — СПб. : САГА, 2008. — С. 19–26.

292. Речевая культура и культурная грамотность / В. Д. Черняк // Русский язык в современной науке и гуманитарные технологии в образовании : материалы науч.-практ. конф. (Герценовские чтения 2008 г.). — СПб. : САГА, 2008. — С. 6–8.

293. Экспликация представлений о речевом вкусе в новейшей литературе / В. Д. Черняк // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах : материалы IX Всерос. науч. семинара. — Томск : Изд-во ЦНТИ, 2008. — С. 18-Языковая личность в контексте гуманитарного знания / В. Д. Черняк // Содержание и структура современного гуманитарного образования : науч.-метод. материалы. — СПб. : Книжный дом, 2008. — С. 103-Русский язык и гуманитарное образование / В. Д. Черняк // Философско-культурологические основания и структура содержания современного гуманитарного образования : учеб. пособие. — СПб. : Книжный дом, 2008. — С. 237–249.

294. Активные процессы в русской речи начала XXI века и синонимия / В. Д. Черняк // STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA, 1–2. University of West Hungary Press, Szombathely, 2008. — С. 73–80.

295. Президент Российской Академии Е. Р. Дашкова: портрет языковой личности / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 10 (59). — С. 45-Технологии извлечения информации о социокультурном и речевом портрете современника из текстов массовой литературы / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Технологии извлечения, обработки и анализа информации : учеб.-метод. комплекс : экспериментальное учеб.-метод. пособие для пед. работников и студентов вузов, обучающихся по направлениям пед. образования / Н. Л. Шубина, Л. Н. Беляева [...] В. Д. Черняк [и др.]. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 215–222.

296. Аббревиатуры вчера и сегодня / А. И. Дунев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 9 (59). — С. 33–38.

297. Языковое образование и языковая личность / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 1 (51). — С. 30–36.

298. Гуманитарная сущность педагогического образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 12 (61). — С. 11–18.

299. Над пушкинской строкой... / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 11 (61). — С. 59–60.

300. Зона выбора и зона риска в лексиконе современной языковой личности / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Речевая конфликтология : учеб. пособие для студентов вузов / Л. В. Балахонская [...] В. Д. Черняк [и др.]. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 101–113.

301. Агнонимы как причина коммуникативных неудач / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Речевая конфликтология : учеб. пособие для студентов вузов / Л. В. Балахонская [...] В. Д. Черняк [и др.]. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 114–124.

302. Как проверить культурную грамотность : словник и тестовые задания / В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — 170 с.

303. Разработка параметров и методов определения культурной грамотности в условиях гуманитарной образовательной среды / Р. И. Воронцов, В. А. Козырев, А. Ю. Пентина,

В. Д. Черняк. — СПб., 2008. — Деп. в ВНТИЦ. — Регистр. № 0120.0 9000071.

304. Культурная грамотность в контексте актуальных проблем языкового образования / А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк // Edukacja obcojęzyczna dla przyszłośti. — Białystok : Wyd. Uniwersytet Medyczny w Białymstoku, 2008. — С. 17–24.

2009

305. Оценки современной речи в массовой литературе / В. Д. Черняк // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России : сб. науч. ст. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2009. — С. 43–50.

306. Лакуны в тезаурусе и культурная грамотность / В. Д. Черняк // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2009. — С. 92–101.

307. Е. Р. Дашкова: штрихи к речевому портрету / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии) : материалы всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2008 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2009. — С. 15–19.

308. Речевая компетенция преподавателя в профессиональном педагогическом дискурсе / В. Д. Черняк // Педагогическое образование в эпоху перемен: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике : сб. ст. по материалам науч. конф., 17–19 марта 2009 г. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — С. 194–199.

309. Русский язык и культура речи в педагогическом университете / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2009. — № 10. — С. 23–27.

310. Языковая личность и «круг чтения» / В. Д. Черняк // Речевая коммуникация в современной России : материалы I Междунар. науч. конф. (Омск, 27–29 апреля 2009 г.). — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. — С. 376–382.

311. Словари культурной грамотности: проблемы соотношения универсального и локального / В. Д. Черняк // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — Вып. 2 (24). — М. ; Магнитогорск ; Новосибирск. — С. 734–737.

312. Интертекстуальность современной прозы и тезаурус языковой личности / В. Д. Черняк // Теоретические и приклад-

ные проблемы лингвокультурологии. — Тула : Тульский полиграфист, 2009. — С. 123–131.

313. Словообразовательные связи и синонимия / В. Д. Черняк // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы междунар. науч. конф. — Кемерово : ИНТ, 2009. — 348 с. — Вып. 3. — С. 139–143.

314. Агнонимы в лексиконе языковой личности и метаязыковая деятельность носителя языка / В. Д. Черняк // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : [коллективная монография]. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. — Ч. II. — С.139–156.

315. Глагол и имя: капризы лексического выбора в современной речи / В. Д. Черняк // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы : сб. материалов всерос. науч. конф. / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов ; Тамб. обл. филол. об-во. — Тамбов : Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2009. — С. 32–40.

316. Интертекстуальное эхо в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах / Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. — Ставрополь, 2009. — Вып. 8. — С. 271–278.

317. Проблема иноязычных заимствований в современной ортологии / В. Д. Черняк // IV Всерос. фестиваль «Русское слово» : сб. докл. — СПб., 2009. — С. 126–139.

318. Проблема иноязычных заимствований в современной ортологии [Электронный ресурс] / В. Д. Черняк // IV Всерос. фестиваль «Русское слово» : сб. докл. [Электронный ресурс]. — СПб., 2009. — С. 65–76. — Режим доступа: http://www.rslovo.ru/IMG/file/4frrrs-content.pdf .

319. Стереотипы массового сознания и культурная грамотность / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. — Вып. 13. — С. 89–96.

320. Базовые понятия массовой литературы : учеб. словарь-справочник / В. Д. Черняк, М. А. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — 167 с.

321. Русский язык и культура речи : учебник для высших учебных заведений / А. И. Дунев, М. Я. Дымарский […] В. Д. Чер-

няк [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк — 3-е изд., стер.. — М. : Высшая школа, 2009. — 496 с. — (Учебник для вузов).

322. Современная языковая ситуация и речевая культура : Лингвистические аспекты гуманитарных технологий : учеб. пособие / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — 147 с.

323. Культурная грамотность современного студента / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Педагогическое образование в эпоху перемен: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике (Опыт Герценовского университета). — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — С.131–136. — [Книжное приложение к журналу «Вестник Герценовского университета»].

324. Гуманитаризация педагогического образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Педагогическое образование в эпоху перемен: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике (Опыт Герценовского университета). — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — С.174–182. — [Книжное приложение к журналу «Вестник Герценовского университета»].

325. Языковое образование в педагогическом университете / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Педагогическое образование в эпоху перемен: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике (Опыт Герценовского университета).— СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — С. 206–213. — [Книжное приложение к журналу «Вестник Герценовского университета»].

326. Медаль Пушкина к юбилею ученого / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2009. — № 2. — С. 104–105.

327. Правильно ли мы говорим? : краткий словарь-справочник трудностей русского языка и тестовые задания по культуре речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — 2-е изд., доп. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — 171 с.

328. Научное наследие / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2009. — № 9. — С. 38–41.

329. «Шумим, братцы, шумим»: о министерском приказе, нормативных словарях и речевой практике / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2009. — № 10. — С. 48–54.

330. Надежда в словарях / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Языковая картина мира. Лексика. Текст : сб. науч. ст., посвящ. юбилею проф. Н. Е. Сулименко / ред. кол.: Л. А. Пиотровская, В. Д. Черняк. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — С. 4–8.

331. Исследование социолингвистических аспектов круга чтения молодежи в контексте языкового образования / В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк. — СПб., 2009. — Деп. в ВНТИЦ. — Регистр. № 02200901026.

332. Социолингвистический эксперимент как инструмент объективации языкового сознания / Н. П. Попова, В. Д. Черняк // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах / Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. — Ставрополь, 2009. — Вып. 7. — С. 98–105.

2010

333. Синонимия в русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / В. Д. Черняк. — М. : Изд. центр «Академия», 2010. — 125 с. — (Высшее профессиональное образование. Филология).

334. Обыденные представления о славянском мире / В. Д. Черняк // Документ как текст культуры : межвуз. сб. науч. тр. — Тула : Тульский полиграфист, 2010. — С. 34–39.

335. Нормативные словари в современном социокультурном контексте / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность : Текст словаря и контекст лексикографии : материалы всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2009 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2010. — С. 22–27.

336. Массовая литература и речевая культура / В. Д. Черняк // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе : II Всерос. науч.-метод. конф., С.-Петербург, 28–30 октября 2009 г. : сб. науч. тр. — СПб. : Горный ин-т, 2010. — С. 21–22.

337. Социокультурные запросы времени и словари / В. Д. Черняк // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности : материалы всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность : Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление», 15–17 апреля 2010 г. — Екатеринбург, 2010. — С. 16–20.

338. Массовая литература в словарном представлении / В. Д. Черняк // Русская речевая культура и текст : материалы VI

Междунар. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.). — Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2010. — С.42–46.

339. Всероссийская конференция «Слово. Словарь. Словесность» / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 2. — С. 75–77.

340. Слово и словесность в современной школе / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 12. — С. 22–26.

341. Лексические синонимы как инструмент языковой рефлексии / В. Д. Черняк // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации : сб. ст. к юбилею проф. Новеллы Александровны Кобриной / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб. : ЛЕМА, 2010. — С. 359–365.

342. Синонимия в социокультурном контексте XXI века / В. Д. Черняк // Речеведение: современное состояние и перспективы : материалы междунар. науч. конф., посвящ. юбилею М. Н. Кожиной. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. — С. 145–151.

343. Функционирование отглагольных существительных: тенденции современной речи / В. Д. Черняк // Studia Slavica Savariensia, IX. Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 2010. — С. 121–130.

344. Речевой портрет молодежи и культурная грамотность / В. Д. Черняк // IX выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи» : материалы. — Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2010. — С. 4–9.

345. Язык современной беллетристики и современная беллетристика о языке / В. Д. Черняк // IX выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи» : материалы. — Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2010. — С. 41–47.

346. Лексическая синонимия в современном социокультурном контексте [Электронный ресурс] / В. Д. Черняк // Проблемы лексической семантики : тез. докл. междунар. конф. Девятые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2010 года) [Электронный ресурс]. — М. : Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук, 2010. — С. 154–156.

347. Языковые процессы в литературе конца столетия / В. Д. Черняк // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) : учеб. пособие для студентов вузов, обучающих-

ся по специальности 021700 – Филология / С. И. Тимина [...] В. Д. Черняк [и др.] ; Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та. — 2-е изд., стер. — М. : Academia, 2010. — С. 289–308. — (Высшее профессиональное образование. Филология). — [То же в 2011 г.].

348. Русский язык и культура речи: учебник для вузов и ссузов / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева, В. Д. Черняк ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — М. : Юрайт : ИД Юрайт, 2010. — 493 с. — (Основы наук).

349. Русский язык и культура речи : сб. упражнений / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева, В. Д. Черняк ; под ред. В. Д. Черняк — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2010. — 141 с.

350. Правильно ли мы говорим? : краткий словарь-справочник трудностей русского языка и тестовые задания по культуре речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — 3-е изд. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. — 171 с.

351. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 1. — С. 36–43.

352. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Образование XXI века: модель новой школы : сб. науч.-метод. ст. / Ново-Девяткинская СОШ № 1 Всеволож. р-на Ленингр. обл. — СПб., 2010. — Вып. 4. — С. 18–27.

353. Русская речь. Работа над ошибками / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 8. — С. 41–43.

354. Русская речь. Грамматическое управление / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 10. — С. 48 –50.

355. Глагол или отглагольное существительное: капризы лексического выбора / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2010. — № 11. — С. 56–61.

356. Исследование интертекстуального тезауруса молодежи в контексте современной социокультурной ситуации / В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк. — СПб., 2010. — Рукопись депонир. во ВНТИЦ. — Регистр. № 02201155527.

357. Региональная студенческая олимпиада 2010 г. по русскому языку / О. П. Семенец, В. Д. Черняк // Сборник материалов региональных предметных олимпиад студентов выс-

ших учебных заведений Санкт-Петербурга 2010 года. — СПб., 2010. — С. 167–179.

2011

358. «Мы все учились понемногу...»: речевая культура и культурная грамотность / В. Д. Черняк // Вопросы культуры речи. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. — С. 77–81.

359. Динамические аспекты описания слова в новейших словарях / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации : материалы всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2010 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2011. — С. 33–37.

360. Конференция «Слово. Словарь. Словесность : Языковая личность ученика и учителя» / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2011. — № 1. — С. 54–56.

361. Профессор и студент глазами студентов (по материалам ассоциативного словаря) / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2011. — № 4. — С. 32–35.

362. Некоторые наблюдения над динамикой речевого портрета шестиклассника / В. Д. Черняк // Онтолингвистика – наука XXI века : материалы междунар. конф., посвящ. 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена (4–6 мая 2011 г., Санкт-Петербург). — СПб. : Златоуст, 2011. — С. 312–316.

363. Речевой жанр «оценка речи» в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2011. — Вып. 7: Жанр и языковая личность. — С. 312–319.

364. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века / В. Д. Черняк // Современная русская литература конца XX – начала XXI века : учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. — М. : Изд. центр «Академия», 2011. — С. 283–304.

365. Речевая компетенция преподавателя в педагогическом дискурсе / В. Д. Черняк // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239): Филология. Искусствоведение. Вып. 57. — С. 283–285.

366. Речевой портрет молодежи в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Записки Горного института. — 2011. — Т.

193: Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. — С. 29–32.

367. Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной личности / В. Д. Черняк // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011. — Вып. 3 (33). — М. ; Магнитогорск ; Новосибирск. — С. 598–602.

368. Некоторые наблюдения над динамикой речевого портрета шестиклассника / В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2011. — № 6 (92). — С. 40–43.

369. Славянский мир в ассоциативном тезаурусе русских / В. Д. Черняк // Studia Slavica Savariensia 1–2. Viktor Moiseenko Septuagenario, Szerk. Gadányi Károly, Szombathely, 2011. — 87–92. old.

370. Прецедентные тексты в современной массовой литературе: «Ау, мы ищем читателя!» / В. Д. Черняк // Русская литература XXI века: ориентиры и ориентации : материалы науч.-практ. семинара, 22–23 апреля 2011 г. — СПб. : Север, 2011. — С. 187–194.

371. Интертекстуальные переклички с читателем в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2011. — № 4. Том 1. — С. 85–89.

372. Кодификация норм и ортологические словари [Электронный ресурс] / В. Д. Черняк // Тезисы Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7—10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. — СПб. : Златоуст, 2011. — С. 63. — Режим доступа: http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf.

373. Русский язык и современная социокультурная ситуация : метод. рекомендации и учеб. задания / А. И. Дунев, А. В. Кузьмина, О. П. Семенец, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — 70 с.

374. Принцип поля в исследовании фрагмента действительности / О. С. Ильина, В. Д. Черняк // Проблемы интерпретационной лингвистики: поле как объект и инструмент исследования. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2011. — С.16–27.

375. Меняющийся мир в зеркале меняющихся словарей / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2011. — № 1. — С. 42–46.

376. Ортологический словарь и речевая культура / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2011. —№ 3. — С. 19–25.

377. Речевой портрет современного учителя / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русский язык: современная языковая ситуация и речевая культура : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 21–28 марта 2011 г. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — С. 11–19.

378. Нормативные словари в современном социокультурном контексте / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русский язык: современная языковая ситуация и речевая культура : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 21–28 марта 2011 г. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А .И. Герцена, 2011. — С.19–23.

379. Отглагольные существительные и современная речевая культура / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Журналистика и культура речи. — 2011. — № 1 (57). — С. 46–54.

380. Правильно ли мы говорим? : краткий словарь-справочник трудностей русского языка и тестовые задания по культуре речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — 4-е изд. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — 171 с.

381. Отглагольные существительные в современной речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // От значения к форме, от формы к значению : сб. ст. в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко / Ин-т лингв. исследований Рос. акад. наук ; С.-Петерб. гос. ун-т ; РГПУ им. А. И. Герцена. — М., 2011. — С. 304–312. — (Studia philologica).

382. Прецедентные феномены и проблема эффективной коммуникации / А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк // Русский язык: современная языковая ситуация и речевая культура : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 21–28 марта 2011 г. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — С. 58–67.

2012

383. Круг чтения и речевая культура / В. Д. Черняк // Русская словесность и вопросы нравственного воспитания студентов : материалы докл. и сообщ. XVII Междунар. науч.-метод. конф. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2012. — С. 96–100.

384. Оценка речи как речевой жанр / В. Д. Черняк // Проблемы речевого общения : тез. докл. междунар. конф. Десятые

Шмелевские чтения (24–26 февраля 2012 г.). — М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2012. — С. 190–192.

385. Лексическая синонимия: коммуникативно-прагматические основания языковой динамики / В. Д. Черняк // Документ как текст культуры. — Тула : Арт-принт, 2012. — Вып. 5. — С. 67–71.

386. Образ идеальной женщины в «Плутархе для прекрасного пола» / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность : Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова) : материалы всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2011 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2012. — С. 17–21.

387. «Плутарх для прекрасного пола» как вторичный текст / В. Д. Черняк // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе : материалы IV Всерос. науч. конф. (18–20 октября 2011 г.) / Ин-т лингв. исследований Рос. акад. наук. — СПб. : Наука, 2012. — С. 226–231.

388. Социокультурные предпосылки развития синонимии / В. Д. Черняк // Русская речевая культура и текст : материалы VII Междунар. науч. конф. (16–18 мая 2012 г.) / Том. гос. пед. ун-т. — Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2012. — С. 240–244.

389. Обман в «Годе обмана» А. Геласимова / В. Д. Черняк // Дискурс лжи и ложь как дискурс : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2012. — С. 44–48.

390. Лексические синонимы как инструмент когнитивной обработки действительности / В. Д. Черняк // Когнитивная лингвистика и языковая система : тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. памяти академика Г. Г. Гамзатова, 15–17 октября 2012 г. — Махачкала, 2012. — С. 14–15.

391. Современная беллетристика как пособие по речевой культуре / В. Д. Черняк // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы III Конгресса РОПРЯЛ, 10–13 октября 2012 года. — СПб.: МИРС, 2012. — Том 1. — С. 359–362.

392. «Риторическая тема» в «Былом и думах» / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность : Литературный язык вчера и сегодня (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена) : материалы всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 14–16 ноября 2012 г . / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2012. — С. 24–29.

393. Интерпретация советского прошлого: на пересечении жанров / В. Д. Черняк // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2012, — С. 460–464.

394. Обыденные представления о языке и речи в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Обыденное и метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : [коллективная монография] / Кемеров. гос. ун-т. — Кемерово, 2012. — Ч. IV. — С. 237–248.

395. Оценка речи в зеркале современной беллетристики / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня : X Шмелевские чтения : сб. докл. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук. — М., 2012. — Т. 5. — С. 439–448.

396. Круг чтения ребенка и проблема восприятия устаревшей лексики / В. Д. Черняк // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2012. — Вып. 10. — С. 241–248.

397. Интерпретация стереотипов советского прошлого в современной детской литературе / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. — Пермь, 2012. — Вып.16. — С.116–121.

398. Русский язык: нормы и правила современной коммуникации : учеб.-метод. материалы междунар. науч.-практ. семинара, 2–9 апреля 2012 г. / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк ; отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. — 199 с.

399. Русский язык и культура речи : учебник для бакалавров / А. И. Дунев [...] В. Д. Черняк [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — 2-е изд. — М. : Юрайт, 2012. — 495 с. — (Бакалавр).

400. Текстовые доминанты: стабильность и динамика / О. С. Ильина, В. Д. Черняк // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК. — Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. пед. ин-та, 2012. — Вып. 10. — С. 19–26.

401. Современная языковая ситуация и речевая культура : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — М. : Флинта : Наука, 2012. — 181 с.

402. Заимствованное слово в современной русской речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Северо-Западного отделения РАО. — 2012. — № 1. — С. 15– 17.

403. Заимствованное слово в восприятии молодежи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2012. — Т. 11. Вып. 9: Филология. — С. 78–82.

404. Культура русской речи как объект лексикографического описания в учебном словаре / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Метаязык науки : материалы междунар. науч конф. — Сыктывкар : Сыктывкар. гос. ун-т, 2012. — С. 443–450.

405. Русский язык для переводчиков : учеб. пособие / И. А. Мартьянова, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. — 247 с.

406. Лексико-семантическая и лингвокультурная мотивация языковой рефлексии ребенка / А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк // Проблемы онтолингвистики–2012 : междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева, С.-Петербург, 24–26 апреля 2012 г. — СПб., 2012. — С. 473–477.

407. Романы с языком: на перекрестке жанров / В. Д. Черняк // Жанры речи : сб. науч. ст. памяти К. Ф. Седова. — Вып. 8. — Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. — С. 282–288.

2013

408. Лингвистический термин как инструмент когнитивной обработки действительности / В. Д. Черняк // Когнитивные исследования языка. — Тамбов : Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2013. — Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы : сб. науч. тр. — С. 843–852.

409. Словарь и словарная форма как стимул познавательной деятельности студентов / В. Д. Черняк // Русский язык и русская литература в XXI веке: развитие, изучение, обучение : материалы докл. и сообщ. XVIII Междунар. науч.-метод. конф. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т технологии и дизайна, 2013. — С. 67–70.

410. Ресурсы лексической синонимики и динамика стилистических средств / В. Д. Черняк // Славянская стилистика. Век XXI : сб. ст. — СПб. : С.-Петерб. гос. унт, 2013. — С.137–144.

411. Лингвистическая и социокультурная мотивация динамических процессов в современной лексикографии / В. Д. Черняк // Проблемы интерпретационной лингвистики : Типы

восприятия и их языковое воплощение : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2013. — С. 268–273.

412. Текст воспоминаний как инструмент для реконструкции языковой личности : наброски к речевому портрету Е. Р. Дашковой / В. Д. Черняк // Studia Slavica Savariensia, 1–2. In honorem Gadányi Károly, Szombathely, 2013. — 153–159. old.

413. Антропоцентризм современной лексикографии : традиции, приобретения и противоречия / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность : Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко) : материалы всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г . / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2013. — С. 402–408.

414. Стратификация языка в зеркале словарей / В. Д. Черняк // Стратификация национального языка в современном российском обществе : тез. междунар. конф., Санкт-Петербург, 30 октября – 2 ноября 2013 г. — СПб. : Златоуст, 2013. — С.172 –177.

415. Языковая рефлексия в современной прозе: политический контекст / В. Д. Черняк // Политическая коммуникация : материалы междунар. науч. конф., 24–26 сентября 2013 года — Екатеринбург, 2013. — С. 362–368.

416. Ресурсы лексической синонимики и динамика стилистических средств / В. Д. Черняк // Стилистика как речеведение : сб. науч. тр. славянских стилистов, посвящ. памяти проф. М. Н. Кожиной. — М. : Флинта, 2013. — С. 120–127.

417. Круг чтения ребенка и проблема агнонимии / В. Д. Черняк // Язык как функционирующая система : докл. междунар. заочной науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения проф. А. Н. Гвоздева (Самара, 21 сентября 2012 г.) / Поволжская гос. социально-гуманитарная академия. — Самара, 2013. — С.192–198.

418. Современная музыка в спектре ассоциаций языковой личности / В. Д. Черняк // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. — 2013. — Вып. 4. — С. 110–115.

419. Семантическое поле «студент» в зеркале беллетристики / В. Д. Черняк, О. С. Ильина // Язык. Текст. Дискурс. — 2013. — № 11. — С. 170–177.

420. Правильность и эффективность русской речи : словарные материалы для преподавателей русского языка (к международному семинару «Русский язык: Современная языковая ситуация и речевая культура») / В. Д. Черняк, В. А. Козырев, В. А. Ефремов, А. И. Дунев, А. Ю. Пентина, К. П. Сидоренко ; отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. — 191 с.

421. Речевой жанр «напоминание» в современной массовой литературе / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Жанры речи. — 2013. — № 1–2. — С. 133–138.

422. Традиционная встреча русистов / А. И. Дунев, В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2013. — № 2. — С. 18.

423. Риторика : учебник для бакалавров / / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, И. А. Мартьянова, Е. В. Сергеева, В. Д. Черняк ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — М. : Юрайт, 2013. — 430 с. — (Бакалавр. Базовый курс).

424. Русский язык и культура речи : практикум, словарь : учеб.-практ. пособие для бакалавров / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — М. : Юрайт, 2013. — 525 с.

425. Словари в меняющемся мире / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Язык в меняющемся мире : межвуз. сб. ст. — Киров : Изд-во Вят. гос. ун-та, 2013. — С. 44–49.

426. Ортологические словари в лексикографической парадигме начала XXI века / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Лексикография. Язык. Речь : сб. ст. памяти Анны Липовской. — София : Университетское изд-во им. Св. Климента Охридского, 2013. — С. 95–104.

427. Словари как объект и инструмент языковой рефлексии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292): Филология. Искусствоведение. — С. 63–65.

428. Формирование речевой культуры специалиста образования / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Непрерывное педагогическое образование в современном мире: от исследовательского поиска к продуктивным решениям (к 20-летию НИИ НПО РГПУ им. А.И. Герцена) : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 3–4 октября 2013 года. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. — Ч. 3. — С. 49–53.

429. 90-летие Сакмары Георгиевны Ильенко / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2013. — № 4. — С. 107–108.

430. Речь учителя как показатель его профессионализма / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Непрерывное педагогическое образование в современном мире: от исследовательского поиска к продуктивным решениям (к 20-летию НИИ НПО РГПУ им. А.И. Герцена) : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 3–4 октября 2013 года. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. — Ч. 1. — С. 175–182.

2014

431. Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность : Коммуникация. Текст. Синтаксис» / В. Д. Черняк // Русский язык в школе. — 2014. — № 2. — С. 87–88.

432. Качества речи в интерпретационном пространстве современной беллетристики / В. Д. Черняк // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи…» : Проблемы интерпретационной лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2014. — С. 197–203.

433. Формирование лексикографической компетенции на занятиях по стилистике / В. Д. Черняк // Петербургские чтения : тез. 53-й Междунар. науч.-практ. конф., 23–25 апреля 2014 г. — СПб. : Ин-т «Высш. шк. журналистики и масс. коммуникац.» С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. — [Электронный сборник http://jf.spbu.ru/conference/4279.html].

434. Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность : Коммуникация. Текст. Синтаксис» / В. Д. Черняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — Том 73. № 2. — С. 74–77.

435. Концептуализация мира в современной лексикографии / В. Д. Черняк // Когнитивные исследования языка. — 2014. — Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований : материалы междунар. конгресса по когнитивной лингвистике, 22–24 мая 2014 г. / Ин-т языкознания Рос. акад. наук ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. — С. 488–491.

436. Пространство современного города как текст / В. Д. Черняк // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.) / Том. гос. пед. ун-т. — Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2014. — С. 169–173.

437. Отражение динамики языковых и культурных процессов в современной лексикографии / В. Д. Черняк // Динамика языко-

вых и культурных процессов в современной России: Материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года) : в 4 т. — Т. 1. — СПб.: РОПРЯЛ, 2014. — С. 206–209.

438. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике / В. Д. Черняк // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. — 2014. — Вып. 1: Материалы всерос. конф. с междунар. участием «Язык. Система. Личность : Аспекты речетворчества», Екатеринбург, 17–19 апреля 2014 г. — С. 158–165.

439. Современная речь в зеркале прозы последних лет / В. Д. Черняк // Лингвистика. Семиотика. Метапоэтика : науч. сб. — Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказ. федерального ун-та [и др.], 2014. — Вып. 1 (14). — С. 47–52.

440. Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова / В. Д. Черняк // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2014. — № 3. — С. 30–36.

441. Теоретические проблемы синонимии и синонимическая лексикография / В. Д. Черняк // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 40-летию образования и науч. деятельности каф. совр. рус. яз. и прикладной лингвистики Урал. федерального ун-та, 23–24 октября 2014 г. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. — С. 69–71.

442. [*Рец.*:] Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. — Вып. 11. — Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2013 / В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2014. — № 1. — С. 107–109.

443. Культура речи : практикум : учеб. пособие / В. Д. Черняк, Т. В. Губернская, А. В. Кузьмина, А. Ю. Пентина, А. М. Четырина ; под ред. В.Д. Черняк. — М. : КНОРУС, 2014. — 280 с.— (Бакалавриат).

444. Русский язык и культура речи: учебник для бакалавров / В. Д. Черняк, А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева; под общ. ред. В. Д. Черняк. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 505 с. — (Бакалавр. Базовый курс). — [То же в 2015 г.].

445. Интерпретация современной действительности в польском фильме и российском ремейке / В. Д. Черняк, П. Пелех // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1 (47). — С. 40–43.

446. Поддержка и разрушение стереотипных представлений о языке в современной беллетристике / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2014. — Вып. 18. — С. 55–64.

447. Русский язык и культура речи : практикум, словарь : учебно-практическое пособие для академического бакалавриата / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева, К. П. Сидоренко, В. Д. Черняк ; под ред. проф. В. Д. Черняк. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 525 с. — [То же в 2015 г.].

448. Русские словари от А до Я / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2014. — 180 с.

449. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший : монография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. — 571 с. — (Герценовская антология).

450. Современная русская лексикография: традиции и новации / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения акад. А. А. Шахматова / Ин-т лингв. исслед. Рос. акад. наук. — СПб. : Нестор–История, 2014. — С.144–145.

451. Современные ориентации отечественной лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы лексикографии. — 2014. — № 1 (5). — С. 5–15.

452. Русская история и культура в именах и названиях : словарные материалы / В. А. Козырев, А. Ю. Пентина, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. — 74 с.

453. Развитие синонимических отношений в толковых словарях (на материале слов «петрушка» – «шут») / М. Ю. Попытаева, В. Д. Черняк // Проблемы формирования лингвокультурной компетенции : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2014. — С. 60–63. — (Герценовские чтения–2014).

454. Сниженная лексика как стилеобразующий элемент современной русской поэзии / Е. С. Редкина, В. Д. Черняк // Проблемы формирования лингвокультурной компетенции : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2014. — С. 63 –66. — (Герценовские чтения–2014).

455. Поле «Античность» в современном политическом дискурсе / Н. А. Румянцева, В. Д. Черняк // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 201–205.

456. Языковые нормы и современная языковая ситуация : учеб. пособие к междунар. науч.-практ. семинару «Русский язык: современная языковая ситуация и речевая культура» / сост. А. И. Дунев, В. А. Ефремов, В. Д. Черняк ; отв. ред. В. Д. Черняк.— СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. — 104 с.

2015

457. Образ словаря, словарная форма и жанр словаря в современной коммуникации / В. Д. Черняк // Речевые жанры современного общения : тез. докл. междунар. конф. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015 г.). — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук, 2015. — С. 155–157.

458. Лексема «институтка»: динамика культурных смыслов / В. Д. Черняк // Слово. Словарь. Словесность **:** Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К. Д. Ушинского) : материалы всерос. науч. конф., Санкт–Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 12–13 ноября 2014 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2015. — С. 29–33.

459. Тексты новейшей литературы как ориентир в формировании речевой культуры / В. Д. Черняк // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. — Ереван : Изд-во РАУ, 2015. — С.219–223.

460. Концепт ‘национализм’ и динамика его словарной интерпретации / В. Д. Черняк // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры : сб. докл. II Междунар. науч. конф. (17–20 июня 2015 г.). — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2015. — С. 198–203.

461. «Слово. Словарь. Словесность: русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве» (к 190-летию со дня рождения К. Д. Ушинского) / В. Д. Черняк // Мир русского слова. — 2015. — № 1. — С.101–103.

462. Русский язык и культура речи : практикум, словарь : учебно-практическое пособие : [для студентов учреждений среднего профессионального образования] / под общ. ред. В. Д. Черняк ; В. Д. Черняк, А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеева, К. П. Сидоренко. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Юрайт, 2015. — 526 с. — (Профессиональное образование).

463. Лингвофутурологический роман Алексея Слаповского / В. Д. Черняк, Е. А. Максименко // Проблемы формирования

лингвокультурной компетенции : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2015. — Вып. 2. — С. 50–56. — (Герценовские чтения–2015).

464. Интертекстуальные игры В. Пелевина / В. Д. Черняк, А. И. Метелева // Проблемы формирования лингвокультурной компетенции : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2015. — Вып. 2. — С. 63–70. —(Герценовские чтения–2015).

465. Золушка и Баба-Яга в толковом словаре / В. Д. Черняк, Е. П. Носова // Проблемы формирования лингвокультурной компетенции : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2015. — Вып. 2. — С. 73–75. —(Герценовские чтения–2015).

466. Прецедентные феномены античной культуры в современной русской поэзии словаре / В. Д. Черняк, Е. С. Редькина // Проблемы формирования лингвокультурной компетенции : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. — СПб. : САГА, 2015. — Вып. 2. — С. 92–99. — (Герценовские чтения–2015).

467. Массовая литература в понятиях и терминах : учебный словарь-справочник для высших учебных заведений, ведущих подготовку по направлению 44.03.01/44.04.01 «Педагогическое образование» / В. Д. Черняк, М. А. Черняк. — М. : Флинта : Наука, 2015. — 191 с.

468. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший : монография. — 2-е изд., испр. и доп. / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. — 631 с. — (Герценовская антология).

469. Синонимическая лексикография: традиции и тенденции развития / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2015. — № 1 (62). — С. 32–38.

470. Учебные словари в современном лексикографическом пространстве / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические, дидактические, ценностные аспекты : материалы междунар. науч. конф. — СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2015. — С. 112–114.

471. Фактор новизны как стимул развития лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : тез. междунар. науч. конф. / Ин-т лингв. исслед. Рос. акад. наук. — СПб. : Нестор–История, 2015. — С. 50–52.

Доктор филологических наук, профессор Валентина Даниловна Черняк – научный руководитель и научный консультант

1995

Козловская Наталья Витальевна. Лексика предметного мира в организации лексической структуры текста произведения В. Набокова «Другие берега» (кандидатская диссертация).

1997

Джон Ын Джу. Лексико-семантическое поле «музыка» в современном русском языке (кандидатская диссертация).

1999

Ким Хван. Слова с восточным компонентом значения в современном русском языке (заимствования из языков Восточной и Юго-Восточной Азии) (кандидатская диссертация);

Панычева Ольга Николаевна. Закономерности лексической организации текстов о природе для детей (кандидатская диссертация);

Ефремов Валерий Анатольевич. Ассоциативно-вербальная организация цикла лирических новелл И. А. Бунина «Темные аллеи» (кандидатская диссертация).

2000

Пентина (Машковцева) Анна Юрьевна. Коммуникативно-прагматический потенциал синонимов: словарное представление и текстовые реализации (кандидатская диссертация).

2001

Пак Ын Чжон. Лексико-семантические поля речи и звучания в лексической организации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (кандидатская диссертация).

2002

Сергеева Елена Владимировна. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект (докторская диссертация);

Чурилина Любовь Николаевна. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры (докторская диссертация).

2004

Семенец Ольга Павловна. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50-90-х годов (кандидатская диссертация).

2005

Кузьмина (Швец) Алла Васильевна. Наивное литературоведение в лексиконе языковой личности (кандидатская диссертация).

2006

Прокофьева Татьяна Александровна. Концепт «кризис» в современном политическом дискурсе (кандидатская диссертация).

2007

Попова Наталья Полиефтовна. Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке (кандидатская диссертация).

2009

Ефремов Валерий Анатольевич. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «`мужчина`-`женщина`» (докторская диссертация).

2010

Дудко Елена Сергеевна. Хронологически отмеченная лексика в текстах детской литературы XX века: проблемы динамики лексикона (кандидатская диссертация).

2011

Зайковская Ирина Александровна. Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь» (кандидатская диссертация).

2012

Воронцов Роман Игоревич. Ономастическая метафора в русском литературном языке (кандидатская диссертация).

2013

Ильина Оксана Сергеевна. Ассоциативно-семантические поля «студент» и «профессор»: языковые константы и текстовая динамика (кандидатская диссертация).

2015

Румянцева Наталья Сергеевна. Семантическое поле «Античность» в лексиконе современной языковой личности (кандидатская диссертация).

Содержание

В. А. Ефремов. Слово об Учителе 4

С. Г. Ильенко. Юбилей в зеркале категории эвиденциальности (ко дню рождения В. Д. Черняк) . . . 7

В. А. Козырев. Лексикографические традиции кафедры русского языка Герценовского университета (неюбилейные заметки в связи с юбилейными событиями) 13

СЛОВО. СЛОВАРЬ. СЛОВЕСНОСТЬ

И. А. Стернин, А. В. Рудакова. Дифференциация значений синонимов экспериментальными методами . . 21

Л. А. Пиотровская. Эмоции vs чувства: научная и наивная категоризация 32

С. Н. Цейтлин. К проблеме лексических оговорок в спонтанной речи 41

В. Г. Дидковская. «Если у вас есть кошка…» 49

Е. В. Генералова. Функционирование прилагательного *петербургский* в русском языке: к вопросу о вербальном выражении стереотипа 55

Л. Н. Чурилина. Миф об *имперском сознании* россиян, или Еще раз о пользе словарей 62

Р. Л. Смулаковская. Ассоциативное поле как экспликатор содержания понятия «*война*» 67

В. В. Химик. *Майдан*: лексикографическое зеркало и новая языковая реальность 74

Е. В. Маринова. Тенденция к множественности наименований в русском языке новейшего периода: основные формы проявления 83

А. С. Кулева. Путь от иноязычных вкраплений к заимствованной лексике в зеркале поэтического языка . 90

И. С. Куликова, Д. В. Салмина. Лингвистический термин за пределами лингвистического дискурса: *синтагма* и *синтаксис* 97

А. В. Кузьмина. «Филологическая составляющая» и «наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности 103

Р. И. Воронцов. Русская ономастическая метафора в словарях разного типа 109

Н. А. Румянцева. «Античная лексика» в словарях и проблемы агнонимии (на примере мифологемы *фурия*) 116

Е. С. Головина (Дудко). Агнонимичная лексика в лексиконе современного школьника 121

А. Ю. Пентина, О. Ю. Гончарова. Еще раз о синонимах 128

Е. Е. Котцова. Метафоры и метонимии как формы концептуализации в профессиональном общении медицинских работников (на материале тематической группы «Пациенты») 133

И. Н. Смирнов. О синонимии аспектуальных вариантов 137

СЛОВО. **СЛОВАРЬ**. СЛОВЕСНОСТЬ

А. Л. Шарандин. Теория языковой формы лексемы в лексикографическом аспекте 145

И. Г. Милославский. О пометах *сов.* и *несов.* в толковых словарях русского языка 152

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская. Словари активного типа: объем лексикографической информации и способы ее представления 156

М. Н. Приемышева. Исторические словари русского языка в контексте современной лексикографической ситуации 166

Г. Н. Скляревская. К вопросу о новых идеях и новых жанрах в отечественной лексикографии: «Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь» 173

А. М. Мелерович, **В. М. Мокиенко.** О словаре «Фразеологизмы в русской поэзии» 180

Л. Л. Шестакова. Иноязычные вкрапления как предмет описания в авторских словарях 191

А. И. Дунев. Адресация и интенциональность в русских ортологических словарях 198

И. П. Матханова. Глагольные предикаты с семантикой деятельности: особенности лексикографического представления 204

Н. П. Попова. Словари для самых маленьких 211

СЛОВО. СЛОВАРЬ. **СЛОВЕСНОСТЬ**

М. А. Черняк. «Словарная работа» современного писателя, или Попытки описания литературной эпохи 217

И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. Феномен русскости: лингвоаксиологические размышления 224

О. А. Михайлова. *Достоинство* сквозь призму языка . 233

Л. Г. Самотик. Национальное самосознание и образ «чужого» в художественной литературе 239

Л. Г. Гынгазова. Языковая личность диалектоносителя: способы метафорического моделирования внутренней сферы человека 245

Е. В. Сергеева. Художественная концептология как раздел лингвистики и методологический подход к анализу художественного текста 253

Н. В. Козловская. Единые концептуальные комплексы в языке русской философии 260

И. А. Мартьянова. «Ген современности»: о синтаксической интерпретации русской прозы конца XX – начала XXI в. 265

М. Я. Дымарский. «Пьяцца Маттеи»: продолжая опыты интерпретации 269

И. В. Столярова. Неудачливый герой-манипулятор в дискурсе современной художественной прозы . . . 273

Н. А. Николина. Метаязыковые комментарии в структуре современного художественного текста . . 278

К. П. Сидоренко. Цитатный континуум или интертекстовая контаминация? (на примере выражений из басен И. А. Крылова) 285

О. П. Семенец. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»: динамика прецедентной компетенции молодежи 292

Л. В. Балахонская. Лексические средства вербализации чувственных образов в рекламных текстах 299

З. К. Тарланов. Видовые противопоставления в истории русского литературного языка XIX в. (Пушкинский период) 305

М. П. Котюрова. Слова широкой эпистемической семантики и их функции в научном тексте 312

И. Н. Левина. Изъяснительное предложение в аспекте теории знаков 321

Н. Л. Шубина. Новый речевой стандарт в аспекте научно-методических задач совершенствования языкового образования 326

Т. В. Губернская. Использование комплексных заданий по анализу текста в дистанционных курсах в системе MOODLE 332

М. Б. Хрымова. Система глагольных форм прошедшего времени в «Повести временных лет» 337

Р. М. Теремова. Межкультурная коммуникация в практике преподавания русского языка иностранным стажерам 343

Хронологический список научных трудов доктора филологических наук, профессора Валентины Даниловны Черняк 350

Доктор филологических наук, профессор Валентина Даниловна Черняк – научный руководитель и научный консультант 404

Слова и словари

Сборник научных статей,
посвященный профессору
Валентине Даниловне Черняк

ISBN 978-5-4386-0961-2

«Свое издательство»
199053 Санкт-Петербург
ул. Репина, 41
(8120 900-21-45
http://isvoe.ru
editor@isvoe.ru